

С. З. ЛАКОБА

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Историко-культурные очерки

АБИГИ

Сухум – 2022

УДК 93/94
ББК 63.3 (5Абх)
Л 19

Утверждено Ученым Советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии

Рецензент:
д.и.н. А. Ф. Авидзба

Лакоба С. З.
ИЗ ВЕКА В ВЕК: Историко-культурные очерки. –
Сухум, 2022. – 416 с.

Г/р 978-5-111-47-09022

Предлагаемые историко-культурные очерки «Из века в век» представляют собой избранные труды разных лет кандидата исторических наук, профессора С. З. Лакоба.

Книга рассчитана на всех, кому интересны история и культура Абхазии XIX–XXI вв.

© АБИГИ им. Д. И. Гулиа, 2022
© Лакоба С. З., 2022

ОТ АВТОРА

Историко-культурные очерки «Из века в век» представляют собой избранные труды, посвященные Абхазии XIX–XXI вв. Учитывая, что многие публикации разбросаны по разным изданиям, было решено собрать некоторые из них воедино и издать отдельной книгой, что облегчит задачу для будущих исследователей и читателей, которые проявят интерес к историческому прошлому нашей страны.

В отдельном разделе дана Библиография работ, охватывающая период с 1976 г. по настоящее время. В ней нашли отражение почти все публикации (за редким исключением) и некоторые выступления, представляющие определенный научный или краеведческий интерес. Вообще данная книга в большей степени обращена к нашему будущему, а не настоящему и, надеюсь, послужит неким фундаментом для грядущих интересных, творческих исследований истории и культуры Абхазии, а также российско-абхазских литературных связей.

В то же время следует отметить, что многие книги, статьи, очерки были написаны в драматичное для нашей страны время: в предвоенный (1989–1992 гг.), военный (1992–1993 гг.), блокадный (1994–1999 гг.) периоды, что не могло не отразиться на их содержании. Можно сказать, они представляют собой определенный срез общественно-политической жизни, умонастроения народа многонациональной Абхазии тех лет.

В этом отношении выделены публикации полемического характера (1989–1992 гг.) с некоторыми грузинскими историками и политиками. В тот период давались оценки происшедших бурных процессов в республике, а также прогнозы возможных событий, назывался, например, вероятный сценарий

начала войны Госсовета Грузии (14 августа 1992 г.), опубликованный в статье «Восток и Запад: между молотом и наковальней» (Республика Абхазия. 1992. 29 февраля) и в заметке «Час X» (Газ.: XXI век, июль), которая завершилась словами: «Доживем до августа...».

Со времени первых публикаций прошло почти полвека, что-то осуществилось, сбылось, а кое-что – нет. Такова вся наша жизнь. Надеюсь, предлагаемая книга не будет скучной.

Станислав Лакоба
26 июня 2022

ЧАСТЬ I

ВИКТОР СТРАЖЕВ: ПОЭТ И АРХЕОЛОГ¹

*«Не раз, под гравием, разрыхливши песок,
Я находил узорный черепок...
Под шум прибоя, в немь тысячелетий
В твоей ладье я уплывал, сонет!
И мне мерцал диоскурийский свет...
И я мечтал себя в неведомом поэте».*

В.И. Стражев
Диоскурийские сонеты

ПРИЕЗД

...3 июня 1916 года. В этот день коллежский асессор Виктор Иванович Стражев (1879–1950), удостоенный всего полгода назад за долголетнюю педагогическую работу ордена св. Станислава III степени², писал на имя попечителя Кавказского учебного округа: «Прошу Ваше превосходительство о месте штатного преподавателя русского языка в какой-либо мужской гимназии города Тифлиса или иного большого города в пределах Кавказа... Я окончил... Московский университет по словесному отделению историко-филологического факультета, с дипломом первой сте-

¹ О пребывании и деятельности В.И. Стражева в Абхазии см.: Бгажба Х.С. Этюды и исследования. Сухуми. 1974; Его же. Страницы из летописи дружбы. Тбилиси. 1983; статьи и очерки Лакоба С.З. в газете «Советская Абхазия» (1980), журнале «Литературная Грузия» (1980. № 11), литературном сборнике «Ерцаху» (1981), в книге «Крылились дни в Сухум-Кале...»: Историко-культурные очерки. Сухуми. 1988 и др.

² Центральный государственный архив Абхазии (далее ЦГАА). Ф. 18, Д. 96, Л. 11–13 и об. В октябре 1992 г. архив Абхазии был сожжен грузинскими военными, поэтому шифры даются в старой редакции.

пени, в 1902 году; был преподавателем нескольких мужских и женских, средне-учебных заведений в Москве; с конца 1910 года, выйдя в отставку, занимался исключительно трудом журнально-литературным; с 1-го января 1912 года состоял штатным преподавателем Вяземской гимназии. Я смею надеяться, что мой тринадцатилетний педагогический опыт (работа в средней школе, чтение лекций в Московском университете, мои книги для школы и детей – хрестоматии «Первоцвет», «Цветничёк», хрестоматийное пособие «Колосья»...) и мое неслучайное и невнешнее отношение к предмету моего преподавания... позволяет Вашему превосходительству взглянуть на меня, как на полезного работника в учебном деле и не отказать мне в моей просьбе»¹.

Спустя полтора месяца, 25 июля, директор Сухумского реального училища срочно телеграфировал в Тифлис попечителю: «Стражева беру благодарю. Авилов»². Через неделю Виктор Иванович прибыл пароходом в Сухум с женой и шестимесячной дочерью Ирой. Впоследствии Ирина Викторовна вспоминала: «Отец был разносторонне одаренным и широко образованным человеком... В Вязме и в Сухуме преподавал русский язык и литературу... Поэт, талантливый лектор, а в молодости даже актер. Он свободно говорил по-французски, владел греческим и латынью. Живя некоторое время в Венеции, изучил итальянский и испанский»³.

«ДЕЛО БОГЕМЫ»

Что побудило Стражева переехать в Абхазию? В одной из автобиографий он сухо отмечает, что в 1910 г. жил за границей. К

¹ ЦГАА. Ф. 18, Д. 96, Л. 10 и об.

² Там же. Л. 16.

³ Стражева Ирина Викторовна – дочь поэта, доктор технических наук, профессор МАИ, автор книги о своем муже и коллеге, дважды Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской и Государственных премий, главном конструкторе ракетно-космических систем академике М.К. Янгеле. Стражева И.В. Тюльпаны с космодрома. М. 1978. С. 120–121; Вартанян Анна, Лакоба Станислав. От Сухуми до Байконура // Советская Абхазия. 18 марта 1980.

этому времени он был уже довольно известен как писатель-символист, вхож в литературные круги. Достаточно тесные отношения были у него с поэтом, прозаиком, литературным критиком и философом Г.И. Чулковым (1879–1939), с которым они вместе учились в гимназии. Немалое влияние Стражева как гимназического учителя оказал на будущих поэтов В.В. Гофмана (1884–1911) и В.Ф. Ходасевича (1886–1939). Однако наиболее близкие дружеские отношения связывали его с известным русским писателем-эмигрантом Борисом Зайцевым (1881–1972). В своей книге мемуаров «Москва» (Париж, 1939; Мюнхен, 1960) тот поведал об одной очень интересной и поучительной истории. Русский публицист В.Л. Бурцев (1862–1942), разоблачивший многих провокаторов царской охранки (Е. Азефа, Р. Малиновского и др.), в 1910 г. раскрыл в литературной богеме Москвы провокацию: ее душой была полуполька Ольга Федоровна Путята. Она оговорила Бурцеву из ревности своего гражданского мужа Виктора Стражева, который якобы соучаствовал в ее делах. Газеты «Речь» и «Русские Ведомости» разнесли эту новость.

Борис Зайцев пишет, что «сердечные дела» подвели тогда Стражева, который был далек от политики и революционных дел. Их жизнь с Ольгой Путятой не сложилась. «С. не был так мягок и удобен для управления. Самолюбивый, и с характером, очень умный, по образованию филолог, бросивший учительство для литературы, он попал в самую горячку начала века. Вокруг делались быстрые и шумные литературные карьеры. Ему выбиться не удавалось. Из скромного учительского быта он попал в кипение богемы, в новую жизнь с Литературным кружком, собраниями, лекциями, пестротой и сутолокою ресторанов, в круг изящных женщин, легких романов, в ту нарядную пену, которой было тогда так много...».

«Однажды весною С., засидевшись у меня вечером, сказал:

– Проводи меня до дому. Мне что-то очень грустно. Оля все грозитя покончить с собой и отомстить мне так, что и в голову не придет.

Его жизнь в это время также приняла несколько болезненный оттенок. Он много играл в карты. Много волновался из-за литературных неудач. Имела она основание и ревновать его.

Летом, в очень дурных отношениях с ней, на случайные деньги (он играл на бегах, скачках) С. уехал в Италию, с нашей легкой руки, входившую в моду. Путята – в Париж. Там и созналась Бурцеву, что уже несколько лет служит в охране и... – вспомнила угрозу! – что С. знает об этом, помогает и пользуется ее деньгами. Бурцев все это сообщил печати».

Затем состоялся третейский суд и Стражев доказал свою честность¹.

Борис Зайцев с огромной теплотой, ностальгически вспоминал Стражева: «Это был, одно время, ближайший мне человек. Мы любили друг друга. Многое вместе пережили, вместе начинали литературный путь... Станным образом, то самое «дело богемы», в которое оба мы столько вложили страсти, из которого вышли победителями – оно то и развело нас... Я не знаю об С. ни звука».

УЧИТЕЛЬСТВО В СУХУМЕ

В Сухумском реальном училище Стражев проработал немногим больше года, а с 1 ноября 1917 г. он стал преподавателем учительской семинарии². Одной из его учениц в училище была Т.Д. Скаловская (долгое время работала секретарем у писателя Константина Симонова). Вот каким она запомнила Виктора Ивановича тех лет: «В класс вошел небольшого роста, худенький человек с большой характерной головой, очень высоким лбом, седой; огромные светлые глаза; лицо необычайно подвижное, выразительное. Одет он был в чесучовый светлый пиджак. Под мышкой – небольшой портфель. Очень своеобразной, слегка как бы ныряющей походкой взошел он на кафедру... И заговорил. Первая его лекция – именно лекция, а не урок – была посвящена лирике. Стражев был блестящим лектором. Не говоря уже о содержании лекции, в дни вдохновения был у него удивительно

¹ О деле предательства Ольги Путяты см. в книге: Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Л. 1959. С. 160–161, а также: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1647 (Стражев В.И.). ОП. 3. Д. 30.

² ЦГАА. Ф. 18. Д. 96. Л. 9.

приятный голос, которым он великолепно владел. Богатая мимика дополняла впечатление...».

Виктор Иванович был прекрасным чтецом. О том, как он декламировал стихи Блока, Пушкина, Тургенева, помнит его ученица, педагог Анна Тиграновна Вартамян. Но больше всего ей запомнилось, с какой удивительной силой и тонкостью Стражев на одном из сухумских уроков литературы прочитал рассказ А.П. Чехова «Тоска».

Запомнила Стражева как прекрасного чтеца и одна из его учениц по Сухумской женской гимназии С.В. Воронова (мама археолога Ю.Н. Воронова): «Впервые я обратила на него внимание на литературном вечере в 1921 году, когда он для нас, учащихся младших классов, прочитал повесть Гоголя «Вий». Прочел он эту повесть удивительно мастерски. Она просто нас всех потрясла...».

ПОД ЗНАКОМ БЛОКА И ТОЛСТОГО

В Сухуме Виктора Ивановича хорошо знали еще до его переезда сюда по многочисленным поэтическим сборникам, изданным в Москве. Особенно популярной была книга «Чтец-декламатор», где наряду с произведениями М. Лохвицкой, М. Шагинян, З. Гиппиус, В. Брюсова, К. Бальмонта, М. Горького, Д. Мережковского, А. Апухтина, И. Бунина, А. Блока, Ф. Сологуба, М. Волошина, И. Тургенева, А. Чехова было представлено и одно стихотворение Стражева.

Переехав в Абхазию, он активно включается в культурную жизнь, знакомится с драматургом Н.Н. Евреиновым. Тогда как раз шла поставленная Николаем Николаевичем комедия-буфф «Ателье мод», в которой высмеивались представители многочисленных партий пестрой политической жизни России. В самом начале 1917 года в Обществе любителей природы Виктор Иванович выступил с лекцией «Жизнь и творчество Джека Лондона»¹. А 28 ноября 1918 года в театре «Алоизи» состоялся организованный «Художественным содружеством» доклад

¹ Наше слово (Сухум). 25 февраля 1919.

Стражева «Лирика женской души (Анна Ахматова и Мариэтта Шагинян)». В «Художественное содружество» входили абхазский художник А.К. Шервашидзе (Чачба), актриса Н.И. Бутковская, теоретик сценического искусства и режиссер Н.Н. Евреинов¹. Так, 25 февраля 1919 года в театре «Алоизи» состоялся бал-маскарад («пародии, экспромты, шарж»), причем была создана «редакционная коллегия ежеминутной газеты «Колючка» в составе Н.И. Бутковской, В.И. Стражева и А.К. Шервашидзе»². Затем они же и Н. Евреинов поставили спектакль Козьмы Пруткова, имевший грандиозный успех.

Неожиданно Сухум покорили «Скифы» Блока. Но Виктор Стражев, близко знавший великого поэта, не принял их. 16 августа 1919 г. он написал стихотворение «Анти-скифы»:

Блоку

О, да! Зови на братский пир, поэт!
Но перестрой встревоженную лиру –
Нет! – не грози лавиной злобных бед
Старшему – западному миру!
Нет! – Пусть иной и светловейный миф
В твоих стихах услышат наши братья.
Пойдут ли к нам – коль им раскроет скиф
Тяжелых лап свои объятья?
Нет! – Нам не надо скифской маски!
Могильный сон курганов не тревожь
И не мути злосычем сказки.
Докучно, чуждо было нам всегда
Европы жадной скопидомство,
Но страдный путь не ляжет наш туда,
Где злое зреет вероломство.
Наш путь – наш путь...
И нам пугать не стать

¹ Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми. 1979. С. 324.

² Аджинджал Б.М. Художник А.К. Чачба (Шервашидзе) // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми. 1974. С. 91.

Чужою, азиатской рожей.
На этот раз – какая боль внимать
Ей – лире милой и пригожей.

Но «Скифы» не поколебали любовь Виктора Ивановича к Блоку-лирику. «Я жил на Кавказе, в Сухуме, – вспоминал он. – В жаркий августовский день 1921 года шел я по улице, и заметил на стене дома свежий квадратик бумаги. Экстренная телеграмма. Подошел и прочел. Телеграмма сказала: умер Блок. Я перечел еще раз: так ли? Да, так. Понурившись, побрел. Встретил знакомого.

– Что с вами? Вы плачете? – удивленно спросил он.

Что ж. Мне и сейчас не стыдно этих слез. Блок ушел, но, остался одним из духовных спутников, тайной радостью...»¹

В память о поэте душа Стражева отозвалась:

Розы радости – страданья
В сердце блеклый лепесток,
В темной памяти сияньем
Голубое имя – Блок!
Мир был душен. Мир был тесен,
Выла пьяная пурга,
Но тоска метельных песен
И доньне дорога!
В них томилось и молилось,
Веря в некий добрый срок,
То, что в злую ночь лучилось
Кратким светлым словом – Блок.

А 4 ноября 1921 г. в столице молодой Абхазской республики состоялся вечер, посвященный памяти Блока. Газета «Голос трудовой Абхазии» писала тогда: «Интересными в литературном отношении были два доклада В.И. Стражева и Л.М. Римского... Была дана и литературная иллюстрация в наиболее характерных для поэта произведениях, переданных мастерски: Стра-

¹ Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 ноября 1980.

жевым в лирической части с присущими этой стороне творчества поэта элегичностью и тихой мечтательностью, и Римским, сумевшим читкой «Двенадцати» и «Скифов»... оттенить всю ширь... темперамента поэта в революционном устремлении его пророческого духа»¹.

Другое, наиболее яркое выступление Стражева первых лет Советской власти в Абхазии состоялось ровно через год. 29 ноября, по инициативе совета Абхазского научного общества (АБНО), в годовщину смерти Л.Н. Толстого, во 2-м Гостеатре был организован вечер. Вступительным словом его открыл председатель АБНО профессор Г.А. Фальборк. На вечере с докладами «Творческий подвиг Л.Н. Толстого», «Философия Толстого», «Толстой в истории науки и воспитании», «Память Толстого», «Страница воспоминаний о Ясной Поляне» выступили В.И. Стражев, Д.В. Захаров, Г.А. Фальборк, Ф.Д. Авилов, А.П. Иващенко². Вот что сообщалось по этому поводу в газетном репортаже:

«...Поднимается занавес: направо портрет Л.Н. Толстого, убранный зеленью; за столом президиум Абхазского научного общества. Торжественно, немного взволнованно, открывает председатель заседание – слово предоставляется Виктору Ивановичу Стражеву.

Тихо... Все замерло... Слова Стражева проникают глубоко, будят уснувшие струны, слышится музыка, красота и бесконечная глубина анализа человеческой мысли.

Унеслись мы от будней, повеяло воздухом Ясной Поляны, тоской великого старца, ищущего истину своей мятежной думой. Чувствовалась буря неутомимой мысли, ее крики; казалось, лопаются оковы предрассудков. Он бежит, уходит от мещанства, идет искать истину, и не найдя ее, обрывается громкий стон его страданий.

Тихо... Что-то подступило к горлу... Все, что говорилось после В.И. Стражева, ушло из поля внимания»³.

¹ Голос трудовой Абхазии. 13 ноября 1921.

² Там же. 29 ноября 1922.

³ Там же. 3 декабря 1922.

В те годы сокращалось все, что только можно было сократить: «САО» – Сухумское артистическое общество, «Рабис» – работники искусства, «Наркомпрос» – Народный комиссариат просвещения... «САО» – было создано еще задолго до 4 марта 1921 года – победы революции в Абхазии. Активное участие в нем принимали В. Стражев, Н. Евреинов, А. Шервашидзе, Н. Бутковская, Арзамасов и другие. Так, газета «Наше слово» сообщала, что в апреле 1920 года состоялись следующие спектакли в постановке «САО»: А. Островский «Лес», М. Дрейер «Любовь в 17 лет», Л. Толстой «Власть тьмы», Г. Гауптман «Потонувший колокол»¹. Но особенно деятельное участие в «САО», начиная с 1922 года, принимают И.Я. Збарский, Е.А. Лепковский, Ю.М. Даминская и Л.Н. Россова, организовавшие «Вечера художественных постановок». Первым спектаклем из этой программы была пьеса Семена Юшкевича «Король» в постановке и при участии заслуженного артиста Московского Малого театра Е.А. Лепковского, который был первым «королем», с огромным успехом выступившим в роли Гросмана в Одессе в 1907 году. 30 сентября 1922 года в 9 часов вечера во 2-м Гостеатре состоялся этот спектакль. Перед началом его несколько слов о «Короле» Юшкевича сказал В.И. Стражев.

Скоро в том же театре с успехом прошла пьеса А.П. Чехова «Дядя Ваня».

В 20-х годах на сухумской сцене прошли и пьесы В.В. Каменского. Радовали всех постановки первого рабочего театра Абхазии «Синяя блуза», в котором активное участие принимал М.Д. Хахмигери. На одном из выступлений этого театра после закрытия V Всеабхазского съезда рабочие-актеры преподнесли синюю блузу их «почетному шефу» Н.А. Лакоба².

Во всех этих мероприятиях принимал деятельное участие В.И. Стражев, являвшийся с 1921 года заведующим подотделом искусств при Наркомпросе ССР Абхазии³.

¹ Наше слово. 7 апреля 1920.

² Трудовая Абхазия. 5 февраля 1925.

³ ЦГАА. Ф. 8. ОП. 1. Д. 31. Л. 12 об.

В сожженном по приказу властей Грузии в октябре 1992 г. Центральном государственном архиве Абхазии хранился ряд редких материалов, относящихся к первым дням установления Советской власти в крае. В.И. Стражев не только принял революцию, но и вложил много сил в строительство нового общества в Абхазии, в развитие народного образования, культуры и науки. Об этом свидетельствует, в частности, то, что уже 12 марта 1921 года на общем собрании работников школьного дела Сухума и его пригородов В.И. Стражев по поручению Наркома просвещения республики А.М. Чочуа выступил с докладом «Задачи школы в текущий момент»¹. Тогда же, будучи заведующим отделом искусства, он предложил созвать общее собрание всех работников искусства Сухума, организовать художественный совет с единой целью – «искусство для народа», создать сухумский народный Дом искусств и рабочий клуб.²

Через два дня после этого совещания состоялось общее собрание членов Рабиса (работников искусства). Собравшиеся единогласно постановили – «обратиться к тов. Стражеву с просьбой передать Советской власти Абхазии», что все члены Рабиса «желают немедленно стать советскими служащими»³. На следующем заседании, 30 марта 1921 года, работниками искусства был заслушан доклад В.И. Стражева, а через несколько дней, 4 апреля, на заседании общего собрания Рабиса присутствовал Ефрем Эшба, который обратился «к представителям искусств как к работникам просвещения, заявляя, что со своей стороны правительство будет охранять» их интересы. Затем с докладом выступил Стражев, наметив обширную программу преобразований в области культуры: «1) пожелание сохранить старое ценное в искусстве; сохранение классического репертуара; 2) тщательное отношение к новому искусству; 3) открытие художественных студий; собрание коллекций и устройство художественной выставки; организация артели художников; 4) организация народной консерватории; 5) о национализации кино и доходах от сборов для общего театрального дела; 6) о реорганизации цирка;

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 12 и об.

³ ЦГАА. Ф. 105. Д. 2. Л. 32 об.

7) о сбережении драмы...; об организации режиссерской коллегии; 8) оставлении оперетты как театра политической сатиры; о поддержке оперетты; о передаче Интимного театра под разные секции и драматические студии».

В заключение тов. Эшба предложил следующую резолюцию: «Общее собрание поручает правлению Рабиса в заседании Ревкома провести национализацию театров Сухума»¹.

Собравшиеся поддержали эту резолюцию.

В том же месяце, 17 апреля, на заседании Отнароба (отдела народного образования) членами коллегии (С. Чанба и др.) были утверждены заведующими отделами – Д.И. Гулиа (абхазская секция), А.М. Чочуа (единая школа), В.И. Стражев (научно-методический отд.)² и др. Спустя три дня после избрания Виктор Иванович на заседании союза Рабпроса сделал два доклада: 1) «Ближайшие задачи учительства» и 2) «Система Фрёбеля и Монтессори». При этом он пожелал создать в первую очередь пособие по «родиноведению для школ Абхазии»³.

А 8 мая 1921 года по предложению Стражева в Сухуме открылась Народная консерватория Абхазии (просуществовала около года), одним из преподавателей которой был сам Виктор Иванович⁴.

Вместе с М. Томарой и А. Захаровским много сил он отдал и централизации библиотечного дела в Абхазии, которая началась 6 августа 1921 года.

Самое непосредственное участие Стражев принимал и в становлении абхазского кино. Так, на заседании коллегии НКП ССР Абхазии под председательством А.М. Чочуа 14 октября 1924 года было решено: «Вследствие выезда тов. Чанба, в комиссию по организации кинодела в Абхазии назначить гр. Стражева»⁵. В этой связи небезынтересно будет отметить следующий важный факт. 31 мая 1926 года в Сухуме по инициативе Н.А. Лакоба был проведен конкурс под председательством Д.И. Гулиа на

¹ Там же. Л. 34, 35 и об.

² Там же. Д. 31. Л. 56.

³ ЦГАА. Ф. 8. Д. 4. Л. 36–37.

⁴ Там же. Ф. 8. Д. 1. Л. 87.

⁵ Там же. Ф. 55. Д. 24. ЛЛ. 55–57.

лучшую абхазскую кинодраматургию. Первое место на конкурсе завоевал С. Чанба (сценарий «Махаджиры»); второе – В. Стражев («Под шум прибоя») и третье – М. Лакрба («Отар»)¹.

Приближался 10-летний юбилей Великого Октября. Вся страна готовилась отметить эту знаменательную дату. Не осталась в стороне и Абхазия. 22 марта 1927 года состоялось организационное заседание Комиссии по празднованию 10-летия Октября при ЦИКе ССР Абхазии под председательством С.Я. Чанба. Причем во главе литературно-издательской и зрелищной подкомиссии, созданной при Наркомпросе ССР Абхазии, стояли А. Чочуа и В. Стражев, который разработал подробный план мероприятий. 13 мая им был сделан доклад. В нем предлагалось организовать торжества в школах республики, включить «в программу театров и кино» пьесы и фильмы «местного творчества», выпустить юбилейный сборник «Октябрьская революция в Абхазии» (материалы по истории революции Абхазии, очерки и воспоминания революционных деятелей), создать краеведческую «школьную библиотеку Абхазии», открыть Музей Абхазии, устроить Абхазскую выставку...²

В результате осенью 1927 года в Москве на выставке «Искусство и литература народностей СССР» экспонировались следующие абхазские издания: С. Чанба «Дева гор», «Апсны ханым», Д. Гулиа «История Абхазии», «Божества охоты и охотничий язык у абхазов», «Как выбирать хорошую лошадь», «Я умер» (пьеса), «Абхазские поговорки и загадки»; А. Чочуа «Самоучитель», В. Стражев «Бронзовая культура в Абхазии», «Руинная Абхазия», «Горсть» (стихи), а также книги С. Басария, С. Ашхацава, Ю. Воронова, В. Малеева, М. Иващенко, Г. Барача³.

Накануне празднования 10-летия Великого Октября В.И. Стражев в репортаже «Письмо из Москвы», помещенном 2 ноября 1927 года в газете «Советская Абхазия», писал: «С каждым днем учащенной биение сердца Союза, сердца Мировой Революции – Красной Москвы... Клокочет двухмиллионный город... В доме Герцена – объединенная выставка художественной литера-

¹ Алашара. 1975. № 2. С. 74–75; ЦГАА. Ф. 8. Д. 324. Л. 87.

² ЦГАА. Ф. 8. Д. 275. Л. 1–5 и об.

³ Там же. Л. 177 и об.

туры СССР по двум отделам: литературы на русском языке и литературы на языках национальностей, населяющих наш Союз... Предстоят насыщенные дни. Мы услышим гулкое эхо железного десятого шага Октября. Будет праздник... Скоро...».

СТРАЖ АБХАЗСКОЙ СТАРИНЫ

«В Сухуме, – писала журналист Зинаида Рихтер, – на набережной, в один из первых вечеров, любуясь экзотическими опахалами финиковых пальм, эффектно освещенными электрическими лампочками, лунной тропой в море над затонувшим, некогда пышным греческим городом Диоскурией, я невольно сказала своему спутнику, поэту Виктору Стражеву:

– Счастливый, постоянно живете среди этой красоты.

– А вы могли бы проводить день и ночь, месяцы, годы былых времен в Стрельне? Здесь та же Стрельна. Летом и зимой вечно видишь одну и ту же зеленую декорацию. Приезжие и курортные видят и знают Абхазию только с одной этой стороны: Абхазию – «Стрельну», вечнозеленую, феерическую, праздничную Абхазию, которую можно видеть с автомобиля»¹.

Эти годы для Стражева были еще важны его «загорной, зарубажной» тоской по России. Когда Зинаида Рихтер в 1923 году посетила Сухум, поэт в стихотворении «Абхазии» писал:

В душе – безгрёзно, безнапевно –
Горят вечерние огни.
Остыли северные дни
За гребнем лет, восставших гневно.
Давно я сам себе далек,
И стала сказкой жизнь былая.
Страна жемчужно-голубая!
Волной прибило мой челнок.

Но интересно то, что именно с этого времени начиналась на берегах древней Диоскурии новая жизнь Виктора Ивановича –

¹ Рихтер З. Кавказ наших дней. 1923–1924. М. 1924. С. 93–94.

жизнь археолога. Он неожиданно открывает для себя красоты Абхазии, ее гор, ущелий, рек, которые не увидишь из окна автомобиля. Сухумские декорации сменились красочными живыми картинами ее прошлого и настоящего.

11 ноября 1924 года состоялось общее собрание членов Абхазского научного общества (АБНО) под председательством Г.П. Барача, на котором был заслушан доклад В.И. Стражева «О Пицунде в историко-археологическом отношении». После собрания состоялось организационное заседание новой секции географии и этнографии Абхазии. В президиум этой секции были избраны С.П. Басария, В.И. Стражев и Л.Л. Захаровский¹. «В 20-х годах...», – писали Л.Н. Соловьев и М.М. Трапш в статье «Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти», – были сделаны первые шаги в области абхазской археологии, систематических сборов, разведки и музейного хранения В.И. Стражевым и М.М. Иващенко...»²

В сентябре 1924 года Виктор Иванович принимал участие в организации и проведении I съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа в Сухуме. Съезд созывался в целях «надлежащей постановки изучения местного края и наилучшего практического использования местных богатств, а также распространения и популяризации идей краеведчества»³.

Вскоре после проведения съезда постановлением Президиума ЦИКа ССР Абхазии от 1 января 1925 года при Наркомпросе республики была учреждена постоянная Абхазская «Комиссия по охране памятников искусства, старины и природы»⁴.

Весной того же года (3 апреля) на первом заседании Комиссии под председательством А.М. Чочуа было решено «ближайшее руководство работами по охране памятников старины поручить т. Стражеву, а работами по охране памятников природы – т. Малееву». Им же было поручено редактирование Обращения к населению от имени Комиссии. В Абхазском госархиве хранился

его проект, написанный рукой Виктора Стражева¹ и опубликованный 18 мая 1925 года². В этом интереснейшем документе первых лет Советской власти в Абхазии трудящимся объяснялись задачи охраны памятников культуры. В нем, в частности, говорилось: «Абхазия богата памятниками старины и природы, имеющими высокий научный и художественный интерес и значение. Их бережная охрана и изучение должны быть признаны в культурном строительстве и росте республики большой и неотложной задачей». Обширное Обращение к населению подписали председатель Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы, нарком просвещения А.М. Чочуа и ее члены – В. Стражев, В. Малеев, Н. Патеипа и Л. Вучетич.

Здесь интересно будет отметить, что одним из первых на весть об учреждении Комиссии откликнулся еще в январе 1925 года князь Таташ Маршания, который предложил АБНО «имеющие большую ценность старинные предметы»: седло бывшего владельца Дальской Абхазии, шашку и прочее. 20 января была составлена специальная комиссия в составе С.П. Басария, В.И. Стражева, Г.П. Барача и Р.И. Какуба для осмотра этих вещей³.

Сразу же по опубликовании Обращения к трудящимся республики с мест стали поступать в Комиссию сообщения о тех или иных памятниках старины и природы, расположенных на территории села, города или вне населенных пунктов. Так, житель Новых Гагр обратился в АБНО с предложением продать имеющийся у него «ценный мраморный барельеф с изображением Афродиты и Гермеса древнегреческой работы, найденный им в районе села Калдахвара при постройке железной дороги». Мраморная плита с художественными изображениями и надписями, обнаруженная в непосредственной близости от древнего города Питиуса, заинтересовала исследователей⁴.

23 мая 1925 года председатель АБНО Г. Барач сообщил об этой находке председателю Комиссии по охране памятников искус-

¹ Трудовая Абхазия. 12 ноября 1924; 15 ноября 1924.

² Труды АБИЯЛИ им. Д. Гулиа. Т. XXXII. Сухуми. 1961. С. 115.

³ ЦГАА. Ф. 2. Д. 259. Л. 9 и об.

⁴ Там же. Ф. 105. Д. 10. Л. 84 и об.; Трудовая Абхазия. 1 января 1925.

¹ ЦГАА. Ф. 8. Д. 215. Л. 10.

² Там же. ЛЛ. 18–21 и об.; Чочуа А.М. Собрание сочинений. Сухуми. 1969. Т. 2. С. 359–362.

³ ЦГАА. Ф. 2. Д. 421. Л. 12–13.

⁴ Там же. Ф. 8. Д. 215. Л. 26–27 и об.

ства, старины и природы А. Чочуа. А через месяц об уникальном античном барельефе было доложено Председателю Совета Народных Комиссаров ССР Абхазии Н.А. Лакоба¹.

В целях выявления и сохранения абхазских древностей Наркомпрос ССР Абхазии выдал «открытый лист» на археологические раскопки профессору Московского госуниверситета Алексею Башкирову (проводил их с 1 августа по 1 ноября 1925 года). 29 июля председатель АБНО Г. Барач писал в Комиссию, что «все материалы, которые имеют быть добыты его экспедицией на территории и на средства Абхазии... должны быть сданы в музей АБНО... Вместе с сим, так как права Главнауки РСФСР не распространяются на территории Абхазии, то присланный открытый лист проф. Башкирова в пределах Абхазии не может иметь силы и должен быть заменен открытым листом, выданным Комиссией по охране памятников природы и старины при НКПроме Абхазии»².

В экспедиции А.С. Башкирова приняли участие уполномоченный Наркомпроса, член Комиссии В. Стражев и представитель АБНО Г. Барач. 14 сентября по поручению Совнаркома ССР Абхазии они составили акт осмотра древностей Пицунды: храма, древнего водопровода, руин античного города, канала, соединявшего некогда озеро Инкит с морем. По поводу состояния Пицундского Успенского собора археологи писали: «Фрески пострадали от времени, но также и от безобразного отношения неизвестных лиц к художественной древности..., кем-то был сделан ружейный выстрел в лицо Христа в куполе..., фрески в приделе также пострадали от злоумышленников, которые выкололи глаза у человеческих фигур, местами фрески пострадали от револьверных выстрелов... Мы считаем необходимым усилить внимание к хранению редкостного памятника...»³. На основании этого акта (Башкиров, Стражев, Барач) 1 мая 1926 года был выработан проект постановления СНК ССР Абхазии о государственном Пицундском заповеднике, который развивал декрет ЦИКа об охране памятников искусства, старины и природы. Под

¹ Там же. Ф. 2. Д. 421. Л. 20 и об.

² Там же. Ф. 8. Д. 215. Л. 30–31.

³ Там же. Л. 46–47.

защиту государства были взяты сосновые насаждения, а территория, занятая историческими и археологическими памятниками, объявлялась «охранным районом»¹.

Обследовав мыс Пицунда, ученые направились на осмотр памятников селения Лыхны – «древней абхазской столицы», 18 сентября они побывали в древнем храме и во дворце «абхазских царей». «Необходимо спешить, – писали исследователи, – с изучением фресок храма в самом срочном порядке, с калькированием их, снятием с них копий, тщательным фотографированием и изучением техники данной фресковой росписи как особого рода живописи». Башкиров, Стражев и Барач обращали внимание на плачевное состояние иконостаса, а охрану храма считали «лучше всего поручить священнику о. Антипу Сниада».

По поводу же дворца отмечалось, что он «своими фрагментами представляет исключительный интерес, как остаток древнего гражданского зодчества вообще на Кавказе...». В заключение археологи писали: «Означенное место как центр древней столицы Абхазии не может не интересовать абхазские научные круги и Абхазское правительство. Пора перейти от скудных сказаний древних писателей и филологических выкладок к действительным памятникам абхазской культуры...»². И первым перешел от слов к серьезной научной работе Стражев, поместив в «Известиях АБНО» статью «Руинная Абхазия» с подробным обзором многих археологических памятников³.

Стражев являлся своего рода посредником между АБНО и Наркомпросом Абхазии, направляя деятельность Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы. В 1926 году вышли в свет сразу две его работы: «Бронзовая культура в Абхазии» и «К Азантскому дольмену»⁴. Стражеву принадлежит (вместе с М. Иващенко) заслуга открытия колхидско-кобанской (если не считать случайных находок Миллера в 1907 году) и дольменной культуры в Абхазии.

¹ Там же. Л. 56 и об.

² Там же. Л. 49–50.

³ Стражев В. Руинная Абхазия // Известия АБНО. Вып. I. Сухум. 1925. С. 131–169.

⁴ Известия АБНО. Вып. IV. Сухум. 1926.

В архиве¹ хранился один интересный документ – мандат, подписанный А.М. Чочуа 28 июля 1926 года: «Предъявитель сего, Виктор Иванович Стражев, член Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы при Наркомпросе ССР Абхазии, имеет своей задачей обследование всех памятников древностей на территории Абхазии, имеющих историко-художественное, археологическое и научное значение... Просьба ко всем... оказывать т. В.И. Стражеву всемерное содействие в его работе». А интересен он тем, что выдан за день до поездки в село Азанта, в результате которой Стражеву, как он сам не без юмора писал, удалось снять с «Абхазии обвинение в бездельности».

СТИХИ

В дооктябрьский период Виктор Иванович Стражев был широко известен как поэт-символист. В период с 1904 по 1911 годы в Москве были изданы три его поэтических сборника, философский диалог «О Метерлинке, Синей Птице и Вечном Младенце», а также двухтомник поэзии и прозы. Помимо этого, отдельные произведения поэта публиковались в многочисленных журналах и сборниках – «Новый путь», «Русская мысль», «Зори», «Перевал», «Юность», «Лебедь», «Слово», «Новое слово», «Корабли», «Корона» и других.

На самый первый сборник стихов Стражева Александр Блок откликнулся в 1905 году рецензией². А чуть позже, осенью 1906 года, молодые люди, почти ровесники, познакомились на одном из многолюдных вечеров в Петербурге, где Блок читал прославленную «Незнакомку» в присутствии великих русских писателей И.А. Бунина и А.И. Куприна³. Вскоре после этого знакомства Виктор Стражев издал второй сборник стихов. А летом 1907 года Блок опубликовал статью «О лирике», в которой подробно разо-

¹ ЦГАА. Ф. 8. Д. 258. Л. 12–13.

² Блок А.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 5. М. – Л. 1962. С. 563–564.

³ Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 сентября 1980; Литературная Грузия. 1980. № 11.

брал произведения современных ему поэтов – К. Бальмонта и И. Бунина, С. Городецкого и С. Соловьева, Ф. Сологуба и...

«Хорошо озаглавил свою вторую книжку Виктор Стражев: О печали светлой, – писал Александр Блок. – Это из пушкинского стиха. Маленькая книжка заставляет совсем забыть первые и очень неудачные опыты поэта... Душа новой книги – лирическая душа... Лучшие строки Стражева о природе: «Светит ясною росинкой глубь зацветшего куста», или: «И затопила дебрь лесная меня густою тишиной», или: «Заночевали легким станом летуны-тучи в вышине», или:

Звоны, певы, гулы, гуды
В тишине полей плывут.

Очень целен и свеж отдел «Шестопсалмие». И вся книжка свежа и проста, как ее белая одежда, – в ней думно и светло...»¹.

В том же году состоялась вторая и последняя встреча Блока и Стражева в Москве, на квартире писателя Н.Е. Пояркова, где было задумано издание литературного сборника «Корабли» с участием В. Иванова, В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, В. Стражева, Ф. Сологуба, М. Кузмина, К. Бальмонта, И. Бунина, Б. Зайцева и др.

Но знакомство двух поэтов продолжалось и в последующее время. В июле 1908 года Блок издал сборник стихов «Земля в снегу», посвященный актрисе Н.Н. Волоховой. Первым откликнулся на книгу великого поэта Стражев. Это становится ясным из письма, датированного 14 сентября того же года:

«Многоуважаемый Виктор Иванович. Спасибо Вам за Ваши милые слова – первый отзыв о «Земле в снегу», какой я слышал, очень приятен для меня. Посылаю Вам маленькое стихотворение для «Северного сияния», которое очень меня интересует. Жалею только, что «без политики», знаю, впрочем, что теперь за всякую политику сцапают. И все-таки очень мечтаю о большом журнале с широкой общественной программой, «внутренними обозрениями» и т.д. Уверен, что теперь можно осуществить такой журнал для очень широких слоев населения и с большим успехом... если бы не правительство... Я сейчас в деревне (...с. Шахматово), а к 1 октября

¹ Блок А.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 5. С. 157–158.

примерно вернусь в Петербург... Если успеете, напишите мне два слова сюда. Искренне уважающий Вас Александр Блок»¹.

Изданием журнала «Северное Сияние», его программой руководили художник и искусствовед, глава и идеолог группы «Мир искусства» А.Н. Бенуа, известный литературный критик Ю.И. Айхенвальд, художник И.Я. Билибин и В.И. Стражев, заведовавший в нем литературным отделом.

Однако «Северное Сияние» успеха не имело и через год перестало существовать. Во втором его номере, за декабрь 1908 года, Стражев поместил стихотворение Блока «Воспоминание» о Волоховой, присланное осенью в письме и представляющее, видимо, последнюю редакцию стихотворения «Я помню длительные муки» (написано 4 марта 1908 года)².

А через год в Киеве была издана «Антология современной поэзии», в предисловии к которой сказано: «Великое обновление искусства, совершившееся накануне XX века, расковало и раскинуло много шире кольцо красоты, обручающее искусство с жизнью». Наряду со стихами В. Соловьева, А. Белого, А. Блока, М. Волошина, И. Бунина, В. Иванова, в ней широко представлено и творчество Виктора Стражева.

Дореволюционная деятельность поэта завершается первым томом стихов, изданным в Москве в 1910 году. «В этой книге, – писал Виктор Стражев, – я собрал значительную часть моих стихов из тех, что за период 1904–1909 гг. были напечатаны в разных изданиях...».

К сожалению, объем данной работы не позволяет подробно остановиться на произведениях поэта первого этапа. В то же время стоит привести здесь наиболее интересные стихи Стражева первого десятилетия XX века.

И ты. И сумерки. И млеющая тишь.
Вокруг снега – и сны, и тайна.
А ты кого так зорко в небе сторожишь?
Молчишь. Загадочна. Необычайна.

¹ Там же. Т. 8. С. 253–254.

² См. об этом подробнее: Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 сентября 1980.

На стихи поэта написаны русские романсы:

Они стояли молча. И плакала она.
И тихо плакал ветер у темного окна.
И улица рыдала огнями фонарей.
И плыли мимо пятна неведомых людей.
И грустно-грустно было у темного окна.
Они стояли молча, и плакала она.

Второй этап творчества Стражева, в отличие от первого («московского»), можно назвать «абхазским» (1916–1927). В эти годы с особенной силой раскрылся поэтический дар Виктора Ивановича. В 1923 году он переводит с абхазского на русский язык поэму С.Я. Чанба «Дева гор» и тогда же издает в Сухуме свой сборник стихов «Горсть». Спустя полвека после выхода в свет этой книги доктор филологических наук Х.С. Бгажба в работе «Этюды и исследования» заново открыл ее для читателя, опубликовав несколько замечательных произведений из сборника – «Махаджир», «Аслан-бей», «Абхазии», «Толумбаш». Не менее интересны и такие стихи, как «В горах», «Диоскурия», «Ра», «Горе», «В море», «В ущелье»...¹

Стражев с уважением относился к народным обычаям, связанным с гостеприимством, почтительным отношением к старикам... Вместе с тем о некоторых излишествах за пиршественным столом поэт не без юмора пишет в стихотворении «Толумбаш». Занимаясь археологическими исследованиями в Абхазии вместе с М. Иващенко и другими исследователями, они не раз оказывались в плену гостеприимства. Вот как Стражев разъясняет слово «толумбаш»: «Предводитель пира, хозяин стола. Его счастливой, но суровой власти пирующие обязаны подчиняться, по традиции, беспрекословно, его торжество – последняя, осушаемая им чаша, после того как остальные «изнемогли».

Это шуточное стихотворение, в вечерние часы отдыха, во время полевых раскопок, стало своеобразным «гимном археологов».

¹ Лакоба С. Поэт, ученый, педагог // Советская Абхазия. 30 января 1980.

«Закон стола» хранил я строго
И не считал за здравных чаш.
И за Апсны я пил из рога...
Но пощади же, толумбаш!
Гляди: вокруг – как поле боя.
А бой был долог и жесток!
И в окнах – утро голубое,
И весь истрелян потолок.
Ряды пирующих, редея,
Изнемогли уже давно...
Нет! Лей мне лучше яд Медеи,
Чем гудаутское вино!

Завершает сборник «Горсть» поэма «Песнь о голубоглазом». Она перекликается с «Песней о Гайавате» Г. Лонгфелло в переводе И. Бунина (1891). Свежестью и первозданной лиричностью веет от этой живописной поэмы:

Позабывши сам – откуда,
Он прибрел тропинкой горной,
Древних рас живой осколок.
Море синее шумело
У подножья гор зеленых.
И приморье полюбилось.
И нагорье приютило.
В заповедной чаще леса
Взял он дремный шепот листьев,
У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады стрекотанье,
У ручья певучий лепет –
Ими речь свою украсил
И в гортанный влил их говор,
Тот, что вынес издалека.
Он у горного потока
Научился злой отваге.

Подглядел у легкой серны
Тайну легкого копыта.
Слушал ветер он унылый,
Тот, что плачет по ущельям,
Стал, как ветер, плакать песни.
И глядел он долго-долго
Прямо в небо голубое –
И глаза заголубели
И остались голубыми
Оттого, что долго-долго
Он глядел упорно в небо.

Увлеченность историей Абхазии определила тему многих стихов поэта. Особенно хочется отметить неопубликованный цикл Стражева «Диоскурийские сонеты», начатый в 1923 году в Сухуме и завершённый в 1939-м году в Москве. Из пятнадцати произведений девять сонетов Виктор Стражев написал в Абхазии, а остальные – в России под явным впечатлением от одиннадцати лет пребывания в древнем городе. Яркие уличные картины более чем двухтысячелетней давности предстают перед нами. Будто вступаешь в мир прошлого, его романтическую мифологию. Вместе с тем в сонетах глубоко выражена и своеобразная личность самого поэта, его переживания, мысли... Во вступлении «Я и Он» Стражев говорит:

Здесь жизнь когда-то плакала и пела,
– Мечталось мне на берегу морском, –
Томило смуглое и радостное тело,
Стучала молотом, звенела барышом.
.....
Не раз, под гравием, разрыхливши песок,
Я находил узорный черепок...
Под шум прибоя, в немь тысячелетий
В твоей ладье я уплывал, сонет!
И мне мерцал диоскурийский свет...
И я мечтал себя в неведомом поэте.

В «Диоскурийских сонетах» Стражев набросал образ человека-изгнанника, выходца из Милета, вынужденного покинуть свою отчизну и поселиться на время в Диоскурии. В выходце из Милета можно без труда узнать самого поэта, который прожил в Абхазии, на Кавказе, более десяти лет. В сонетах как в зеркале отражено душевное состояние Стражева тех лет, ностальгия по родной России. С особенной силой эти чувства выражены в стихах «Письмо на родину. К матери», «Перед разлукой» и в «Отплыть»:

Корабль плывет, и берега, чуть млея,
Вот-вот – я жду – истают навсегда.
Над зыбью гор, где стоны Прометея,
Затеplилась вечерняя звезда.

Так сам он отплывал на пароходе из Сухума «в нежный и теплый синий вечер» 1927 года. Отплывал на свою родину и вспоминал Абхазию. А потом в России совершенно неожиданно для него самого выплеснулись «Московские письма», в одном из которых он «сильно почувствовал себя абхазским «махаджиром».

«В ЗЫБКЕ НАД БЗЫБЬЮ...»

Стражев был не только поэтом и переводчиком, но и прозаиком. Его лирические рассказы «Снег», «Боги», «Давно-недавно», «Ая», «Голубой огонь»¹, написанные в период с 1906 по 1910 годы, сразу же привлекли внимание известных русских писателей.

Прозаические произведения Виктор Иванович Стражев писал и в Абхазии. Но, к сожалению, рассказы, созданные им здесь, пока не обнаружены исследователями. Сохранились лишь подшивки старых номеров газеты «Советская Абхазия», в которых мне посчастливилось отыскать серию неизвестных очерков писателя под общим названием «В поисках старины». Они представляют не только научный, но и литературно-художественный интерес. Необходимо заметить, что толчком к их написанию по-

¹ Стражев Виктор. Рассказы. М. 1911.

служил факт создания в 1925 году Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы.

О том, как была открыта в Абхазии колхидско-кобанская культура, Виктор Иванович очень образно рассказал в очерке «Два дня в бронзовом веке»¹. Получив в мае 1926 года сообщение из сел Баклановка (Аацы) и Петропавловка Гудаутского района о находках бронзовых топоришков, кинжалов, наконечников пик и стрел, Стражев вместе с представителем от АБНО М.М. Иващенко выехал «на таинственную бронзу». В Петропавловке им вручили древний топорик с рисунком, который поверг краеведов в «бронзовую лихорадку». находка превзошла все ожидания: «Памятники кобанской культуры в Абхазии – это было слишком большое событие для нашего археологического сердца!». Но крепкие сердца исследователей выдержали эмоциональный взрыв радости. Переночевав в с. Баклановка, рано утром они двинулись в путь: «Снеговые горы с четким абрисом вершины “шапки Сефер-бея” – не оторвешь глаз... Настроение бодрейшее. Собралась школьная детвора. Человек пятнадцать идет с нами “на экскурсию”. Купили свечей для осмотра крепостного подземелья. Главный проводник – Миха Зухба, в почтенном возрасте 13-ти лет...

Это огромное удовольствие... – переходить широкую, холодную и быструю горную реку по каменистому дну и открывать в себе цирковые способности балансировать. Мы проделали это очень весело и с большим успехом, перейдя р. Апсту... Перед нами, совсем близко, невысокий кряж Абгархук. Через час мы стоим перед отвесной дикой скалой, на вершине которой полуразвалившаяся крепостная башня. Берем крепость... На осмотр и обмер стен и башни, на заслуженный отдых и на любованье окружающим горным чудесем уходит добрый час. Спускаться – хуже. Одну ногу поставишь, а другую – девать некуда. Оборваться не хочется – тогда никогда не вернешься в Сухум... На пути спуска – каменная пасть. Похоже на эпический вход в подземный мир. Вообще, пахнет Гомером... Когда я задумчиво повис в каком-то невесомом месте..., опередивший меня иронически кричит:

¹ Трудовая Абхазия. 11 мая 1926.

– Ну, смелее! А еще в Швейцарии бывали!
– Да я по Швейцарии-то в вагоне ездил! – Смущенно оправдываюсь я.

Когда спускаемся по ложу ручья, проползаю под какой-то перекладиной, и вдруг слышу сзади окрик:

– Осторожней! Это – капкан!

Объяснили, что это приспособление для ловли дикого кота. Хорошо, что я не дикий кот: пропал бы непременно... Мальчуганы идут шеренгой, перевившись руками, поют “Интернационал”. Им – большая благодарность: они не только путеводители и отличные спутники – они в дороге рассказали любопытные местные предания о крепости, которую мы осмотрели. Краеведение без них не обойдется...».

А спустя несколько часов «машина времени» перенесла археологов из прошлого в настоящее. И Стражев очень метко заметил: «Около десяти вечера афонские огни вернули нас из века бронзы в век электричества».

Прошло больше года. В начале августа появился новый очерк Виктора Стражева «В поисках старины»¹. Его археологический союз с М.М. Иващенко продолжался. «Если иметь пару приличных ног, – писал с юмором Виктор Иванович, – два жадных и веселых глаза, не совсем еще изношенное сердце..., то, пользуясь летним досугом и твердо установившейся погодой, поучительно, приятно и похвально побродить по Абхазии».

Сладив свою «экспедицию в четыре ноги», Стражев и Иващенко добрались до сел. Ольгинского в Цебельде. Их гостеприимно встретила усадьба Вороновых, где стоял древний с гигантским шатром орех. «Прекрасны эти эпические древесные великаны Абхазии! – писал Виктор Стражев. – Лежа у их корней, под мудрым молчанием листвы, ясно и просто понимаешь языческий культ деревьев... О священных деревьях и рощах на нашем побережье мы имеем целый ряд исторических свидетельств; мистика леса, в пережитках, жива и до сих пор в народной традиции. Шатер дерева был местом священнодействий, местом народных собраний. Головы жертвенных животных, оружие, – всякие

¹ Советская Абхазия. 6 августа 1927.

другие обетные приношения вешались на ветвях, втыкались в ствол, – и вор не смел к ним прикоснуться, никто не мог обломать ни одного сучка. Лоскуток одежды больного привязывал болельщик к дереву, в котором жил «дух». Есть старое литературное указание, что в Абхазии священная роща давала преступнику неприкосновенность, право убежища».

Несколько дней они бродили по цебельдинским местам, вспоминали «непокорный старый Цабал, бывшее царство феодального рода Маршан», вспомнили, что здесь воевал декабрист «Марлинский, литературная знаменитость эпохи Пушкина», видели множество «немых руин» и с горечью думали: «Нынешнее население Цебельды – армяне и греки – не помнит и не знает ничего. Теперь здесь все – табак». Стражев и Иващенко обследовали храм, описанный еще в 80-х годах XIX в. графиней П.С. Уваровой, крепость, взбирались на пирамидальную гору Адагуа, где, якобы, есть плита с надписью: «О, ради надписи мы готовы полезть на что угодно! Абхазия не богата памятниками эпиграфическими, а для разгадки ее древностей они так нужны, так ждуются и ищутся, так снятся... Трудно дается гора... лезем прямо в раскаленную пасть солнца. Ноги слабеют и подгибаются, мучит жажда, дьявольски мучит – за кружку студеной воды отдал бы, кажется, целую букву из той “надписи”, что на вершине». Но на вершине, кроме «смутных остатков» фундамента, ничего не оказалось. Погрустили, полюбовались панорамой гор и моря пошли обратно, к реке Кодор. Их «ноги торопились сами, как усталые лошади в родную конюшню». Спустились к развалинам крепости Больших Краевичей – Цибилууму, которую раскапывали потом археологи Ю. Воронов, О. Бгажба, Н. Шенкао... Уже тогда Виктор Стражев писал, что таинственные находки, сделанные здесь, «не позволяют сомневаться в большой культурно-исторической значимости этого уголка Цебельды и требуют к нему особого научного внимания». А чтобы науке не достались «развалины развалин», необходимо «поспешить с тщательным и систематическим археологическим обследованием, повести глубокие раскопки, и не будет удивительным, если одна из темных и непрочитанных страниц истории Абхазии... осветится и прочтется...».

Продолжил историко-краеведческую тему второй очерк Стражева «В поисках старины», появившийся через три дня после первого – 9 августа 1927 года¹. Он открывается живописным, музыкальным холстом, в котором слились и проза, и поэзия: «Утро. Чуть дождит. Небо то мглился, то голубеет... Спустились к Амткелу... Дыбится лесистый Пал. По каменистому ложу чудесно шумит река.

Неожиданно в звуки воды вливаются звуки шарманки. Медленно, с непокрытой головой, бредет от мельницы по берегу коренастый человек, вертит шарманку – играет сам для себя. Вероятно, в нем поет перебродивший виноградный сок, вероятно, ему стало хорошо и грустно. Под шарманку и гул Амткиала встают в памяти вёсны молодости, родной и далекий северный город и что-то еще, многое...

Идем, переходим мост, поднимаемся и долго обходим гору. Справа, глубоко, чуть шумит Амткиал, бегущий в Кодор. Прямая ровная лесная дорога ведет и ведет. Поворот влево, – и вот она, Багадская скала. Надвинулась дождевая туча, и мы быстро-быстро узким карнизом, свисающим над жуткой крутизной, пробираемся не без опаски: всего чаще именно в дождь падают здесь камни... С балкона постового дома любовались грандиозным зрелищем: вздымалась великолепная Багада в чалме грозовой тучи, в слепительном блеске молний. Почему сухумцы не паломничают к Багаде? Непонятно».

О Стражеве можно говорить как о большом мастере лирического пейзажа. Язык писателя отличается лаконичность, образность, прозрачность. Как стихи в прозе читается отрывок, построенный на рефренах: «Лошади шли без передышки. Мы не отставали. Долго тянулось селение Латы. Шли. Кодор становился все шумливее. Шли. Припадали жадно к холодной воде родников, сочившихся из мшистых скал. Тропа змеилась, горбатилась, иногда сползала к самой реке. Радость для глаз не кончалась. Шли. Уже низко было солнце, когда остановился наш караван... Дальше лошади не шли».

К вечеру археологи добрались до урочища Куабчара, где и заночевали «под золотым бисером неба». А утром двинулись в

¹ Советская Абхазия. 9 августа 1927.

сторону Чхалты. «Что за веселая, шумливая река! – восторгался ею Виктор Иванович. – Мчит она из-под Маруха свою ледяную воду, почти оттуда же, откуда гордо-девственная Бзыбь несется на запад. Но Бзыбь державна до конца – до моря. А Чхалта... Вот здесь, на глазах, в ледяной своей страсти, отдает она себя красавцу Кодору. Здесь, в Кодоре, – конец веселой Чхалты! Над их слиянием – древняя, никем не изученная крепость. Массивная кладка стен свидетельствует о глубокой строительной традиции. Это, по меньшей мере, рука Византии». Недалеко от крепости они обнаружили не отмеченный в литературе храм, осмотрели древнюю Амзарскую церковь. Обследовав Дал и Цабал, ученые двинулись в Сухум, а затем в Пицунду, Гарру и Бзыбь.

Впервые Виктор Стражев побывал в Пицунде в 1925 году вместе с экспедицией АБНО. Ехали они тогда катером из Гудаут. Попали в шторм. В первую же ночь на мысу экспедиция подверглась нападению бандитов. Виктор Иванович заболел здесь тропической малярией. Вторая поездка в Пицунду состоялась летом 1927 года¹. Поэт и археолог приехал сюда на автомобиле, переправившись на пароме через Бзыбь. «Удивительное и глубокое чувство рождает Пицунда, – писал он. – Бродишь по земле, насыщенной таинственной древностью Великого и Богатого Питиуса, любуешься блистательным мастерством византийского зодчества, кочуешь по сосновой роще, этой драгоценности... Абхазии... Изумительно прозрачна вода в тишайшем, серебряном от солнца, заливе. Пустынность. Безмолвие. Грусть веков. Еле слышны сосновые вздохи. Темные громады далеких гор, застилающих север».

Стражева глубоко заботило будущее Пицунды – «естественного музея Абхазии». Он был против строительства здесь лесопильного завода, различных хозяйственных строений: «Если бы я был власть, я объявил бы весь пицундский мыс заповедником, отремонтировал старые монастырские здания и устроил в них дома отдыха и нашел бы средства для того, чтобы с помощью археологической лопаты попытаться прочесть тайны пицундской земли. Пицунда стала бы интереснейшим местом всего Союза...».

¹ Советская Абхазия. 11 августа 1927.

Говоря о средствах на раскопки, В. Стражев имеет в виду прежде всего доходы от многочисленных организованных экскурсий. Еще 10 марта 1925 г. на заседании совета АБНО он впервые высказался за научное руководство экскурсантами и организацию в республике экскурсбюро¹.

Так пророчествовал поэт. А Пицунда, о которой он мечтал, станет всесоюзным и международным курортом.

Скоро археолог обследовал крепость и развалины храма у моста через Бзыбь. «Бзыбские древности – чрезвычайно интереса, – писал он. – Трехнефный храм – один из лучших памятников руинной Абхазии. Великолепный материал, высокая техника кладки, резные сохранившиеся камни оконных наличников в алтарной части, весь комплекс окружающих сооружений убеждают, что в этом районе Бзыби имела место богатая историческая жизнь».

Ранним утром он двинулся вверх по реке, в урочище Хасантабаа. Там, «над бездной», поэтом было создано совершенно замечательное творение: «Ущелье Бзыби необычайно красиво. На пути встречался самшитовый старый лес. Приветливой волной шумела Бзыбь. Отшагав верст восемь, на противоположном берегу, на крутой и одинокой горе, отбежавшей от побережного массива, увидел мрачную высокостенную крепость, на которой вздымалась, как длинная шея, глухая башня. Веяло романтикой феодализма. Но между мной и крепостью бурлила непроходимая Бзыбь. Где же паром? Как перебраться?»

Судьба смилостивилась: из лесу вышло мое счастье – маленький абхазец-мальчик с пустой корзиной. Ему тоже надо было на тот берег. Я объяснил ему свое затруднение со всем мимическим красноречием. Он, видимо, понял, но минут пять молча и серьезно рассматривал мою персону во всех подробностях. Потом вложил пальцы в рот и свистнул. Вот это свист! Так, вероятно, свистел былинный Соловей-разбойник.

На том берегу замаячила фигура, подошла к реке, нырнула в люльку – и черный паук пополз по канату... Уплотнились выше нормы, некоторые мои оконечности торчали на воздухе.

¹ ЦГАА. Ф. 2. Д. 421. Л. 19.

Завертелась ручка, заскрипели колесики, качаясь поползли над бездной. Мальчик-абхазец остался на второй рейс. Поглядел вниз, поглядел вверх – решил никуда не глядеть. В сознании промелькнула вся прожитая жизнь. Захотел сочинять предсмертные стихи, чтобы чем-нибудь заняться на воздушном досуге. Сочинил:

В зыбке над Бзыбью зыблюсь.
Миг! – и я в Бзыби урыблюсь.
Зыблюсь над Бзыбью в зыбке.
Понравлюсь ли бзыбской рыбке?

Когда оказался на твердой суше левого берега, робко пощупал себя: я или не я?».

Изучив крепость на левом берегу Бзыби, Стражев вернулся обратно: «Вечером сидел в калдахварском духане, слушал от молодого абхазца сказания о нартах, вертел в руках бронзовый браслет, найденный где-то поблизости».

На следующий день поэт добрался до Черной речки, где в отвороте скалы застыл «таинственный неприступный «монастырь». На ночь он остановился под гостеприимным кровом З.Н. Бения в селе Отхара, а утром осмотрел дольмены и «неведомую в литературе разрушенную крепостцу...».

АБХАЗСКИЙ «МАХАДЖИР»

К теме махаджирства Виктор Стражев обращался неоднократно. Переселение в Турцию до наших дней осознается в Абхазии как национальная печаль (XIX в.), писал поэт в сборнике «Горсть» (1923) в послесловии к стихотворению «Махаджир».

...Земли моей я взял и на чужбину –
Священных семь горстей.
«Вот все, что я сберег, – скажу угрюмо сыну, –
От родины твоей».

Горсть... Сам поэт ее тоже увез из Абхазии в Москву в 1927-м. Он как бы «сопережил» со всем народом страшное горе, оставив свою вторую родину, где, может быть, и прожил свои самые счастливые дни. Но об этом Виктор Стражев узнал позже. Он почувствовал ностальгию далеко от Абхазии, в самом сердце России – Москве. Вот что он писал в одном из «Московских писем»¹ 9 октября 1927 года.

«Пишу вам, милый сухумец, из бурной гущи Москвы. Простите за то, что первое это письмо – очень личное. Но что делать, если с кончика пера сочится воспоминание о тех одиннадцати годах жизни, с которыми навсегда попрощался я с палубы парохода в нежный и теплый синий вечер – вечер разлуки с вами. Посмейтесь над моим «карамзинизмом»..., – есть вещи, от которых не освобождается никто, и среди них та, которую мы называем разлукой... Я как-то очень сильно почувствовал себя абхазским «махаджиром», которому уже не доведется бродить по Абхазии, в ее горных дебрях, волноваться загадками ее истории, писать и думать о ней и для нее, подставляя лицо ласке ее неба и так неслышно старея... Странно! Жил в Абхазии и таил в себе чувство какой-то плененности, вздыхал стихами о севере, о снежных вьюгах, о золотых осенних бульварах Москвы.

Но вот теперь, когда «добропутные» ветры пригнали мой «корабль» к подножию Кремлевских стен, встает в памяти далекая Абхазия...»

...За несколько дней до смерти В.И. Стражев оставил четверостишие:

Как же, когда же
Все я изжил?
Виктор ли Стражев
Тот, кто без сил?

Умер он в Москве осенью 1950 года. «Учительская газета» (21 октября) сообщала тогда: «Прекрасный знаток родного слова, Виктор Иванович всю свою жизнь посвятил литературе

и школе... Много лет уже работает советская школа по учебнику русской литературы XIX в., написанному В.И. Стражевым... Виктор Иванович проявил себя не только как блестящий педагог, но и как поэт, прозаик, археолог, критик, переводчик и библиограф».

Блестящий представитель русской интеллигенции внес огромный вклад и в российско-абхазские культурные взаимоотношения.

*Ученые записки Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья / Отв. ред.: А.Ю. Скаков. Т. 1. Абхазия. М.:
Институт Востоковедения РАН. 2013. С. 141–171.*

¹ Советская Абхазия. 23 октября 1927.

АБНО: ОТ ФАЛЬБОРКА ДО БАРАЧА

«Сохранит ли о нем память благодарное потомство абхазское?»

Шестого августа 1922 г.¹ в Сухуме, еще до образования СССР, было основано Абхазское научное общество (АБНО), которое сыграло огромную роль в общественно-политической, историко-культурной жизни и научно-исследовательской деятельности в Абхазии. Сегодня мало кто помнит и знает об этой уникальной не только для того времени общественной организации, о ее передовом научном потенциале, талантливых ученых, исследователях, энтузиастах. Многие из них забыты, неизвестны даже специалистам. Одна из попыток напомнить об этом была предпринята 7 августа 2019 г. на конференции – «О некоторых аспектах абхазской истории новейшего времени»², посвященной предстоящему 100-летию юбилею Абхазского научного общества.

После бурных революционных событий, потрясений Гражданской войны, в только что образованной ССР Абхазии, благодаря целой плеяде видных ученых, была организована интернациональная по своей сути общественная академия наук, идею

¹ Одни исследователи считают днем основания АБНО – 26 июня 1922 г. (см.: Прицкер Л.М. Советская Абхазия в датах. Сухуми. 1981. С. 8); другие – 26 августа 1922 г. (см.: Ачугба Т.А. История Абхазии в датах. Сухум. 2016. С. 144). Однако, не так давно, благодаря содействию В.А. Чирикба, был найден, выходящий в Сухуме, журнал «К новой школе» (1923 г., № 2), в котором был опубликован «Отчет деятельности Абх. Н. Об-ва за время с его основания (6 авг. 1922 г.)» (с. 19–23), благодаря чему нам теперь известна точная дата основания АБНО – 6 августа 1922 г.

² Организаторами были: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия РА, Центр стратегических исследований при Президенте РА, Национальная библиотека им. И.Г. Папаскир.

которой всемерно поддержал глава правительства Абхазии Нестор Лакоба.

Что можно сказать о раннем периоде становления АБНО? Известно, например, что в Сухуме в 1923 г. вышел (12 страниц) «Бюллетень Абхазского научного общества» (№ 1)¹. С полной уверенностью можно говорить о первом организационном периоде, который охватывает время с 6 августа 1922 г. по 15 мая 1923 г.²

На сегодняшний день документально подтверждено, что идейным вдохновителем, организатором и первым председателем АБНО был Генрих Адольфович Фальборк, возглавлявший Общество с 6 августа 1922 г. по 27 января 1923 г.³ Так, например, в ноябре 1922 г. сообщалось, что в Сухуме был проведен вечер памяти Л.Н. Толстого, который открыл большой почитатель писателя, председатель АБНО Г.А. Фальборк⁴ (выступали В. Стражев, Ф. Авиллов, Д. Захаров и др.). Вторым председателем АБНО на общем собрании 27 января 1923 г. был избран Герман Павлович Барач (заведующий Сухумским педагогическим техникумом), в силу того, что Г. Фальборк отказался от должности⁵. В день своего избрания Г. Барач прочитал лекцию «Биологический закон в педагогике»⁶. С этого времени и до 1931 г. он возглавлял работу Общества. Поэтому Германа Барача, как «бессменного» председателя специалисты помнят, а вот о Генрихе Фальборке – нет ни слова.

Не исключено, что он покинул АБНО, чтобы не быть слишком заметной публичной фигурой и скорее всего по совету Н. Лакоба, который помогал (пока мог) многим известным талантливым людям, заброшенным волею обстоятельств на самый край

¹ См.: Бюллетень Абхазского Научного Общества. № 11–12. Сухум, ноябрь–декабрь 1925. С. 75.

² Обзор деятельности Абхазского научного общества за время с 15 мая 1923 г. по 15 февраля 1924 г. [Сухум], 1924.

³ Голос трудовой Абхазии. 1923. 15 февраля.

⁴ Голос трудовой Абхазии. 1922. 29 ноября; 2 декабря; Лакоба С. Поэт и археолог (Очерк о Викторе Стражеве). / Литерат. сб.: Ерцаху. Сухуми. 1981. С. 194.

⁵ Голос трудовой Абхазии. 1923. 15 февраля.

⁶ Там же.

бывшей империи. Во всяком случае, дальнейшая работа Фальборка в Абхазии говорит как раз об этом...

Кто же такой Генрих Адольфович Фальборк (1864–1942)? В литературе о нем отмечается, что он был выдающимся российским статистиком, педагогом, переводчиком, публицистом, о нем немало сказано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹. Происходил он из дворян Подольской губернии, окончил физико-математический факультет Петербургского университета, занимался статистикой у знаменитого профессора Ю.Э. Янсона. Был одним из руководителей статистического исследования народного образования в России², в соавторстве с В.И. Чернолуским издал труд «Народное образование в России» (СПб., 1899), «Настольную книгу по народному образованию» (в 3-х т.) и др. Фальборк – один из учредителей Педагогической академии в Петербурге, редактор-издатель газеты «Школа и жизнь» (1911–1917)... В молодости был увлечен идеями Л.Н. Толстого, за что арестовывался и был выслан из Петербурга во Владимир (1887–1890).

Чего же так опасался Г.А. Фальборк? Почему он надолго покинул после Октябрьской революции 1917 г. Петроград и обосновался в далекой Абхазии?

Помимо того, что он был дворянином, было еще одно крайне опасное для него обстоятельство, связанное с приходом к власти большевиков и их лидером. Дело в том, что будучи гласным Петербургской думы и членом группы «Обновление думы» (1904–1917), во время войны на Балканах в 1912 г., он участвовал в подготовке резолюции в поддержку славянских народов. Резолюцию и самого Фальборка В.И. Ленин назвал «образцом буржуазного шовинизма»³.

Скорее всего, именно этого факта своей биографии опасался Г.А. Фальборк.

В результате он оставил публичную деятельность в АБНО и будучи выдающимся специалистом в области статистики ока-

¹ Энциклопедический словарь. СПб., 1902. Т. XXXV. С. 272.

² Петрова Л.И. Городской музей и власть: 1880-е – 1930-е годы. СПб., 2015.

³ Петрова Л.И. Городской музей...; Ленин В.И. ПСС. Т.22 («Позорная резолюция»).

зался, по всей видимости не без поддержки Н. Лакоба, на тихой должности в структуре правительства ССР Абхазии. В этот период (1923–1929) он фактически не упоминается в прессе, его имя можно с трудом отыскать лишь в редких служебных справочниках. Как ценного специалиста в области статистики Фальборка оберегали и до поры не давали воли спецслужбам. В 1925 г. в одном из справочников сказано: Госплан ССР Абхазии учрежден при Экономическом Совете (ЭКОСО) в октябре 1924 г. и что постановления Госплана вступают в силу после утверждения ЭКОСО. Председателем Госплана и членом ЭКОСО был Г.А. Фальборк¹, а Председателем Совнаркома ССР Абхазии Н.А. Лакоба...

Упоминается Г.А. Фальборк и в отчете Председателя Академии абхазского языка и литературы Дмитрия Гулиа от 15 октября 1928 г., в котором говорится, что на заседании Академии в 1926 г. «заслушан труд профессора Фальборка “Абхазия в цифрах”»².

Работая в одной из важнейших структур правительства Абхазии, Генрих Фальборк сделал очень многое в области статистики, фактически с нуля создал необходимое для социально-экономического, демографического и культурного развития направление. Достаточно взглянуть на многочисленные отчеты, докладные, показатели 20-х годов, чтобы понять, на каком высоком научном уровне велась тогда работа в полуграмотной Абхазии. За всеми этими цифрами, документами незримо стоял Фальборк, проделавший громадную, титаническую работу. Заслуги этого тихого, интеллигентного человека очень значительны.

По всей видимости, его положение в Абхазии к 1929 г. осложнилось, и он вернулся в Ленинград³. Кстати, именно в это время постоянные проверочные комиссии одолевали Н. Лакоба и речь шла о его возможном смещении. Сталин защитил его тогда, но

¹ Сухум. Справочник. Под ред. В.Ю. Шидловского. [Сухум], 1925. С. 25–26.

² Материалы по истории Абхазии советского периода (1921–1931) / Сост.: А.Э.Куправа. Сухум, 2015. Т. 2. С. 302 [в тексте опечатка: вместо Фальборк – «Фальберг»].

³ Петрова Л.И. Городской музей...

при этом подверг жесткой критике в своем письме от 19 октября 1929 г. за то, что он «опирается на все слои абхазского населения (это не большевистская политика)»¹.

Такова была неординарная судьба забытого первого председателя Абхазского научного общества Г.А. Фальборка.

Вторым председателем АбНО (и вторым российским немцем по происхождению) стал ихтиолог Герман Павлович Барач (1879–1961). Он продолжил издание «Бюллетеня АбНО», начатое Фальборком. Помимо этого за счет общественных средств стали выходить «Известия» и «Труды» АбНО. Герман Барач был энергичным руководителем АбНО (1923–1931), который организационно укрепил Общество, сплотил творческий интеллектуальный потенциал многонациональной Абхазии и вывел научную работу на всесоюзный и международный уровень. Достаточно взглянуть на хронику АбНО: доклады, лекции, сообщения, заседания, экспедиции, экскурсии... Особо заботливое отношение было к Музею и Библиотеке, которая осуществляла обмен изданиями с научными учреждениями СССР и Германии². Только к 1925 г. АбНО поддерживало научные связи с 175 научными учреждениями Союза, 12 германскими и 67 отдельными учеными³.

Общество первоначально состояло из 4-х секций: технической, сельскохозяйственной, медицинской, географической и этнографической, а в 1925 г. добавилась секция абхазоведения. Особо следует сказать о том, что решением Совнаркома и лично Н. Лакоба в 1923 г. АбНО был выделен большой земельный участок, предоставлены оборудование, субсидия в 180 червонцев (1800 рублей), передано имущество бывшего Сухумского общества сельского хозяйства...⁴

В структуре АбНО были: Президиум; Совет АбНО; Ученый Совет; Ревизионная комиссия. Интересно привести имена людей,

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 103–104.

² Бюллетень АбНО. Сухум. 1925. № 1–7. С. 10–11.

³ Ермоленко Л.П. Абхазское научное общество в истории изучения Абхазии в начале XX в. / Большой Кавказ – Россия – Европа. Ростов-на-Дону, Таганрог, 2019. С. 143.

⁴ Там же. С. 141.

которые составляли ядро организации. Так, 28 июня 1925 г. состоялось годовое общее собрание Общества. В прежнем составе переизбран его Президиум: Г.П. Барач (председатель), В.М. Козлов (зам. председателя), В.П. Малеев (ученый секретарь). Членами Совета АбНО избраны: Н.А. Лакоба, С.Я. Чанба, Д.И. Алания, А.М. Чочуа, С.П. Басария, Л.Л. Захаровский, Р.И. Какуба, Л.В. Карташев, В.И. Стражев, А.С. Меерович (входил в состав Совета как председатель медицинской секции). Кандидаты в члены Совета: В.Ф. Евдокимов, Н.В. Рябов, Т.Н. Сильченко, Е.М. Юшкин. Ревизионная комиссия: Д.М. Грандилевский, Г.Х. Гюльазизов, П.А. Добрынин, М.И. Галашевский, В.М. Байтаков.

В состав Ученого Совета АбНО (выборы 25 июня 1925 г.) входили: Г.П. Барач (председатель), В.П. Малеев (уч. секретарь), С.А. Арабажи, С.П. Басария, Н.М. Васильев, В.Ф. Евдокимов, Н.С. Заклинский, Л.Л. Захаровский, В.П. Ишеев, Р.И. Какуба, В.М. Козлов, Л.В. Карташев, В.П. Маркович, А.С. Меерович, Н.В. Рябов, Т.Н. Сильченко, В.И. Стражев, П.С. Фармаковский, Е.М. Юшкин. По специальностям в состав Ученого Совета входили: 1 геолог, 1 географ, 2 ботаника, 1 зоолог, 1 физик, 1 химик, 1 ученый агроном, 1 ученый лесовод, 3 инженера, 4 врача, 2 экономиста, 1 историк и археолог.

По инициативе АбНО в сентябре 1924 г. с большим успехом прошел в Сухуме очень представительный 1-й съезд деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа. Здесь же в АбНО предложили провести второй съезд в Батуме¹.

К проведению 1-го съезда краеведения в Абхазии подключился и академик Н.Я. Марр. В 1924 г. он познакомился с Н. Лакоба и между ними состоялась беседа по проблемам абхазоведения². В письме к Нестору относительно АбНО Марр предложил программу по изучению истории, этнографии, фольклора и языка, материальной культуры Абхазии. В 1925 г. Совет АбНО поручил С.П. Басария организовать секцию абхазоведения. Марр сообщал Лакоба: «Я сделал все, что было в моих силах, чтобы заинтере-

¹ Бюллетень АбНО. 1925. № 1–7. С. 2–3, 12.

² Бражба Х.С. Труды. Кн. 1. Сухуми, 1987. С. 94–96.

совать ученых и создать тягу к первому краеведческому съезду в Абхазии. Изъявили готовность и готовятся быть участниками съезда от Академии истории материальной культуры акад. С.Ф. Ольденбург (он же действительный член Академии наук, непреременный ее секретарь); проф. Б.Вл. Фармаковский, ученый секретарь Академии истории материальной культуры, известный историк-искусствовед; Ал.Петр. Смирнов, серьезный молодой византист, и два специалиста по реставрации и охране архитектурных памятников – Н.М. Текарский и А.П. Удальцов»¹.

Съезд краеведения работал с 12 по 19 сентября 1924 г., открыл его Председатель Совнаркома Н. Лакоба, председателем съезда был избран академик Н. Марр, почетными председателями – Н. Лакоба, Наркомпрос РСФСР А.В. Луначарский и секретарь Российской Академии Наук С.Ф. Ольденбург, который не смог приехать из-за болезни. С интересом были заслушаны доклады Н. Марра, А. Генко, П. Фармаковского, Д. Гулиа, С. Ашхацава и др.

19 сентября 1924 г. съезд завершился на исторической поляне в селе Лыхны. Сразу после него Г. Барач² пригласил Н. Марра, и они обсудили вопрос об организации абхазоведческой секции, что и было затем реализовано.

В связи с тем, что первый краеведческий съезд прошел с оглушительным успехом, академик Ольденбург пригласил представителей АбНО принять участие³ в праздновании 200-летия Российской Академии наук (1725–1925). Тем самым была дана высочайшая оценка прошедшему серьезному научному мероприятию. АбНО к этому времени установило обширнейшие научные связи. Только за пять лет, по словам А.М. Чочуа, было заслушано 196 докладов⁴.

С новой творческой энергией в АбНО развернулось и музейное дело (он был открыт в Сухуме для посещения в 1917 г.). Научная организация его была поручена председателю АбНО

¹ Там же. С. 96.

² С. 98–99.

³ Бюллетень АбНО. 1925. № 1–7. С. 12.

⁴ Чочуа А.М. 5-летие Абхазского научного общества // Избранные сочинения. Тбилиси, 1987. С. 172–173; Салакая Ш.Х. Центр абхазоведения. Сухуми, 1982.

Герману Барачу. Музей расширялся, пополнялся новыми археологическими и этнографическими материалами, нумизматическими находками, а в 1928 г. получил статус государственного¹. До 1931 г. директором Музея был Барач (одновременно и председатель АбНО). В декабре 1930 г. он принял участие в 1-м Музейном съезде в СССР (Москва), на котором было заявлено о коренной перестройке музейной деятельности, направленной в русло социалистического строительства... Герман Барач плохо вписывался в эти требования, как и все АбНО. Однако по возвращении он пересмотрел структуру Госмузея Абхазии, его экспозицию, представив «план реорганизации». План этот, по данным историка Тача Гицба, был представлен 1 января 1931 года. Активность Барача, который уже несколько лет находился под колпаком спецслужб, привела к тому, что он был отстранен от должности директора госмузея. Его место занял некто В. Сыркин, «подосланный органами НКВД...»².

О тревожном периоде АбНО и музея говорится и в письмах Г. Барача, М. Иващенко, В. Малеева к Виктору Стражеву, которые приведены отдельно в следующем разделе. Эти уникальные документы были обнаружены автором в московском архиве в 1981 году.

В самой переписке с Виктором Стражевым Барач и Иващенко прибегают к намекам, умолчанию, иносказательной речи, понимая, что их письма контролируются (перлюстрация), а порой и не доходят до адресата. Что они чувствовали, о чем заботились накануне ареста?

Эти нотки обреченности проскальзывают и в некоторых строчках писем, начиная с 1930 года. Бурная научная и общественная деятельность АбНО и Музея, которые возглавлял до лета 1931 г. Герман Барач, интеллектуальный и научный потенциал кадров, высокий уровень исследований стали раздражать и беспокоить некоторых функционеров в Москве и особенно в Тифлисе, где председатель ГПУ Лаврентий Берия пристально и

¹ Гицба Т.Ш. К 100-летию Абхазского государственного музея. // Республика Абхазия. 2017. 21 июня.

² Гицба Т.Ш. Там же.

ревностно наблюдал за высоким всесоюзным и зарубежным авторитетом АбНО, укреплявшим позиции Абхазской республики.

В этой связи, думаю, интересными будут некоторые выдержки из писем.

1. Из письма Г. Барача – В. Стражеву от 22 сентября 1930 г.:
<...>Мечтаю о следующем лете – авось доживем.

[Комментарий СЛ: Следующим летом 1931 г. Барач был арестован вместе с археологом М. Иващенко].

2. Из письма Г. Барача – В. Стражеву от 22 февраля 1931 г.:
<...>Живем мы здесь на общих основаниях, хорошо, следовательно. При НКП[росвещения] работает комиссия по чистке, собирает пока материалы, а скоро и самая чистка начнется. Горим энтузиазмом.

О Иващенко: «Он тоже живет хорошо, конечно».

[СЛ: Интересно, что письмо написано Барачом в самый разгар политических событий в Абхазии, в дни, когда ССР Абхазия была преобразована в автономную республику и включена 19 февраля 1931 г. в состав Грузинской ССР, а с 18 по 26 февраля проходил многодневный «Дурипшский сход». Однако эти события автор обходит молчанием, но упоминает о готовящейся политической чистке кадров].

3. Из письма Г. Барача – В. Стражеву от 30 марта 1931 г.:
<...>Пишу не дождавшись от Вас того письма, о котором Вы предупредили меня своей телеграммой. Несомненно, Вы его послали и, следовательно, где-то оно безнадежно залежалось...

<...>Рукопись моя [«География Абхазии»] не только не получила одобрения, но даже «арестована» в Москве.

У нас большие события и перемены. В виду обнаружившегося буржуазного уклона, академичности, замкнутости и др. дефектов, реорганизуется, вернее ликвидируется, Абх. Н. О-во. Вместо него организуется массовое краеведческое Общество. В литературном наследии АбНО и особенно в журнале Субтропики, в его

узком агро-техническом направлении вскрываются элементы «кондратьевщины» и «чаяновщины»... Реорганизация О-ва поручена некоему Сыркину... Он же назначен редактором журнала «Субтропики». А так как и Музей оказался не на высоте положения («барский»), то и не должен быть реорганизован. Директором Музея назначен тот же Сыркин. (Я – зав. естественно-истор. отделом). Будет убрана старая рухлядь, т. наз. археология и развернуты картины нашего строительства... Сыркина Вы не знали, он появился в Сухуме всего года два. Это молодой, но, многообещающий человек. Москвич!.. Таковы дела... Летние перспективы [покрыты] для меня густым туманом... Как ни заманчива для меня возможность поработать под руководством т. Сыркина и посмотреть как в его умелых и смелых руках преобразится столь неудачно сляпанное мною дело, однако... думаю, что засиделся я в Сухуме дольше, чем следует.

<...>Жить под нашим южным небом стало совсем не сладко. Оно покрыто густыми облаками, льет дождь, холодно, сыро. Уныло и... голодно...

<...>Скверная погода, ох какая скверная!..

[СЛ: Из этого письма видно, что настроение Барача подавленное: отдельные письма до него не доходят, «География Абхазии», которую он сдал 1 декабря 1930 г. в Госиздат «арестована в Москве», готовится реорганизация, а на самом деле, ликвидация АбНО; вместо Г. Барача директором музея становится некий Вениамин Сыркин (появился в Сухуме в 1929–1930 г.), полуграмотный чекист, которому поручена перестройка «барского» музея в музей социалистического строительства, без археологии, этнографии и т.д. Он же стал редактором журнала «Субтропики», а в агротехническом направлении АбНО усмотрел элементы «кондратьевщины» и «чаяновщины». Брошено было серьезное политическое обвинение, особенно на фоне антиколхозных выступлений в Абхазии в феврале 1931 г. Дело в том, что с началом коллективизации в СССР, после выступления Сталина на конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929), термины «чаяновщина» и «кондратьевщина» стали символами вредительства и защиты кулачества (А.П. Чайнов и Н.Д. Кондратьев, видные

экономисты). В октябре того же 1929 г. Сталин (как уже упоминалось) подверг критике Лакоба, а после событий в Гудаутском уезде (Дурипш, Лыхны, Ачандара и др.) и преобразования в автономную республику его судьба висела на волоске, и ему было, конечно же, не до АбНО, которое он всемерно поддерживал в 20-е гг. К тому же в Абхазии, как и по всему СССР, шел процесс «коренизации», когда местные национальные кадры вытесняли и замещали опытных, образованных специалистов не только в госаппарате].

4. Из письма Г. Барача – В. Стражеву от 8 апреля 1931 г.:

<...>Только что получил Ваше письмо от 2 апр. Из него узнал, что ему предшествовало другое, до меня недошедшее...

<...>Предстоит ликвидация АбНО. Вместо него будет организовано массовое краеведческое Общество. Когда Вы приедете в Сухум, если приедете, АбНО уже будет покойником, а на его месте... ничего, я думаю, не будет. Сохранит ли о нем память благодарное потомство абхазское? Не утешаю себя и этой надеждой...

<...>А если меня к тому времени не съедят еще, то мож. быть, мы сумеем все же организовать путешествие в горы, к абхазским пастухам. Что может быть лучше этого сейчас? Нет, Вы все-таки не оставляйте мысли об Абхазии. Проект Рицинской экспедиции пока не отпал.

Незадолго до своего ареста Герман Павлович Барач 28 апреля 1931 г. переслал Виктору Ивановичу Стражеву в своем письме вырезку из газеты «Советская Абхазия».

Приведу выдержки из статьи Вениамина Сыркина «АбНО в тупике»:

<...>АбНО в тупике, в результате своего исключительно-реакционного научного руководства, абсолютно не желающего считаться с социалистическим строительством, в результате полного игнорирования этим руководством материалистической диалектики, единственно правильного мировоззрения и научной методологии, в результате сногшибательной беспартийности научного руководства АбНО, не желающего знать классов, классовый борьбы и классовости науки.

<...>Имеет ли это ученое дилетанство свой объективный классовый смысл? Конечно, имеет, ибо ничего бесклассового в классовом обществе нет. Объективный смысл «научной» работы Г.П. Барача, В.И. Стражева, М.М. Иващенко и прочих – отвлечь внимание краеведческих сил Абхазии от изучения краеведческих проблем сегодняшнего дня, отвлечь краеведов от той науки, которая перестраивает мир. Именно поэтому из АбНО фактически ушли все те, кому дорога действительная наука, а не наукоподобные разговоры.

Почему археология превратилась у авторов классификации в непосредственную надстройку над производительными силами. Не видеть классов и их борьбы – ведь это, в конце-концов, было целевой установкой АбНО. Где же выход из тупика? Чтобы выпрямить линию АбНО, его нужно сломать. Надо создать массовое, классовое краеведческое общество, не приклеивая к нему особых ученых ярлыков; общество, работающее для скорейшего построения социализма в СССР.

Сыркин критикует в этой статье прекрасные работы ботаников В.П. Малеева «Пицундская сосновая роща», Ю.Н. Воронова «Итоги изучения флоры Абхазии за 100 лет», труды археологов – М.М. Иващенко («Великая Абхазская стена»), В.И. Стражева («Бронзовая культура в Абхазии»), А.С. Башкирова («Археологические изыскания») и др.

В это время против сотрудников АбНО и, особенно, Барача в прессе была развязана травля, их называли буржуазными учеными, антисоветским элементом. В этой кампании принимали участие и некоторые абхазские авторы. Все это не могло не сказаться на Германе Бараче, который в сердцах написал фразу, над которой следует задуматься и сегодня: «Сохранит ли о нем [АбНО] память благодарное потомство абхазское?».

По всей вероятности в июне 1931 г. Г. Барач и М. Иващенко были арестованы органами ГПУ Грузии. Историк Тач Гицба отмечает, что Сыркин был внедрен спецслужбами¹ для развала

¹ Гицба Т.Ш. К 100-летию Абхазского государственного музея. // Республика Абхазия. 2017. 21 июня.

АБНО и с этой целью он обвинял Барача в реакционности. Выполнив задание, он через три месяца исчез из Абхазии. Незадолго до своего ареста, 28 апреля 1931 г., Герман Барач в письме Стражеву дал карикатурную зарисовку: «Т. Сыркин Вениамин похаживает по Музею в гимнастерке защитного цвета, заложив кисти рук за пояс, и имеет ужасно хозяйский вид. Роста же он ниже среднего, голос имеет громкий, тон решительный».

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ ПОСЛЕ МЕТЕХИ...

Благодаря письму Германа Барача Виктору Стражеву, которое он предусмотрительно не отправил по почте, а передал нарочным, со знакомым, который ехал в Москву, мы узнаем уникальные подробности. Надо отдать должное и Стражеву – ведь не побоялся же – сохранил для истории этот важный документ.

29 ноября 1931 г. он пишет из Тифлиса:

Дорогой Виктор Иванович!

3 дня тому назад я вышел из «замка над Курой». Прошел шестимесячный курс переквалификации. Испытание выдержал удовлетворительно. Возврата в Абхазию нет... Сейчас занят устройством в Тифлисе, надеюсь, что это мне удастся. А если нет, то некий товарищ «направит меня на работу». Надеюсь на место научн. сотрудника в организуемом Н.-Иssl. Ин-те Закавказоведения – отделение Вс[есоюзной] Академии Наук. Директор И-та – Н.Я. Марр...

Да, я не написал Вам о М.М. [Ивашенко]. Мы вместе с ним (в одной партии) прибыли в Тифлис, в Метех, и в течение месяца были товарищами по камере. Все время он болел (малярия) и был в очень подавленном состоянии. Наконец, 9-го сент., его перевели в больницу при Губернской тюрьме и сейчас он все еще (почти 3 месяца) находится там: к малярии присоединился брюшной тиф в тяжелой форме с рецидивами. Теперь поправляется... Бесконечно жаль бедного Мих. Мих. Ему пришлось испытать очень многое и что еще ждет впереди, никто не знает...

ЗА ПОДПИСЬЮ БЕРИЯ

С самого начала своей деятельности в 1922 г. АБНО способствовало укреплению суверенитета молодой Абхазской республики, и глава правительства Нестор Лакоба хорошо осознавал это. Никто не ожидал, что в считанные годы АБНО станет столь серьезной организацией, будет способствовать положительному имиджу республики в масштабах всего СССР и привлечет к себе внимание многих ведущих научных центров зарубежных стран. Сам Председатель Совнаркома ССР Абхазии являлся членом президиума АБНО, оказывал Обществу, насколько это было возможным, организационную, финансовую, материальную, а главное, идеологическую поддержку. Это не могло не беспокоить власти в Москве и Тифлисе, так как хорошо известно, что Сталин с самого начала (с 1921 г.), когда была провозглашена независимая ССР Абхазия (31 марта 1921 – 17 февраля 1922), выступал против данного решения, урезая суверенитет республики финансово-экономическими ограничениями. Вождь видел Абхазию автономной республикой в составе Грузинской ССР, что и случилось 19 февраля 1931 года. Нужно отметить, что уже в апреле 1930 г. произошла реорганизация в системе власти, которая ограничивала суверенитет договорной ССР Абхазии, урезала права главы правительства Н. Лакоба: Совнарком Абхазии был упразднен, а функции правительства были возложены на Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК). Вслед за этими изменениями Абхазию потрясли антиколхозные выступления февраля 1931 г., совпавшие по времени с понижением статуса до уровня автономии.

Параллельно с этими событиями в прессе шла травля АБНО и ее председателя Г.П. Барача, археолога М.М. Ивашенко, которые были арестованы и заключены в тюрьму. Несомненно, это был удар и по Н. Лакоба, так как проект АБНО с 1922 г. активно им поддерживался, особенно на первом этапе, и более того, – он был и его детищем. Однако к 1931 г. ситуация для него и республики складывалась неблагоприятно. Удар по Барачу, по АБНО, был вместе с тем и выпадом против него. В результате Президиум ЦИК Абхазской АССР 5 августа 1931 г. принимает вынуж-

денное решение о слиянии АБНО с Научно-исследовательским институтом абхазского языка и литературы, получившем новое наименование – Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АБНИИК)...

А теперь, об одном из главных исполнителей всей этой операции, связанной с репрессиями против руководителей АБНО.

Передо мной уникальный документ под грифом «Строго секретно».

Протокол № 40 судебного заседания Коллегии или Особого Совещания при Коллегии ГПУ ССРГ от 23 сентября 1931 г.

Председатель Коллеги и Особого Совещания ГПУ ССР Грузии Берия.

Члены коллегии: Лордкипанидзе, Буслаев, Меликидзе, Олин.

В присутствии: Прокурор Енукидзе

Секретарь Мильштейн

Заслушали по докладу уполномоченного Боброва дело № 14555:

ПРОТОКОЛ № 40. <small>Строго секретно.</small>	
Судебного заседания Коллегии или Особого Совещания при Коллегии ГПУ ССРГ Председатель Коллегии и Особого Совещания ГПУ ССРГ Берия. 23 сентября 1931 г. Члены: Лордкипанидзе, Буслаев, Меликидзе, Олин. В присутствии Прокурора Енукидзе, Секретаря Мильштейн.	
С л у ш а л и	П о с т а н о в л е н и я
Дело № 13843-по обя. гр-н: ФЕЖИДЕВА Евгения Васильовича, 26 лет, турка, бывш. дворянина, переводчик. Ленинград, гражданин СССР по ст.ст. 58/6 и ст. 58/10.	ФЕЖИДЕВА Евгения Васильовича - <i>Всегда "минус двенадцать" срок на три года.</i>
Дело № 14555. ИВАЩЕНКО Михаил Михайлович, 50 лет, русск., бывш. офицер по должности царск. и белой армии по процессу Лавинского, гражданин СССР по ст.ст. 58/6 и 58/13.	ИВАЩЕНКО Михаил Михайлович - <i>Закл. в КВ на три года.</i>
БАРАЧ Герман Павлович, 51 г., русск., научного работника, бывш. член президиума Абхазского научного общества. В прошлом коллегийского ассессора, гр-н СССР по ст.ст. 58/6 и 58/13.	БАРАЧ Герман Павловича - <i>Всегда "минус двенадцать" срок на три года.</i>
докл. упол. БОБРОВ Р. -	
Председатель <i>Берия</i>	
Члены: <i>Лордкипанидзе, Буслаев, Меликидзе, Олин</i>	
Прокурор <i>Енукидзе</i>	
Секретарь <i>Мильштейн</i>	

ИВАЩЕНКО Михаил Михайлович, 50 лет, русский, бывший офицер – подполковник царской и белой армий, по профессии юрист, гражданин СССР по ст.ст. 58/6 и 58/13.

БАРАЧ Герман Павлович, 51 г., русский, научный работник, бывший председатель Абхазского Научного Общества. В прошлом коллежский ассессор, гражданин СССР по ст.ст. 58/6 и 58/13.

По постановлению Особого Совещания М.М. Иващенко приговорен к заключению сроком на 3 года, а Г.П. Барач – выслан на 3 года. Причем у Барача была приписка «Минус двенадцать», что означало, что он не имеет права проживать в крупных городах и регионах СССР, в том числе в Абхазии, в течение трех лет, но мог жить в Тифлисе.

Оба были осуждены как политические – за шпионаж и «историческую» контрреволюцию...

РАССКАЗ АРХЕОЛОГА

Летом 1969 г. мне довелось принимать участие в археологической экспедиции в районе озера Амткел, рядом с Азантским дольменом. Возглавлял ее известный археолог Лев Николаевич Соловьев, специалист по палеолиту. В составе экспедиции был почти слепой профессор, палеонтолог Николай Иосифович Бурчак-Абрамович, работавший в Тбилиси в системе АН Грузии и абхазский археолог В.В. Бжания из Института археологии АН СССР в Москве. В один из вечеров, сидя у костра, Л.Н. Соловьев рассказывал о судьбе АБНО и его сотрудниках. Был я тогда школьником и меня заинтересовало загадочное слово – АБНО. Речь зашла об археологах В.И. Стражеве и М.М. Иващенко. Ведь именно здесь, где мы работали, Стражев впервые открыл и описал Азантский дольмен и, как он любил говорить «снял с Абхазии обвинение в бездольменности». Со Стражевым лично Соловьев знаком не был, а вот с Барачом и Иващенко был на короткой ноге. В доверительных беседах они рассказывали о своих злоключениях в 1931 г. Особенно интересен был рассказ о беседе Л. Берия с Г. Барачом в Тифлисе. Бывшему председателю АБНО председатель ГПУ Грузии сказал примерно следующее: «У тебя есть выбор: или будешь сидеть и гнить в тюрьме, или забудешь об Абхазии и останешься жить и работать здесь. Вопрос трудоустройства решим».

И вот в своем интересном письме от 29 ноября 1931 г., только что вышедший из тюрьмы Г. Барач, сообщает Стражеву: «Возврата в Абхазию нет... Сейчас занят устройством в Тифлисе, на-

деюсь, что это мне удастся. А если нет, то некий товарищ “направит меня на работу”».

Вскоре его, ссыльного по политической статье, определили сотрудником в новый НИИ Закавказоведения, а через пару лет разрешили проводить ихтиологические исследования в экспедиции в Абхазии.

О злоключениях АбНОВцев Л.Н. Соловьев рассказывал и другому своему ученику, археологу-кавказоведу Ю.Н. Воронову. «Древности Абхазии, – говорил Соловьев, – часто становились поводом для преследования служителей археологической науки. Взять хотя бы конец 20-х годов, когда из Тифлиса был инспирирован погром Абхазского научного общества». Первооткрыватель дольменной культуры в Абхазии, писатель и археолог Виктор Стражев вынужден был уехать. Против председателя АбНО ихтиолога Барача и археолога Иващенко возбудили дело.

«Барача и Иващенко вывезли в Тифлис, – продолжал Соловьев, – бросили в Метехскую тюрьму, а затем в камеру вошли «благодетели», которые предложили узникам жилье и хорошо оплачиваемую работу в научных учреждениях Тифлиса. Погром АбНО не случайно совпал с понижением политического уровня Абхазии от ССР до автономии в границах Грузии...»¹.

АбНО и его разгром: 1922–1931 гг. / Сост. С.З. Лакоба, А.Я. Дбар. Сухум, 2021. С. 7–34.

ДУХОВНАЯ ИМПЕРИЯ ИСКАНДЕРА¹

Фазиль Искандер родился в Империи. В той Империи, о которой поэт Иосиф Бродский писал в «Письмах римскому другу»:

Если выпало в Империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги,
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.

Это о Фазили, об Абхазии, которая всегда стояла на краю империи – римской, византийской, турецкой, российской, советской – и Бог знает какой еще...

Говорят, на встрече Буша и Путина два президента делили мир. Камнем преткновения стала Абхазия. Оба цитировали Искандера и хохотали. Буш говорил о коварных эндурцах, а Путин – о трудовой мозоли Дяди Сандро.

– Искандер – это Александр? – встрепенулся вдруг Буш. – Может, он перевоплощенный Македонский?

– Не думаю, – лукаво заметил Путин. – Тот покорила всего лишь полмира, а Искандер – весь мир. Он даже нам ничего не оставил.

Фазиль создал в литературном мире огромную империю под названием «Абхазия». Эта непризнанная политиками страна давно признана всем остальным человечеством. Сегодня наша Абхазия и весь ее многонациональный народ принимают гражданина мира Фазиля Искандера. Присутствие писателя в Абхазии воспринимается нашими измученными согражданами как акт нашего признания лучшей частью мирового сообщества.

Почти тринадцать лет, с 1989 года, Искандер не был в Абхазии. Искандер – это конец войны и начало мира, стабильности, благополучия. Очень хочется верить в то, что это событие – начало новой исторической эпохи в становлении Абхазии.

¹ В основу этой публикации положено выступление С. Лакоба на торжественном вечере в Абхазском госдрамтеатре 18 июня 2002 г.

¹ Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьев. СПб., 1994. С. 69–71.

Фазиль был предтечей многих современных процессов. За несколько десятилетий до того, как Абхазия оказалась в эпицентре мировой политики, Искандер познакомил человечество с ее удивительным и в то же время очень непростым народом. Сегодня каждый политик, который обращается к Абхазии, просто обязан иметь на своем рабочем столе своеобразную энциклопедию абхазской жизни, пособие по новой и новейшей истории Абхазии – роман «Сандро из Чегема».

Вспоминается, как в 1994 году, когда в Нью-Йорке на Совете Безопасности ООН обсуждался вопрос о проведении миротворческой операции в Абхазии, к Владиславу Ардзинба подошел посол Германии Редсау и совершенно неожиданно начал обсуждение проблемы с произведений Фазилия Искандера. «Я внимательно читал Искандера и потому категорически против придания полицейских функций Миротворческим силам в Абхазии», – сказал профессиональный дипломат и очень интеллигентный человек.

Лет 30 назад с присущим ему юмором Фазиль писал о неких «парашютистах», которые оказались в Абхазии задолго до того, как появился сам парашют.

Прошло время, и мы видим, как уже другие парашютисты – заокеанский спецназ – забрасываются в соседнюю Грузию. Кажется, они буквально поняли строку великого грузинского поэта Галактиона Табидзе: «Абхазия – Калифорния наша...».

Что делать Абхазии? Абхазия принимает командующего «воздушно-писательскими силами» России, и не только России – Фазилия Искандера с исключительно секретным оружием – шеститомником его произведений, изданным Независимой Академией эстетики и свободных искусств.

В одном из своих интереснейших эссе «Государство и совесть» Фазиль Искандер высказал, казалось бы, утопическую идею о «совестливом государстве». Он просто в очередной раз заглянул в будущее. «Чтобы выжить в двадцать первом веке, – пишет Искандер, – человечество должно сменить классическую политику хитрости на политику совестливости, то есть политику отсутствия политики. Все государства должны усвоить одну черту истинного гения – простодушие».

«Но с чего все это надо начинать? – продолжал Фазиль. – Начинать надо с правительства. Нам нужно правительство алмазной чистоты и прозрачности, чтобы народ поверил в эту чистоту, и тогда он воспрянет духом...»

Надо помнить, что конечной причиной падения царского и Временного правительств было появившееся в народе брезгливое чувство, что они не чисты. Так оно и было на самом деле. И надо помнить, что бешенее всех взрываются терпеливые народы», – заключал Искандер.

Еще древние китайцы говорили, что самое лучшее правительство то, о котором народ вообще ничего не знает. Гораздо хуже то, которого народ боится. Но самое худшее правительство то, которое народ презирает.

Здесь, думаю, надо остановиться.

Фазиль Искандер как-то предупредил: «Беда стране, где слишком много люди думают о политике».

Абхазия во второй половине XX столетия подарила миру два ярких имени: поэта и прозаика Фазилия Искандера и поэта в прозе политики Владислава Ардзинба.

Особенно рад Искандеру Сухум, или, как ласково называет его писатель, «Сухумчик». Город космополитов, художников, поэтов, воров. Город, на набережной которого прогуливались и все еще прогуливаются яркие герои «Созвездия Козлотура».

Набережная, старая кофейня, море и солнце, абхазы и греки, русские и армяне, турки, мингрельцы, евреи... Это о них писал Искандер:

... Где форварды моей юности,
Перебирая четки,
Перебирают возможности
Своих забытых голов.

По-разному складывалась жизнь Фазилия. Были, например, сложные времена конца 70-х – начала 80-х годов, когда его преследовали, запрещали, не издавали, когда уходили из жизни самые близкие, дорогие люди.

В один из таких дней, 4 июля 1981 года, мы сидели в сухумской кофейне, и Фазиль прочел несколько своих стихов. Одно из

них меня сильно тронуло, оно показалось мне даже несколько необычным и нехарактерным для его творчества. Я попросил автограф, и Фазиль размашистым почерком оставил его на листе.

Прошло более 20 лет. Отгремела война. Когда Сухум освободили, я отыскал в своем архиве письма писателя и то самое любимое стихотворение, которое так и не встретил ни в одном из сборников его стихов.

Жизнь, нет тебе вовек прощенья
За молодые обольщенья,
За девичьих очей свеченья,
За сон. за ласточкину пруть...
Когда пора из помещенья,
Но почему-то надо жить
С гримасой легкой отвращенья,
Как в парикмахерской курить.

Порой поэты забывают свои лучшие стихи, выбрасывают или просто сжигают. Очень хочется, чтобы это прекрасное произведение не кануло в Лету и было представлено в его удивительно чистом, я бы сказал, алмазном творческом наследии.

Республика Абхазия. 2002. 25–26 июня. № 70.

НОЧЬ И ГЛАЗА ДОЖДЯ

Мастер работает стоя. Читает вслух Пушкина: «Ворон к ворону летит, Ворон ворону кричит: Ворон!..» На столе лампа, изящная, белая, подаренная японской поэтессой Юаса-сан.

Варвара Дмитриевна ложится спать поздно: в 3, в 4... Всегда что-то просматривает, вспоминает о чем-то... Вот и сейчас она открывает редкое издание художника Бусона. «Ворон к ворону летит», – шепчет она, созерцая живопись японца: на заснеженной иве, съезжившись, сидят два ворона. И Варвара Дмитриевна вдруг становится похожа на одну из этих птиц, также сутулится. Теперь у нее настроение, как у Басе: «На голой ветке Ворон сидит одиноко. Осенний вечер» или как у Хлебникова: «Голые рощи. Сосна одиноко темнеет. Ворон на ней».

Мы беседуем о самых разных мелочах. Говорим, например, что в темноте голос становится птицей, а песок устает от ног, что сон согревает как солнце, а острова в бушующем океане становятся то водой, то землей. И почему белый угол комнаты притаился вчера вторым вечером, а синие купола монастыря так пристально смотрят в небо, не догадываясь, что они – это и есть высь...

– Цвет – радость и восторг, – произносит художник и смотрит, как на чернолаковом подносе ослепительным цветом прорастает яблоко. Оно одиноко и напоминает японскую маску, маску театра Но или Бунраку. Оно одиноко и излучает в густой ливень лунный свет... А мы – Бубнова и я – в темных одеждах, точно еще две ночи. И только голова ее соперничала с луной, с яблоком, заливая все медленным и тихим, словно ее шаги, светом тепла. И родился стих-молния:

Мы в темном,
на черном белое яблоко,
на белом капли ночного дождя
белые.

В окна стучалась осень, стучалась тяжелыми гроздьями капель в лица стекол, а в комнате звучал Хлебников-график:

Она стояла скорбно, странно,
Как бледный дождь в холодном лете.

Звучал Хлебников-живописец:

Рукою темною рвала
С воздушных глаз малиновые слезы?

– И все-таки как беден наш язык в цветовом отношении, как он условен, – замечает Варвара Дмитриевна и берет на широкую ладонь ветку с красными сливами, лежащую на столике из вишневого дерева. – Как сказать об этом словами? Как выразить сливу, ее цвет?

Мы пытаемся «написать» кистью слов ветку сливы:

Слива – багровая капля –
упала с дерева
кровью.
Качался еще зеленый лист...

– Можно ли эту сливу назвать только багровой, красной или голубой, а лист – зеленым? – Рассуждает Варвара Дмитриевна. – Посмотрите, сколько здесь цветов. «Озвучить» эту ветку невозможно словом... Ее невозможно схватить даже кистью, потому что абсолютного цвета не существует... Когда-то в молодости, когда я училась в Петербургской академии художеств, профессора требовали от нас точной передачи цвета кожи натурщика. Но цвет этот менялся, как менялись свет и цвет неба, а с ними менялось и мое видение природы. Чтобы добросовестно передать увиденное, я ежедневно переписывала свой холст; в конце концов, он неизбежно становился уныло-серым или просто грязным. Унылым становилось и мое самочувствие...

1907–1922... Экспериментировали Хлебников и Кандинский, Бурлюк и Белый, Бубнова и Филонов, Маяковский, Малевич и

Матвей... Новые течения зарождаются в живописи и поэзии. Самые неожиданные смысловые оттенки, цвета, запахи, едва уловимые очертания принимает новое слово, наполненное живописью, образностью, приближенное к иероглифам. Русские поэты и художники, молодежь начинают интересоваться и глубоко изучать философию, искусство, традиции культуры Индии, Китая, Японии. Так, Хлебников, родившийся «28 октября 1885 г. в стане монгольских исповедующих Будду кочевников», с девятнадцати лет изучает японский язык, ищет в нем «особых форм выразительности». Возможно, что именно эти занятия привели поэта в 1907 году («Песнь Мирязя») к плавке корней слов, к словотворчеству. Какие-то звуки Хлебникова нашли свой отклик в звучных цветах живописи Бубновой. Созвучны и их образы, восточный ритм мышления. Несомненно, что на это сходство повлияло время, новые веяния начала века и то, что они были почти ровесниками (Хлебников старше Бубновой на 8 месяцев), принадлежали к одному поколению. Знакомы они не были, но она его видела и слышала однажды. Кто знает, может быть, и он ее видел, «слышал» ее живопись... Да и нужно ли им было видеть друг друга, ведь они так хорошо прочувствовали время, себя каким-то внутренним высшим взором.

Работая параллельно в слове и цвете, Поэт и Художник мечтали объединить в единое целое поэзию и живопись. Эти усилия называли пародией на искусство, на литературу, ничего общего не имеющими с реализмом. В теоретической работе «Пластический символ» Варвара Дмитриевна пишет: «В недавнем прошлом многим неискушенным зрителям была непонятна даже самая простая по сюжету фотография...».

Разумеется, искания путей в искусстве и литературе вызвали протесты и негодование уже лишь потому, что все это было необычно, непонятно. «Для узнавания, – продолжает Бубнова, – нет необходимости в полном совпадении изображения с предметом. В искусстве оно даже недопустимо. Зритель не всегда сознает, что чаще он «угадывает», чем «узнает» изображенный предмет. Эта способность угадывания и допускает новую для искусства возможность упрощения, обобщения и деформации».

ции предмета, если это необходимо художнику для усиления выразительности изображения...».

Об «узнавании» писал и Велимир Хлебников. Объясняя строки из поэмы «Ладомир» – «Это шествуют творяне, Заменявши Д наТ», он отмечал, что имея «пару таких слов, как «двор» и «твор», и зная о слове «дворяне» – творцы жизни, слово воспринимается как знакомец с внезапно незнакомым лицом, или как незнакомец, в котором угадывается что-то знакомое». Вот яркий пример диалога живописи и слова – Бубновой и Хлебникова – об одном из важных принципов творчества.

Где же истоки подобных мыслей? «Европейская изобразительность, – отвечает на вопрос Варвара Дмитриевна, – всегда стремилась к большому сходству с предметом изображения, к более легкой, непосредственной его узнаваемости. Что же касается Востока, то его изобразительность довольствовалась более или менее ясными намеками на изображенный предмет, не боясь затрудненности его узнавания, будто сознательно создавая эту затрудненность».

Бубнова и Хлебников побывали на Востоке, познакомились с первоисточниками его древней культуры, ибо «в большой мере художнику помогает знание путей в искусстве, уже пройденных; традиция, школа могут помочь и в смысле сознательного отталкивания от них: это как бы полет с трамплина в новые просторы».

Новые просторы поэзии открылись перед Хлебниковым, когда он познакомился с японским стихосложением. «Оно не имеет созвучий, но певуче, – говорил поэт, – заключает, как зерно, мысль и, как крылья или пух, окружающий зерна, видение мира. Я уверен, что скрытая вражда к созвучиям и требование мысли, столь присущие многим, есть погода перед дождем, которым прольются на нашу землю японские законы прекрасной речи. Здесь предметы видны издали, точно дальний гибнущий корабль во время бури с дальнего каменного утеса». А в 1916 году в «Письме двум японцам», обратившимся ранее через газету «Какумин Симбун» к юношам русским с воззванием объединиться с ними Хлебников писал: «Наши далекие друзья!.. Итак, ваша рука протянута к нам, итак, ее встретила рукопо-

жатием наша рука, и теперь обе руки юношей двух стран висят над всей Азией, как дуга Северного Сияния... Мы могли бы собраться в Токио...».

Он мечтал побывать в Японии. Пытался постичь ее культуру. Оставил прекрасные стихи в прозе «13 танка». Вот его бабочка: «Чао смотрит на открытое письмо с древним самураем в броне из чешуи, его высокомерные брови, падающие вниз на переносицу, как крылья морского орла, летящего с Фудзиямы на рас свете солнца к берегу, озаряющего рыбаков, и пустынный берег, и сеть клеточкой вершин».

Варвара Дмитриевна читает этот небольшой лиричный отрывок и восхищается им. Восхищается в свои 93 или 903 года, как она иногда говорит, путая себя с тысячелетним деревом...

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

– Очень трудно говорить о японской поэзии, – размышляет Варвара Дмитриевна. – Они говорят так о зрительном образе, что он – зрительный, а картина так коротка... Нет, не коротка, а мгновенна... Всего лишь намек... И все же это очень неточно. Нужно быть японцем, чтобы понять все слова, относящиеся к вспышке мысли. Многие поэты и художники Востока были монахами или отшельниками. У них такая широта и чистота мысли, что они не могут выразить до конца все чувства... А наших европейских слов не хватает, чтобы передать многообразие этих ощущений. Видимо, японские образы и чувства шире разрастаются, им тесно в трехмерном мире...

Мечта Хлебникова не осуществилась. Он умер в возрасте 36 лет, и в том же 1922 году, году его смерти, тридцатилетняя Бубнова уехала в Японию, где прожила столько же – 36 лет. В Токио она читала лекции по русскому языку и литературе в Институте иностранных языков и в университете «Васэда». Преподавала молодым японцам, осуществляя, сама того не ведая, мечту поэта, и, казалось, «обе руки юношей двух стран висят над всей Азией, как дуга Северного Сияния...».

Хлебников оказался прав. Это на самом деле «случается, что на расстоянии начинают звенеть струны, хотя никакой игрок не касался их, но их вызвал таинственный звук, общий им...». Бубнова увозила в своей памяти на океанские острова все то, чем она занималась в своей прошлой, европейской жизни. Она вспоминала живопись Матисса и итальянские фрески, древнерусские миниатюры и иконографию, африканскую скульптуру... Здесь, на Дальнем Востоке, она синтезирует традиции русской, европейской, африканской и восточной культур. Особый интерес проявляет к пластическим символам в изобразительном искусстве Японии. «Внимательное и непредвзятое изучение пластических принципов Востока, – пишет она, – открывает нам, что главными и неизменными среди них являются: плоскость и плоскостность; линия; цвет; пустота; баланс; пластическая тяжесть; экономия...»

Много интересных рассуждений о композиции и пустоте, о масштабе и пропорции, о деформации, ритме и цвете содержится в теоретических статьях Варвары Дмитриевны «О трудной работе художника», «К «принципу тяжести» в живописи»...

– Природа организует предметы, – цитирует Бубнова своего рано умершего друга, теоретика и художника В. Матвея. – Искусство организует свободные элементы – форму и цвет...

И продолжает:

– То, что мы в природе считаем уродливой диспропорцией, деформацией, как, например, слишком большая у человека голова или большие руки, в изобразительном искусстве становится элементом экспрессивности, эмоционального воздействия.. Не создают ли некоторые художники, боящиеся отступить от натуры, только манекены и куклы и тем более мертвые, чем огромное они на холсте?

Варвара Дмитриевна рассказывала, и казалось, что самый внимательный ее слушатель – ученик Будды, изображенный на свитке. Весь в резких линиях, как дерево-человек, вырезанный из ветра рукой художника Мунакаты – друга Бубновой, он дал понять, что голос художника свил в нем еще одно гнездо мысли.

Удивительное чувство охватывает, когда посещаешь Варвару Дмитриевну: точно ты попал на один из маленьких островов в

Японии. И сама хозяйка, прожившая почти четыре десятилетия на Дальнем Востоке, даже внешне напоминает японцев: глаза, цвет кожи, одежда...

Ночной дождь шумел, отдаваясь стоном в платанах.

На столе лежал графический лист «Дождь»: по дороге между домами под приоткрытым островерхим зонтом идет женщина. Черный и серо-белый цвета. И человек, и дома, и телеграфные столбы, словно мачты кораблей, и небо – все растворилось в воде, все плывет.

– Наш ночной дождь под утро может перестать, – задумчиво говорит Бубнова. – А в Японии в течение одного летнего месяца – ньюбай – ежедневно идут дожди. Очень «мокрые», какие-то усталые, неторопливые, никуда не спешащие – впереди ведь целый месяц! Рисовые поля становятся озерами, улицы – реками, а люди – крупными бестелесными дождинками...

Варвара Дмитриевна раскладывает графические листы, живопись, предоставляет возможность встретиться с Японией, с миром художника.

Я у «Входа в храм» и в «Усадьбе рыбака», созерцаю «Дюны» и «Будду», любуюсь «Портретом Анны Ахматовой», «Черным пальто» и «Осенней аллеей», «Полусветами подвалов» и «Человеком, открывшим дверь», «Темно-красными астрами в зеленой бутылке» и «Фарами в лесу», ослепившими меня. Еще раз неизгладимое впечатление производят «Два старика»; изуродованное, изломанное, обожженное молниями, в конвульсиях ветвей дерево, а на корнях его, спиной к зрителю, сидит сторбленный старик, опираясь на единственную поддержку – посох. Может быть, он слеп и ему некуда идти, или просто не хочется уходить от своего близнеца – ведь дерево не сумеет уйти вместе с ним. Кажется, что он пришел сюда умирать, но не в одиночестве, а в молчании. Старик помнит, что безмолвие – высшая форма общения: два старика сосредоточенно слушают великую музыку своих сердец – на миг умирающих и вновь продолжающих бег бытия. Бубнову привлекала одухотворенность живописи художников дзэн, величие их образов природы: пейзажи с горами недостижимой высоты, с необычными земными и водными просторами

и с созерцающей все это величие небольшой фигурой человека. Но проникнуть в закрытые «музеи» живописи в то время было почти невозможно. Лишь однажды, сломив недоверие двух охранителей одного из храмов, Варваре Дмитриевне удалось увидеть тушевую живопись XV века. «В первой комнате на раздвижных дверях, – вспоминает она в эссе «О японском искусстве», – у ног зрителя было изображено несколько белых домиков, стоящих на самом берегу большой воды, которая занимала и всю правую створку двери. На воде – одна или несколько лодочек, и над всем – беспредельное небо до верхних рам дверей. Зритель обозревает эту картину будто с большой высоты. Какие чувства вызывает она? Она была как бы дверью в широкий мир, в свободные просторы, на вольный воздух. Перед ней дышать становилось легче...».

На усталых коленях покоились большие руки. Они были такими огромными, непропорциональными по сравнению с небольшим телом. Чувствовалось, будто смотришь не на нее, а на один из написанных ею портретов или древнерусскую икону с «нарушенной» перспективой.

Впервые я обратил внимание на эти руки, когда они не были заняты работой, не держали кисть, не разводили краски. Они были чего-то лишены, какого-то движения. Мне почему-то всегда представлялось, что руки ее плывут. И лишь теперь, когда они покоились на коленях, я вдруг открыл для себя, что рука, ладонь, держащая кисть, напоминает лодку с парусом. Кажется, рука плывет, уплывает под парусом кисти...

А можете вы себе представить, когда такая рука пишет акварелью океан... Когда парус пересекает плоскость глубоких вод.

Варвара Дмитриевна вспоминает одинокий дом на берегу, темные сосны. Белый неподвижный океан в окне и белое небо, слившееся с ним. Вдали черное пятно лодки пересекает плоскость водной пустыни и медленно тает на горизонте. А рядом, на стене, лист желтой бумаги. На нем она читает хокку:

«Лодка ушла в бесконечность...»

Бесконечность, рука, парус, кисть.

Как-то Варвара Дмитриевна рассказывала мне о своих страшно голубых глазах в молодости. До того синих и до того сильно мешавших ей видеть мир! Однажды она почувствовала, как они изменились. Посмотрела в зеркало: седеют не только волосы, но и глаза. Этой весной они вновь расцвели голубыми цветами – слишком седым показался им мир. Всего лишь один миг, но как много он значит!

Литературная Грузия. 1980. № 2. С. 123–128; Русские в Абхазии. Сухум. 2011. С. 344–351.

ХЛЕБНИКОВ И АЗИЯ¹

Поэзию Хлебникова невозможно сравнить ни с одним из русских поэтов. Но его можно поставить в один ряд с китайцем Ван-Вэем и японцем Басе. Все трое следовали философии дао и чань (дзэн-) буддизма,² а Хлебников и Басе постоянно скитались, жили, слившись с природой, и были абсолютно беспомощны и беззащитны «перед натиском всевозможных житейских мелочей».³ Они воспевали росу и горы, цветы и деревья, реки и озера.

Это Хлебников увидел «гнездо голубых змеиных яиц» и подумал об их матери, беседовал с жуком на «языке понятном обоим», заметил стрекозу, разбитую грозой, когда она пряталась на «нижней стороне древесного листа» и протянул руку к звездам, чтобы по ней проползла «улитка столетий»... Он говорил: «Небо будь камнем, Даль высока мне» и целый день пролежал «на песчаной отмели в обществе двух цапель, изучаемый каким-то му-

¹ В разное время темы «Хлебников и Азия» касались такие известные исследователи, как Е. Арензон, А. Гарбуз, В. Григорьев, Р. Дуганов, Вяч. Вс. Иванов, И. Камзьяма, Ж.-К. Ланн, Ю. Лошиц и В. Турбин, А. Парнис, Н. Степанов, Н. Харджиев, Р. Якобсон и др. Данной теме посвятил ряд публикаций и автор предлагаемого сообщения: Лакоба С. Бодхисаттва-Хлебников и Восток // Сборник работ молодых ученых и специалистов Абхазии. Сухуми, 1980. С. 75–95; Лакоба С. Ночь и глаза дождя... (Эссе о параллелях в творчестве В.В. Хлебникова и В.Д. Бубновой) // Литературная Грузия. 1980. № 2. С. 123–28; Советская литература (на японском яз.). 1981. № 75. С. 167–173; Лакоба С. «Крылились дни в Сухум-Кале...». Историко-культурные очерки. Сухуми, 1988. С. 85–87.

² В начале XX века об этой школе буддизма знали в Европе лишь единицы – Велимир Хлебников, Герман Гессе, Анри Матисс. – См.: Завадская Е.В. Культура Востока в современном западном мире. М., 1977. С. 4.

³ Самородова О. Поэт на Кавказе // Звезда. 1972. № 6. С. 187.

* Сноски даются по изданиям: Собрание сочинений Велимира Хлебникова в пяти томах. Л., 1928–1933 (с указанием в скобках тома и страницы) и Велимир Хлебников. Неизданные произведения. М., 1940 (сокращено НХ и страница).

дрецом из племени ворон». А потом внезапно заключил: «Он не видел еще нагого человека...». (4, 81)* Мало в ком из русских поэтов ощущается такое первозданное единение с природой: «Ушел ночью пешком из Железноводска, а пройдя верст пятнадцать вернулся, вспомнив, что забыл попрощаться с любимым нарзаном...».¹ Вернулся, чтобы попрощаться с родником, как с самым близким человеком, ради которого, может быть, и не возвращался бы...

На Востоке такое поведение не вызвало бы недоумения, воспринималось бы как нечто общепринятое и едва ли запомнилось.

Конечно же, мало кто понимал тогда на родине его поступки, а тем более поэзию. Это непонимание русского, европейского читателя верно подметил О. Мандельштам: «Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии. Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе – железнодорожный мост или «Слово о полку Игореве». Поэзия Хлебникова идиотична, в подлинном, греческом, не оскорбительном значении этого слова... Хлебников шутит – никто не смеется. Хлебников делает легкие изящные намеки – никто не понимает...».² И потому, по словам Хлебникова, он был вынужден «одиноким врачом в доме сумасшедших» нести «свои песни – лекаря». Еще в «Письме двум японцам» в 1916 г. Хлебников выразился следующим образом: «Я скорее пойму молодого японца, говорящего на старояпонском языке, чем некоторых моих соотечественников на современном русском...» (5, 155).

Поэт пытался раздвинуть рамки европейской культуры, открыть для России двери в духовный мир Востока. «Одним из первых в начале века, – пишет Вяч.Вс. Иванов, – Хлебников понял, что образы художников стран Азии и символы великих азиатских религий вторгаются в европейское искусство как предтечи будущих исторических потрясений».³ Нужно отметить, что

¹ Там же. С. 192.

² Мандельштам О. Буря и натиск // Русское искусство. 1923. № 1. С. 81.

³ Иванов Вяч. Вс. Структура стихотворения Хлебникова «Меня проносят на слоновых...» // Труды по знаковым системам. III. Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 198. Тарту, 1967. С. 162.

интерес Хлебникова к Дальнему Востоку, его культуре вновь проявился в июне 1916 г., когда было подписано русско-японское соглашение.¹ Он был вызван предстоящей поездкой в Россию японского принца Кан-Ина и изданием 11 сентября 1916 г. специального номера газеты «Кокумин Синбун», в которой были напечатаны обращенные к русской молодежи три письма японских юношей. Два из этих писем были затем перепечатаны в московской газете «Русское слово» (21 сентября 1916 г.).

Символично, что одним из авторов писем был японский юноша из города Юубари (Хоккайдо) по имени Иосукэ Мурата. Под текстами посланий, напечатанных в японской и русской газетах, упоминались и два других автора: Тооео Морита и Сиотароо Ямана. В своем обращении Т. Морита писал: «Точно так же, как в нашей стране слились вместе западная и восточная культура, в недалеком будущем объединителем Дальнего Востока и культуры Северной Европы будет именно русское юношество, т.е. Вы».²

Тогда же, в 1916 г., Хлебников откликнулся из Астрахани на японские послания. Он предлагал всем юношам Востока собраться на «Азийском съезде» в Токио, основать первый «Высший Учебн будетлян» из индусов, даяков, русских, японцев, китайцев, арендовать на 100 лет расположенные на берегу моря или среди гор у потухших вулканов земли – в Сиаме или в Сибири, в Японии или на Цейлоне, основать «Азийский Ежедневник песен и изобретений», построить железную дорогу вокруг Гималаев с ветками в Суэц и Малакку, думать не о греческом, а о восточном классицизме, ввести доступный всем единый язык чисел, составить словарь из образов и преданий всей Азии.

И все это потому, что «Азия есть не только северная земля, населенная многочисленом народов, но и какой-то клочок письмен, на котором должно возникнуть слово Я... Итак, вырвем в лесу сосну, обмокнем в чернильницу моря и напишем знак-знамя «я – Азии». У Азии своя воля. Если сосна сломится, возьмем Гауризанкар» (5, 155–157).

¹ Об этом подробнее пишет в своей книге И. Камэяма; См. Парнис А. «Туда, туда, где Изанаги...». Некоторые заметки к теме «Хлебников и Япония». М., 1985. С. 90.

² Там же. С. 95–98.

Хлебников называл себя Председателем Земного Шара, включил в состав 317-ти Председателей и японца Т. Морита, подписывался как Король Времени Велимир 1-й (5, 153), говорил о поединке судьбы и человека, о «джиу-джитцу с государством» (5, 270), высмеивал его полицейские функции:э

Участок – великая вещь!
Это – место свиданья
Меня и государства.
Государство напоминает,
Что оно все еще существует! (5, 94)

Не случайно одно из своих стихотворений он назвал «Отказ», в котором говорит, что ему «гораздо приятнее смотреть на звезды, чем подписывать смертный приговор», «слушать голоса цветов», шепчущих «это он!», когда поэт проходит по саду, «чем видеть ружья» убивающие тех, кто хочет его убить.

«Вот почему я никогда,
Никогда
Не буду правителем!» – провозглашал Хлебников.

Он называл себя дервишем, йогом, марсианином (5, 310). Как и многие поэты-философы Востока пренебрегал государственной службой, мечтал о таком «государстве», в котором «не будет алой крови» (4, 81).

Скитания Хлебникова были исканиями свободы. Именно они привели поэта на Восток. Даже само слово «Азия» было для него магическим. Он отождествлял Азию со свободой вообще.¹ Хлебников был уверен, что она ближе к небу (5, 161) и призывал: «Свободу пей из звездного стакана».

Аз, по Хлебникову, это и «освобожденная личность, освобожденное Я».

Некоторые исследователи этимологией имени «Азия» считают часто встречающееся у поэта загадочное «Асцу». Этот словоо-

¹ Парнис А.Е. Хлебников в революционном Гиляне // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 162–164.

браз-аббревиатура, обозначающий Евразию, возможно, восходит к ассирийскому «Асу», т.е. «Восток». В неизданной декларации Хлебникова «Азосоюз» упоминается и «священный остров Ассу».¹ Хлебников поистине был самым космичным из всех русских поэтов.² Он мечтал поставить «лестницы к замку звезд», прибить «как воины свои щиты», пробить «стены умного черепа вселенной» и заставить ее, «божественную куклу, с сияющими по ночам глазами», «двигать руками и подымать глаза». Поэт писал: «Я вам расскажу, что я из будущего чую Мои зачеловеческие сны». И это о нем сказал внеземной ученый:

Вот обломок
Неизвестной звезды
По нему можно вычислить
Весь ход жизни этой звезды. (5, 102)

Почему?

Может быть потому, что он умел спросить у муравья: кто ты? А в тюлене увидеть Будду (5, 64), внимательно читать «весенние мысли бога на узоре пестрых ног жабы» (5, 66), а в спокойном лице верблюда – «развернутую буддийскую книгу»? (НХ, 359). Или только потому, что написал своему другу это краткое письмо: «Сад в цвету. Уехать нет сил – преступление. Приеду во вторник» (5, 135). Не выражена ли суть Востока в этих простых словах?

Тема Азии звучит во многих произведениях поэта, а также в статьях, декларациях, письмах, дневниках.

Следуя философии раннего буддизма, поэт говорил: «Цель бога быть ничем» (3, 146) и... «улыбался улыбкой Будды» (3, 95). Приверженность его к буддизму выражена и в словотворческом стихотворении «Смеянство древних зорь» (2, 268).

Отмечая тесную связь Хлебникова с дальневосточной поэзией, необходимо вспомнить одну из заповедей Басе: «Узнавать о соснах от сосен, о бамбуке – от бамбука». Этот «Метод Естественности» – традиционная для японцев и китайцев система мыш-

¹ Хлебников В. Творения. М., 1987. С. 696, 707.

² Козлов Д. Новое о Велимире Хлебникове // Красная новь. 1927. № 7. С. 179.

ления. Даосский философ Чжуан-цзы в связи с этим рассказывает о том, как некий пловец объяснил свой секрет переплывать бурный поток: «Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая ей ничего от себя».¹ В поэме «Уструг Разина» Хлебников удивительным образом передал глубокое дыхание бушующего моря. Поэт как бы забыл о себе, оставив лишь штормящий Каспий. Кажется, что стихи эти родились сами собой.

Каждая строчка-волна и ее гребень, а страница, заполненная ими – море.

Волны различные по силе, по высоте. Их даже можно сосчитать.

В отличие от активного европейского искусства в «эстетике чань (дзэн) мастер и материал, с которым он работает, равны друг другу в своей активности, а порой материал даже подчиняет себе мастера».² Так и в данном примере: море диктует волю поэту, войдя в его берега, сделав своей частицей.

Где море бьется диким неуком, Ломаю разума дела,	1-я волна
Ему рыдать и грезить не о ком, Оно морские удила	2-я
Соленой пеной покрывая Грызет узду людей езды.	3-я
Так девушка времен Мамаю, С укором к небу подымая Свои глаза большой воды,	4-я
Вдруг спросит нараспев отца: падение «На что изволит гневаться? Ужель она тому причина, Что меч суровый в ножны сует, Что гневная морщина, Его лицо сурово полосует, Согнав улыбку, точно хлам, Лик разделивши пополам?» По затону трех покойников,	4-й

¹ Григорьева Т. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 210.

² Завадская. Культура Востока... С. 50.

Где лишь лебедя лучи,
Вышел парусник разбойников
Иступить свои мечи.

По одному только страшному имени Мамай можно представить одну из могучих волн. Она начинает расти широким цветком воды вдали от берега, но в ней уже скрыта сокрушительная сила. Она стремительно нарастает: «С укором к небу подымая». И вот у самого берега волна так высока и беспомощна, что ей уже тесно в выси. Она выбросила в изгибе последние капли в надежде превзойти себя и не разбиться. Она остановилась на мгновение, лицом касаясь неба: «Свои глаза большой воды», и молниеносно падает: «Вдруг спросит нараспев отца».

А потом – море брызг, лязг и скрежет морской гальки, рождает водоворот, разрушая новые волны. Все бурлит, пенится, пока шторм не умирает в тишине.

По затону трех покойников,
Где лишь лебедя лучи,
Вышел парусник разбойников
Иступить свои мечи.

Возможно, эти стихи «Уструга Разина» имел в виду Хлебников, когда писал в своих «Записках из прошлого»: «Я и море – мы соединили свои голоса, и я пропел Разина, может быть первый на этом берегу, шагая по пятнам камней» (4, 321).

Хлебников шел по пути познания «дао» древнекитайского философа Лао-цзы («Лаотзы» – 3, 84), мечтал «обратить Азию в единый духовный остров» (5, 161), создать «общечеловеческую азбуку» (5, 217), вырастить из звукописи «дерево всемирного языка» (5, 269), «совершить постепенную сдачу власти звездному небу» (5, 161), чтобы человечество могло «рвать цветы на Марсе» (5, 273). Ко всем своим программам Хлебников относился очень серьезно. Так, в 1921 г. он предпринял паломничество в Персию. Почему? «Персия – страна, где завязывался общий узел Индии и России»,¹ – отмечал поэт.

¹ Хлебников. Творения. С. 672.

Когда его спросили, почему он не пошел дальше, в Индию, то поэт объяснил это тем, что «Персия давила его древностью своей многовековой культуры. Он ощущал ее как колыбель человечества и тяжесть зрелости ее чувствовалась ему во всем, даже в красных цветах граната. Ему надо было передохнуть от ощущения этой тяжести».¹ Поэту так и не удалось увидеть «Ганг, где темные люди – деревья ума» (5, 24), «совершить прогулку в Индию, где люди и божества вместе» (5, 298).

Можно вполне согласиться с выводом о том, что Хлебников действительно относится к тем поэтам, «чьи творческие темы бывают во многом как бы «запрограммированы» обстоятельствами биографии, начиная с самого рождения».² Особенно примечательно то, что он родился в «стане монгольских исповедующих Будду кочевников» (НХ, 352), в ставке «малодербетовского улуса» среди калмыков³ ламаистского вероисповедания. Вспоминая о своем детстве, Хлебников очень образно писал, что оно прошло там, где «море Китая затеряло в великих степях несколько своих брызг, и эти капли – станы... медленно узнавали общий быт и общую судьбу со всем русским людом» (4, 118). Здесь, в Поволжье, на родине поэта, особенно выпукло проявлялись древние связи Руси с Востоком, его культурой и народами, религией и искусством, что и формировало их своеобразное двуединство, преломившееся в сознании людей проживающих там. Это удивительное сочетание нашло свое отражение и в творчестве Хлебникова, а две кажущиеся противоположности, как день и ночь представляли единое целое. В автобиографическом очерке «Нужно ли начинать рассказ с детства?» поэт вспоминал: «Но ведь это я, но в другом виде, это второй я – этот монгольский мальчик»... (4, 119). В одном из фрагментов поэмы «Ладомир» Хлебников соединил учение Будды со славянской языческой мифологией:

¹ Самородова. Поэт на Кавказе. С. 190.

² Лошиц Ю.М., Турбин В.Н. Тема Востока в творчестве Хлебникова // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 154.

³ Степанов Н.Л. Велимир Хлебников. М., 1975. С. 8.

И изречения Дзонкавы¹
Смешает с чистою росой,
Срывая лепестки купавы,
Славянка с русою косою.

Хлебников неоднократно отмечал, что для русской словесности Индия – «заповедная роща» (НХ, 341), говорил о времени, когда «проследование индусской литературы будет напоминать, что Астрахань – окно в Индию» (НХ, 351) и мечтал об «Индии на Волге» (2, 148). А цветок лотоса, увиденный им на Волге, Хлебников назвал «залогом союза трех: Индии+России+Ниппона».² У поэта Изанаги просвещает своего славянского «собрата» Перуна, читая ему Моногатари (4, 259). И таких примеров множество.

Второе «я» поэта – монгольский мальчик-буддист, очень часто проявлялось в творчестве Хлебникова, определяло необычный, восточный ритм его мышления. Ошеломляющие на первый взгляд связи в поэме «Зверинец» (1909 г.) и вера в «единство всего живого»,³ производят неизгладимое впечатление. В одном из писем поэт писал тогда: «Я был в Зоологическом саду и мне странно бросилась в глаза какая-то связь верблюда с буддизмом, а тигра с Исламом» (НХ, 359).

Созданию «Зверинца» предшествовало странное состояние Хлебникова.

Ему казалось, что он на грани смерти. Подобное состояние Басе (XVII в.) объяснил своим ученикам перед смертью: «Вчерашнее стихотворение – это сегодняшнее предсмертное стихотворение. Сегодняшнее стихотворение будет завтрашним предсмертным стихотворением. Стихи, что я написал за всю свою жизнь, каждое из них – это предсмертное стихотворение».

Как известно, хокку неразрывно связаны с дзэн-буддизмом и с именем их реформатора и классика Басе. Хокку рассматривалось как результат сатори, озарение, «неожиданный взрыв, открывающий новое видение мира».

¹ Цзонкаба («Дзонкава») – реформатор ламаистской ветви буддизма, XIV в. См.: Кочетов А.Н. Ламаизм. М., 1973. С. 30–31.

² Парнис. «Туда, туда...». С. 91.

³ Степанов. Велимир Хлебников. С. 58.

Басе отмечал: «Создание стиха должно происходить мгновенно, как дровосек валит могучее дерево или как воин кидается на опасного противника».¹ Велимир Хлебников называл «сатори» по-своему – «безумной мыслью». В «Своеси» он упоминает, что «Девьего бога» писал двенадцать часов подряд.

«Девий бог», как не имеющий ни одной поправки, – пишет поэт, – возникший случайно и внезапно, как волна, выстрел творчества, может служить для изучения безумной мысли» (2, 10). Русский поэт не был знаком с дневниками японца, но нас интересуют «совпадения» их взглядов на процесс творчества, параллельность, некая органическая «случайность», которая роднит их.

Свое необычное состояние перед созданием «Зверинца» Велимир Хлебников описал так: «Я знаю, что умру лет через 100, но, если верно, что мы умираем, начиная с рождения, то я никогда так сильно не умирал как эти дни... Вот почему ощущение смерти не как конечного действия, а как явления сопутствующего жизни в течение всей жизни, всегда было слабее и менее ощутимо, чем теперь» (НХ, 355–356). Ощущение смерти, «пограничная ситуация», ее иллюзия, позволяли как японскому, так и русскому поэтам по-новому видеть и раскрывать для себя суть окружающего мира. «Пред смертью жизнь мелькает снова, Но очень скоро и иначе», – писал Хлебников в стихотворении «Ни хрупкие тени Японии» (2, 205).

И еще одно «совпадение» единства. У Басе есть известное хокку в современном переводе Веры Марковой:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

Однако в переводе современника Хлебникова М. Ямагучи (1913 г.) это хокку представлено одной строчкой:

На засохшей ветке сидит ворона.

¹ Бреславец Т.И. Некоторые аспекты эстетической концепции Басе // Вопросы японской филологии. Вып. III. МГУ. 1975. С. 100.

А. Г. Рачинский (1914 г.), переведивший стихотворение Басе не с оригинала, а западных исследований о японской литературе, опубликовал другой вариант:

Каркая, ворон
К ночлегу уселся
На ветку сухую.

Был ли знаком Хлебников с этими переводами японской поэзии, трудно сказать.¹ Но тема ворона оказалась близка и его творчеству:

Голые роши.
Сосна одиноко
Темнеет. Ворон на ней. (3, 114)

Или:

Я белый ворон, я – одиночек.

Японский теоретик дзэн Д. Судзуки отмечал: «Художник дзэн двумя-тремя словами или двумя-тремя ударами кисти способен высказать свои чувства. Если он выразит их слишком полно, не останется места для намека, а именно в намеке заключена вся тайна японского искусства».² Известно, что с 19-ти лет Хлебников начал изучать японский язык.³ Но был ли он знаком с японской поэзией? Да, был. Едва ли не первым из писателей Европы он оценил значение японской поэзии. Незадолго до смерти он собирался прочесть лекцию о японском стихосложении. А в 1913 г. в письме поэту А. Крученых Хлебников писал: «Японское стихосложение. Оно не имеет созвучий, но певуче... Заключает, как

¹ Автор выражает признательность японоведе Людмиле Ермаковой за любезно предоставленные ценные сведения о переводах Басе на русский язык при жизни Хлебникова. См.: Ямагучи М. Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии. СПб., 1913. С. 81; Рачинский Г.А. Японская поэзия. М., 1914. С. 20.

² Григорьева. Японская... С. 208.

³ Харджиев Н. Новое о Велимире Хлебникове // День поэзии. 1975. С. 201.

зерно, мысль и как крылья или пух, окружающий зерна, – видение мира. Я уверен, что скрытая вражда к созвучиям и требование мысли, столь присущие многим, есть погода перед дождем, которым прольются на нашу землю японские законы прекрасной речи... Здесь предметы видны издали, точно дальний гибнущий корабль во время бури с дальнего каменного утеса»(5, 298).

Александр Парнис отмечает, что 1917–1919 гг. явились для Хлебникова временем переписки с японскими юношами.¹ В письме к матери 19 февраля 1917 г. он сообщает, что послал «японские стихи».² Не удивительно, что у Хлебникова просвечивают строчки, напоминающие хокку, своеобразную стилизацию под японскую поэзию. Так, в поэме «Синие оковы», посвященной сестрам Синяковым, обращает на себя внимание трехстишие:

Кап, кап, кап!
Падали вишни в кувшин:
Алые слезы садов.

Еще Мандельштам отмечал: «Каждая его строчка – начало новой поэмы. Через каждые десять стихов афористическое изречение, ищущее камня или медной доски, на которой оно могло бы успокоиться».³ В Японии очень часто стихи высекают на твердом материале, а в поэме Хлебникова «Ка» девушка пишет танку на камне (4, 55). Поэт был хорошо знаком с этой формой древнеяпонского пятистишья. Свидетельствует об этом и произведение «13 танка», где бабочка-чао «смотрит на открытое письмо с древним самураем в броне из чешуи», высокомерные брови которого падают «вниз на переносицу, как крылья морского орла», летящего на рассвете солнца с Фудзиямы к пустынному берегу (4, 324).

Как уже говорилось, Хлебников рано, в 1904 г.,⁴ занялся изучением японского языка. Своему другу Б. Денике (впоследствии известный востоковед и автор книг о японском искусстве), он объ-

¹ Парнис. «Туда, туда...». С. 93.

² Парнис. «Туда, туда...». С. 98.

³ Мандельштам О. Буря и натиск. С. 81.

⁴ Парнис А. «Туда, туда...». С. 92.

яснял тогда, что ищет в нем «особых форм выразительности».¹ Возможно, именно эти занятия привели Хлебникова к плавке корней слов, открытию им «жидкого состояния языка».² «Как пример истинного словотворчества, – писал Н. Бурлюк, – я укажу «Мирязь» Хлебникова, слово-миф».³ Одно из самых ранних словотворческих произведений поэта «Песнь Мирязя» было написано в 1907 г.

Здесь новые слова-иероглифы (как можно их условно называть) получают самые многозначные смысловые оттенки.

В одной из своих статей поэт говорил о том, что слову не может быть предъявлено требование «будь понятно как вывеска», ибо речь «даже непонятная какими-то семенами падает в черномозге духа и позднее загадочными путями дает свои всходы». «Молитвы многих народов написаны на языке, непонятном для молящихся. Разве индус понимает Веды? Старославянский язык непонятен русскому» (5, 225–226).

Обращаясь к художникам мира, Хлебников отмечал: «...Мы стоим на первой площадке лестницы мыслителей и застаем на ней уже подымавшихся художников Китая и Японии – привет им!». С этой лестницы поэту открывались «виды на общечеловеческую азбуку» (5, 217).

Глубокому знанию не только японской, но и индийской, китайской философии, религии, истории, несомненно, способствовала тесная дружба с юношеских лет с Б.П. Денике, который «интересовал поэта как историк восточного искусства».⁴ Подругой Хлебникова была и Н.Д. Николаева, занимавшаяся изучением китайского искусства (НХ, 481).

У поэта китайский бог неба Тиен беседует с индийским богом ветров Индрой, богиня Астарта восхищается художником Хокусаем, в «одежде из черных змей» извивается разрушающее божество индийской мифологии Кали (4, 259–262), а японка молится небу на Амуре, «руки сложив во время грозы» (5, 25).

¹ Харджиев. Новое... С. 201.

² Лившиц Б. Дубина на голове русской критики // Футуристы. № 1, 2. М., 1914. С. 103.

³ Бурлюк Н. Поэтические начала // Футуристы. № 1, 2. М., 1914. С. 83.

⁴ Харджиев. Новое... С. 202.

Хлебников не зря называл себя «сыном Азии» (НХ, 472). Люди, знакомые с ним, не без удивления отмечали, что «он мог рассказать и о китайской медицине». Поэт «хорошо знал философию средневекового Востока». Все это во многом было обусловлено тем, что он «родился и провел детство на стыке Европы и Азии».¹ Насколько Хлебников проникся восточным миропониманием («монгольский мальчик») видно на примере стихотворения «Ветер-пение».

...Люди лелеют день смерти,
Точно любимый цветок,
В струны великих, поверьте,
Ныне играет Восток.
Быть может, нам новую гордость
Волшебник сияющих гор даст,
И, многих людей проводник,
Я разум одену, как белый ледник.

Смысл слов «люди лелеют день смерти» не приемлем для европейца.

Он не воспринимает конец так, как скажем, японец, который видит в смерти ту же закономерность, что и в смене времен года, «воспринимая ее не как абсолютный конец, а как переход в иное состояние».² Хлебников был хорошо знаком с книгой В.А. Кожевникова «Буддизм», изданной в 1916 году. Об этом говорит и хранящийся в архиве Вс. Иванова текст прозаического диалога Хлебникова «Колесо рождений».³ Учение Будды направлено на прекращение перерождений, а достигший нирваны становился Буддой. Роль Бодхисаттвы заключена в том, чтобы быть своего рода посредником между людьми и Буддой, проводником, на пути, ведущем в нирвану. «А я Бодисатва на

¹ Березарк И. Встречи с Хлебниковым // Звезда. 1965. № 12. С. 173; Парнис А.Е. В. Хлебников – сотрудник «Красного воина» // Литературное обозрение. 1980. № 2. С. 105.

² Григорьева Т. И еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература. 1975. № 7. С. 257.

³ Иванов. Структура стихотворения... С. 163.

белом слоне Как раньше задумчив и гибок» (НХ, 253), – писал Хлебников.

Темой посредничества между Россией и Востоком, Востоком и Западом проникнуто и наиболее значительное восточное произведение Хлебникова «Есир». В отличие от многих других поэтов, писателей Азия интересовала его «не только потому, что она где-то рядом, что она таинственна и экзотична. Азия влекла его как желанное дополнение к тому, что знаем о судьбе человека мы, европейцы, как школа, которую нам необходимо пройти».¹ Хлебников лишен идеи европоцентризма, более того, восточный образ мышления, культура возведены им в некий абсолют. Даже в письме своему издателю поэт писал: «Пусть сборник будет прозрачен, как капли воды, как сказал бы восточный человек» (НХ, 361).

Хлебников и Азия. // Русская культура на пороге нового века. / Под ред. Тэцуо Мотидзуки. Саппоро: Центр славянских исследований Университета Хоккайдо. 2001. С. 271–281.

ЯПОНСКИЙ РЕЛЬЕФ

В Японии ко мне вернулись сны. Очень эпичные, живописные, вещие... Может быть, это покажется странным, но они – спутники моей жизни. Они не снились лет десять, будто их распугали выстрелами и они улетели, как птицы. Я не знал, что мои сны свили гнезда на острове Хоккайдо, в Саппоро – в этой тихой провинции Тихого океана. Тихой, потому что здесь не стреляют, не взрывают и даже не говорят громко. Тихой, потому что в вечернем небе распускаются огромными цветами только выстрелы праздничных салютов.

Сны, как соль жизни. Меня всегда волновала эта сумрачная сторона нашего подсознания. Я к ним очень прислушивался. И вдруг, во время войны на Кавказе, в Абхазии, они исчезли, растворились. Неужели во мне что-то оборвалось? Очень важное, значительное. Когда-то я даже записывал сны. Они вернулись так же неожиданно, как ушли. Вернулись в первую ночь на Хоккайдо. Спасибо Японии и за это! За сны между небом и океаном.

Никогда не подумаешь, что в Саппоро живут около двух миллионов. Он кажется тихим и спокойным, несмотря на обилие автомобилей, вой сирен и очень странный народ под названием «велосипедисты». Здесь как-то просторно, экологично и воздух прозрачнее. Может быть, это ощущение от того, что многие люди в белых перчатках?... Японцы предусмотрительны и очень немногословны. Плоды цивилизации все же не вытеснили зерно традиционной культуры, а Запад обрел лишь новые восточные черты. Мне нравится, что здесь не трогают друг друга руками во время приветствия, уступают дорогу на велосипедной дорожке еще издали, а женщины не смотрят в глаза незнакомым мужчинам. Только украдкой. Едва заметным боковым зрением, почти неуловимым изящным поворотом головы, якобы куда-то в сторону. Нельзя сказать, что здесь много красивых женщин, но, гораздо важнее, что здесь очень много женщин с какой-то «изюминкой». Едва уловимой. Встречаются просто фантастические,

¹ Лошиц, Турбин. Тема Востока... С. 148.

аристократические лица, удивительные глаза, словом, не девушки, а воздушные статуэтки, которые, кажется, уже встречались мне в средневековой японской живописи. И все – на колесницах! На велосипедах!

Даже глубокие старики, старушки и самые малые дети – на велосипедах. На моих глазах мальчик лет шести проезжал и уронил какую-то стеклянную бутылочку. Она разбилась вдребезги прямо на проезжей части. Мальчик положил рядом велосипед и стал собирать стекла. Он сильно волновался, и все время смотрел – а вдруг появится машина. Он что-то шептал сам себе и не успокоился, пока не убрал все до последнего осколка. Вот с него, с этого мальчика, начинается японская культура. Нечто большее.

Вообще поражает в японцах какая-то максимальная собранность, бешеный темп жизни. Мне кажется, в этой стране не нужно объявлять мобилизацию – каждый японец давно мобилизован. Все куда-то спешат, бегут, едут. У каждого есть вполне конкретная, правильная цель в этой по сути своей очень сложной жизни. Наверное, так и должно быть. Все заняты работой, учебой. Такое впечатление, что круглосуточно. Никто не сидит около своих домов на скамейках, на лавочках. Во дворе – ни души. Даже странно. Рядом огромный дом – не слышно ни звука. Дом-призрак? Нет, по вечерам во всех окнах горит свет. Во дворе этого многоэтажного дома не увидишь человека. Только машины, машины, машины. Как будто они и живут в этом здании. Если бы... Иногда во дворе тихо играют дети. Почти беззвучно.

Я не слышал в Японии ни одного повышенного голоса. Культура общения кажется удивительной. Конечно, трудно судить о том, что происходит в глубинах японского общества. Говорят, есть серьезные проблемы в школах, в отношениях между родителями и детьми. Но эти проблемы существуют везде. Они общечеловеческие. Почему? Почему киты и дельфины выбрасываются вдруг на берег?

Возможно, свою печать наложила какая-то вселенская грусть, печаль, столь характерная для японской поэзии. Я видел, как две японки ехали на двух велосипедах под одним зонтом и напевали какую-то грустную песенку в такт дождя. Вообще во время дождя многие японцы что-то тихо напевают. И в этом тоже

сказывается своеобразный, неповторимый национальный колорит. Возьмите «Записки от скуки», «Записки у изголовья» – эти шедевры японской литературы. Грусть пронизывает и весь XX-й век – новеллы Акутагава и стихи Такубоку, прозу Кавабата, фильмы Куросава и смерть Мисима Юкио...

Я видел, как японцы отмечают праздники. Все очень красочно, играет музыка, кругом цветы, но жизни при этом нет. Нет радости. На лицах печать какой-то вселенской грусти. Нет, японцы не умеют веселиться. Не могут беззаботно отдыхать.

Даже в эти минуты, мне кажется, они внутренне сжаты, как пружина, будто ожидают какого-то подвоха, неожиданности – землетрясения или извержения вулкана. Что ж, каждый народ, как две капли воды, похож на свою страну, землю, на ее ландшафт.

На Кавказе несколько раз приходилось ощущать землетрясение. Но землетрясение здесь, в Саппоро, августовской ночью, хотя и было слабее, произвело большее впечатление какой-то вкрадчивой непредсказуемостью.

Кажется, японцы постоянно находятся в ожидании худшего и их невозможно застать врасплох. Даже природе это не всегда удается. Нация приготовилась к прыжку. Она здорова и энергична. Экономика на подъеме. Стабильность государства и безопасность – дали свои результаты. Нигде мне не приходилось видеть так много стариков и детей, а ведь они – верный признак благополучия в обществе. Я не встретил ни одного нищего, пьяного, которых полно не только в современной России, но и в самых передовых западных странах. Я не увидел здесь даже бездомной собаки или кошки...

Мне приходилось слышать, что Саппоро – это не характерная Япония. Чтобы почувствовать страну нужно побывать в Киото, в Токио, в Нара... Наверное, так оно и есть.

Хоккайдо – некогда часть обширной страны айнов, которые населяли Курилы, Сахалин. Их почти не осталось. Но сохранилось их название «Саппоро», а наш Университет Хоккайдо расположен, говорят, на месте древнего поселения этого народа. Рядом, я видел, идут археологические раскопки...

Сложный рельеф Хоккайдо напоминает профиль Японии. Айны напомнили мне об убыхах. Был такой народ на Кавказе,

родственный абхазам и адыгам. В XIX в. его не стало. Но остался на берегу Черного моря известный в России город-курорт Сочи, который носит убыхское имя. Так от народов остается одна топонимика. И мне очень по душе, что в Центре есть не просто ученые, а люди, которые занимаются историей и культурой таких народов...

Если бы вы знали, как не хватает стабильности в других частях мира. Мы, порой, ничего не можем планировать на вечер, на завтра, и потому, когда меня спрашивали из Центра, какого числа через год мне удобнее приехать в Саппоро, у меня начался нервный срыв. Наши люди, измученные войной, бытовыми проблемами и всеми видами блокады, включая информационную, не знают порой какой день недели сегодня, который час... Такое отношение ко времени наблюдается только в тюрьме. Один, очень известный политик, назвал нашу страну, Абхазию, «геополитической заключенной».

Так что, дорогие мои японские друзья и коллеги, берегите стабильность своего государства.

Я благодарен судьбе, что оказался в Японии. Что могу спокойно работать, ходить в библиотеку, изучать редкую историческую литературу, писать статьи, поддерживать научные контакты с коллегами в других частях мира, свободно получать необходимую информацию. Так и хочется спросить у Всевышнего: Япония – это сон?

Вспоминается китайская притча. Мальчику приснилось, что он бабочка, но когда он проснулся, то никак не мог понять: мальчику снилась бабочка или бабочке снилось, что она – мальчик?

Саппоро, 11 сентября 2000.

Slavic Research Center News: Hokkaido University. № 8. December 2000.

СНЫ КАВКАЗА

...Сегодня Абхазия закрыта со всех сторон. Она находится в глухой изоляции и, кажется, отрезана от всего света. Здесь есть железнодорожный вокзал, но нельзя никуда уехать. Здесь есть аэропорт, но нельзя улететь. Здесь есть морской порт, но нельзя уплыть в другую страну. Здесь есть все и в то же время нет ничего. Здесь была война, но до сих пор нет мира. Здесь есть народ и государство, но мир делает вид, будто их нет.

В этой небольшой стране, раскинувшейся между Грузией и Россией на 220 километров вдоль Черноморского побережья, почти триста тысяч человек пребывают в условиях политической, финансово-экономической и информационной блокады. Здесь есть компьютеры, но нет Интернета, есть свет, но нет электронной почты. Здесь нет нормальной телефонной связи, а пришедшая телеграмма читается всем городом и воспринимается как событие. Здесь забыли, кто такой почтальон. Здесь даже вода в кране – праздник.

Наши люди, измученные войной, криминальным беспределом и бытовыми проблемами, не знают порой, какой день недели сегодня, который час... Такое отношение ко времени наблюдается только в тюрьме, в условиях несвободы. Один известный политик назвал нашу страну «геополитической заключенной».

Почему сейчас, в канун третьего тысячелетия, Абхазия оказалась отрезанной от мира? Такого не было ни в античные времена, ни в Средние века. Почему эта одаренная природой земля приобретает черты запретной, мертвой зоны? В чем провинился наш народ? В том, что он сумел защитить себя? В чем повинны наши дети, которые лишены нормального настоящего и будущего, или старики, мечтающие о скорейшей смерти? Почему нашу молодежь поразила волна суицида? Кому нужен этот отвратительный эксперимент над подопытной Абхазией, где население вот уже десять лет пребывает в состоянии постоянного стресса?

Сегодня весь Кавказ напоминает проснувшийся вулкан. На его фоне блекнут Балканы. К сожалению, ситуация все больше скатывается от анархии к хаосу. Повсеместно возникают маленькие режимчики во главе с царьками, окруженными непонятными людьми и криминальными кланами, которые откровенно грабят свои народы, прикрываясь псевдопатриотической риторикой о «независимости». Не прекращается и противостояние между кавказцами. Их нельзя объяснить только политикой «разделяй и властвуй», происками «третьей силы». Мы сами во многом виновны. Виновны в том, что не смогли найти общий язык, а выискивали, как древние варвары, кто послабее, чтобы напасть и силой решить все проблемы. Это было так заманчиво, что некоторые «демократы», кричащие сегодня больше всех о «третьей руке», первыми прибегли к ее услугам и оказались ее жертвами.

Что сейчас изменилось в этих странах? В Закавказье? Они открыты всему миру, туда направляется значительная западная помощь, и в то же время некоторые правительства этих стран считаются самыми коррумпированными в мире. Ясно, что они не пошли по пути Прибалтийских государств. Они остались в Азии... На ее задворках. Остались в цепких старческих руках прежних коммунистических «вождей», а их сообщества пребывают в советском прошлом. Изменились только названия этих государств.

Абхазия – небольшая многонациональная страна, всегда занимавшая особое положение среди кавказских стран. Так получилось, что после русско-кавказской войны XIX века она из однородной страны с коренным абхазским населением превратилась в пестрый в этническом отношении край. Здесь обосновались греки, грузины, болгары, немцы, армяне, эстонцы, русские, турки, персы, евреи, представители других народов. В этом многоязычии слились разные культуры, эпохи, сформировалось уникальное многоэтническое сообщество...

В 1918 году Германия, которая поддерживала план Кавказской конфедерации, отводила Абхазии роль «особого государства» в этом союзном объединении. Англия в 1919 году видела будущее Абхазии в качестве нейтральной страны.

Две эти модели не утратили своей актуальности и сегодня. Несмотря на все сложности, запутанность геополитической обстановки, модель Кавказской конфедерации продолжает привлекать внимание многих стран и народов этого многоцветного и противоречивого региона мира. Равноправное, горизонтальное, а не вертикальное устройство данного проекта – один из важных и привлекательных элементов.

Кавказская конфедерация могла бы стать союзом государств, сохраняющих суверенное существование, но объединенных несколькими общими составляющими: оборона, границы, внешняя политика. Для разрешения внутренних конфликтов необходимы и межкавказские миротворческие силы. Конечно, на этом пути много трудностей, подводных камней, но на сегодня лучшей модели для объединенного Кавказа просто нет.

Незадолго до распада СССР знаменитый советолог предупреждал кавказцев: в глазах внешнего мира такой регион заслуживает не свободы, а перманентной оккупации со стороны сильного государства...

Мне хотелось бы видеть будущее Абхазии и в качестве небольшого нейтрального государства на Кавказе, открытого для всего мира. Удобное морское сообщение, современные аэродромы, автомобильные и железные дороги, прекрасные климатические и природные условия, туристические объекты и курорты, огромные запасы родниковой воды, субтропическое сельское хозяйство, наукоемкие технологии, банки и другое – все это привлекло бы внимание людей из разных стран. Абхазия могла бы стать и воротами Кавказа. Новые шоссейные дороги через горные абхазские перевалы связали бы кратчайшим путем Северный Кавказ с побережьем Черного моря. Сухум смог бы обрести положение одного из культурных и интеллектуальных центров всего Черноморско-кавказского региона, стать международной спортивной и туристической Меккой, своеобразной кавказской столицей для творческой молодежи – художников, литераторов, музыкантов...

Почему бы не открыть в западной стране Кавказский университет, в котором собралась бы лучшая молодежь всех кавказских народов? Ведь не секрет, что молодые по-новому смотрят на

многие проблемы. Возможно, они быстрее найдут общий язык и откроют путь к прекращению конфликтов и противостояния. Пусть они почувствуют преимущества стабильного общества и спокойной жизни.

Кавказ не может быть замкнутым, отгороженным от всего мира, и Абхазия не должна вариться только в собственном соку. У нас выросло целое поколение молодежи, которая никогда не выезжала даже в соседний российский город Сочи. У них до сих пор нет паспортов.

Молодые люди, студенты заперты в замкнутом пространстве и лишены свободы передвижения. И это тем более странно, да и обидно, когда мимо бесправных граждан Абхазии проносятся ооновские джипы, представители различных международных организаций и миссий по правам человека...

Почему наказана наша молодежь?

Потому, что в детстве на нее обрушилась война и она живет в конфликтной зоне? Справедливо ли захлопывать двери перед будущим Абхазии? Почему бы не распахнуть их в окружающий мир? Пусть юноши и девушки садятся на корабли, в поезда, в самолеты и едут в любую часть света – учиться, работать, путешествовать, учить языки... Почему им отказано быть гражданами всего мира? Разве Абхазия, пусть и непризнанная, – не частица человеческого сообщества?

Когда-то писатель Константин Паустовский, великий оптимист и романтик, заметил: даже самый последний луч вечернего солнца в Абхазии – зеленый. А поэт Вадим Шершеневич признался: «Небо Абхазии синее любого синего цвета!»

Если бы не солнце, не море, не светлячки ночью, жизнь в сегодняшней Абхазии показалась бы адом. К счастью, природу нельзя взять и запретить. Или объявить ей блокаду.

Иногда в сухумском ночном небе пролетит спутник, и тогда понимаешь, что цивилизация все-таки не обошла стороной мою страну.

Дружба народов. 2000. № 12; В сб.: Защита будущего. Кавказ в поисках мира / Под ред. Ф. Дуже и Х. Тальявини. Вена – Москва. 2000. С. 174–178.

ЧАСТЬ II

АСЛАНБЕЙ

(К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии
в первой трети XIX столетия)

... Аслан! Я верю небылице:

Отцовской кровью плачет твой кинжал!

Виктор Стражев

I

На протяжении многих десятилетий драматические события абхазской политической жизни первой трети XIX века, вопрос о так называемом присоединении Абхазии к России, о таинственности и противоречивости, безусловно, выдающейся политической фигуры Асланбея Чачба (Шервашидзе), старшего сына Келешбея, о котором К. Кудрявцев заметил: «Арсланбей – злой гений Абхазии начала XIX века»¹ – вызывает огромный интерес не только у абхазского общества.

В разное время этот период истории Абхазии привлекал к себе внимание целого ряда ученых и публицистов, среди которых следует особо отметить С. Броневского, Н. Дубровина, В. Потто, К. Мачавариани, А. Фадеева, И. Антелава, Г. Дзидзария и др. Источниковой основой для этих работ послужили «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею»² (далее АКАК).

В этом фундаментальном труде сосредоточены десятки основополагающих документов первой трети XIX века, проливающих свет на далеко неоднозначные события в Абхазии. К таковым, например, относятся материалы, посвященные деятельности абхазского владетеля Келешбея, его старшего сына Асланбея,

¹ Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум. 1922. С. 155.

² АКАК. В 12-ти томах. Тифлис. 1866–1904.

а также Сефербея. Обращает на себя внимание утвердившееся с начала XIX века в русской и советской историографии расхожее мнение о том, будто Келешбей стремился в Россию, а его старший сын Асланбей в связи с таким стремлением организовал заговор и якобы убил отца. Благодаря этим исследованиям, в сознание абхазского народа исключительно через книжную, литературную пропаганду, созвучную официальной имперской доктрине, в течение почти двух столетий внедрялся тезис об «отцеубийце Асланбее», в то время, как в памяти народной Асланбей жил самостоятельной, совершенно иной жизнью народного героя, законного владельца, боровшегося за свободу Абхазии, что нашло свое отражение и в абхазском фольклоре. Об этом, в частности, свидетельствует В. И. Стражев (1879–1950 гг.) – не только поэт, литератор, но и археолог, историк. Он представляет собой редкое исключение в том смысле, что выбивается из общепринятого русскоязычного ряда текстов на тему об Асланбее. Хорошо знавший Абхазию, внимательно изучавший исторические источники, он еще в 1923 г. поставил под сомнение причастность Асланбея к убийству Келешбея. В лирическом стихотворении «Асланбей» есть удивительно пронизательные строчки:

... Аслан! Я верю небылице:
Отцовской кровью плачет твой кинжал!

В небольшой исторической справке к этому стихотворению Виктор Стражев пишет об Асланбее: «Его бурная жизнь прошла в упорной и жестокой борьбе с братом (от другой жены Келешбея) Сефербеем и племянниками Димитрием и Михаилом, последующими владельцами Абхазии. Ярый противник русских, Аслан воплотил в себе образ героя – борца за независимость и таким остался в памяти своего народа»¹.

Интересно, что первое известие об убийстве Келешбея было получено ген. Рыкгофом именно от Сефербея – заинтересованного лица. На основании донесения Рыкгофа граф Гудович 19 мая

¹ Стражев В. Горсть. Сухум. 1923. С. 29.

1808 г. обратился с подробным донесением к Александру I¹. Затем, 8 июня 1808 г. владелица Мегрелии Нина обращается из Зугдиди с письмом к графу Гудовичу² и в тот же день пишет прошение русскому императору³. Именно в этих документах изложена официальная версия происшедшего в Абхазии. Интересно, что эта точка зрения, без критического анализа источников, почему-то слово в слово переключалась в труды русских и советских историков. Поражает и выборочность «нужных» документальных материалов, приводимых в исследованиях. Никто из историков, которые специально разрабатывали тему России и Абхазии начала XIX века, не приводит, например, такое важное свидетельство, как упоминаемые ген. Рыкгофом, обращенные к нему письма самого Асланбея, где он говорит о своей невинности и что в убийстве его отца замешаны посторонние люди⁴.

Не может не настораживать и другое обстоятельство. Сефербей, претендовавший на престол, не мог его занять в силу того, что был сыном крестьянки, простолюдинки. Он был законным сыном Келешбея, но по абхазскому праву не мог стать владельцем. Более того, на момент убийства русское военное командование и царская администрация с крайним недоверием относились к Келешбею и его старшему сыну Асланбею – законному наследнику Абхазского престола.

В политическом плане и в военных вопросах Россия в этом регионе делала ставку только на Мегрелию, а конкретно, на Нину Дадияни, которая ничем не гнушалась лишь бы удовлетворить аппетиты России и свои собственные амбиции. Естественно, Нина Дадияни не могла влиять на Абхазию при Келешбее или Асланбее, но ее и Россию вполне устраивал слабохарактерный Сефербей, который являлся зятем владелицы Мегрелии. Об этом кресноречиво говорится в ее обращении к Александру I от 8 июня 1808 г.: «И так, самодержавнейший Государь, ныне время

¹ АКАК, т. 3. С. 198–200.

² АКАК, т. 3. С. 201–204.

³ АКАК, т. 3. С. 201.

⁴ АКАК, т. 3. С. 205.

удобное принять Сефер-бека под Ваш покров, ибо он есть член (нашего дома) и сосед наш»¹.

Следует особо отметить и такой факт. В день убийства Келешбея 2 мая 1808 г. Сефербей не был в Сухум-Кале, и потому не мог быть очевидцем случившегося. Между тем первые сведения, причем подробные, русское военное командование получило именно от Сефербея, который обвинил в гибели Келешбея его сына и своего старшего брата Асланбея. Странно и другое. В тот роковой день Келешбей собрал своих самых доверенных людей² и обсуждал с ними важные вопросы. Почему среди этих наиболее верных сторонников не было, например, Сефербея, который в момент убийства не находился в Сухум-Кале, а пребывал в Никопсии³ или в Лыхны⁴? По всей видимости, Сефербей в заказном порядке опорочил старшего брата Асланбея, законного наследника престола, который никак не устраивал русское командование и Нину Дадиани в этом качестве. И только очернив, оклеветав его в страшном преступлении, можно было найти формальный повод к его отлучению от престолонаследия. Между тем, обращаясь к Александру I, даже граф Гудович в своем первом сообщении об убийстве Келешбея, ссылаясь на якобы непростые взаимоотношения отца с Асланбеем, вынужден был признать, что накануне гибели Келешбея Асланбей сумел вернуть к себе расположение владетеля Абхазии или, если дословно: «успел приобрести его (Келешбея – С. Л.) доверенность»⁵.

II

Как известно, в 80-х гг. XVIII века к власти стремительно пришел абхазский владетельный князь Келешбей Чачба (Шервашидзе). В течение трех десятилетий он проводил самостоятельную политику, успешно лавируя между интересами Турции и России. Князь отличался умом, хитростью и его имя было широко из-

¹ АКАК, т. 3. С. 201.

² АКАК, т. 3. С. 198–200.

³ АКАК, т. 3. С. 201.

⁴ Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми. 1940. С. 16.

⁵ АКАК, т. 3. С. 198–200.

вестно за пределами Кавказа. Высокого роста, с резкими чертами лица и огненными волосами, он заметно выделялся среди окружающих и приковывал внимание современников – военных, дипломатов, путешественников.

Келешбей быстро подчинил себе феодальную знать Абхазии, опираясь на мелкое дворянство и «чистых» крестьян-анхаю, каждый из которых был вооружен ружьем, шашкой и пистолетом. Эта постоянная стража состояла из 500 ратников. В случае военной угрозы Келешбей в считанные часы выставлял хорошо вооруженное 25-тысячное войско с артиллерией, конницей и даже флотом. До 600 военных галер владетеля постоянно крейсировали вдоль Черноморского побережья, от Батума до Анапы, причем комендантами крепостей Поти и Батум были его племянники – однофамильцы.

На первом этапе своей деятельности Келешбей пользовался военно-политической поддержкой Турции, под протекторатом которой находилась Абхазия. В период расцвета этих отношений владетель построил в Сухуме 70-ти пушечный корабль и подарил его султану.

Однако Келешбей, как и его отец владетель Манча (Манучар) Чачба, высланный султаном в середине XVIII века в Турцию вместе с братьями Ширваном и Зурабом, вынашивал сокровенную мечту о полной свободе и независимости Абхазского государства.

Келешбей помнил как расправились с его семьей. Только дяде его Зурабу удалось вернуться в Абхазию и стать владетелем. Во время пребывания в турецкой ссылке князей Чачба, в Абхазии усилились эшерские князья Дзяпш-ипа, занявшие окрестности Сухума. Не имея возможности бороться с этой фамилией, Зураб старался сохранить с ней дружественные отношения и даже женился на княжне Дзяпш-ипа своего племянника Келешбея. Заручившись поддержкой этого влиятельного клана, Зураб в 1771 г. поднял восстание и изгнал турецкий гарнизон из Сухума. Однако, в результате предательства одного из Чачба, турки скоро вернули Сухумскую крепость, а затем, устранив Зураба, признали владетелем Абхазии Келешбея.

Келешбей внимательно следил за утверждением России в Восточной Грузии, где в 1801 г. было упразднено Картлийско-

Кахетинское царство. Владетель надеялся, что военное присутствие царской России в Закавказье (Южный Кавказ) – временное явление, в связи с чем он сделал в 1803 г. первый чисто формальный шаг к сближению с Россией. Однако, как верно заметил по этому поводу историк И. Г. Антелава, «Келеш-бек не решался, колебался вступить в российское подданство, боясь потерять свою независимость»¹. Он лишь намеревался с помощью России избавиться от протектората Турции, что и случилось 25 июля 1806 г. после неудачного похода турецкого флота в составе 3-х военных кораблей и 8-ми гребных судов к берегам Абхазии. Келешбей успел подготовиться и выставил у Сухумской крепости много-тысячную абхазо-адыгскую армию. Флот развернулся и ушел². «Это счастливое событие окружило имя Келеш-бея ореолом героя и еще больше подняло его авторитет, – отмечал в 1940 г. Г. А. Дзидзария. – Почти год управлял он независимой Абхазией и заметно охладил к России, вследствие чего царские генералы даже заподозрили его в “измене”»³. Однако в дальнейшем известный историк-кавказовед Г. А. Дзидзария издал монографию с совершенно иным названием: «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение» (Сухуми, 1960), что было продиктовано идеологическими соображениями...

В конце XVIII – начале XIX вв. владетель Абхазии неоднократно вторгался в пределы Мегрелии и Имеретии, а его войска доходили до Кутаиси. На левом берегу, в устье Ингура, он закрепил за собой крепость Анаклию. В 1802 г. Келешбей выставил 20-тысячное войско с 3 пушками против владетеля Мегрелии Григория Дадиани и взял в заложники его сына – наследника Левана. Положение Григория Дадиани, бессильного сдерживать натиск царя Имеретии Соломона II, с одной стороны, и абхазского владетеля – с другой, вынудило его первым в Западной Грузии прибегнуть к военной помощи России и вступить под ее покровительство в декабре 1803 г.

¹ Материалы по истории Абхазии. Сухуми. 1939. С. 107.

² АКАК, т. 3. С. 192–193, 519–520; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М. 1823. С. 348.

³ Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию. С. 15.

С этого момента Мегрелия оказывается на острие российской политики в крае. Однако слабовольный Григорий Дадиани не годился на эту роль, а царские власти и военное командование России все большее внимание обращают на его энергичную и властолюбивую жену Нину, которую Цицианов в письме Литвинову в ноябре 1804 г. образно и лаконично охарактеризовал: «великая интриганка»¹.

24 октября 1804 г. Григорий Дадиани неожиданно умирает. По свидетельству католического священника, патера Николо, владетель Мегрелии был отравлен жареной курицей, заправленной ядом, а когда почувствовал себя плохо, ему принесли пилюли, наполненные опиумом. Патер Николо сообщает, что все это было устроено княгиней Ниной², овдовевшей в 27 лет³. Такого же мнения придерживался и русский историк Н. Дубровин, назвавший Нину Дадиани «женщиной отважною, хитрою и самолюбивою»⁴.

Патер Николо был личным лекарем Григория Дадиани и после почти месячной отлучки, вернувшись в Мегрелию, застал его уже мертвым. По наведенным справкам патер узнал, что Дадиани лечила лекарка Зева. Николо при собрании народа попросил ее рассказать обстоятельства, которые предшествовали кончине.

«– После твоего лекарства, говорила Зева, Дадиан был истинно здоров, так что оправясь в теле, имел чрезвычайный аппетит. В субботу он приказал жене подать ужин. Изготовя курицу с маслом, княгиня Нина отослала ее мужу. Съевши половину, Дадиан сказал: как невкусна курица, но по тогдашнему его аппетиту съел всю без остатка. В полночь он почувствовал жестокую боль в желудке, спрашивал у жены с кем она прислала. Дадиан потребовал твоих (ксендза Николо) пилюль, но вместо них были принесены другие, переполненные опиумом. После приема пилюль, в полночь, ему сделалось хуже, и он приказал позвать меня. Я сказала, что не в состоянии его вылечить, потому что, по мнению моему, он должен быть отравлен, и советовала призвать

¹ Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб. 1886. С. 201.

² АКАК, т. 2. С. 481–482, 491, 534–536.

³ АКАК, т. 6, ч. 1. С. 627.

⁴ Дубровин Н. С. 198–199.

тебя. Услышав о том, княгиня Нина запретила, под страхом наказания говорить об отравлении, присовокупив, что кто может отравить Дадиана?

Вслед затем патер Николо, продолжает Н. Дубровин, вместе с лекаркою отправился к княгине Нине.

– Зачем вы дали Дадиану опиум? – спросил Николо.

– Я сделала это по ошибке, – ответила Нина, – но что делать!

Патер Николо заплакал. “Не плачьте, утешала его Нина, я знаю, что скоро мой сын Леван будет Дадианом, он еще более вас одарит и будет милостивее к вам”»¹.

Тогда же резко осложнились отношения между Россией и Абхазией, так как сын отравленного владетеля Мегрелии находился в заложниках у Келешбея. Русские военные власти потребовали немедленной выдачи Левана Дадиани и, на дерзкий отказ Келешбея, ответили военной акцией: в марте 1805 г. русский генерал Рыкгоф отбил у него крепость Анаклию. В результате долгих переговоров абхазский владетель вернул 2 апреля 1805 г. заложника Левана, ставшего формальным владетелем, в то время, как действительной правительницей Мегрелии вплоть до совершеннолетия Левана была его мать Нина Дадиани. В обмен на Левана абхазский владетель вновь получил крепость Анаклию. Тогда же Келешбей пытался наладить внешнеполитические связи с наполеоновской Францией и даже вел переписку с ее знаменитым министром иностранных дел Талейраном.

В разразившейся русско-турецкой войне 1806–1812 гг. царизм пытался использовать влияние Келешбея в своих интересах, тем более, что русские сомневались в искренности и верности Келешбея, когда он просился в Россию. Один из влиятельных чиновников в С.-Петербурге в июне 1806 г. писал: «Нужно удостовериться, сколь чистосердечна преданность Келеш-бека к России»².

Скоро такой случай представился. В 1807 г. 60-летнему владетелю Абхазии русские власти предложили отбить у турок крепость Поти, но он уклонился от каких-либо военных действий.

¹ Дубровин Н. С. 197.

² АКАК, т. 3. С. 190.

Командующего войсками России на Кавказе графа Гудовича активно настраивал против Келешбея генерал Рыкгоф, ставший заклятым врагом Абхазского владетеля. Так, в рапорте от 8 июня 1807 г. Рыкгоф отмечал: «Келеш-бек только наружно оказывает Русским его дружбу»¹. В ответ граф Гудович обращается к Келешбею (14 июля 1807 г.) с резкими обвинениями: «Не помогли нашим войскам против Турок, а еще падает на вас сомнение, что вы под рукою воспособляете Туркам»².

Этими важными документами почти на год обрывается всякое упоминание о Келешбее.

По всей вероятности, российские власти на Кавказе, подстрекаемые правительницей Мегрелии Ниной Дадиани, решили устранить строптивного Келешбея и воспользовавшись перемирием с Турцией, поставить во главе Абхазского княжества зятя мегрельских владетелей Сефербея Чачба, дискредитировав при этом основного наследника на престол Асланбея, мать которого из княжеской фамилии Дзяпш-ипа была первой женой Келешбея. В этих целях Сефербей, при поддержке Нины Дадиани и активном участии русской военной администрации в лице ген. Рыкгофа, организуют заговор против Келешбея, в результате которого он погибает в Сухумской крепости 2 мая 1808 г.³

Между прочим, историк А. В. Фадеев в 1931 г. отметил: «Возможно, что и убийство Келеш-бея было организовано Дадианом»⁴. Через год он добавил: «Это политическое убийство, несомненно, было организовано не без участия Турции и мингрельских владетелей, опасавшихся осуществления абсолютистских замыслов Келешбея»⁵. Формулировку А. В. Фадеева, спустя некоторое время, почти буквально повторил Г. А. Дзидзария⁶.

Интересно, что сразу после убийства Келешбея тон представителей русской администрации в отношении его деятельности,

¹ АКАК, т. 3. С. 197–198.

² АКАК, т. 3. С. 198.

³ Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию. С. 16.

⁴ Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум. 1931. С. 35.

⁵ Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум. 1932. С. 12.

⁶ Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию. С. 17.

резко меняется. Если около года назад граф Гудович обвинял владельца в протурецкой ориентации, то уже 20 мая 1808 г. он сообщает министру иностранных дел России графу Н. П. Румянцеву о «смерти преданного России Абхазского владельца Келеш-бея...»¹. С этого момента царские власти начинают формировать преднамеренный пропагандистский миф о якобы преданности Келешбея Чачба российскому трону, который бытует и по сей день.

Всю вину в официальных российских документах того времени за убийство Келешбея сваливают на Асланбея. Первые же сведения, как упоминалось, с описанием этого происшествия граф Гудович получил от Сефербея – весьма заинтересованного лица, и ген. Рыкгофа². В то же время попытки самого Асланбея прояснить ситуацию не принимались во внимание русским командованием. Так, генерал Рыкгоф в рапорте графу Гудовичу сообщал об Асланбее: *«В каком злодеянии он и виновным себя ни под каким предлогом не сознает, отзываясь заговором против Келешбея посторонних. Я на письма сии ничем и по сие время ему не отвечаю...»*³.

Такая странная реакция генерала говорит лишь о том, что ему и Гудовичу была хорошо известна подоплека событий, если не сказать большего.

[25 июня 1808 г. встревоженный Сефербей в письме ген. Рыкгофу и сам упоминает эти обращения Асланбея, призывая генерала не верить ему.

Интересно, что ни в 1808, ни в 1809 г. Асланбей не был настроен протурецки. Будучи проабхазским владельцем, он обращался к русским властям о «намерении предать себя подданству Государю с крепостью (Сухум – С. Л.) им обладаемую». Это становится известно из рапорта ген. Д. Орбелиани главнокомандующему в Грузии А. Тормасову от 7 июня 1809 г. Однако царские власти больше прислушивались к правительнице Мегрелии Нине Дадиани, и отклонили эти предложения, решив вопрос в пользу Сефербея.]

¹ АКАК, т. 3. С. 199–200.

² АКАК, т. 3. С. 198.

³ АКАК, т. 3. С. 205.

В их задачу, по-видимому, входило устранение самостоятельного Келешбея и возведение на престол Сефербея. Однако этот план осуществился лишь наполовину. К великому удивлению организаторов заговора (не Турции, разумеется) выяснилось, что Сефербей не пользовался никаким авторитетом в абхазском обществе, а все симпатии народа, включая его родственников и близких, оказались на стороне «отцеубийцы» Асланбея, ставшего владельцем Абхазии. Такой поворот в событиях никак не устраивал царские власти, а особенно Нину Дадиани. Так, 8 июня 1808 г. она сообщает русскому императору Александру I о том, что к ней в Зугдиди явился «зять наш Сефербей» (был женат на Тамаре Дадиани, сестре Григория), который дал в доме Дадиани присягу на верность России и просил помощи и содействия российских войск в борьбе с законным владельцем Абхазии Асланбеем¹. Правительница Мегрелии пишет, что в случае признания Сефербея и принятия Абхазии в подданство России, пределы империи расширятся до Крыма, ибо «число Абхазцев немалое»². Нина Дадиани преследовала и свои личные цели, хорошо понимая стратегическое и торговое значение Абхазии.

В начале августа 1808 г. ген. Рыкгоф по приказу графа Гудовича двинул на Сухум объединенные силы правительницы Мегрелии и ее двух зятьев Манучара (из Самурзакана) и Сефербея Чачба. Но на помощь Асланбею в Сухум успел прийти на 3-х судах с войском его двоюродный брат, комендант крепости Поти Кучукбей Чачба (племянник Келешбея), а по суше прибыли 300 черкесов. Военная экспедиция, заготовленная заклятым врагом Келешбея и Асланбея ген. Рыкгофом, провалилась. Крепость Сухум³ так и не была взята, а Сефербей вновь вернулся в Мегрелию.

В результате авторитет Асланбея еще больше возрос. Он пользовался огромной поддержкой народа, высших слоев абхазского общества и многочисленного потомства Келешбея (на его стороне были все братья от Гасанбея до якобы раненного

¹ АКАК, т. 3. С. 201.

² АКАК, т. 3. С. 203–204.

³ АКАК, т. 3. С. 207–208.

им Баталбея; Асланбея активно поддерживала и последняя жена Келешбея – Ребия-ханум Маршан), чего, в силу менталитета абхазов, никак не могло быть, если бы Асланбей на самом деле убил своего отца. Кроме того, Асланбей, женатый на садзской (джигетской) княжне Геч (Гечба), пользовался большим почетом в западноабхазском обществе Садзен, а также среди убыхов и адыгов.

Таким образом, официальная точка зрения российских властей, попытавшихся опорочить Асланбея, обвинив его в «отцеубийстве», осталась на бумаге, в российской военно-правительственной переписке, и не отвернула народ от законного владельца Асланбея.

Необходимо особо отметить, что в историографии, на протяжении последних почти двух веков, господствовала только тема «отцеубийства», которая, вероятно, была сфабрикована в сугубо политических целях российскими военными и администраторами в 1808–1810 гг.

В то же время Нину Дадиани, действительно отравившую своего мужа, владельца Григория Дадиани, царские власти всячески поддерживали и оберегали только потому, что она служила интересам России. Более того, с помощью Нины они активно распространяли слухи об Асланбее, якобы убившем своего отца и противопоставляли ему Сефербея, которому Келешбей еще при жизни будто бы завещал престол...

Но политика дискредитации не имела успеха. Асланбей пользовался безусловным авторитетом в стране и потому, что Сефербей, находившийся, вернее, скрывавшийся большей частью в Мегрелии под защитой русских штыков, постоянно *«просил о даче ему войска для взятия Сухума, так как он остается почти совершенно обессиленным и даже изгнанным»*. А российские военные просили прислать Черноморскую флотилию «для занятия Сухума, где усиливается отцеубийца Арслан»¹.

Забегая несколько вперед, следует привести один весьма показательный факт биографии Нины Дадиани. Дело в том, что отношение к ней русских властей не всегда было благосклонным. Оно изменилось, как только изменилась ситуация в этой части

¹ АКАК, т. 4. С. 419–420.

Кавказа, а Мегрелия отыграла главную роль проводника русских интересов в Западной Грузии и Абхазии. Так, 18 мая 1820 г. ген. Ермолов очень негативно отзывался о Нине Дадиани, которая со своим младшим сыном Георгием (воспитанник Пажеского корпуса) жила в С.-Петербурге, но затем стала настраивать Георгия против брата Левана – владельца Мегрелии. Во время волнений в Мегрелии Георгий вместе с бунтовщиками вел себя буйно и даже стрелял в русских солдат. Ермолов, зная властолюбивый характер Нины Дадиани, подозревал ее в кознях против сына Левана. Он запретил ей жить при царском дворе в С.-Петербурге и разрешил пребывать в Москве. Однако, император Александр 1, разгневанный таким поведением и вероломством Нины Дадиани, запретил ей в июне 1820 г. проживать в столицах и сослал ее на жительство в Рязань под надзор губернского начальства¹.

III

В атмосфере полной утери какой-либо власти и появляются известные «просительные пункты» Сефербея (по крещении «Георгий») от 12 августа 1808 г. к императору Александру 1 о принятии Абхазии в подданство России², составленные на грузинском языке в Мегрелии под диктовку Нины Дадиани и ее духовника, протоиерея Иоселиани. В порыве откровения Сефербей сообщает Александру 1, что все обращения о принятии Абхазии в Россию писал священник «Иоанн Иоселиани, который искренним сердцем советовал мне предать себя в подданство Императорскому престолу»³.

На основе именно этих незаконных «просительных пунктов», Александр 1 признал в своей грамоте от 17 февраля 1810 г. Георгия (Сефербея) «наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи»⁴.

¹ АКАК, т. 6, ч. 1. С. 626–627.

² Полный свод законов Российской империи, т. 40. Приложение. С. 74, № 241289. СПб. 1830.

³ АКАК, т. 3. С. 209.

⁴ Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светлейшего князя Михаила Шервашид-

Однако, необходимо обратить внимание на очень важное обстоятельство. На момент появления этой грамоты и даже значительно позднее Сефербей безвыездно жил в русской Мегрелии, не имея никакого влияния на Абхазию, которой уже около двух лет управлял законный владетель Асланбей.

Сам же Сефербей через Мегрельского священника И. Иоселиани неоднократно обращался в С.-Петербург, нетерпеливо ожидая как «Высочайшей грамоты, так и десанта войск из Крыма для покорения Сухум-Кале»¹.

Но произошло непредвиденное. Когда в июне 1810 г. полковник Симонович объявил в Кутаисе Сефербею, в присутствии мегрельской правительницы Нины, о присылке грамоты и других высочайших знаков отличия с тем, чтобы «он немедленно отправился в Абхазию для принятия оных с должною церемонией», тот наотрез отказался. Он стал объяснять Симоновичу, что «весьма для него опасно принять оные в теперешнее время, когда соперник брат его владеет Сухумом и следовательно почти всю Абхазию и что он, услышав об утверждении его владельцем, будучи сам утвержден от Порты, непременно нападет на него с турецкими войсками, разорит и выгонит из Абхазии». Совершенно обессиленный Сефербей просил отложить церемонию «до того времени, когда пойдут под Сухум российские войска и тогда при покорении под власть его народа может он принять знаки Всемилостивейшего к нему благоволения...»².

Генерал Тормасов «никак не ожидал» такого поворота событий и был просто в ярости. Он не предполагал, чтобы новый владетель всей Абхазии, «был столь бессилён в земле, предоставленной теперь его управлению, что даже опасается принять Высочайшую утвердительную грамоту и другие знаки отличия и не смеет ехать в собственный дом в Абхазии, боясь брата своего...». Более того, Сефербей и лично обратился с письмом к ген. Тормасову, в котором просил помочь ему русскими войсками, «без

зе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913, с. 5–7; Внешняя политика России XIX века и начала XX века. Документы. Серия 1, т. 5. М., 1967, с. 372–373.

¹ АКАК, т. 4. С. 238.

² АКАК, т. 4. С. 420.

коих он не смеет даже из Мегрелии выехать в свое владение». Русская военная администрация оказалась в трудном положении, но отказаться от покровительства Сефербею уже не могла, т. к. грамота Александром I была уже подписана. Ген. Тормасов в своем предписании Симоновичу от 15 июня 1810 г. отмечал, что «не остается теперь другого способа для поддержания его, как покорение крепости Сухума силою оружия и чтобы сим же средством Сефер-Али-бея ввести во владение Абхазией». В этом же послании он подробно интересуется положением Абхазии, влиянием Асланбея. «Внушите также правительнице Мегрелии княгине Нине Георгиевне, – писал Тормасов, – что покровительство и милости, оказываемые Государем Сефер-Али-бею, последовали во уважение ее с ним родственных связей и по ее предстательству (ходатайство – С. Л.), а потому и должно ей всеми способами его поддерживать и утвердить его владетелем Абхазии»¹.

Таким образом, судьба Асланбея и крепости Сухум-Кале была предрешена. По русскому военному плану штурм Сухума намечался морским десантом и сухопутным броском со стороны Мегрелии под командованием генерал-майора Д. Орбелиани. К этому времени Россия уже овладела турецкой крепостью Поты. Оставалось взять Сухум, который турки называли Старым Стамбулом², чтобы господствовать на восточном берегу Черного моря. Еще в марте 1810 г. управляющий министерством военно-морских сил адмирал, маркиз И. И. де-Траверсе отдал приказ о крейсеровании русских судов между Анапой и Сухумом, а 10 июня вице-адмирал Языков предписал контр-адмиралу Сарычеву направить из Севастополя в Сухум эскадру в составе: 66-пушечного корабля «Варахиил», двух фрегатов «Воин» и «Назарет», одного авиза «Константин» и двух канонирских лодок с батальоном 4-го морского полка в 640 человек под командованием капитан-лейтенанта Додта. В таком составе 8 июля 1810 г. в 4 часа дня на Сухумский рейд прибыла военная эскадра, по которой из крепости был открыт огонь из пушек и ружей. На следующий день эскадра подошла ближе и в 3 часа дня открыла шквальный огонь

---

¹ АКАК, т. 4. С. 421–422.

² Вестник Европы, 1867 (сентябрь), т. III. С. 108.

своей артиллерии по крепости. К вечеру почти вся крепостная артиллерия была разбита, а городские строения разрушены. Стоявшие в бухте 7 турецких судов были потоплены. Утром 10 июля 1810 г. Додт высадил на берег батальон морской пехоты с двумя пушками под началом майора Конрадини. Однако выяснилось, что десант не имел штурмовых лестниц. В результате двухчасовой бомбардировки с суши и с кораблей русские войска заняли крепость. Со стороны Ингура в город вступила рота Белевского полка с двумя орудиями во главе с генералом Д. Орбелиани (весной 1809 г. сменил умершего ген. Рыкгофа) и русским ставленником Сефербеем. Асланбей вынужден был скрыться у своих родственников в абхазском обществе Садзен. В крепости, по сообщению капитан-лейтенанта Додта, было убито 300 абхазов и турок и в плен взяты 78 человек. Русский десант потерял 109 офицеров и солдат убитыми и ранеными. Додт захватил 62 пушки, 1080 пудов пороха и много ядер¹.

В том же году до 5 тысяч абхазов выселилось в Турцию. Это была первая в XIX веке волна переселения.

Как видно, все происшедшее в 1808–1810 гг. никак нельзя назвать добровольным присоединением Абхазии к России. Вместе с тем, эта точка зрения на протяжении многих десятилетий является официальной и единственной. Как показывают документы, события того времени не столь однозначны и заслуживают подробного исследования, включая изучение не только русских текстов, но и турецких, французских, английских источников, в том числе архивных.

Военный захват Сухум-Кале – это лишь первый шаг завоевательной политики царизма в Абхазии. Для закрепления своих позиций России понадобилась еще полувековая война с абхазским народом. Борьба между Сефербеем и Асланбеем была прежде всего борьбой двух влияний: русского и турецкого, а взятие Сухум-Кале являлось победой не Сефербея над Асланбеем, а победой России над Турцией в борьбе за Абхазию².

Сефербей, поддерживаемый русскими штыками, так и не стал уважаем в народе, хотя и переехал на жительство в Сухумскую

¹ АКАК, т. 4. С. 422–424.

² Кудрявцев К. Сборник материалов. С. 158.

крепость – единственное место в Абхазии, где он мог чувствовать себя в безопасности. Сюда же по приказу Тормасова осенью 1810 г. под охраной более 100 русских солдат и офицеров была доставлена хранившаяся в крепости Поти у полковника Мерлини грамота Александра I и другие знаки отличия. Сефербей принял их в Сухуме «при собрании» и дал «публично перед народом присягу на вечную верность» императору России, утвердив ее «своей подписью и печатью»¹.

Вместе с тем военные власти России прекрасно осознавали, что Сефербей слаб, а «партия его еще не слишком сильна противу его соперника» Асланбея, люди которого в декабре 1810 г. контролировали окрестности Сухума, несмотря на присутствие 1 тыс. русских солдат². В марте 1811 г. Сефербей имел «самую малую партию», а правительница Нина Дадиани опасалась нападения на Мегрелию со стороны «абхазов и горцев, большею частью приверженных к Арслан-бею»³.

После взятия Сухума реальная власть оказалась в руках начальника крепости капитана Агаркова, который контролировал действия Сефербея. В своем рапорте начальству в январе 1811 г. он нелестно отзывался о новом владельце и отмечал, что «дела в Абхазии мало имеют порядка». Сефербей был в страхе и ничего не мог предпринять против людей Асланбея. Абхазцы же, продолжал капитан Агарков, до «такой степени смелы, что подъезжают к крепости вооруженные, садятся по кустам и стреляют в солдат, так что опасно отойти от оной шагов на 100»⁴.

Вся Абхазия была охвачена волнениями народа. В крайнем раздражении командующий российскими войсками на Кавказе генерал Тормасов писал 15 марта 1811 г. Сефербею, что тот не предпринимает «деятельных мер против партии отцеубийцы... Арслан-бея, которая возрастая мало по малу, может взять над вами перевес». Тормасов призывал владельца: «Прочно утвердите власть свою над Абхазским народом». Генерал напоминал Сефербею: «*Вы силою орудия и покровительством* (императо-

¹ АКАК, т. 4. С. 425.

² АКАК, т. 4. С. 339.

³ АКАК, т. 4. С. 356–357.

⁴ АКАК, т. 4. С. 426.

ра – С. Л.) утверждены законным владельцем, восстановлены во всех ваших правах и поддерживаются победоносными Российскими войсками...»¹. В своих записках А. П. Ермолов, признавая Асланбея владельцем Абхазии («некогда также владетель Абхазии»), по поводу Сефербея отметил: «Молодой князь Шервашидзе не имел людей приверженных, которые бы его остерегли, напротив, многие были со стороны убийцы»².

К концу войны турки потеряли все свои опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа: Анапу, Суджук-Кале, Сухум-Кале, Анаклию, Поти. Международная обстановка диктовала необходимость скорейшего заключения мира с Турцией. Готовясь к нашествию на Россию, на Висле развевалась полумиллионная армия Наполеона.

В мае 1812 г. был заключен Бухарестский мир, по которому Россия приобретала все побережье Абхазии и Мегрелии. Тем самым надежно обеспечивалось присоединение к России Западной Грузии (Мегрелия, Имеретия, Гурия) и Абхазии, и укреплялась безопасность Крыма. Окончание войны с Турцией позволило ускорить завершение войны с Персией (1804–1813 гг.). Россия решила и главную стратегическую задачу: обеспечив мир на своих южных границах, она лишила Наполеона турецкого союзника.

IV

Особо следует остановиться на вопросе о так называемом тайном крещении Сефербея, которое якобы было совершено с благословения Келешбея Чачба еще при его жизни. Необходимо обратить внимание, что такая версия впервые была изложена 8 июня 1808 г. все той же Ниной Дадиани в письме непосредственному ее начальнику графу Гудовичу, т. е. сразу после гибели давнего врага их дома Абхазского владетеля Келешбея. Довольно искусно она излагает приятную для русских ушей мегрельскую легенду о героическом крещении Сефербея и его новом имени Георгий. В основе этой манипуляции лежал прежде всего военно-политический смысл. «За сего Сефер-бека отец его Келеш-

¹ АКАК, т. 4. С. 428.

² Ермолов А. П. Записки. М. 1991. С. 375.

Ахмед-бек, – пишет Нина, – просил в супруги сестру покойного Григория Дадиани, но он ее не выдал, пока не просветил его святым крещением; когда же он просветился чрез священника двора нашего Симеона Асатиани и исповедал нашу веру, то за него была выдана сестра владетелева по бракосочетанию и это оставалось до сего времени в тайне. А ныне, если самодержавнейший Государь наш удостоит его чрез вас своим воззрением и примет в рабство, тогда объявит нашу веру не только он, но и вся Абхазия... Прошу твое (Гудович – С. Л.) главное благоуправление поревновать за них (абхазов – С. Л.), из почтения ко мне, дабы самодержавнейший Государь мой уважил и принял в свое рабство сего зятя моего Сефер-бека, который секретно называется по крещению Георгий, и пожаловал бы ему знак и грамоту, введя также и войска в Абхазию. Если же нам будет не по силам взять кр. Сухум, то Вссмилостивейший Государь наш Император да возьмет ее силою своею, окружив ее войском»¹.

К сожалению, именно эта легенда легла в основу абхазской историографии и, по всей видимости, исключительно по конъюнктурным политическим соображениям.

Между тем анализ документов, опубликованных в Актах Кавказской археографической комиссии, указывает на ряд противоречий и даже подтасовок. Так, по тексту письма Нины Дадиани от 8 июня 1808 года получается, что сам Келешбей еще при жизни Григория Дадиани, скорее всего в 1802–1803 гг., чуть ли не просил Мегрельского владетеля отдать его сестру в жены Сефербею. Более того, оказывается, Григорий Дадиани поставил даже условие грозному Келешбею относительно необходимости крещения сына, то есть перехода из ислама в христианство, что якобы и было сделано Сефербеем «в тайне», с помощью священника Мегрельского двора Симеона Асатиани.

Но хорошо известно, что в период женитьбы Сефербея, именно Григорий Дадиани нуждался в покровительстве Абхазского владетеля Келешбея, который и спасал его неоднократно от гнева имеретинского царя Соломона II. Ни при каких обстоятельствах Г. Дадиани и его жена Нина тогда вообще не могли ставить

¹ АКАК, т. 3. С. 203–204.

какие-либо условия Келешбею, т. к. были полностью зависимы от него и находились фактически в его власти. Нельзя забывать, что именно в это время малолетний Леван Дадиани, сын Григория и Нины, находился в Абхазии, и жил при дворе Келешбея в качестве заложника, аманата. Не Келешбей, а Григорий Дадиани считал за счастье выдать свою сестру замуж за Сефербея, хотя тот и не обладал правом на наследование престола.

Вообще, одно из первых, если не первое упоминание об этом браке, содержится в описании Литвинова, составленном в октябре 1804 г., в котором, между прочим, сказано: «Соседство, вражда и сила Имеретии противу Дадиани заставили его искать помощи Абхазского владельца Келеш-бека; *противность вер не воспрепятствовала им соединить себя родством*»¹. Это последнее обстоятельство о разности вер, которое не помешало женитьбе Сефербея Чачба и Тамары Дадиани, является важным свидетельством. Мегрельская владетельница Нина в своем спешном письме от 8 июня 1808 г. совершенно запуталась, когда сообщила Гудовичу, что Сефербея-Георгия крестил священник Симеон Асатиани, в то время как его окрестил после гибели Келешбея протоиерей Иоанн Иоселиани, ставший политическим и духовным наставником Сефербея.

Выдумки Нины Дадиани первым опроверг в своем рапорте графу Гудовичу генерал Рыкгоф, который, в частности, сообщал 10 июня 1808 г., что Сефербей «охотно приемлет религию Греческого (православного – С. Л.) исповедания со всеми ж его поданными, как он и прежде нетерпеливо желал исполнить, *но не смел оскорбить тем престарелого его отца*»². Совершенно очевидно, что не без влияния Нины Дадиани и ее священника И. Иоселиани, Сефербей в июне 1808 г., когда отца уже не было в живых и нужно было бороться за абхазский престол с законным наследником старшим братом Асланбеем, решил перейти из мусульманства в христианскую веру. В своем обращении к русскому ген. Рыкгофу, написанном 21 июня 1808 г. явно под диктовку мегрельских владетелей, он сообщал: «Я и до сих пор хотел Хри-

¹ АКАК, т. 2. С. 410.

² АКАК, т. 3. С. 205.

стианином быть, а теперь так как такое дело случилось, то я хочу свое владение отдать, как Грузия и Одиши Государю принадлежать... *И я желаю Христианином быть* и потому расположен усердно к Государю... Пособите мне теперь войском, если хотите быть мне вашим»¹.

Вот с такими посланиями обращался к русскому командованию, с русской территории, из Зугдиди, Сефербей, срочно изъявивший желание переметнуться в православие, т. е. в веру русских и союзных им мегрельцев. Позднее, генерал Ермолов писал графу Нессельроде: «Турки не простят ему (Сефербею – С. Л.) прежнюю перемену закона и вступление под покровительство Христианского государя»².

В одном из документов прямо говорится, что возвратившийся из С.-Петербурга *«протоиерей Иоанн Иоселиани убедил владетеля Абхазии Георгия Шервашидзе вступить в подданство Всероссийского престола*». Тогда же И. Иоселиани обратил в христианскую веру и самого Сефербея-Георгия³.

По этому поводу французский путешественник и ученый Поль Гибаль, побывавший в 1818–1819 гг. в Абхазии, особо отметил в своей рукописи, что Сефербея «не любили из-за его перехода в христианство»⁴.

Политические события развивались стремительно и, главное, параллельно с вопросом о крещении Сефербея, которого русские власти именовали теперь Георгием.

В своем предписании от 14 июля 1808 г. гр. Гудович сообщал ген. Рыкгофу, что Александр I выразил полную поддержку Сефербею и что последний через Рыкгофа должен передать «просительные пункты» императору о принятии в вечное покровительство России⁵.

Вскоре, возвращаясь из Персии, Гудович получил просительные пункты от Сефербея, под которыми тот подписался как «Георгий Шарвашидзе». 3 марта 1809 г. Гудович с удовольствием

¹ АКАК, т. 3. С. 205.

² АКАК, т. 6, ч. 1. С. 652–654.

³ АКАК, т. 6, ч. 1. С. 429.

⁴ Гибаль П. Журнал моего путешествия... 1820 г. Рукопись.

⁵ АКАК, т. 3. С. 206.

пересказывал Салтыкову легенду Нины Дадиани о тайном крещении Сефербея и сообщил, что министр иностранных дел граф Румянцев объявил Гудовичу волю императора, разрешающую «приступить к принятию Абхазского владения в вечное покровительство» России¹.

V

При владетеле Сефербее-Георгии Шервашидзе (1810–1821 гг.) центральная власть в Абхазии совершенно ослабла. С прежней яростью вспыхнули междоусобицы. Наделенный Россией всеми правами владетельской власти, Сефербей был формальным правителем Абхазии и не мог существенным образом влиять на политическую обстановку внутри страны. По-прежнему независимыми оставались вольные общества горной Абхазии – Псху, Дал, Аибга, Цабал и др., которые «отказались быть покорными» России и владетелю.

Владетелем Абхазии народ по-прежнему считал Асланбея. Время от времени он появлялся здесь и поднимал восстания. Так, в июле 1813 года в Абхазии под руководством Асланбея произошло «чрезвычайное волнение» против Георгия Шервашидзе². На подавление этого выступления были двинуты русские военные силы с двумя орудиями и ополчение владетеля Мегрелии Левана Дадиани. Только таким образом Сефербей-Георгий сумел сохранить свою власть. Охраняемый русскими солдатами, он жил либо в Сухумской крепости, либо в Мегрелии, правители которой поддерживали его в борьбе с Асланбеем.

Здесь необходимо обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Если Асланбей, как утверждали официальные власти России и владетели Мегрелии, был «отцеубийцей», то почему именно его сторону, а не Сефербея-Георгия безоговорочно приняли все ближайшие родственники? Почему на стороне Асланбея неизменно выступали все сыновья Келешбея, его родные братья по отцу: Баталбей, которого он якобы ранил в день убийства Келешбея (со слов Сефербея), а также Гасанбей, Таирбей и

Ростомбей? Каким образом последняя жена Келешбея, мать этих сыновей Ребиа-ханум Маршан, и мачеха Асланбея, приняла в июле 1813 г. сторону так называемого убийцы своего мужа?

26 июля 1813 г. в своем донесении ген. Ртищев сообщал графу Румянцеву, что Ребиа-ханум Маршан с двумя сыновьями перешла на сторону Асланбея, «под защиту сему извергу, который, впрочем, не родной ее сын» и что это «без сомнения может отклонить от верности Сефер-Али-бею всех подвластных его»¹.

Приводимые факты могут лишь свидетельствовать о причастности Сефербея, а не Асланбея к убийству отца. В силу абхазских традиций и кровно-родственных отношений семья Келешбея никогда не приняла бы сторону Асланбея, если бы тот на самом деле был «отцеубийцей». Между тем, все члены семьи с первого дня после гибели владетеля Абхазии поддерживали Асланбея.

Георгий-Сефербей скептически характеризовался даже в официальной переписке русских политиков и военных. Так, например, в декабре 1814 г. ген. Симонович сообщал ген. Ртищеву, что Георгий Шервашидзе хотя и предан России, «но не успел еще приобрести полной силы и доверенности в народе Абхазском, по причине коварных происков брата его отцеубийцы Арсланбея, не оставляющего претензии своей на Абхазское владение и домогающегося сей своей цели чрез покровительство Турок»².

Не изменилась ситуация в лучшую для Георгия сторону и спустя 4 года. Так, 25 апреля 1818 г. он обращается с письмом на грузинском языке к ген. Курнатовскому, в котором жалуется, что народ Абхазии не признает его и не повинуется ему. Георгий Шервашидзе пребывал в крайне истерическом состоянии: *«Прошу дать мне из владения Дадиани войско и также до 300 конных Имеретинцев, коих я присоединяю к своим верноподданным, под предводительством моим, заставлю оный дикий народ раскаиваться в своем поступке...»*³.

Тогда же ген. Курнатовский докладывал ген. Сталю, что Г. Шервашидзе известил его о «явном ему неповиновении своего народа». Далее Курнатовский 9 мая 1818 г. раздраженно сообщил:

¹ АКАК, т. 5. С. 798.

² АКАК, т. 5. С. 480–481.

³ АКАК, т. 6, ч. 1. С. 644.

«Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться. Главнейшая причина такового неповиновения есть та, что настоящий владелец утвержден в сем звании без дальнейшего исследования о преданности к нему Абхазцев, – народа горского, вольного и воинственного и с коими управиться трудно и тому в ком нашлось бы более твердости и благоразумия»¹.

Это было убийственное заключение о времени правления Г. Шервашидзе, умершем 7 апреля 1821 г. Незадолго до его смерти 5 февраля 1820 г. ген. Курнатовский делился своими впечатлениями о Георгии Шервашидзе с ген. Вельяминовым. Георгий прибыл в Имеретию и заявил Курнатовскому о «своей непоколебимой преданности Российскому Престолу». По этому поводу генерал ехидно, но справедливо заметил: «Впрочем, ни измена его (Г. Шервашидзе – С. Л.) дальнейшего вреда, ни верность значительной пользы не могут нам принести за крайним его в принадлежащем ему владении бессилием»².

После смерти Г. Шервашидзе в Абхазии снова вспыхнули «беспокойства и возмущения». Многие абхазские князья и народ желали видеть владетелем Асланбея или его брата Гасанбея. Но заменявший в это время Ермолова (выехал в Санкт-Петербург) генерал-лейтенант Вельяминов, по совету владетеля Мегрелии Левана Дадиани, объявил «правительницей Абхазии» вдову Г. Шервашидзе княгиню Тамару Дадиани (тетка Левана). Чтобы обезопасить Тамару Вельяминов отдал приказ арестовать Гасанбея Чачба и выслать его в Сибирь (1821–1828 гг.). Абхазы взбунтовались и отказались признать Тамару правительницей Абхазии.

Ген. Ермолов 29 мая 1821 г. писал графу Нессельроде, что братья Гасанбея – Баталбей, Ростомбей и Таирбей «явно восстают» против Тамары Дадиани. Более того, Таирбей был направлен в Константинополь за помощью для взятия Сухум-Кале и с просьбой возвести в «звание владетеля Абхазии... Арслан-бея»³.

¹ АКАК, т. 6, ч. 1. С. 644.

² АКАК, т. 6, ч. 1. С. 575.

³ АКАК, т. 6, ч. 1. С. 656.

Летом 1821 г. Асланбей вернулся на родину. При поддержке своих родственников садзов, убыхов и псхувцев он поднял восстание, «овладел всею Абхазиею» и обложил Сухумскую крепость. В источнике сказано, что после смерти Г. Шервашидзе в 1821 г. «возник мятеж в княжестве, произведенный и поддерживаемый братьями покойного» и направленный против передачи власти сыну Георгия Дмитрию (Омарбею) Шервашидзе¹.

VI

К этому времени, к 1821 г., относится историческое предание «Из Кисловодской старины. У замка коварства и любви»², в котором рассказывается о стремительном набеге Асланбея на великосветский курорт с целью устранения претендента на Абхазский престол молодого князя Дмитрия – сына Сефербея. Произошло это в тот момент, когда князь Дмитрий влюбился в Кисловодске в златокудрую княжну Татьяну Голицыну. *«Исторические данные указывают, – говорится в этом источнике, – что крепость Кислый подвергалась также нападению и абхазцев. Об этих джигитах никто не помнит в Кисловодске. По крайней мере, в разговорах больше упоминают о кабардинцах и черкесах. Между тем, Абхазия почти вплотную прилегала к Кисловодскому району... Правда это была горная и теперь недоступная для прохода местность для всех, но не для абхазцев джигитов. Их лошади как кошки царапались по неприступным скалам. Преследовать их было совершенно невымыслимо...».*

В числе курсующих в Кисловодске был один из претендентов на княжество Абхазии князь Шервашидзе. Блестящий офицер, воспитанный в Петербурге, и уже там известный на балах и великосветских вечерах, принятый при дворе, князь, конечно, очаровал весь курортный бомонд и многие мамыши мечтали устроить для дочек блестящую карьеру «княгини Абхазии». Если бы они, правда, имели понятие о том, какая жизнь предстоит княгине впоследствии, что представляет из себя княжество Абхазия, эта беспрерывная бойня родов, кинжальщина,

¹ АКАК, т. 6, ч. 1. С. 665.

² Газета: «Кавказский край» (Пятигорск), 1912, 27 ноября, № 266.

интриги и разбои, тогда едва ли пожелали бы своим дочкам такую карьеру.

Князь Абхазии (Дмитрий – С. Л.) прибыл в Кисловодск с большим конвоем, со свитой приверженцев, вооруженный с ног до головы. Да иначе и нельзя было.

В это время в Абхазии хозяйничал другой претендент на престол из того же рода Аслан-бей, более популярный в народе, но не признанный русским правительством.

Два претендента были два кровных врага и встреча их на узкой дорожке окончилась бы гибелью одного из них...

А в то время, как официальный владелец Абхазии изнывал в Кисловодске от любви к княжне Татьяне, в самой Абхазии другой конкурент усиленно работал, агитируя против русского протеза и обещая старейшим и “почетным людям” аулов турецкую поддержку... Конечно, прежде всего, надо было уничтожить конкурента... Аслан-бей с сильным отрядом направился по горной местности к Кисловодску, предполагая встретить возвращающегося князя Шервашидзе, завлечь его в засаду и уничтожить вместе с конвоем... У Аслан-бея созрела мысль отделаться от конкурента тут же. С отборным отрядом он стал рыскать около курорта, поджидая свою добычу...».

Таково историческое предание, сведения о котором были предоставлены мне известным абхазоведом Асланом Гожба.

VII

Абхазское восстание, которым руководил Асланбей, было разгромлено князем Петром Горчаковым в ноябре 1821 г. Он привез нового владетеля Дмитрия (Омарбей), сына Сефербея. По приказу Горчакова вокруг Сухум-Кале были опустошены и сожжены абхазские села. «Оставив в Соуксу (Лыхны – С. Л.) две роты Мингрельского Полка, – сказано в источнике, – собственно для защиты Абхазского владельца, он возвратился с отрядом в Имеретию»¹.

Находившийся с детства в заложниках в Петербурге, Дмитрий забыл родной язык, обычаи и пользовался еще меньшим авто-

¹ Князь П. Д. Горчаков. Очерк служебной деятельности. СПб. 1862. С. 14–15.

ритетом, чем его отец Сефербей. Для охраны Дмитрия Горчаков оставил солдат под командованием майора Ракоци. Опасаясь приверженцев Асланбея, Дмитрий около года прожил в Лыхны, как пленник. Однако, 16 октября 1822 г., по версии его матери Тамары Дадияни, он был отравлен человеком Асланбея Урусом Лакоба (Лаквари)¹. По свидетельству же русских офицеров, с которыми Дмитрий постоянно общался, молодой владетель в течение последних трех месяцев болел, страдая лихорадкой, и умер от малярии.

Вскоре после смерти Дмитрия император 14 февраля 1823 г. пожаловал его брату Михаилу (Хамудбею) титул владетеля Абхазии (правил до 1864 г.). Власть несовершеннолетнего Михаила оказалась очень слабой. В 1824 г. под руководством Асланбея вновь вспыхнуло восстание, которое охватило всю Абхазию. Более 12-ти тысяч абхазов заблокировали русские гарнизоны в Сухумской крепости и Лыхненском укреплении. Горчаков отдал приказ Сухумскому коменданту подполковнику Михину навести порядок. С отрядом в 225 штыков в мае 1824 г. он предпринял ночное нападение на одно из абхазских сел и сжег его. Возмущенные такой жестокостью, абхазы разгромили отряд, а Михина убили. Восстание вспыхнуло с новой силой. Из Анапы на турецком корабле опять прибыл Асланбей. В течение полутора месяцев русские солдаты обороняли Лыхненское укрепление, в котором находился владетель Михаил. Положение очень тревожило Ермолова. В июне 1824 года в Абхазию были двинуты крупные военные силы: эскадра Черноморского флота, 2000 русских солдат и 1300 всадников мегрельского ополчения. С моря своей артиллерией их поддерживал фрегат «Спешный». Кроме него в операции были задействованы: бриги «Орфей», «Меркурий», «Ганимед», фрегат «Евстафий» и шхуна «Гонец».

Карательной экспедицией командовал Горчаков, который подавил в августе выступление, потеряв при этом около 800 солдат и офицеров. Асланбей вновь был вынужден эмигрировать в Турцию².

¹ АКАК, т. 6, ч. 1. С. 663–665.

² Русский биографический словарь, т. 23. СПб. 1911. С. 100.

В последний раз Асланбей прибыл в Абхазию в 1830 г. и попытался поднять восстание против своего племянника владельца Михаила. Но к этому времени присутствие царизма в крае усилилось и Асланбей вынужден был навсегда покинуть свою родину.

До самой смерти он жил в Константинополе. Известно также, что во время Крымской войны, в 1855 г., сын Асланбея высадился в Абхазии вместе с турецким десантом Омер-паши и был с почетом принят народом...¹

Асланбей был действительно законным владельцем Абхазии и после потери престола в результате интервенции России 1810 г., в течение 20 лет (до 1830 г.), продолжал борьбу с царской Россией и ее ставленниками в Абхазии.

SUMMARY

The given article under the title «Aslanbey (On political struggle in Abkhazia in the first half of the 19 century)» is written by Stanislav Lakoba, a historian, it is devoted to one of the dramatic periods in the political history of Abkhazia covering the rule of Keleshbey Chachba (Shervashidze), Prince of sovereign Abkhazia, and his sons and grandchildren Aslanbey, Seferbey, Dmitri and Mikhail.

The historical essay is based on historic documents and introduces a necessary corrective into the historical record of Abkhazia's absorption into the Russian Empire. A shorter version of the article was published in the book «The Abkhazians (ed. George Hewitt. London: Curzon Press, 1998–99, pp. 67–79),

At the beginning of the 19 century the Abkhazian principality ruled by Keieshbey found itself in the epicenter of struggle between the growing Russian power and Turkey. In 1806 Keleshbey succeeded in ridding himself of Turkey's protectorate and becoming an independent ruler. At the same time Russia was making significant military and diplomatic effort to spread its influence over Abkhazia, having Megrelia at the spearhead of its politics in the region.

¹ Эсадзе С. Исторические записки об управлении Кавказом. Том 1. Тифлис. 1907. С. 148.

Megrelia was the first in Western Georgia to enter the Russian Empire in December 1803. Powerful Keleshbey, who with the help of his fleet controlled the Black Sea coast from Anapa to Poti and kept Megrelia in constant fear, pursued independent and flexible policy. Such policy ran counter the Russian strategic plans in the region. In contrast to Keleshbey, Princess Nina Dadiani, the ruler of Megrelia (she poisoned to death her husband Prince Grigori) was the proponent of Russian policy in this part of the Caucasus. Aided by the Russian military and using Keleshbey's son Seferbey, Princess Nina organized a plot against Keleshbey, as a result of which he perished in the Sukhum fortress on May 2 1808. The Megrelian ruler and her collaborators attempted to establish at the head of the Abkhazian principality Seferbey; who enjoyed no right of succession (his mother came from a peasant family) but was the brother-in-law of Nina Dadiani. However this scheme was only half realized, it was Aslanbey (Keleshbey's oldest son by his first wife, Princess Dzapshlpa) who became the new ruler of Abkhazia. After such a fiasco Nina Dadiani, Seferbey and Russian General Rykgof attempted to defame Aslanbey, the legitimate heir of the Abkhaz throne, by charging him with the killing of his own father.

Over the course of almost 200 years Russian and Soviet historiography has been dominated by this theme of parricide. However, although in official Russian documents of that time (the first accounts were given by none other than Seferbey, Nina Dadiani and Rykgof) the entire blame for the killing of Keleshbey was shifted onto Aslanbey, in the Abkhazian society nobody believed in such allegations. In fact, Aslanbey enjoyed the strong support of his people. This was also reflected in the Abkhaz folklore, where Aslanbey is depicted as national hero.

After the murder of Keleshbey Seferbey fled Abkhazia for the Russian Megrelia. Respecting the will of Nina Dadiani and her confessor, the arch-priest Ioann Ioseliani, Seferbey converted from Islam to orthodox Christianity and was baptized Giorgi. On 12 August 1808 he addressed Alexander I, the Russian Emperor with an appeal to adopt Abkhazia as a subject of Russia. It was on the basis of these illegal «pleading points» of Seferbey that Alexander on February 17th 1810 recognized «Giorgi Sharvashidze» (Seferbey) in his charter as

the hereditary prince of the Abkhazian throne under the protection of the Russian Empire.

The researchers engaged in the study of the given period tend to ignore one very important detail. At the time of the appearance of the charter and for a significant period thereafter Seferbey lived without interruption in the Russian province of Megrelia and had no influence at all over Abkhazian affairs, which already for two years had been governed by Aslanbey, Aslanbey enjoyed unconditional authority in the Abkhazian society, and his standing was high among the relatives of Keleshbey, including his sons and even widow (Keleshbey's last wife), which, given the mentality of the Abkhazians, could just not have been the case, had Aslanbey in fact killed his own father.

On the contrary, Seferbey was regarded as a traitor by the Abkhazian people, who never recognized him as their ruler. Seferbey spent most of his time in Megrelia and kept asking for Russian military aid to take the fortress of Sukhum and return to Abkhazia as ruler.

The Sukhum-Kale fortress fell on 10 July 1810 as a result of the Russian military intervention. The fortress was stormed by a naval landing and a thrust by land from Megrelia.

What happened in 1808–1810 can hardly be described as Abkhazia's voluntary entering the Russian Empire. However for decades this has been the official and the only view on the events of the described period.

Military seizure of Sukhum-Kale was the first step in the conquest of Abkhazia by the Russian Tsar. It took Russia half a century to fight the Abkhaz people to achieve its ultimate goal.

Seferbey (1810–1821) who was set on the Abkhazian throne under the defense of Russian bayonets was never recognized by the society and had little authority in the country. Not long before Seferbey's death a Russian General Kurnatovski wrote: «The Abkhaz ruler is even weaker in governing his land than he is writing about himself. He even dares not to appear in front of his own people» (9 May 1818).

For 20 years (1810–1830) Aslanbey continued to lead unequal struggle against the Russian army. More than once he raised rebellions against Seferbey-Giorgi, usurper of the Abkhaz throne, and other protegee of the Russian Tsar's administration.

Основные источники и литература

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. II (1802–1806 гг.). Тифлис. 1868.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. III (1806–1809 гг.). Тифлис. 1869.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. IV (1809–1811 гг.). Тифлис. 1870.
4. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. V (1811–1816 гг.). Тифлис. 1873.
5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. VI (1816–1827 гг.). Тифлис. 1874.
6. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М. 1823.
7. Вестник Европы, 1867, т. III.
8. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы. Серия 1, т. V. М. 1967.
9. Гибаль П. Журнал моего путешествия... Рукопись. 1820.
10. Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми. 1940.
11. Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. IV. СПб. 1886.
12. Ермолов А. П. Записки. М. 1991.
13. Кавказский край (Пятигорск), 1912, 27 ноября, № 266.
14. Князь П. Д. Горчаков. Очерк служебной деятельности. СПб. 1862.
15. Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум. 1922.
16. Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светлейшего князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден. 1913.
17. Материалы по истории Абхазии. Сухуми. 1939.
18. Полный свод законов Российской империи. Т. 40. СПб. 1830.
19. Русский биографический словарь. Т. 23. СПб. 1911.

20. Стражев В. Горсть. Сухум. 1923.
 21. Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум. 1931.
 22. Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум. 1932.
 23. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. 1. Тифлис. 1907.

Лакоба С. Асланбей (К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия). Сухум. 1999. 41 с.

Илл. худ. Б. Джоуа. Резюме на англ. яз.

Исторический очерк С.З. Лакоба «Асланбей» написан в 1997 г., основан на документальном материале и представлял собой новый взгляд на процесс включения Абхазского княжества в состав Российской империи. Исследование впервые вышло в свет в сухумской «Нужной газете» (1998, 1 января, № 1; 1998, 12 марта, № 11), нашло отражение в энциклопедическом справочнике «Абхазы» (The Abkhazians (ed. George Hewitt, London: Curzon Press, 1998–1999), в книге: Лакоба С. Абхазия после двух империй. XIX–XXI. Очерки. Sapporo: SRC Hokkaido University, 2004. С. 17–36, в коллективной монографии: Абхазы. М.: Наука, 2012. С. 73–88.

АЛЕКСАНДР I: АСЛАНБЕЙ ИЛИ СЕФЕРБЕЙ?

(Историко-психологический очерк)

Пролог

Существует большой пласт исторической литературы о времени царствования Екатерины II, Павла I и Александра I. Известно, что Екатерина II (годы правления: 1762–1796) желала видеть после себя преемником на Российском престоле не своего сына Павла I (1796–1801), которого она терпеть не могла, а обожаемого ею внука Александра I (1801–1825), которого воспитывала как будущего самодержца.

Павел I (сын Петра III и Екатерины II) хорошо знал об этом предпочтении своей матери и очень подозрительно относился, особенно к концу своего царствования, к сыновьям Александру, Константину и супруге Марии Федоровне. Павел I был безусловно экстравагантным правителем; одни считают его гениальным реформатором, другие – крайне неуравновешенной личностью, которого опасалось все его окружение из «золотых» екатерининских времен. Он был весьма требователен к чиновникам, военным, вводил непопулярные методы управления, что порождало ропот и недовольство в широких кругах российского общества.

К 1799 г. заговор против императора уже созрел, а в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. он был убит в только что отстроенном им Михайловском замке в Петербурге. Идейным вдохновителем заговора был вице-канцлер Никита Панин, а техническим руководителем генерал-губернатор столицы Петр Пален.

Накануне событий Павел I подписал тайный указ об аресте сыновей Александра и Константина, а Пален, заполучивший этот документ, тут же «слил» его Александру, который поддержал заговорщиков, но с оговоркой, что отца не будут лишать жизни, а лишь принудят отречься от престола...

Окружению Павла I нужен был другой, предсказуемый, послушный император, которым они смогут управлять.

После осуществления заговора, ночью 12 марта 1801 г. граф П.А. Пален сообщил в Михайловском замке Александру о случившемся. Александр зарыдал. Граф Пален по-французски сказал: «Хватит ребячиться, ступайте царствовать». Александр вышел на балкон и обратился к войскам: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет как при бабушке». В Петербурге по поводу инсульта императора открыто говорили: «Умер от апоплексического удара табакеркой в висок». Общество ликовало в надежде на возвращение екатерининских времен.

В заговоре, естественно, обвиняли и сына Александра, который в результате дворцового переворота стал императором России. Гибель отца, которой он не желал, а был поставлен ловким Паленом перед фактом, – нанесла ему глубочайшую психологическую рану, которая сопровождала его всю жизнь...

Расчет Палена стать при Александре I «серым кардиналом» не осуществился. Участники заговора просчитались. К власти пришел умный, хитрый и проницательный человек. Первым пострадал Петр Пален, который, по требованию матери Александра Марии Федоровны, сразу же, 1 апреля 1801 г. был отлучен от царского двора, удален от государственной службы и выслан до конца дней в родовое имение. До самой своей смерти он развлекал гостей рассказами как убивали императора и очень этим гордился.

«ВЕЛИКАЯ ИНТРИГАНКА»

Так Нину Дадиани охарактеризовал Главнокомандующий русскими войсками в Грузии в 1802–1806 гг. генерал П.Н. Цицианов, военный деятель грузинского происхождения (князь Цицишвили), хорошо знавший владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе (Чачба) и мегрельских князей Дадиани.

Кем же она была, княгиня Нина Дадиани?

Нина Георгиевна (1772–1847) была дочерью последнего царя Картли-Кахети Георгия XII Багратиони и княгини Кетеван Андроникашвили. В 16 лет ее выдали замуж за 18-летнего владетеля Мегрелии Григория Дадиани. 1–4 декабря 1803 г., после присяги ее мужа Российскому императору и вступления Мегрель-

ского княжества в подданство России, княгиня Нина получила от Александра I высочайший подарок – соболий мех и 10 аршин пунцового бархата. Известен портрет этой неординарной, волевой женщины в собольих мехах и бархате...

Прошло менее года, и 24 октября 1804 г. неожиданно умирает ее муж Григорий Дадиани, в отравлении которого подозревают Нину. В сложившейся ситуации братья Григория начинают претендовать на мегрельский престол за малолетством его 10-летнего сына Левана, который находился в заложниках (аманат) у грозного владетеля Абхазии Келешбея. Однако Нина проявила чудеса изворотливости и с помощью П. Цицианова и командующего российскими войсками в Мегрелии генерала Ионы Ионовича Рыкгофа, ее близкого друга, после долгих препирательств с Келешбеем, добивается выдачи своего сына Левана (в обмен на деньги и возврат крепости Анаклия), чтобы стать регентшей (правительницей) при малолетнем сыне. В отличие от ее мужа Григория Дадиани, зависимого от Келешбея и Имеретинского царя Соломона II, Нина была самостоятельным игроком, а ее властолюбивый характер отвечал тогдашним российским интересам. Известный русский историк Н. Дубровин называл Нину Дадиани «женщиной отважною, хитрою и самолюбивою»¹.

Вернув сына Левана в Зугдиди, она с 1805 по 1810 г., т.е. до его совершеннолетия, была правительницей Мегрелии. В это время, в июле 1805 г., абхазская область Самурзакан вступает под покровительство России при самом активном участии Нины Дадиани. Местные князья Манучар (женатый на сестре владетеля Мегрелии) и Леван Шервашидзе (Чачба) присягнули на верность Александру I. Только самурзаканский князь Бежан Чачба остался верен Келешбею (впоследствии и Асланбею), в связи с чем стал врагом правительницы Мегрелии. Нина отчетливо понимала: присоединяя Самурзакан к России, Дадиани тем самым распространяли на эту область и свою власть. Ее безусловно яркая личность, присущее ей коварство и редкий изворотливый ум были высоко оценены царской властью. В 1806 г. Александр

¹ Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб. 1886. С. 198–199.

I награждает правительницу Мегрелии Нину Дадиани Орденом Святой Великомученицы Екатерины (женский орден), вторым по старшинству в иерархии. Отныне она стала именоваться «кавалерственной дамой». Девизом награжденных были слова: «За любовь и Отечество» и «Трудами сравнивается с супругом». Последнее в ее случае звучало весьма двусмысленно...

По достижении совершеннолетия Левана, Нину Дадиани приглашают (отзывают) в Петербург, чтобы она не мешала сыну и жила здесь в качестве статс-дамы царского двора. В этот период отношение к ней Российской власти стало менее благосклонным. Оно изменилось, как только изменилась ситуация, а Нина отыграла главную роль проводника царских интересов в Абхазии и западной Грузии. Так, 18 мая 1820 г. генерал Ермолов негативно отзывался о Нине Дадиани, которая стала настраивать младшего сына Георгия против владельца Левана (правил: 1805–1840), принимавшего активное участие в разгроме Имеретинского восстания 1820 года. Отмечалось, что во время волнений Георгий вместе с бунтовщиками стрелял в русских солдат. Ермолов, зная беспокойный и властолюбивый характер Нины Дадиани, подозревал ее в кознях против сына Левана. Он запретил ей жить при царском дворе в Петербурге и разрешил пребывать в Москве. Однако, Александр I, разгневанный вероломством Нины, запретил ей в июне 1820 г. проживать в столицах (Петербурге и Москве) и сослал ее в Рязань под надзор губернского начальства. 26 июня 1820 г. Рязанскому губернатору Наумову из Министерства внутренних дел пришло донесение, что из Петербурга должна прибыть член бывшего царского грузинского дома, правительница Мегрелии. Было решено учинить за ней и ее свитой «строгое, но неприметное наблюдение». Она получала от правительства 10 тыс. серебром в год, 3 тыс. пенсии, 11 тыс. на наем квартиры с отоплением и освещением и 3 тыс. на ямской экипаж. С этого времени Нина и сын Георгий жили в Рязани.

Георгий Григорьевич Дадиани (1798 – после 1851), в 1817 г. из Пажецкого корпуса был выпущен в Преображенский полк и носил титул светлейшего князя Мегрельского с 21 августа 1834 г. (вердикт светлости пожаловал лично Николай I).

Весной 1837 г. наследник Российского престола Александр Николаевич прибыл в Рязань. Принимая участие в различных мероприятиях, он посетил Нину Дадиани и Георгия. Затем царевич со светлейшим князем проехал по городу в коляске под перезвон церковных колоколов и восторженные возгласы народа.

Буквально через год, в 1838 г., по просьбе кн. Нины Рязанское дворянское собрание внесло князя, генерал-майора Георгия Дадиани в родословную книгу местного дворянства как помещика и владельца деревень Ряжского уезда.

Вскоре после этого события Николай I разрешил Нине Дадиани вернуться ко двору в Петербург. В 1847 г. она скончалась в возрасте 75 лет и погребена в церкви св. Иоанна Златоуста в Александро-Невской Лавре.

МНОГОХОДОВАЯ КОМБИНАЦИЯ КНЯГИНИ НИНЫ

С конца XVIII в. владелец Келешбей контролировал помимо Абхазии и части Мегрелии пространство Черного моря от Анапы до Батума, располагая значительным флотом. Князь был решительным, жестким и зорким политиком. В междоусобных войнах его армия доходила до Кутаиси, а правитель Мегрелии Григорий Дадиани оказался между двух огней: с одной стороны, ему угрожал имеретинский царь Соломон II, с другой – Келешбей. Чтобы опереться на поддержку последнего, он и его жена Нина, вынуждены были отдать в аманаты своего малолетнего сына Левана.

Келешбей впервые обратился к России в 1803 г. с намерением вступить под ее покров. В это время правитель Мегрелии Григорий Дадиани первым в западной Грузии запросился в подданство России, что и случилось в декабре 1804 г. Не последнюю роль в этом сыграла княгиня Нина. По известным причинам она опасалась, что своенравный Келешбей наладит прямые отношения с Россией. Пока владелец Абхазии вынужденно лавировал между Турцией и Россией, Нина Дадиани употребила все свои редкие способности по части дипломатии и «подковерных» игр, в то время как упрямство Келешбея осложняло его отношения с российским командованием.

Наиболее остро эта тенденция проявилась в вопросе выдачи аманата Левана по просьбе его матери княгини Нины, которую поддерживали лично Александр I и генерал Цицианов.

Прошло более года как Мегрелия вступила в Российское подданство и несколько месяцев как умер Григорий Дадиани, а Келешбей все не отдавал наследника престола. Разъяренный Цицианов в письме Келешбею от 21 января 1805 г. потребовал:

«Не могу верить дерзкому вашему поступку, а еще меньше предложениям вашим, чтоб за выдачу Левана, сына старшего и наследника Григория Дадиани, находящегося во Всероссийской подданстве, вы требуете 10 кес и младшего его брата в аманаты. Или вы не знаете, что Мингрелия и дом Григория Дадиани вступили в вечное подданство Е.И.В. всемилостивейшего Государя государей и Богом вознесенного Императора Александра I? Это оскорбление причиняемое оному владетельному дому, относится на всемогущую Всероссийскую Империю? Когда же сильный от слабого требует аманатов, то пристойно ли вам от дома покойного Григория Дадиани требовать сына младшего в аманаты? И так последний раз требую настоятельно от вас того, чтоб вы по получении сего тотчас в безвредном состоянии доставили Левана, сына покойного Григория Дадиани или с.с. Литвинову или ген.-м. Рыкгофу и тогда за содержание его получите 10 кес... Буде же того не сделаете или не скоро, то божусь Богом, в которого верую, что камня на камне не оставлю, внесу огонь и пламень и положу конец дерзостям вашим. О чем уже и приказ дан от меня»¹.

Еще более возмущен был Александр I, лично знавший Григория и Нину, которую одарил подарками. Келешбей не учел этот сильнейший фактор, а кн. Нина не могла не обернуть в свою пользу такое важное обстоятельство.

Спустя некоторое время после ультиматума Келешбею, генерал Цицианов получил из Петербурга Высочайший рескрипт от 26 января 1805 года. В этом судьбоносном и важном для Нины Дадиани документе император Александр I признает ее правительницей Мегрелии.

«<...>Кн. Левана, старшего сына умершего Григория Дадиани, признаю Я владетельным князем Мингрелии, Одиши и Лечгума на

¹ АКАК. Т. 2. С. 498.

том самом положении, на каком отец его поступил в верноподданнические к Империи Нашей обязательства. Товарищу министра¹ иностранных дел кн. Чарторыйскому повелено заготовить для инвеституры кн. Левана в достоинстве сем утвердительную грамоту... без прописания имени его, впредь до разрешения его участи с тем, чтобы в случае какого-либо непредвидимого несчастья, могущего впоследствии с ним у Абхазского владельца Келешбека, вы прописали на место его имя старшего по нем брата, который по праву наследства имеет вступить в достоинство и власть владетельного князя Мингрелии. <...> Одобрив мнение ваше о составлении Временного совета для руководства молодого кн. Левана, повелеваю вам объявить, что вдовствующую кн. Нину, супругу умершего кн. Григория Дадиани, признаю Я попечительницей сына ее и правительницей Мингрельских областей, до совершения им 20-летнего возраста...»².

С этого времени кн. Нина получает неограниченные полномочия в крае и становится самым доверенным лицом лично Александра I, получая безоговорочное признание Петербурга. По сути ей отводилась роль куратора российских интересов, и она стала формировать политическую повестку в отношении будущего устройства Абхазского княжества. Нина ловко использует все просчеты Келешбея, а благодаря тесным личным связям направляет в нужное ей русло имперские интересы, не забывая о своих личных устремлениях. Она хорошо осознает, что при Келешбее и его старшем сыне Асланбее (от первого брака с княгиней Дзяпш-ипа) ей не суждено добиться своей цели. А вот слабохарактерный второй сын Келешбея, Сефербей (от брака с крестьянкой Лейба), зять Мегрельского владетеля (женат на Тамаре, сестре Григория Дадиани), весьма послушный Нине, вполне подходил на роль преемника Абхазского престола. В этом смысле она усиленно лоббировала Сефербея в военно-административных кругах империи, всячески очерняя старшего сына Асланбея, главного и законного наследника Абхазского владетеля. Так, прибирая в июле 1805 г. к рукам через российское покровитель-

¹ Заместитель министра.

² АКАК. Т. 2. С. 498–499.

ство область Абхазии Самурзакан, она развязывает кампанию по дискредитации Бежана Чачба, который открыто выступил против Нины и поползновений Мегрелии на эту абхазскую область. В том же 1805 г. «согласно желания Императора Александра», правительница Нина направила к высочайшему двору в Петербург депутацию с некоторыми интересными просьбами. Первое, что она лукаво и льстиво просила – дать форму, по которой могли бы в Мегрелии «молить Всевышнего о здоровье Его Величества». Затем депутация ставила вопрос перед царем о пожаловании княгине Нине ордена (что было исполнено в 1806 г.). Были и еще более конкретные пункты для борьбы с внутренней оппозицией: «приказать войскам оказывать помощь... против ослушников», а также просить о возвращении Анаклии, «теперь отнятою Келеш-Беком, владельцем Абхазским»¹.

О напряженных отношениях с княгиней Ниной свидетельствует и «донесение Келешбека Абхазского» (1806 г.).

«Я слышал, – сообщал Келешбей, – что некоторые из Абхазии, из подвластных Дадиани и из моих людей обносят меня пред вами; но усерднее меня нет никого к службе Российской, случающейся в здешнем краю; а потому прошу не давать веры словам таких людей, склонных к ссоре, и требовать от меня нужных со стороны здешней услуг»².

Однако время Келешбеем было упущено, Россия однозначно сделала ставку на гибкую и ловкую правительницу Мегрелии, которая напрямую обращалась не только к представителям кавказской администрации, но и к самому императору Александру I, который явно отдавал ей предпочтение. В этой связи шансы Келешбея и Абхазии на выстраивание добрых отношений с Россией были почти безнадежными. Очевидно, что Нина лучше разбиралась в хитросплетениях внутренней царской политики, став ее неотделимой и востребованной частью. Отныне в интересах империи принимались во внимание и учитывались только ее доводы и рекомендации, что чувствуется по целому пласту документов.

¹ Дубровин Н. Закавказье от 1803–1806 года. СПб. 1866. С. 393–394.

² АКАК. Т. 3. С. 189.

Вся бурная жизнь Нины Дадиани – это сплошь наветы, заговоры, интриги, паутина, которой она опутывала буквально всех. Энергия ее была через край.

Дворцовый переворот и убийство Павла I имели, судя по всему, серьезные последствия и для будущего Абхазии.

В соседней Мегрелии происходили бурные процессы. После внезапной кончины владельца Григория Дадиани остро стал вопрос о преемственности власти. Многоопытный чиновник Литвинов, лучше всех знавший обстановку в крае, пытался предупредить генерала Цицианова от опрометчивого шага по поддержке кандидатуры княгини Нины. 24 ноября 1804 г. он сообщал Главнокомандующему в Грузии:

«Жена покойного Дадиани, хотя и была привержена России, но по известным ее “моральным свойствам”, отдав ей верховную власть, нужно было ожидать беспорядков...»¹.

Совершенно не случайно и проницательный царедворец Цицианов в ноябре 1804 г., после смерти владельца Григория, по поводу княгини Нины сказал:

«великая интриганка»².

Особенно ярко эти ее склонности проявились в вопросе устранения Асланбея, который был явной помехой ее планам. Цель ее заключалась не только в ликвидации Келешбея, но и выведении из игры Асланбея. Нужно было одним ударом сразить обоих: первого физически, а другого уничтожить политически, как прямого наследника престола, чтобы привести к власти своего зятя Сефербея, рожденного от неравного брака Келешбея (по абхазскому праву он не мог быть владельцем). Судя по всему, она получила неограниченные полномочия на проведение данной многоходовой манипуляции, заверив свое военное начальство в надежности Сефербея, который будет действовать под ее крылом в имперских интересах, не раздражая Петербург, как это делал порой своенравный Келешбей. Таким образом Асланбея назначили убийцей своего отца. Не случайно и то, что операция

¹ Дубровин Н. Закавказье... С. 390.

² Дубровин Н. История войн... Т. 4... С. 201.

эта была проведена во время перемирия в русско-турецкой войне 1806–1812 гг.

Интересно, что в день убийства Келешбея Сефербей не находился в Сухуме и не мог быть очевидцем произошедшего. Однако первое сообщение об «отцеубийце» Асланбее генерал И. Рыкгоф получает именно от него, а тот, как только мог, растиражировал клевету. Очернив подобным образом Асланбея, можно было найти формальный повод к его отлучению от престолонаследия¹.

Только более чем через месяц появляются невероятные эмоциональные подробности этого преступления, рассчитанные на то, чтобы произвести нужное впечатление на императора Александра I. Обращаясь 8 июня 1808 г. к императору России из Зугдиди, она истерично писала:

«Всеокаянный Арслан-бек изменнически убил в Сухумской крепости отца своего Келеш-Ахмед-бека, пребывавшего в любви к нему»².

Можно себе представить реакцию императора, которого самого обвиняли в убийстве отца, и он до конца дней своих жил с этим страшным комплексом. Со стороны Нины это был венец многоходовой комбинации, что вполне соответствует ее стержневому, расчетливому характеру.

Тесно общаясь с царскими военными и администраторами, она не могла не знать о слухах относительно участия Александра в заговоре против отца Павла I. Незаживающая психологическая травма царя сыграла вероятно свою роль в данной истории явно провокационного характера. Расчет Нины оказался верным. Одной фразой она добилась того, к чему стремилась. Как мог после этого Александр I признать преемником Келешбея «всеокаянного» Асланбея, убившего отца?

В этом же письме она называет Сефербея «старшим сыном», вводя императора в явное заблуждение. Затем все эти формулировки в точности повторяют Рыкгоф, граф Гудович и многие другие.

Предвкушая счастливую развязку своего коварного плана, она с явным самодовольством и присущим ей нахальством, в том же письме обращается к Александру I:

¹ См.: Лакоба С. Асланбей. Сухум. 1999. С. 7.

² АКАК. Т. 3. С. 201.

«И так, самодержавнейший Государь, ныне время удобное принять Сефер-бека под Ваш покров, ибо он есть член (нашего дома) и сосед наш, да и прежде находился под рукой нашего владения»¹.

В этом лукавом обращении буквально в каждом абзаце – ложь и лицемерие, искажение и подтасовка исторических фактов.

Если проанализировать все известные первые письма Сефербея после убийства, то в них чувствуется серьезная подготовка к этой провокации со стороны Нины, которая полностью управляла данным процессом и вкладывала в уста своего зятя все, что было необходимо для его возведения на Абхазский престол. Об этом и сам Сефербей проговаривается в своем письме (прошло больше месяца!) от 7 июня 1808 г. к «светлейшей» правительнице Мегрелии и ее сыну Левану Дадиани – *«поревнуйте за меня, чтобы вами мне обещанное не миновало Двора самодержавнейшего Государя нашего»²*. Он давал обязательство *«повиноваться и слушаться приказаний главноуправляющего Грузией»³*.

Буквально на следующий день, 8 июня 1808 г. Нина Дадиани пишет не только императору, но и очень влиятельному Главноуправляющему Грузией графу Гудовичу⁴. Здесь все построено на противопоставлении Сефербея Асланбею. Сефербей, помимо того, что ее зять, так он еще и преданный отцу не просто сын, а «старший сын» (наследник престола), да еще и христианин (тогда еще не принял православие и имени «Георгий»), что было очень важно для Петербурга⁵. На фоне Сефербея Асланбей не вписывался в преемники под царским крылом: «отцеубийца» и не христианин, и не «старший сын».

В явном противоречии с действительным положением вещей находится и описание событий после убийства Келешбея – якобы Сефербей со своими сторонниками предал огню и мечу людей и селения Асланбея. Они явно приукрашены, чтобы показать силу и могущество зятя Дадиани. Однако все обстояло иначе. Очень

¹ Там же.

² АКАК. Т. 3. С. 205.

³ Там же.

⁴ АКАК. Т. 3. С. 201, 203–204.

⁵ Более подробно о его принятии христианства см.: Лакоба С. Асланбей. С. 25–28.

быстро выяснилось, что Сефербей бежал в Мегрелию, в то время как владетель Асланбей контролировал не только крепость Сухум, но и всю Абхазию. Обращаясь к командующему русскими войсками в Мегрелии, Сефербей 21 июня 1808 г. умолял ген. Рыкгофа:

*«Подсобите мне теперь войском, если хотите быть мне вашим...»*¹.

В конечном итоге Нина добилась своей цели, правда, первые два года после Келешбея, Абхазский престол возглавлял Асланбей (2 мая 1808 – 10 июля 1810).

Судьба этого правителя была поистине героической и трагической, а в итоге врезалась в память народную как легендарная.

Асланбей неоднократно обращался к России с предложением о вступлении в ее подданство, но его в упор не слышали царские администраторы. Генерал Рыкгоф, ненавидевший Келешбея, отмечал, что Асланбей обращается к нему с письмами, в которых говорит о своей невиновности и что убийство отца дело рук «посторонних».²

«Я на письма сии ничем и по сие время ему не отвечаю», – самодовольно замечает генерал Рыкгоф, находившийся под обаянием Нины.

После небольшой паузы Александр I остановил свой выбор на Сефербее-Георгии. Хитроумный план Нины оправдал себя: Асланбея император просто не мог поддержать... Она, конечно, рисковала, но была сполна вознаграждена. Асланбей был объявлен нежелательной персоной, а его имидж «отцеубийцы» закрепился за ним в российских политических кругах.

Следует отметить, что Келешбей был в сложном положении. Несмотря на его обращения к России в 1803 и 1806 г., с помощью которой он намеревался избавиться от слабеющего турецкого протектората, царские власти не доверяли ему. После неудачного похода султанского флота к Сухум-Кале 25 июля 1806 г., в результате которого владетель одержал победу, Келешбей к 1807 г. фактически обрел независимость. «Это бл расцвет могу-

¹ АКАК. Т. 3. С. 206.

² АКАК. Т. 3. С. 205.

щества Келеш-бея», – писал А.В. Фадеев. Вслед за ним Г.А. Дзидзария отмечал: «Почти год он управлял независимой Абхазией и заметно охладел к России, вследствие чего царские генералы даже заподозрили его в “измене”»¹. По этому поводу высказался и историк И.Г. Антелава: «Келеш-бей колебался и еще не решался вступить в российское подданство»².

На этом фоне как-то очень внезапно, почти на год, до самого убийства, прерывается переписка Келешбея с генералом Рыкгофом (8 июня 1807 г.) и графом Гудовичем (14 июля 1807 г.), в которой царские военные и администраторы обвиняли владетеля в ненадежности и что он тайно поддерживает турок³.

В этой связи заслуживает всяческого внимания инструкция Наполеона, переданная его министром иностранных дел Талейраном (17 января 1807 г.), в которой он предлагает Персии и Турции «образовать вечный союз» с Францией для борьбы с Россией. А от своего посланника в Константинополе генерала Себастиани Наполеон требовал, чтобы турецкая эскадра действовала в Черном море, а усилия Персии были направлены на Грузию. Кроме того он рекомендовал: «Поддерживайте доброе расположение абхазского князя [Келешбея] и побудите его принять участие в большой диверсии против общего врага»⁴.

Известный советский историк А.В. Фадеев особо отмечал: «Как видно из этой инструкции, Наполеон неплохо был информирован о положении в Закавказье... Ему было известно, в частности о том, что абхазский владетель Келеш-бек еще не примкнул к России, а потому может быть привлечен к антирусскому блоку, который сколачивала на Среднем Востоке наполеоновская дипломатия»⁵.

¹ Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. Сухум, 1934. С. 145; Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми. 1940. С. 16.

² Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв. Сухуми. 1949. С. 81.

³ См. об этом: Лакоба С. Асланбей. С. 13–14.

⁴ Цит. по: Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М. 1960. С. 174.

⁵ Там же. С. 175.

Судя по всему, переписка в 1807 г. была интенсивная, а информация о тайных контактах Келешбея с французами не могла не стать достоянием царской разведки и дипломатов. Естественно, все эти закулисные игры раздражали Россию, особенно после поражения под Аустерлицем.

Напрашивается вопрос: не послужил ли внешнеполитический фактор, представлявший явную угрозу интересам России, причиной к принятию решения об устранении Келешбея?

Несмотря на сильнейшее влияние Турции в течение нескольких столетий, Асланбей ни в 1808, ни в 1809 г. не занимал однозначно протурецкую позицию, что продолжалось до тех пор, пока царские власти сами не оттолкнули его от себя. Дело в том, что независимая Абхазия не вписывалась тогда в геополитику, и не нужна была ни России, ни Турции, ни, тем более, мегрельским владетелям. Так, например, Асланбей обращался к русским властям с намерением «*передать себя подданству государю с крепостью (Сухум. – С.Л.) им обладаемую*». Это становится известно из рапорта ген. Д. Орбелиани Главнокомандующему в Грузии А. Тормасову от 7 июня 1809 г.¹ Однако царские власти прислушивались к правительнице Мегрелии, а главное, к решению Александра I – и настойчиво отклоняли эти предложения. Позднее, генерал А.П. Ермолов в своих «Записках» признавал Асланбея владетелем Абхазии («некогда также владетель Абхазии»)².

По прошествии времени царское командование неоднократно ставило вопрос о легитимности власти не только Сефербея (Георгия), но и его сына владетеля Михаила. Возможно, на власти произвели впечатление события, которые последовали вслед за смертью Сефербея и восстанием в июле-сентябре 1821 г., которое было спровоцировано назначением вдовы Сефербея Тамары Дадиани (родная тетка владетеля Мегрелии Левана Дадиани) владетельницей Абхазии и арестом с отправкой в Сибирь (1821–1828) реального претендента на Абхазский престол Гасанбея (Хасанбея) Чачба, другого сына Келешбея (от брака с

княгиней Маршан). По этому поводу Главнокомандующий Кавказским корпусом граф Паскевич в 1829 г.¹ отмечал, что Михаил Шервашидзе (а значит, и Сефербей) «не есть настоящий наследник сего достоинства» и считал, что гораздо больше прав («по праву первородства») имеется у его дядей. А его дядей был не только упомянутый фельдмаршалом Гасанбей, но и... Асланбей (именно по «первородству»).

Эпилог

По достижении совершеннолетия Леваном Дадиани, по решению Александра I, его мать Нина была лишена титула правительницы Мегрелии и определена при императорском дворе в Петербурге. Затем она начала выражать недовольство российской политикой в Грузии и стала опальной при Александре I, который неожиданно скончался в Таганроге 19 ноября 1825 г. на 48-м году жизни. Мстительная княгиня не могла простить ему своего унижения. Она решила насолить Александру I даже после его смерти. В 1839 г. ею принимается решение женить сына Георгия на графине Елизавете Павловне фон дер Пален, которая являлась внучкой скандально знаменитого Петра Алексеевича Палена, того самого, бывшего Петербургского генерал-губернатора, организатора и участника убийства Павла I.

Источники и литература

Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 2 (1802–1806). – Тифлис. 1868.

АКАК. Т. 3 (1806–1809). – Тифлис. 1869.

АКАК. Т. 4 (1809–1811). – Тифлис. 1870.

Русский биографический словарь. [Дадиани Н.Г.]. – СПб. 1905. Т. 6.

Русский биографический словарь. [Дадиани Л.Г.]. – СПб. 1905. Т. 6.

Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв. – Сухуми. 1949.

Брикнер А., Шиман Т. Смерть Павла Первого. – М. 1910.

¹ Кавказский сборник. Т. 13. Тифлис. 1889. С. 123–124.

¹ АКАК. Т. 4. С. 412.

² Ермолов А.С. Записки. 1798–1826. М. 1991. С. 375.

Время Павла и его смерть: записки современников и участников события 11 марта 1801 года. – М. 1908.

Гумба М. Келешбей. – Сухум. 2014.

Гумба М. Сефербей. – Сухум. 2017.

Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. – Сухуми. 1940.

Дубровин Н. Закавказье от 1803–1806 года. – СПб. 1866.

Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб. 1886.

Ермолов А.П. Записки. 1798–1826. М. 1991.

Зубов В.П. Павел I / Пер. с нем. В.А. Семенова. – СПб: Алетейя. 2007.

Кавказский сборник. Т. 13. – Тифлис. 1889.

Лакоба С. Асланбей. – Сухум. 1999.

Лакоба С. Второй блин, и опять комом. – Нужная газета. 2010. 30 ноября. № 46.

Папава Т. Большие лица в маленьких рамках. – Тбилиси. 1990. (На груз. яз.).

Сахаров А.Н. Александр I. – М.: Наука. 1998.

Синельникова Т. Правительница Мингрелии – светлейшая княгиня Нина Георгиевна в Рязани. – Рязань. 2009.

Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. Сухум. 1934.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960.

Эйдельман Н.Я. Грань веков. М.: Мысль. 1986.

Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. – М.: Высшая школа. 1993.

Лакоба С. Александр I: Асланбей или Сефербей? (Историко-психологический очерк). – Сухум, 2022. – 24 с.

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА ГРУЗИИ ПРОТИВ АБХАЗИИ

Статья видного грузинского публициста и общественного деятеля Якоба ГОГЕБАШВИЛИ, известная под названием «Кем заселить Абхазию?», впервые была опубликована на русском языке в газете «Тифлисский вестник» (ТВ) в сентябре-ноябре 1877 г. (№№ 209, 210, 243, 244, 245, 246, 248, 249). Она написана по горячим следам войны России с Турцией, между молотом и наковальней которых оказался абхазский народ. В недрах той войны зарождались глубокие политические и этнодемографические противоречия, которые привели сначала к конфликтам, а затем открытым военным действиям Грузии против Абхазии, продолжающимся уже более ста лет...

Я. Гогешашвили одним из первых представил программу грузинской колонизации Абхазии. Достаточно внимательно прочитать эту статью, чтобы понять, почему вот уже более ста лет ее ни разу не перепечатавали.

Материалы и комментарии подготовлены к изданию кандидатом исторических наук Станиславом ЛАКОБА.

Я. ГОГЕБАШВИЛИ
КЕМ ЗАСЕЛИТЬ АБХАЗИЮ?¹

Нынешняя война, между другими многочисленными последствиями, повлекла за собою и тот результат, что один из замечательных уголков нашей окраины вдруг сделался совершенно безлюдным, будучи покинут почти всеми своими жителями. Мы говорим об Абхазии и ее жителях, оставивших свою родину и переселившихся в Турцию. Переселение это, без всякого сомнения, не временное, а безвозвратное. Абхазия никогда больше не увидит своих сынов. Обстоятельство это ставит

¹ Статья печатается с некоторыми несущественными сокращениями. – Ред.

на очередь вопрос: кем заселить страну, навсегда покинутую ее обитателями? С первого взгляда, удовлетворительное разрешение этого вопроса представляется очень легким. Кажется, что не трудно привлечь переселенцев в страну, по справедливости, славящуюся отменным плодородием и редким богатством своей природы, в страну, где виноград в диком состоянии достигает баснословных размеров и где лимоны, апельсины и даже масличное дерево свободно растут на открытом воздухе. Но одно обстоятельство делает чрезвычайно трудным успешное заселение опустелой Абхазии. Обстоятельство это – вредные климатические особенности, которые несут прямые последствия географического устройства и положения страны.

Абхазы, в течение длительного ряда веков, вполне акклиматизировались в своей стране... (ТВ, 1877, 27 сентября, № 209).

Зная свойства наших стран и племен, их населяющих, не трудно решить, кем не может быть населен данный край и кто, напротив, может заменить абхазцев, не рискуя сделаться жертвою вредного климатического влияния. Те страны нашего государства, которые, по природе и климату, резко отличаются от Абхазии, не могут дать годных колонизаторов для нее. Такою страню прежде всего нужно считать собственно Россию... То же самое нужно сказать относительно большей части Закавказья. Восточные грузины, живущие по ту сторону Сурамского перевала, в стране, почти ничего общего не имеющей с Абхазией, очень быстро делаются жертвами болотного яда на восточных берегах Черного моря, и потому об их переселении в Абхазию и речи не может быть. Армяне оказываются еще менее способными выдержать борьбу с ядоносным климатом Абхазии. Этим-то объясняется то с первого взгляда странное явление, что армяне, обладающие таким сильным коммерческим чутьем и быстро свивающие гнезда во всех, сколько-нибудь выгодных торговых пунктах, не могли утвердиться на восточном берегу Черного моря и принуждены были предоставить торговлю в этом важном пункте другим народностям. Вот почему мысль, появившаяся в столичной печати, о заселении опустелой Абхазии армянскими семействами, бежавшими из Турции в наши пределы, должна считаться совершенно несостоятельною и крайне неудачною.

Почти в такой же мере не способно колонизовать Абхазию и большинство обитателей Западной Грузии. Опыт неоднократно показал, что рачинцы, сванеты и верхние имеретинцы, делаясь обитателями восточного берега Черного моря, не выдерживают разрушительного действия болотистой атмосферы и вымирают от злокачественных лихорадок... Зато мингрельцы чувствуют себя в Абхазии, как у себя дома. И неудивительно. Мингрелия единственная у нас страна, которая во всех отношениях представляет большое сходство с Абхазией. Поэтому, организм мингрельского племени вполне приспособлен к перенесению действия болотистой атмосферы.

Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что в Сухуме, Очамчирах и других пунктах Абхазии торговля главным образом находится в руках мингрельцев. Вследствие этого, мингрельское племя является наиболее способным к успешной колонизации Абхазии. Теснота и недостаток земли в Мингрелии, принуждающие ее жителей оставлять родину и отправляться в разные части Закавказья на заработки, без сомнения, делают весьма желательным для многих мингрельцев переселение в Абхазию. Обладая организмом, наиболее способным к борьбе со злокачественным болотным воздухом, мингрельцы совмещают в себе и другие условия, необходимые для хороших колонизаторов. Подобно другим племенам грузинским, они выказывают большую любовь и способность к труду производительному и, стало быть, в состоянии вполне воспользоваться богатою природой Абхазии и деятельно эксплуатировать ее редкие естественные богатства. Другое качество, делающее мингрельцев отличными колонизаторами Абхазии, заключается в том, что они обнаруживают большую способность к торговым занятиям и коммерческим предприятиям, составляя в этом отношении исключение между всеми грузинскими племенами. Обладая в достаточной степени этим качеством, мингрельцы могут вполне воспользоваться удобствами приморского положения Абхазии для развития торговой деятельности. Наконец, что касается до политической благонадежности, которая без сомнения, будет иметься в виду при заселении этого важного приморского пункта, то ею мингрельцы, подобно всем грузинским племе-

нам, обладают в такой степени, что не остается желать ничего большего в этом отношении.

Словом, из всех наших племен и народов, одни мингрельцы совмещают в себе необходимые качества для успешной и выгодной для государства колонизации опустелой Абхазии **(ТВ, 1877, 28 сентября, № 210)**.

Статья наша о заселении Абхазии мингрельским племенем вызвала возражение, помещенное в № 207 газеты «Кавказ»¹. Исходя из одной точки зрения, что Абхазия обладает в высшей степени злокачественным климатом, обрекающим на вечно больное существование и истребление всякое племя, не приспособленное по своей организации к перенесению болотистой атмосферы, мы высказывали мысль, что страну эту невозможно колонизовать ни армянами, ни грузинами, ни русскими, не рискуя подвергнуть их истреблению болотным ядом. С другой стороны, имея ввиду полнейшую приспособленность мингрельского организма для успешного противодействия лихорадочному заражению, приспособленность, обуславливаемую болотистой местностью и лихорадочною атмосферою Мингрелии; способность, мингрельцев, как к труду производительному, так и к торговым предприятиям; большой недостаток удобных к обработке земель в Мингрелии, послуживший причиною аграрных волнений в ней в позапрошлом году, и наконец, всецелую их преданность к общему нашему отечеству и полнейшую политическую благонадежность, – мы высказали мысль, что всего удобнее, справедливее и лучше предоставить мингрельцам, ближайшим соседям Абхазии, колонизовать эту страну, покинутую большинством своих жителей. Такой взгляд и такое решение вопроса крайне не понравилось автору возражения, он, опасаясь осуществления нашей мысли на практике, постарался в своей статье снабдить мингрельцев всевозможными недостатками и выставить их никуда не годными кандидатами для замещения переселившихся в Турцию абхазцев.

Если же, несмотря на свою природную даровитость и на свои редкие устремленные качества, мингрельское племя не успе-

¹ Упомянутую публикацию, «К вопросу о будущей колонизации Абхазии», смотрите далее по тексту. – Ред.

ло дальше развить свою культуру, то это потому, что в течение длинного ряда веков поперек дороги такому развитию стояли следующие непреодолимые причины; страшная тысячелетняя неурядица, непрерывные войны то с абхазами, то с турками, то с имеретинцами, то с гурийцами, то с самурзаканцами, то с рачинцами; главным же образом деспотический строй жизни, сложившийся под влиянием крайне неблагоприятных исторических обстоятельств и сковывавший всякое развитие народной жизни в Мингрелии до освобождения народа из-под крепостной зависимости. Нужно знать, что нигде и ни в какой стране крепостное право не сопровождалось таким абсолютным бесправием крестьян и таким безграничным произволом со стороны помещиков, как в этой стране. Шарден, описавший Мингрелию с замечательной точностью, говорит: «Высший класс имеет право на жизнь и имущество своих подданных, делает с ними, что захочет, берет женщин, детей, продает их и употребляет их на все, что ему вздумается». Литвинов, бывший в начале этого столетия правителем Мингрелии, представляет мингрельских крестьян такими же бесправными и угнетенными рабами многочисленных деспотов-помещиков, составлявших в одно и то же время, к несчастью страны, и землевладельческую и военную аристократию, какими были негры в руках американских плантаторов. **(ТВ, 1877, 6 ноября, № 243)**.

Обнаруживают мингрельцы и способность к торговой промышленности. Автор возражения, считая невозможным отвергать в мингрельцах способность к коммерческим предприятиям, постарался умалить это качество, называя мингрельцев мелкими торгошами и барышниками. Но страна, в течение длинного ряда веков, не знаящая, что значит обеспеченность собственности, подвергавшаяся непрерывным нападениям со всех сторон, бывшая нередко ареною междуусобий и лишь с недавнего времени нашедшая спокойствие под русским владычеством, не могла же сразу начать торговлю в грандиозных размерах и пустить в оборот большие капиталы.

Она (Мингрелия – Ред.) удержала в своих руках всю свою внутреннюю торговлю и не подпала в этом отношении под эксплуатацию армян и евреев (последних живет немало в Мингре-

лии), – захвативших в свои руки всю торговлю Закавказья¹ и сделавших конкуренцию с собою в этом отношении почти невозможной. Мингрельцы достигли этого благоприятного результата, благодаря, между прочим, одной замечательной особенности жизни, именно существованию базаров.

Закрепив за собою внутреннюю торговлю, мингрельцы перенесли коммерческую деятельность за пределы Мингрелии в Имеретию, Гурию, Абхазию и отчасти Карталинию, покрыв эти страны своими лавками. В особенности большое значение имели мингрельцы для Абхазии, служа посредниками в торговле их...

Вообще, в торговле мингрельцы обнаруживают много умения и много смелости. «Предприимчивость, – говорит Бороздин, – есть тоже замечательная черта в мингрельском племени; пойти в Кахетию возделывать сад с половины, или на Черноморскую береговую линию духанщиком, провезти контрабанду перед носом у таможи – все это такие предприятия, над которыми не задумывается любой мингрелец. В 1860 году понадобились рабочие в Керчи при устройстве укреплений: дошло об этом известии до одного подрядчика-мингрельца и он весьма скоро нашел до 500 охотников и с ними отплыл на пароходе в Керчь».

Чтобы понять всю силу и значение этих лестных для мингрельцев отзывов Бороздина, нужно знать, что они относятся к тому времени, когда Мингрелия еще стонала под жестоким гнетом крепостного рабства, которое здесь, как мы сказали, отличалось крайней неумолимостью.

В смысле политическом мингрельцы такие же русские, как и москвичи, и в этом же направлении они могут влиять на всякое соприкосновенное с ними племя, разительным доказательством чего служит тот факт, признаваемый и нашим оппонентом, что, благодаря, влиянию мингрельцев, самурзаканцы – ветвь абхазского племени, – находясь в постоянном общении с мингрельцами, сделались вполне верными русскими подданными и во время неоднократных восстаний своих соплеменников всеми силами содействовали правительству в подавлении возмущений и усмирении мятежников. (ТВ; 1877, 9 ноября, № 245).

¹ Так, например, по сообщению Я. Гогешавили, города Восточной Грузии – Телав, Сигнах, Гори являлись центрами армянской торговли. – Ред.

Отвергая мингрельцев, как будущих колонизаторов Абхазии, автор возражения старается провести ту мысль, что страна эта без большого риска может быть заселена и другим племенем, живущим среди другой природы и не приспособленным по своей организации к болотистой местности. Признавая, что абхазское побережье прежде было действительно гнездилищем злокачественных лихорадок и отличалось страшной болезненностью, он утверждает, что в последнее время оно подверглось будто бы значительным изменениям, уменьшившим заразительность его климата.

Говоря о крайней опасности заселения Абхазии континентальными грузинами, мы привели пример истребления болотным ядом абхазского побережья, в течение каких-нибудь двух лет, 80 милиционеров из сванов. (ТВ, 1877, 10 ноября, № 246).

Не состоятельна и произвольна мысль нашего автора о меньшей злокачественности климата западной Абхазии, целиком покинутой жителями и подлежащей заселению. Мысль эту он основывает на гористости этой части Абхазии. Но в Пицундском округе – так называется западная половина Абхазии в административном отношении – расположение гор и холмов таково, что не только не мешает, а напротив, способствует образованию болот. Далее: влаги здесь выпадает даже больше, чем в восточной половине, Очамчирском округе.

В силу всего сказанного мы считаем крайне необдуманною мыслью нашего оппонента заселить Абхазию не мингрельцами, а жителями южных и средних губерний России. Губернии эти, резко отличающиеся от Абхазии во всех отношениях, особенно же в климатическом, не могут дать годных колонизаторов для нездорового черноморского побережья. (ТВ. 1877, 12 ноября, № 248).

Наше убеждение в том, что климат Абхазии может быть без сильного вреда переносим только племенем, обитающем в стране, подобной ей. Страшный недостаток земли в Рачинском уезде, где десятина ее ценится в баснословную сумму – в 1.600 рублей – и где население вследствие этого, находится в трудном состоянии, не решились предложить мысль о переселении рачинцев в Абхазию, хотя Рача имеет гораздо больше общего с Абхазией, чем южно-русские губернии.

Но мы считаем мысль автора возражения о заселении Абхазии жителями южно-русских губерний не только крайне недуманною, но и совершенно несерьезною. Seriously можно было бы говорить о такой мере лишь тогда, когда бы южно-русский край страдал излишком населения и мог бы свободно дать 50 тысяч нужных колонизаторов. Но кто не знает того, что край этот, подобно всей России, страдает скорее недостатком, редкостью населения, чем излишком и густотою его. Этим недостатком населения объясняется тот факт, что обширнейшие пространства на Кавказе, отличающиеся и здоровостью климата и богатством природы, до сего времени остаются пустынными и тщетно ждут колонизации. Самый Черноморский округ, примыкающий к Абхазии, давно и сильно нуждается в русских поселенцах, но их нет, так как и на милой родине русским пока не тесно...

Обращаясь от южных губерний к степени населенности Мингрелии, мы видели диаметрально противоположное явление, несоответствие между числом жителей и количеством пахотных земель так велико, что полный крестьянский надел здесь составляет четыре кцеви или около полуторы десятины земли. Этот-то сильнейший недостаток земли и был единственною причиной недавних аграрных волнений в Мингрелии. Поэтому Мингрелия весьма легко может дать достаточный контингент колонизаторов. Выселение нескольких десятков тысяч мингрельцев избавило бы страну от аномального состояния и сделало бы невозможным повторение подобных прискорбных происшествий. С этой точки зрения колонизация Абхазии мингрельцами является делом, имеющим государственное значение.

Таким образом, все приводит к заключению, что единственно разумное и целесообразное средство к успешной колонизации Абхазии заключается в осуществлении предлагаемой нами мысли, т.е. предоставлении права малоземельным и безземельным мингрельским крестьянам занять территорию, покинутую абхазами. Такое решение вопроса представляет все выгоды, не заключая в себе ни одного неудобства... Будучи племенем, способным и к занятиям производительным, и к предприятиям торговым, они в состоянии вполне воспользоваться и природным богатством Абхазии и выгодами ее приморского положения.

Вместе с тем они представят трудноодолимую преграду неприятельскому нашествию. Представляя со всех этих сторон наилучших колонизаторов Абхазии, мингрельцы должны явиться первыми заместителями выселившихся абхазцев. (ТВ, 1877, 13 ноября, № 249).

Тифлис, 1877 год.

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ Я. ГОГЕБАШВИЛИ В ГАЗЕТЕ «КАВКАЗ» К ВОПРОСУ О БУДУЩЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ АБХАЗИИ¹

Передовая статья № 210 газеты «Тифлисский вестник» посвящена вопросу, кем заменить ушедшее население Абхазии. Изыскания автора по этому вопросу приводят его к тому заключению, «что из всех наших племен и народов одни мингрельцы совмещают в себе все качества для успешной и выгодной для государства колонизации опустелой Абхазии». Качества эти, по словам автора статьи, привычка мингрельцев жить в стране, обладающей климатом почти таким же, как климат Абхазии и происходящая вследствие того как бы акклиматизация их; любовь и способность мингрельцев к труду; колонизаторские их способности и наконец, политическая благонадежность. При поселении мингрельцев, по мнению автора статьи, культурное положение Абхазии быстро разовьется, громадные естественные ее богатства не будут пропадать непроизводительно, а получат сбыт и применение: «На благодатной почве Абхазии они (мингрельцы) могут развить земледелие до обширных размеров, предаться лесным промыслам, благодаря обилию богатейших лесов, и придать обширные размеры виноделию».

Если вопрос идет только о том, чтобы заселить кем бы то ни было Абхазию, то возражать автору не приходится, так как мы сами убеждены, что Мингрелия без всякого затруднения может доставить необходимый контингент поселенцев. Но будет ли качество поселенцев отвечать их количеству – это вопрос совершенно иной, и нам кажется, что автор статьи разрешает его ошибочно.

¹ Об авторе статьи известно лишь то, что он русский, 12 лет прожил в Абхазии и Мингрелии и был хорошо знаком с условиями жизни на Кавказе. – Ред.

Тысячи мингрельцев, переселившихся вследствие недостатка земли на родине в Сухумский отдел, занимая лучшие во всех отношениях земли, в продолжении почти пятнадцати лет, и, что главное, занимая их бесплатно, не в состоянии были устроить свои хозяйства, и настоящая война застала последние ничуть не отличающимися от хозяйства абхазов. Единственно, что внесли мингрельцы в Абхазию – это страсть к бесцельному уничтожению лесов, страсть, благодаря которой лучшие леса Абхазии – Коджельский, Гудаевский, Рекский и Драндский почти уничтожены.

Автор статьи также заблуждается, выставляя климатические условия Абхазии настолько вредными, что, по его словам, поселяне какой бы ни было национальности, исключая мингрельской, должны чуть ли не поголовно погибнуть.

Не один только автор передовой статьи «Тифлисского вестника», но и многие судят еще о климате Абхазии по преданиям тридцатых и сороковых годов. Мы надеемся скоро иметь возможность представить ряд числовых данных, взятых из отчетов лазаретов и госпиталя, расположенных в Сухуме, которые лучше всего докажут, насколько изменился к лучшему климат Сухума; теперь же позволяем себе констатировать факт, который, надеемся, подтвердят все жившие в Сухуме, что мингрельцы, проживающие в Абхазии, подвергались заболеванию лихорадкой в одинаковой степени с другими. От природы слабый и значительно истощенный на родине организм мингрельца-работника делал его еще восприимчивее других к заболеванию, и это было причиною, что значительная часть их удалялась на родину на июль и август месяцы.

По мнению автора статьи, мингрельцы обладают способностями к торговле. Если под словом торговля понимать мелкое барышничество и умение всеми, дозволенными и недозволенными способами, выжимать монету, то мнение автора верное; в этом отношении мингрельцы поспорят с евреями. Но мы не думаем, чтобы правительство выигрывало, вводя подобный элемент в прибрежное население и чтобы оно передало еврейской эксплуатации мингрельцев оставшееся население Сухум-

ского отдела. Неспособность мингрельцев к ведению торговых оборотов лучше всего доказывается тем, что, несмотря на естественные богатства Мингрелии и Абхазии, вся внешняя торговля этих местностей находилась в руках армян и греков. Братья Бузианц, Серкесианц, братья Яралоны, братья Авгерино, братья Метакса, Персопуло держали всю торговлю побережья в своих руках; мингрельцы, как знающие местные наречия, служили у них только посредниками между ними и туземцами.

Оставляя в стороне вопрос о политической благонадежности мингрельцев, как вопрос в настоящее время несвоевременный, мы, на основании сказанного выше, приходим к тому заключению, что указывать на мингрельцев, могущих заменить ушедших абхазцев, может только не знающий ни настоящего положения Абхазии, ни мингрельцев.

Абхазии нужны поселенцы трудолюбивые и предприимчивые, но предприимчивые не в смысле уничтожения естественных богатств, а в смысле разумного их эксплуатирования, – мингрельцы положительно неспособны на это. Абхазии нужны поселенцы, безусловно преданные правительству и энергичные, которые могли бы отстаивать свою самостоятельность и повлиять на туземное население так, чтобы заставить его слиться с собою, – мингрельцы же способны скорее быть порабощенными.

Поэтому, по нашему мнению, самый лучший контингент поселенцев могут дать русские губернии южной и средней полосы.

Не понимаем, что побудило автора статьи отыскивать в мингрельцах все указываемые им, но в действительности не существующие достоинства, и думаем, что при искреннем убеждении в необходимости скорейшего занятия нашего Черноморского побережья полезным и надежным населением, он введен был в заблуждение лицами, доставившими ему сведения о мингрельцах. Мы вполне разделяем его мнение в необходимости заселить Абхазию развитым надежным населением, но, зная хорошо мингрельцев, никак не можем считать их годными для этой цели. **(Кавказ, 1877, 15 октября, № 207).**

С. ЛАКОБА
КАК ЗАСЕЛЯЛИ АБХАЗИЮ

До второй половины XIX столетия Абхазия состояла почти исключительно из коренного абхазского населения. С окончанием Русско-Кавказской войны (май 1864 г.) и ликвидацией автономного Абхазского княжества (июнь 1864 г) резко усилился массовый исход горцев с родных земель в Турцию. Переселение носило насильственный характер, его провоцировали и поощряли как русские, так и турецкие власти. Этот период своей истории абхазы называют: «Махаджирство» (в смысле «изгнание»). Наиболее крупные выселения абхазов происходили после народных восстаний в 1866–1867 и 1877–1878 гг., когда поголовно выселились жители Северо-Западной, Срединной и Горной Абхазии. До 500 тысяч потомков абхазских махаджиров проживают сейчас в Турции, Сирии, Иордании Греции, Австралии, Германии, США, Англии, Голландии, Франции и других странах, образуя абхазскую диаспору.

После вынужденного переселения абхазов, половина края обезлюдела. С середины 60-х гг. XIX в. сюда устремился поток переселенцев, вследствие чего Абхазия очень быстро превратилась в пеструю в этническом отношении страну. Здесь основали свои села греки, армяне, русские болгары, эстонцы, немцы и др., но более всего грузины (в основном, мегрелы).

Уже в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. на страницах грузинских периодических изданий появляются статьи, в которых видные представители интеллигенции Грузии призывают свой народ осваивать опустелые в результате махаджирства абхазские земли. В этих публикациях откровенно говорится, что только грузино-мегрелы, на правах соседнего абхазам народа, имеют право на колонизацию территории Абхазии.

Не только Абхазия, отмечали грузинские писатели, весь Кавказ наш. В 1878 г. Г. Церетели писал: «Весь Кавказ является нашей землей, нашей страной... Следует мысленно представить, что наша нога стоит на нашей земле, что мы находимся в нашей стране. Поселимся ли в стране черкесов, хоть в Дагестане, везде наша родина». Церетели призывал грузин занимать все побере-

жье Черного моря до Крыма, к которому «словно пиявки присосались чужеродцы: греки, татары, евреи и другие»¹. Именно в этот период в Грузии начинает формироваться имперское сознание, а народу внушают мысль о его исключительности и особенной роли на Кавказе.

Пожалуй, первой программной работой, в которой говорится о колонизации Абхазии грузино-мегрелами, явилась пространная статья видного грузинского общественного деятеля и публициста Якоба Гогешашвили, известная под названием «Кем заселить Абхазию?». Она была напечатана в русской газете «Тифлисский вестник» (ТВ) в 1877 году (№№ 209, 210, 243, 244, 245, 248, 249) во время войны России с Турцией, между жерновами которых оказался тогда абхазский народ. В сентябре-ноябре 1877 г., когда абхазы истекали кровью и массами вынуждены были покидать свою родину, Гогешашвили в течение нескольких месяцев публиковал в газете свою программу, доказывая всю выгоду и преимущество колонизации Абхазии грузино-мегрелами. Он считал, что заселение этой страны будет успешным лишь в случае переселения туда десятков тысяч мегрелов из Западной Грузии, но не русских, армян, греков... «Они обнаруживают большую способность к торговым занятиям и коммерческим предприятиям, – отмечает Гогешашвили, – составляя в этом отношении исключение между всеми грузинскими племенами. Обладая в достаточной степени этим качеством, мегрельцы могут вполне воспользоваться удобствами приморского положения Абхазии для развития здесь торговой деятельности. Наконец, что касается до политической благонадежности, которая, без сомнения, будет иметься в виду при заселении этого важного приморского пункта, то ею мингрельцы, подобно всем грузинским племенам, обладают в такой степени, что не остается желать ничего лучшего в этом отношении. Словом, из всех наших племен и народов одни мингрельцы совмещают в себе все необходимые качества для успешной и выгодной для государства колонизации опустелой Абхазии» (ТВ, 1877, 28 сентября, № 210).

В заключение своей программной статьи Гогешашвили писал: «Представляя со всех этих сторон наилучших колонизаторов Аб-

¹ История Абхазии. Сухум. 1991. С. 212–213.

хазии, мингрельцы должны явиться первыми заместителями выселившихся абхазцев» (ТВ, 1877. 13 ноября; № 249).

В результате военных действий в 1877 г. более половины абхазского населения покинуло свою родину. Это была самая мощная волна махаджирства, которая обрушилась на Абхазию. Самое сердце Абхазии от р. Псырцха до р. Кодор полностью обезлюдело. Сухум и территорию вокруг него стали заселять всех, кроме абхазов¹. Им, как «виновному населению» (считалось таковым на протяжении трех десятилетий, с 1877 по 1907 гг.), запрещалось проживать в Сухуме и рядом с городом (в Гумистинском участке). Таким образом, между северной (бзыбцы-гудаутцы) и южной (абжуйцы-очамчирцы, самурзаканцы-гальцы) группами абхазского этноса, которые ранее связывались центральной (гумской) этнографической группой абхазов, царскими властями умышленно был вбит клин. Абхазы и на своей родине оказались оторванными друг от друга.

В то же время, в эту запретную для проживания абхазов зону хлынул поток переселенцев – представителей «надежных» народов. В их число входили на первых порах и грузино-мегрелы, получившие довольно широкий доступ в срединную Абхазию и расселившиеся первоначально вместе с русскими, армянами и греками вокруг Сухума.

Грузино-мегрелы оказались тогда в привилегированном положении благодаря своему участию на стороне царской России в войне против народов Кавказа (1817–1864 гг.), в том числе и абхазов. Видные представители тифлисской интеллигенции, получившие образование в российских университетах, не переставая убеждали правительство России в выгодности и успешности проведения в Абхазии лишь грузино-мегрельской колонизации. Ради достижения этой главной цели они раболепно высказывали свои верноподданнические чувства Российской империи, стремясь получить от нее право на исключительное владение Абхазией и ее землями. Так, например, Гогешвили писал: «В смысле политическом мингрельцы такие же русские, как и москвичи, и в этом же направлении

¹ История Абхазии. Сухум. 1991. С. 216.

они могут влиять на всякое соприкосновенное с ними племя... (ТВ. 1877, 9 ноября, № 245).

Позднее, освещая процесс грузинской колонизации Абхазии, Н. Джанашиа посетовал на царское правительство и заявил, что оно могло бы и больше дать, так как «на этой земле грузины неоднократно проливали кровь и своим мужеством прославляли знамя Великой России» (Иверия, 1898, № 51)¹.

Без всякого сомнения можно сказать, что плодами русской военной победы в Абхазии в XIX столетии в полной мере воспользовалась зависимая Грузия, выступающая и по сей день в роли мелкого хищника, который всегда приходит вторым. Соблазн овладеть истекающей кровью Абхазией был настолько велик, что Гогешвили, обращаясь к правительству России, прибегнул к следующей формуле: «Колонизация Абхазии мингрельцами является делом имеющим государственное значение» (ТВ, 1877, 13 ноября, № 249).

Формула оказалась живучей. Между прочим, в 1937–1953 гг., когда Сталин и Берия переселяли в Абхазию десятки тысяч крестьян из Западной Грузии – это «мероприятие» тоже официально именовали делом имеющим государственное значение. Не случайно, видимо, программная статья Я. Гогешвили вышла в свет на грузинском языке именно в бериевские времена, в 1952 г.²

Необходимо отметить, что в 70–80-е гг. XIX в. о начавшейся грузинской колонизации Абхазии сообщает целый ряд грузинских периодических изданий – «Дроеба», «Иверия», «Моамбе», «Квали», «Шрома»³ и др., о которых почему-то молчат историки и ученые-исследователи из Тбилиси.

Между тем в публикациях этих изданий прямо и точно говорится о том, когда появились в Абхазии первые компактные грузино-мегрельские поселения. Совершенно очевидно, что они образовались здесь после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и выселения абхазов. Красноречиво свидетельствует об этом и статья-программа Я. Гогешвили 1877 года, в которой он поставил вполне определенный вопрос: кем заселить Абхазию?

¹ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сухум. 1991.

² Гогешвили Я. Сочинения, т. 1. Тбилиси. 1952.

³ История Абхазии. Сухум. 1991. С. 210–217.

Тогда же начался процесс бурного переселения мегрельских крестьян Зугдидского и Сенакского уездов в Абхазию. В результате масса крестьян Западной Грузии обосновалась в центральной части Абхазии, вокруг Сухума, в опустевших абхазских селах Мерхеул (1879 г.), Беслетка (1881 г.), Акапа (1882 г.), Келасур и Пшап (1883 г.).

О том, как изменилась буквально в считанные годы этнодемографическая ситуация в Абхазии красноречиво говорят статистические данные посемейной переписи 1886 года. Тогда в Абхазии (Сухумском округе) насчитывалось около 69 тысяч человек.

Из них:

абхазы – 58.963 чел. – 85,7 проц;

грузины (в основном мегрелы и лазы) – 3.558 – 4.166 – 6 проц;

греки – 2.149 чел.

армяне – 1.049 чел.

русские – 971 чел.

Происходившая в Абхазии с конца 70-х гг. XIX в. «этническая революция» резко изменила облик традиционной Абхазии, о чем свидетельствует национальный состав населения края по данным первой Всесоюзной (1926 г.) переписи.

	1897 год		1926 год	
	абсол. кол-во	процент	абсол. кол-во	процент
абхазы	58697	55,3	55918	26,4
грузины	25875	24,4	67494	31,8
армяне	6552	6,2	30048	14,2
греки	5393	5,1	27085	12,8
русские	5135	4,8	20456	9,6
украинцы	809	0,7	4647	2,2
евреи	136	0,1	1084	0,5
эстонцы	602	0,5	754	0,4
остальные	2980	2,9	4547	2

В период оккупации (1918–1921 гг.) Грузинской Демократической республикой в Абхазии проводилась шовинистическая политика, вытеснялось армянское, греческое, русское население, навязывался грузинский язык, из районов Западной Грузии

в Абхазию шло переселение людей. Репрессиям и подавлениям подвергался абхазский народ.

Наиболее активно переселение грузин в Абхазию осуществлялось в сталинско-бериевский период 1937–1953 гг. путем подселения в абхазские села, а также заселения грузинами греческих сел, освободившихся после депортации греков из Абхазии в 1949 году. В этот период проводилась откровенная государственная политика насильственной ассимиляции абхазов. Целенаправленная политика грузинизации Абхазии и ее коренного населения проявилась также в закрытии абхазских школ, в обязательном изучении грузинского языка, в переводе абхазской письменности на грузинскую графическую основу, в изменении исконных топонимических названий и др. Постоянным репрессиям подвергалась абхазская интеллигенция, вырезалась талантливая молодежь. Вследствие всех этих факторов численность грузинского населения за счет механического прироста постоянно возрастала и в 1989 году составила более 45 процентов, доля же абхазов – не более 18 процентов.

С конца 1988 года нарастает новая волна усиленной грузинизации и подавления абхазов. В 1990 году в Абхазию устремился очередной поток переселенцев из Грузии. Цель этой спланированной демографической агрессии – создать абсолютный численный перевес грузинского населения в Абхазии за счет оттока русских, греков, армян и других народов, проживающих в республике.

Об изменении этнографической ситуации в Абхазии за последние 100 лет¹ среди трех основных групп населения свидетельствует следующая таблица:

	1886	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989
абхазы	58963	58697	55918	56197	61193	77276	83097	93267
грузины	4166	25875	67494	91967	158221	199595	213322	239872
русские	971	5135	20456	60201	86715	92889	79730	74913

В свое время грузинский академик Г. Джигладзе заметил, что «за исключением некоторых ошибок, допущенных особенно в

¹ Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. С. 97–100.

статье, опубликованной в 1877 году «Кем заселить Абхазию?», Я. Гогешвили занимал принципиально правильную позицию в вопросах, касающихся абхазского народа».¹

Так, например, в своем сочинении «Бунебис кари» («Ключ к природе», 1858 г.) он подчеркивал, что абхазы самостоятельный народ и что «они из большого народа стали малочисленными, над ними нависла опасность исчезновения».²

В статье 1877 года «Кем заселить Абхазию?» у Гогешвили нет и тени сомнения относительно древнего происхождения абхазов как единственного коренного населения страны. Он пишет: «...абхазы, в течение длинного ряда веков, вполне акклиматизировались в своей стране» (ТВ, 1877, 27 сентября, № 209).

Абхазию и Мегрелию Гогешвили называет соседними странами, а о восточных грузинах говорит, что они живут «в стране, почти ничего общего не имеющей с Абхазией». Не причисляет он Абхазию и абхазов и к обитателям Западной Грузии» (ТВ, 1877, 28 сентября, № 210).

И особенно подчеркивает, что «самурзаканцы – ветвь абхазского племени» (ТВ, 1877, 9 ноября. № 245).

Вообще надо сказать, что в грузинских источниках XIX столетия Абхазия именуется Абхазией и является страной абхазов. В 1883 г. грузинский общественный деятель А. Джугели отмечал: «Абхазия, как подсказывает само название местности, принадлежала и принадлежит абхамам... При этой последней войне (1877–1878 гг.) почти полностью опустела эта страна. В течение 5–6 лет на Абхазию хлынули греки, русские, болгары, немцы, мингрелы, имеретины, армяне и др.».³(12)

После того как в Абхазии появились первые массовые компактные поселения грузино-мингрелов (1879–1883 гг.), идеологи освоения Абхазии и ее слияния с Грузией попытались сделать первый шаг в направлении обоснования своих территориальных притязаний. На этом фоне усиленной грузинской колонизации Абхазии и появляется в 80-х годах XIX века «теория» грузинского

¹ Джигладзе Г.Н. Педагогика и методика. Письма, мемориал. Тбилиси. 1974. С. 152 (на груз. яз.)

² Бгажба Х.С. Страницы из летописи дружбы. Тбилиси. 1983. С. 57.

³ История Абхазии. Сухум. 1991. С. 215.

историка Д. Бакрадзе, в которой впервые говорится о прищлости абхазов, в то время как грузины провозглашаются коренным народом Абхазии. В этот же период грузинское духовенство развернуло в церковных абхазских приходах бурную деятельность, где местному абхазскому населению навязывались непонятные грузинское богослужение и грузинский язык, а абхазские фамилии мингрельскими священниками записывались на грузинский лад.

В конце 90-х гг. XIX в. – начале XX в. из-за бесконечного потока переселенцев из Западной Грузии, все больше осложняются отношения между абхазами и грузино-мегрелами. Противоречия до крайности накалились в период революционных событий 1905 года. Тогда же писатель А. Дьячков-Тарасов повторяет тезис Д. Бакрадзе о якобы прищлости абхазов.

В 1949–1951 гг., когда Берия готовил операцию по депортации абхазов, появились первые статьи грузинского литературоведа П. Ингорквва, в которых утверждалось, что абхазы поселились в Абхазии лишь в XVII веке, а грузины всегда были коренными жителями этой страны. Как видим, имперские интересы Грузии в Абхазии обслуживались деятелями грузинской науки с конца XIX столетия. Не успели еще грузины твердой пятой встать в Абхазии, как в 80-х годах XIX века, одновременно с появлением первых компактных грузино-мингрельских поселений, рождается «труд» Д. Бакрадзе о прищлости абхазов, а не грузин. Около 70-ти лет спустя, в 1949–1951 гг., когда Абхазию уже наводнили грузино-мингрелами и превратили абхазов в меньшинство, Берия и его ученая команда в лице Ингорквва вновь начинают эксплуатировать идею о прищлости абхазов, чтобы подвести идеологическую базу под новую депортацию оставшихся 60 тысяч абхазов, так сильно докучавших имперским устремлениям Грузии.

Далеко не случайно, что новый всплеск этой антинаучной «теории» и ее реанимация шовинистическими кругами Грузии, пришлось на период 1989–1992 гг., когда Грузия в очередной раз, путем вооруженной агрессии, попыталась растоптать Абхазию.

Гудаута, 1993 год.

Лакоба С. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра: Ассоциация «Интеллигенция Абхазии». 1993. 24 с.

ПОСЛЕДНИЙ ВЛАДЕТЕЛЬ АБХАЗИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКЕ И СОГЛАШЕНИЕ 1844 ГОДА

История политической ссылки царской России тесно связана с историей общественно-политического развития. Здесь сталкивались люди различных убеждений, направлений, народностей – это была Россия в миниатюре. «Помещалось нас в остроге всего человек двести пятьдесят – цифра почти постоянная, – вспоминал в сер. XIX века Ф.М. Достоевский. – Одни приходили, другие кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тут не было! Я думаю, каждая губерния, каждая полоса России имела тут своих представителей. Были и инородцы, было несколько ссыльных даже из кавказских горцев».

К сожалению, до сих пор нет ни одной работы, посвященной политическим ссыльным с Кавказа, в то время как они составляли значительный процент ссылокаторжных и уступали по численности лишь польским повстанцам.

Тема абхазских политических ссыльных и их судеб во внутренних губерниях Российской империи представляет огромный интерес. Отдельные сведения по этой проблеме приводятся в работах видных историков А.В. Фадеева и Г.А. Дзидзария. Однако она так и не стала предметом специального изучения.

Первые случаи ссылки абхазцев по политическим мотивам известны уже с 20-х годов XIX века (например, Гасанбей Шервашидзе был выслан в Сибирь, 1821–1828 гг.). Высылка была, так сказать, «упорядочена» с середины 40-х годов, когда владетельный князь Абхазии Михаил Шервашидзе (Чачба), опираясь на силу царского оружия в стране, удалял под тем или иным предлогом своих политических оппонентов. Это чинимое беззаконие отвечало интересам имперской администрации, ибо в результате таких действий владетельный князь все больше терял авторитет и опору в народе и невольно становился марионеткой в руках самодержавия.

Владетельному князю достаточно было указать пальцем на неугодного и тотчас, без всяких объяснений, того высылали из Абхазии в Россию временно или навсегда.

Таким действиям положил начало рапорт командира отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта Нейдгардта военному министру князю Чернышеву от 23 сентября 1844 г., в котором начальнику Черноморской береговой линии генерал-майору Будбергу было разрешено «удовлетворять просьбы Владетеля Абхазии насчет отсылки в арестантские роты подведомственных ему людей за пороки и буйное поведение, если об этом именно будет просить Владелец».

Очевидно, таким образом, что это был один из первых реальных шагов царского правительства на пути к будущему упразднению Абхазского княжества в 1864 г. и ссылке сначала в Ставрополь, а затем Воронеж самого владетеля Михаила.

Своеобразная автономия Абхазского владетеля опиралась на военную силу царизма. В результате этого альянса, заключенного в сентябре 1844 г., многие политические соперники Михаила, или лично ему неугодные, под любым предлогом и с самым ходовым ярлыком, как, например, «за буйное поведение», арестовывались и высылались.

Так, на основании этого узаконенного беззакония 1844 г. в Западную Сибирь в 1848 г. был выслан на пятнадцать лет князь Тада Асламбиевич Анчабадзе. В декабре 1861 г. князь Александр Голицын сообщал, что он сослан «за дурное поведение и буйные поступки, по представлению владетеля Абхазии». В течение первых пяти лет (1848–1853) Тада Анчабадзе находился на положении ссылокаторжного и содержался под строжайшим надзором в Тобольском тюремном замке. В Тобольске, российской «столице» каторги и ссылки, еще продолжали нести наказание декабристы И.А. Анненков, Ф.Д. Вольф, А.С. Муравьев, П.Н. Свистунов, М.А. Фонвизин... Но ко времени прибытия сюда Т.А. Анчабадзе здесь уже были похоронены друг А.С. Пушкина Вильгельм Кюхельбекер, друг Павла Пестеля князь Александр Барятинский и другие.

После разгрома в Петербурге общества петрашевцев (1844–1849), члены которого выступали за демократизацию политиче-

ского строя России и освобождение крестьян с землей, царизм начал отправлять в Сибирь революционеров нового поколения. В январе 1850 г. в Тобольский тюремный замок, в котором постоянно находились 200–250 заключенных, были доставлены особо опасные государственные преступники М.В. Буташевич-Петрашевский, С.Ф. Дуров, Ф.М. Достоевский, Н.И. Григорьев. В этом же замке уже несколько лет содержался ссыльный абхазец Тада Анчабадзе. Так, в Тобольском архиве мною был обнаружен «Именной список находившимся в 1850 году в Тобольской острожной больнице за болезнью», где под номером «136» упомянут Тада Анчабадзе, бывший на излечении до 1 августа, « в течение 46 дней». В другом документе говорится, что он лечился в той же острожной больнице 66 дней и вышел из нее 8 марта 1853 года. Наконец, в материалах «Общего алфавита о поселенцах» сказано об освобождении Т. Анчабадзе из тюремного замка и поселении его в городе Тобольске с 1854 года.

Порядки в Тобольском замке произвели огромное впечатление на Ф.М. Достоевского. Позднее они легли в основу его автобиографической повести «Записки из Мертвого дома» (начал печатать в 1860 г.). Известно, что по дороге в Омск, в Тобольске, Федор Михайлович встретился с женами декабристов: Муравьевой, Анненковой и Фонвизиной. Встреча произошла при вступлении в замок петрашевцев в январе 1850 года. Жены декабристов передали тогда писателю Евангелие, единственную книгу, которую разрешалось иметь в каторжной тюрьме. «Эту книгу, - пишет Достоевский в «Записках из Мертвого дома», - с заклеенными в ней деньгами, подарили мне еще в Тобольске те, которые тоже страдали в ссылке и считали время ее уже десятилетиями и которые во всяком несчастном уже давно привыкли видеть брата».

Достоевский хранил это Евангелие всю жизнь, читал его перед смертью и передал сыну...

В письме к брату Федор Михайлович вспоминал о первых днях неволи в Тобольске: «Ссылные старого времени (т.е. не они, а жены их) заботились об нас, как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас».

Известно, что в ссылке не только абхазцев, но вообще всех кавказцев именовали «черкесами». Достоевский внимательно наблюдал за ними в тюремном замке. «Слева от моего места на нарах помещалась кучка кавказских горцев», - пишет он. В тех же «Записках из Мертвого дома» автор описывает незабываемые сцены: «Что касается до черкесов и в особенности Исаея Фомича, то для них наш театр был истинным наслаждением». Не менее привлекателен эпизод в главе «Каторжные животные»: «Черкесы так даже вскакивали на лошадь верхом; у них глаза разгорались, и бегло болтали они на своем непонятном наречии, скаля свои белые зубы и кивая своими смуглыми горбоносими лицами. Иной из русских так и прикуется всем вниманием к их спору, точно в глаза к ним вскочить хочет».

С особой любовью Достоевский говорит о молодом кавказце по имени «Алей», которого он выучил в считанные месяцы читать и писать по-русски. Возможно, какие-то черты Тады Анчабадзе нашли свое воплощение в одном из образов черкесов.

Тада Анчабадзе оказался в удивительно насыщенной атмосфере общественно-политической жизни Тобольска, которую питали идеи декабристов, петрашевцев, польских революционеров, боровшихся за свою независимость. Трудно сходящиеся с каторжанами польские революционеры, с симпатией относились к кавказцам, которые, как и они, вели национально-освободительную борьбу. Ф.М. Достоевский обратил особое внимание на эти взаимоотношения с польскими повстанцами в «Записках из Мертвого дома»: «...Им было очень тяжело, гораздо тяжелее, чем нам. Были они далеко от своей родины. Некоторые из них были присланы на долгие сроки, на десять, на двенадцать лет... С черкесами, с татарами, с Исаем Фомичом они были ласковы и приветливы, но с отвращением избегали всех остальных каторжных».

Тада Анчабадзе прибыл в Сибирь в возрасте 22–23-х лет (Алею Ф.М. Достоевского было не более 22-х лет); находясь в Тобольском тюремном замке, крестился, приняв новое имя «Александр Иванович». После тринадцатилетнего пребывания в ссылке он обратился с письмом к императору Александру II:

«Происходя от одного из древнейших княжеских родов Абхазии, рода князей Анчибадзе, я, по смерти отца моего князя Ас-

ламбия, по болезни старшего брата и по малолетству меньшего, вступил в управление доставшимся нам в наследство землями и людьми. Князь Гирго Ширваншидзе, взявший на аренду с давнего времени часть нашей земли, по вступлении моем в управление имением, не захотел платить арендных денег, почему я вынужден был обратиться на суд родовых князей, которые и признали жалобу мою справедливою. – Князь Гирго происходил из одного рода с владельцем Абхазии князем Ширваншидзе. Я был оклеветан и, однажды отлучившись из дому, схвачен по дороге людьми владельца Абхазии, отправлен на пароходе ночью в Керчь-Еникаль, а оттуда в Сибирь, будто бы за дерзкие поступки и развратную жизнь. Между тем как тут действовало право сильного и желание воспользоваться чужою собственностью, что знают и все родовые князья Абхазии.

С 1848 года я живу в Тобольске, где и принял Христианскую веру, чтоб достать себе средства к жизни и прибавить что-нибудь к ограниченному содержанию, отпускаемому из казны, я должен прибегать к трудам тяжелым, и вот уже несколько лет, как не знающий русской грамоты... служу чернорабочим в местной типографии.

Лишенный всего без суда и приговора, удаленный от родины, под чужим небом, в суровом климате, я в 30 лет сделался почти стариком. (...)

Родное солнце может быть отдаст мне силы, отнятые мучениями бедности и несродным климатом. (...)

Верноподданный князь Тада Асламбий, во св. крещении Александр Иванов Анчибадзе.

Тобольск.

Июня 11-го дня 1861 года.»

Спустя несколько месяцев, 29 сентября 1861 г., генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель сообщал в Петербург, что «в настоящее время князю Анчибадзе 36 лет от роду», что он «поведения отличного, образа жизни скромного» и что работает «в Тобольской губернской типографии».

Так, абхазский князь бок-о-бок работал с журналистами и рабочими в одном из передовых учреждений Тобольска. Кто из русских деятелей конца 50-х – начала 60-х гг. служил в газете

«Тобольские губернские ведомости» и типографии? Об этом может рассказать дальнейший поиск.

Приведенное письмо Тады Анчабадзе написано с его слов не только очень грамотно, но и весьма опытной, по-видимому, журналистской рукой. Посудите сами: «Лишенный всего без суда и приговора, удаленный от родины, под чужим небом, в суровом климате, я в 30 лет сделался почти стариком».

А ведь здесь выражена нравственно-правовая позиция неизвестного нам автора письма, взгляд интеллигента-демократа на беззакония в империи.

Не безынтересно, что в 1861 г. в Тобольск был доставлен поэт, переводчик и публицист, ближайший соратник Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова революционер-демократ М.И. Михайлов. В этот период здесь сложилась целая группа представителей прогрессивно мыслящей демократии: Соколов, Губарев, Анучин, Знаменский.

По подсчетам самого Н.Г. Чернышевского в 1860 г. тоболяки выписывали 12 экземпляров журнала «Современник». М.И. Михайлов о пропагандистской работе в Тобольске записал: «Замечательно, что только те из политических преступников, бывших здесь, оставили по себе действительно полезное влияние, которые действовали словом, брались за воспитание их или вообще старались проводить в сознание молодых людей основные начала нравственности гражданских обязанностей человека...».

А 15 августа 1863 г. в «Колоколе» появилась статья А.И. Герцена «Тобольское дело (М.И. Михайлов, тобольское общество и доносчики)».

Такая насыщенная политическими событиями обстановка не могла не влиять на колонию ссыльно-поселенцев и, судя по письму Тады Анчабадзе, не оставила в стороне и его мировоззрение. По истечении 15-ти лет он получил разрешение вернуться из Сибири в Абхазию через Тифлис. Это случилось в 1863 году.

Дело Т. Анчабадзе, князя и типографского рабочего, жившего в Тобольске в одно время с декабристами, петрашевцами и Достоевским, польскими революционерами и Михайловым не может не быть в центре внимания абхазоведения.

В то же время нельзя забывать, что это лишь один из примеров многолетней репрессивной политики Михаила Шервашидзе, которая завершилась в 1864 году. Между прочим, соглашение 1844 г. резкой критике подвергали и некоторые царские администраторы, которые считали безоговорочную поддержку владельца вредной и опасной для русских интересов. Так, командующий русскими войсками в Абхазии генерал Шатилов отмечал: «Народ видел, что по представлению владельца (М. Шервашидзе – С. Л.) ссылаются в Сибирь его враги, что войска русские охраняют его безопасность и что владельцу дано право на введение тяжких монополий в торговле. Не подлежит сомнению, что следствием этого было отчуждение от нас народа».¹

После ликвидации Абхазского княжества наступил следующий этап политической ссылки. Теперь он стал носить более откровенный характер.

И по роковому стечению обстоятельств первой ее жертвой стал сам владетельный князь Михаил Шервашидзе (Чачба).

В этой связи хотелось бы остановиться на документах, обнаруженных мною в 1987 г. в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК).

Эти материалы связаны с политическим преследованием последнего владетельного князя Абхазии Михаила. Особую ценность среди них представляет «Дело Канцелярии Ставропольского Гражданского Губернатора о Владетельном князе Михаиле Шервашидзе, состоящим под надзором». На титульном листе дела аккуратным почерком выведено: «Весьма секретно».

Более четырех десятилетий М. Шервашидзе управлял Абхазским княжеством, которое пользовалось своеобразной автономией вплоть до 1864 года. Владетель был генерал-лейтенантом царской России и генерал-адъютантом; в Абхазии он опирался на военную силу царизма, энергично расправлялся с оппозиционерами, а с 1844 г. упорядочил их ссылку во внутреннюю Россию.

По окончании Кавказской войны был предпринят ряд шагов к ликвидации одного из последних княжеств – Абхазского. Не-

¹ Документы по истории Грузии (1862–1917). Т. I. Ч. I. Под ред. проф. Ш. Чхетия. Тбилиси. 1954. С. 642.

угодным стал и Михаил Шервашидзе, активно поддерживавший в последние годы убыхов. Да и наместник кавказский, великий князь Михаил Николаевич считал, что абхазский владетель высокомерен, отличался притворством, уклончивостью и двурушничеством. Наиболее четко эти его черты проявились в 1855–1856 гг. во время военных действий России и Турции, когда владетель встречался в Сухуме с Омер-пашой и не исполнил требование наместника кавказского покинуть Абхазию и прибыть в Тифлис или Кутаис. Царские власти подозревали князя в измене, а брат императора, наместник Михаил Николаевич, требовал тогда его ареста и высылки. Однако император решил до лучших времен повременить с такими радикальными мерами.

В результате наместник кавказский приложил немало усилий к тому, чтобы Михаил Шервашидзе был арестован в начале ноября 1864 года.

Как же это происходило и что явилось причиной столь спешной высылки его из Абхазии? Для этого необходимо обратить внимание на некоторые обстоятельства и хронологию.

По распоряжению императора России военный министр 1 мая 1864 г. уведомил кавказского наместника о том, что сам Михаил Николаевич должен объявить князю М. Шервашидзе об его увольнении от службы. Наместник приказал владельцу прибыть в Кутаис к 3 июня 1864 г., но тот уклонился от встречи под предлогом болезни. Разгневанный таким поведением князя, Михаил Романов распорядился 24 июня об увольнении владельца от действительной службы и потребовал его удаления (вместе с семьей) из Абхазии.¹

В конце июня 1864 г. по распоряжению наместника Кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский отправился в Сухум, но Шервашидзе не явился и к нему, предпочитая находиться на лечении на минеральных источниках горного Ткварчала. Уклончивое устное послание наместник получил 1 июля, а 8 июля в Сухум было доставлено письмо от 6-го числа, в котором владетель отрекся от управления Абхазией. Об этом решении

¹ См.: Документы по истории Грузии (1862–1917). Т. 1. Ч. 1. Под ред. проф. Ш.Чхетия. Тбилиси. 1954. С. 657–667.

официально было объявлено в Сухуме 12 июля 1864 г. в присутствии князя Святополк-Мирского. В документе того времени наместник кавказский особо отмечал: «...Передача Абхазии в русское управление была совершена не только без всякого сопротивления, но и с положительным содействием самого бывшего владельца».

Однако Кутаисский губернатор получает вскоре новое указание от наместника кавказского: 1 октября 1864 г. крайний срок пребывания владельца в Абхазии. Эту дату установил сам император Александр II, а передал распоряжение 3 сентября военный министр. Выполняя непростое задание князь Святополк-Мирский вновь едет в Абхазию, пробирается в тнварчальское ущелье и лично встречается с М. Шервашидзе. Тот встретил губернатора лежа в постели, в «весьма плохом состоянии здоровья» (со слов Святополк-Мирского). Несмотря на это, губернатор потребовал от Михаила немедленно выехать, на что тот возразил. «Он объявил, – пишет Святополк-Мирский, – что считает незаслуженным оскорблением высказанное ему недоверие в передаче Абхазии в русское управление и несправедливостью настойчивость и торпливость, с которыми гонят его из Абхазии, не объясняя даже где будет назначено место его постоянного жительства».

Бывший владелец просил губернатора, чтобы его оставили жить зимой в Кутаисе, а летом в Раче, куда готов поехать после 1 января 1865 г., а если это невозможно, то просит паспорт для поездки в Иерусалим. «В противном случае, – резко заявил М. Шервашидзе в Тнварчале Кутаисскому губернатору, – тащите меня отсюда силою и пускай весь мир любитесь вашей несправедливостью и жестокостью».

Святополк-Мирский стал ходатайствовать перед наместником об отсрочке высылки бывшего владельца, который, по его словам, «живет совершенно уединенно, не вмешиваясь ни в какие дела, и что новое управление повсюду вводится беспрепятственно и с полным успехом...». Царская администрация пошла на уступки. Телеграммой от 24 сентября 1864 г. наместник отсрочил высылку М. Шервашидзе до своего приезда в Сухум, в надежде, что тот лично встретит брата императора. Однако бывший владелец вновь не явился, а прибывший 11 октября в

Сухум наместник получил от опального князя лишь письмо от 9 октября. Несмотря на свой гнев, наместник все же решил пойти навстречу больному владельцу и отсрочил его высылку до 1 января 1865 г., либо до весны, в благоприятный климат...

Вопрос, казалось, был решен, но вдруг грянул гром. В Тифлис, в канцелярию наместника, по дипломатическим каналам 29 октября 1864 г. пришла телеграмма. Русский посол в Турции Н.П. Игнатъев сообщал, что М. Шервашидзе обратился к турецкому правительству с просьбой прислать за ним и его семьей пароход в Сухум. В Стамбуле вспомнили о колебаниях абхазского владельца в 1855–1856 гг., когда он открыто не поддержал действия Омер-паши. Турки были очень расстроены таким поведением князя и не забыли «отблагодарить» его. «Двурушничеством» политику князя Михаила называли и в Петербурге, и в Стамбуле. С легкой душой и радостным восточным коварством султан Абдул-Азиз слил информацию по М. Шервашидзе русскому посланнику и чужими руками жестоко отомстил ему. Правитель Абхазии оказался между молотом и наковальней.

Интересно вспомнить рапорт Главкома кавказским корпусом Н.Н. Муравьева военному министру В.А. Долгорукову от 27 февраля 1856 г., в котором дается оценка поведению владельца Абхазии в период боевых действий. Генерал пишет: «В действиях владельца Абхазии я вижу двуличное поведение против нас и турок, происходящее от волнующих его сомнений: за кем из воюющих держав останется Абхазия. Он не имеет искренней привязанности ни к одной стороне, но желает сохранить свое владение и считает себя в праве держать род нейтралитета, забывая свое высокое звание генерал-адъютанта е.и.в. ...».¹

Донесением посла Игнатъева судьба М. Шервашидзе была окончательно предрешена. Наместник Кавказа мгновенно распорядился «немедленно направить войска и арестовать владельца».²

Преследованием владельца занялся командующий войсками в Абхазии полковник Коньяр, который уже 5 ноября 1864 г. сообщал начальству о том, что князь скрывался сначала в селе Аква-

¹ Материалы по истории Абхазии (1762–1859). Т. II. Сухум. 2011. С. 434.

² Документы по истории Грузии... С. 666.

ска близ Очамчир, а затем – в общинах Тхина и Гуп. Продолжалось это недолго. Коньяр докладывал: «...Находясь под надзором войск, в действительности он подвергнут аресту». Скоро губернатор Святополк-Мирский получил донесение – 7 ноября М. Шервашидзе доставлен в Очамчиру и в 17.30 отправлен на корвете «Сокол» в Новороссийск в сопровождении штабс-капитана Добржанского. Для сопровождения М. Шервашидзе из Тифлиса в Абхазию был направлен личный офицер наместника капитан, князь Амираджибов. Однако он опоздал на корвет «Сокол».

Вечером 9 ноября 1864 г. по поводу владельца наместник получил телеграмму от Кутаисского губернатора. В ней, в частности, отмечалось: «...Амираджибов опоздал и поедет вслед за ними. Сопротивления не было. Абхазия спокойна».

Временно командующий войсками Кубанской области генерал-лейтенант Ольшевский 29 ноября 1864 г. ставил в известность Ставропольского губернатора К.Л. Пашенко:

«Князь действительно прибыл сюда 26-го сего ноября, а 28-го я получил депешу от Военного Министра, которою генерал-адъютант Милютин спрашивает меня: прибыл ли князь Шервашидзе, где помещен и какое имеется за ним наблюдение.

Послав того же числа телеграмму Военному Министру, я считаю нужным покорнейше просить... независимо от принятых мною мер, учредить совершенно секретное наблюдение по настоящему случаю посредством полиции».

Содержался владелец в ставропольской гостинице «Европа» под присмотром сначала князя Амираджибова, а затем капитана Ахвердова.

Однако местные власти смутно представляли себе «для какой надобности прислан сюда князь Шервашидзе и в чем должен состоять надзор за ним, т.е. должен ли быть при нем постоянно полицейский чиновник, или наблюдать за ним на общем основании о лицах находящихся под полицейским надзором, могут ли быть допускаемы к нему постоянные лица и в особенности из соотечественников...».

В письме из Тифлиса барон А.П. Николаи 31 марта 1865 г. предлагал Ставропольскому губернатору до выезда владельца Абхазии в Воронеж – «иметь за ним бдительный надзор, но вме-

сте с тем такой, чтобы князь Шервашидзе не подозревал о существовании такового».

Вместе с тем барон Николаи препроводил выписку из письма начальника Главного штаба Кавказской Армии к начальнику Главного управления наместника Кавказского от 24 марта 1865 г., в котором говорилось, что великий князь Михаил Николаевич приказал:

«1., Оставить при князе Шервашидзе до отъезда его из Ставрополя, по-прежнему, капитана Ахвердова.

2., Весь расход, который будет произведен заимообразно из суммы Штаба войск Кубанской области на содержание бывшего владельца... пополнить из экстраординарных сумм Главнокомандующего, а затем предоставить князю Шервашидзе относить расход по дальнейшему содержанию себя на собственные его средства, – для чего теперь же выслать ему следующие за прошлый год арендные деньги 10 т.р. и деньги, причитающиеся в пожизненную пенсию.

И 3-е. С наступлением теплого времени отправить князя Михаила Шервашидзе в Воронеж; при чем если бы он затруднился в приискании для себя удобного экипажа, то по извещении об этом Ставропольского губернатора отправить для него одну из карет учреждения почтовых экипажей».

Такое решение было принято несмотря на обращение М. Шервашидзе к наместнику на Кавказе. В письме владелец Абхазии сообщал 6 марта 1865 г. великому князю Михаилу Николаевичу:

«В июне месяце прошлого года получено Высочайшее повеление Государя Императора, что я лишаюсь владения Абхазиею. Исполняя волю Государя Императора беспрекословно, я тогда же передал управление Кутаисскому генерал-губернатору, и в то же время мне было объявлено о необходимости выезда моего из собственного имения. После этого в июле месяце того же года, одержимый 8-мь лет продолжающейся болезнью и находя полезным климатические условия того края, в котором я постоянно жил, я просил Кутаисского генерал-губернатора письмом, исходатайствовать... разрешения или остаться мне в имении, или отправиться за границу для лечения и по облегчении от болезни уехать в Иерусалим для жительства, пока Ваше Вы-

сочество найдете возможным позволить мне жить в моем имении. На это я ответа никакого не получил. Почему в сентябре месяце прошлого же года вновь просил Кутаисского генерал-губернатора позволить мне жить в Кутаисе, но эта просьба моя осталась без ответа. Тогда я имел счастье ходатайствовать... об увольнении меня в отставку и за границу я предполагал отправиться в Германию и Францию, как я уже выше сказал для излечения застарелой моей болезни, а потом в Иерусалим для жительства, пока разрешено мне будет возвращаться в отечество, где бы я мог быть по смерти погребен в одних местах с моими родителями, а также для приискания остающимся здесь на время детям наставников.

В разрешение этого, не ожидая препятствия, я просил Турецкое Правительство прислать мне казенный пароход или нанять частный для проезда в Константинополь.

Между тем в начале ноября месяца 1864 года прибыл ко мне в дом конный отряд и на вопрос мой о причине присыла войска, Генерального Штаба подполковник граф Кутаисов объявил, что по воле Вашего Высочества, я должен немедленно выехать из Абхазии. Это мною в то же время и было исполнено.

Прибыв в г. Ставрополь во второй половине того же ноября месяца, живя здесь по настоящее время в климате суровом, часто переменчивом... не в силах далее здесь оставаться и должен неминуемо отправиться для излечения к минеральным водам. Почему позволю себе... приказать освидетельствовать состояние моего здоровья через медиков ставропольских... и исходатайствовать мне разрешение теперь же отправиться в Германию и Францию для излечения; по излечении дозволить возвратиться на постоянное место жительства в за Кавказский край, а если этого невозможно, то, по крайней мере, во Владикавказ или Пятигорск, где климат при моих преклонных летах, может быть сколько-нибудь выносим, как мною, так и моими детьми, привыкшими к родному климату, и с которыми я желал бы провести остаток дней моих.

Я осмеливаюсь питать себя надеждою..., приняв во внимание мою шестидесятилетнюю старость, и 42-летнюю службу, давнишнее и продолжительное болезненное состояние, не отка-

жите принять на себя также ручательство перед лицом Государя Императора... и ходатайство о дозволении мне жить, где-либо на Кавказе.

(...)

Я не сознаю за собой преступлений, и мне кажется, что если бы я сделал таковое то и тогда бы прошедшее мое имело бы право на Всемиловитвейшее снисхождение...

Имею честь быть».

В тот же день копия с этого письма лежала на столе Ставропольского губернатора. А 7-го марта, он препроводил его барону Николаи в Тифлис.

Таким образом, и вся переписка Михаила Шервашидзе была подвергнута тайному полицейскому контролю.

Здесь следует сказать более подробно о личности барона Александра Павловича Николаи (1821–1899), который в тот период был статс-секретарем Его Императорского Величества. Женатый на Софье Чавчавадзе, родная сестра которой была женой А.С. Грибоедова, он вскоре породнился с родом Шервашидзе, т.к. его дочь Мария (Мака) Николаи вышла замуж за Георгия Дмитриевича Шервашидзе, будущего Тифлисского губернатора и обер-гофмейстера царского двора. От этого брака у барона А.П. Николаи был внук Дмитрий Шервашидзе. Вот такая интересная судьба.

Приближались теплые дни, а вместе с ними – отправка владетельного князя из Ставрополя в Воронеж. Скоро, 5-го апреля 1865 г. из С.-Петербурга пришла депеша Ставропольскому губернатору: о передаче письма военного министра князю Шеравашидзе. На обороте этого документа дана расписка:

«Письмо получил от Военного Министра. Кн. Михаил Шервашидзе».

С этого времени началась подготовка к переезду Владетеля в Воронеж. Между тем болезнь его развивалась, здоровье ухудшалось с каждым днем, а власти во главе с наместником кавказским считали, что это симуляция.

Очень быстро, 20 апреля, был решен вопрос о том, что впредь до отправления М. Шервашидзе в Воронеж к нему приставляется прапорщик 1-го Кавказского линейного батальона Репин.

Прошло около месяца и 14 мая 1865 г. из Тифлиса от генерал-адъютанта, князя Орбелиани пришло подробное предписание Ставропольскому губернатору. В нем, в частности, говорилось:

«... Сделано распоряжение о выписке к Вам для переезда из Ставрополя в Воронеж князя Шервашидзе с находящимися при нем лицами, прислугой и вещами следующих почтовых экипажей: 1., одной кареты в пять мест 2., одного мальпоста в четыре места и 3., одного омнибуса...

... Принять надлежащие меры к продолжению за князем Шервашидзе во все время нахождения его в пути до Воронежа и до передачи в распоряжение тамошнего губернатора того же бдительнейшего надзора какой учрежден был за ним в Ставрополе».

Ставропольский губернатор К.Л. Пашенко сообщил 22 мая 1865 г. Михаилу Шервашидзе, что «для оказания ему в пути должного содействия к безостановочному проезду по тракту до Воронежа» к нему назначен прапорщик Репин. Прапорщику строго предписывалось «находиться при князе безотлучно во все время нахождения его в пути».

Спустя три дня, губернатор уведомил почтовое управление об отправлении М. Шервашидзе в Воронеж и о подготовке на станциях для его проезда «без малейшего задержания 22-х почтовых лошадей».

В Тифлис Ставропольский губернатор сообщил телеграммой: «Князь Шервашидзе 25-го выехал в Воронеж».

Интересные сведения содержатся в четырех сохранившихся рапортах прапорщика Репина. Так, 3 июня 1865 г. он доносил из Ростова Ставропольскому губернатору:

«Генерал-лейтенант князь Шервашидзе, следуя в губернский город Воронеж, вероятно от изнурения в пути, заболел.

По прибытии в город Ростов-на-Дону, болезнь князя до того усилилась, что когда 2-го числа сего июня месяца соизволил его посетить лично, проезжавший через Ростов, Военный генерал-губернатор Одесский и Бессарабский, генерал от инфантерии, генерал-адъютант Коцебу, то Шервашидзе вынужден был принять его в постели.

Кроме того князь Шервашидзе объявил мне, что он послал, чрез Керчь в Сухум-Кале за семейством и до восстановления сил, предполагает ожидать семейство в Ростове.

О последующем буду иметь честь представить Вашему Превосходительству, особое донесение».

Однако генерал Коцебу счел себя оскорбленным. Он был в гневе от того, что опальный владетель принял его лежа в постели. Власти все еще были уверены, что князь Михаил Шервашидзе прикидывается больным.

Взбешенный Коцебу 4 июля отдал приказ Ростовскому полицмейстеру: объявить Владетелю, что он «должен следовать в город Воронеж».

Не дождавшись в Ростове своего семейства, князь вынужден был продолжить свой путь. Прапорщик Репин вновь доносил 31 июля 1865 года:

«... Генерал-адъютант князь Михаил Шервашидзе в пути следования Войска Донского, Донецкого округа на станции Ушаковской 29 сего июля заболел и как нет никаких медицинских пособий, то и на жизнь его нет никакой надежды...».

В следующем своем рапорте от 6 августа со станции Ушаковской прапорщик Репин ставил в известность:

«... Ныне Его Святейшество почувствовал некоторое облегчение и отправился из станции в дальнейший путь по назначению».

Этот драматичный переезд, а точнее пересылка больного М. Шервашидзе, ставшего политическим ссыльным, продолжался почти три изнурительных месяца – с 25 мая по 17 августа 1865 года.

Пройдет менее одного года и князь скончается в Воронеже 16 апреля 1866 года. Тело его перевезут на родину в начале лета 1866 года и с почестями похоронят в Моквском соборе. На похороны отца разрешено было приехать в Абхазию старшему сыну князю Георгию Шервашидзе.

В конце июля 1866 г. в Абхазии вспыхнет восстание в Лыхнах. Немалую роль в нем сыграла трагическая судьба последних дней Михаила Шервашидзе и его гибель в глубине России. В докладной записке Кутаисского генерал-губернатора заместнику кавказскому от 10 октября 1866 г. особо отмечалось, что особенность внутреннего устройства абхазов состояла в том, что у них (1810–1864) «сохранилась политическая власть в лице владетеля».¹

¹ Документы по истории Грузии... С. 673.

Абхазы, конечно же, были недовольны правлением владельца Михаила, особенно преследованием всех неугодных, – и в надежде на лучшее будущее довольно спокойно отнеслись к его изгнанию и ссылке. Однако введение прямого имперского правления в Абхазии, бесцеремонное вмешательство во внутренние дела – все это оказалось еще более неприемлемым. «Нет сомнения, – подчеркивал 10 октября 1866 г. Кутаисский губернатор, – что торжественные похороны бывшего владельца, его оплакивание по местным обычаям и присутствие старшего его сына способствовали возмущению, вспыхнувшему в Абхазии в июле сего года».¹

Между прочим, полковник Коньяр, пленивший в ноябре 1864 г. владельца Абхазии, был убит в ходе восстания 1866 г. в родовом дворце князя Шервашидзе в селе Лыхны...

*Выступление на итоговой конференции АБИГИ, апрель 2013 г.
Опубликовано: apsnypress.info*

¹ Документы... С. 675.

АБХАЗСКИЙ КНЯЗЬ НА РОССИЙСКОМ ПРЕСТОЛЕ?

Древний абхазский княжеский род – Шервашидзе (Чачба) известен многими известными личностями. Довольно подробно родословная этой фамилии представлена в четвертом томе вышедшей книги «Дворянские роды Российской империи» (М., 1998).

Одним из наиболее ярких представителей абхазского высшего сословия является Георгий Дмитриевич Шервашидзе (1847–1918 гг.), внук Хасанбея (с 1821 по 1828 гг. был в политической ссылке в Сибири) и правнук легендарного владельца Абхазии Келешбея (убит в 1808 г.). Известный абхазский историк Г.А. Дзидзария посвятил Г.Д. Шервашидзе обстоятельный очерк в книге «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции»¹. Так, он свидетельствует, что князь Шервашидзе рано осиротел и его взяли на воспитание Кутаисский губернатор, генерал Н.П. Колюбакин и его жена Александра Александровна (урожденная Крижановская), детская писательница. В юности Георгий жил в Петербурге и за границей, а в 18 лет поступил на юридический факультет Московского университета. Когда он учился на втором курсе, в Абхазии произошло восстание 1866 года. Тогда же он завершил студенческий реферат: «Макиавелли. Его жизнь и сочинения». Он особо отмечал, что Николло Макиавелли (1469–1527 гг.), считал допустимыми в политике любые средства, пренебрегающие нормами морали.

Георгий Шервашидзе получил блестящее образование, окончив в юридический факультет Московского университета. В 1877–1878 гг. он принимал участие в русско-турецкой войне. Примерно в 1879 году женился на дочери барона А.П. Николаи баронессе Марии Александровне Николаи, которая была племянницей Нины Чавчавадзе (жена поэта А.С. Грибоедова). В 1883 г. стал Тифлис-

¹ Дзидзария Г. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми. 1979. С. 98–107.

ским вице-губернатором. Находясь в этой должности, встречал в 1888 г. в Новом Афоне императора Александра III с семьей. Тогда на него обратила внимание императрица Мария Федоровна (датская принцесса Дагмара). Не прошел и год, как Г.Д. Шервашидзе стал Тифлиским губернатором (1889–1897 гг.). Дружба с Марией Федоровной продолжалась и после смерти Александра III (1894 г.), в царствование ее сына Николая II.

В 80-х гг. XX в. в Тбилиси в Центральном государственном историческом архиве Грузии мною было обнаружено персональное дело Г.Д. Шервашидзе с подробной справкой, в которой упоминался и его сын от брака с баронессой Николаи – Шервашидзе Дмитрий Георгиевич¹.

Архивные материалы во многом дополняют и уточняют многие сведения о драматической судьбе отца и сына Шервашидзе, содержат богатое эпистолярное наследие 1917–1918 гг.

Из этих источников известно, что 13 ноября 1899 г. Г.Д. Шервашидзе был переведен в Петербург и до революции 1917 г. состоял при императрице Марии Федоровне в чине обер-гофмейстера Императорского Двора, а с 1905 по 1913 гг. заведовал ее канцелярией. Позднее Георгий Дмитриевич вступил с Марией Федоровной в морганатический, т.е. неравнородный брак, хотя авторы книги «Дворянские роды Российской Империи»² почему-то пытаются отрицать этот известный факт. В 1911 г. по приглашению короля Георга V именно в этом качестве вместе с Марией Федоровной он находился в Англии на коронационных торжествах.

Между прочим, в тбилисском архиве сохранились свидетельства о том, что после отречения от престола Николая II, его мать, императрица Мария Федоровна и Георгий Дмитриевич Шервашидзе предпринимали попытки возвести на Российский престол сына последнего – Дмитрия Георгиевича Шервашидзе (1880–1937 гг.).

Однако эти попытки не увенчались успехом, т.к. Георгий Дмитриевич был арестован в Крыму и находился вместе с другими

¹ ЦГИА Грузии. Ф. 1719: личный фонд Г.Д. Шервашидзе.

² Дворянские роды Российской империи. Т. 4 / Авторы-составители С. Думин, Ю. Чиковани. М. 1998. С. 26.

известными придворными и царскими особами в заключении в Ялте, в Дюльгерге. Источник сообщает и точную дату его смерти: Г.Д. Шервашидзе умер в Ялте 26 марта 1918 г. и похоронен в склепе Айтодорской церкви.

Свою уникальную библиотеку и архив Георгий Дмитриевич передал в дар открывшемуся в Тифлисе университету (1918 г.).

Он был в высшей степени образованным, культурным человеком, принимавшим непосредственное участие и в решении ряда политических вопросов царской России. Возможно, что и некоторые послабления в отношении абхазского народа (с 90-х годов XIX века, снятие «виновности» в 1907 г. и др.) со стороны правительства России были связаны с именем и этой очень влиятельной фигуры царского двора. Так, председатель правительства царской России С.Ю. Витте пишет о предпринимаемых им попытках остановить надвигающуюся в 1904 г. русско-японскую войну.

Будучи ярким противником этой губительной войны, премьер Витте обратился за помощью к Г.Д. Шервашидзе: «Я считаю необходимым – высказать мои сомнения и опасения в форме полнейшего убеждения моему большому приятелю князю Шервашидзе, прося его доложить о моем убеждении Императрице – матери, при которой князь Шервашидзе состоит. Князь Шервашидзе исполнил эту мою просьбу и мне сделалось известно, что Императрица говорила об этом с Императором (Николаем II – С.Л.), но его Величество высказал, что он не видит никакой опасности и что войны не будет»¹.

Сын Георгия Шервашидзе Дмитрий Георгиевич был человеком больших способностей и подавал огромные надежды. Конечно, это настоящая сенсация, что в трагическое время революционных событий 1917–1918 гг. его кандидатура рассматривалась влиятельными монархическими кругами в качестве возможного претендента на Российский престол. В случае реставрации самодержавия династию Романовых могла сменить династия Шервашидзе. Документальные свидетельства говорят о том, что Дмитрий Георгиевич Шервашидзе имел в 1918 г. ре-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I. Берлин. 1922. С. 353.

альные шансы претендовать на Российский престол, пользуясь значительной поддержкой матери Николая II и второй жены своего отца Марии Федоровны!¹

О Дмитрие Шервашидзе известно, что он окончил юридический факультет Петербургского университета, в 21 год – стал губернским чиновником в г.Вильно, а в 34 года – занял пост Ставропольского вице-губернатора. Венчался с Евгенией Антоновой Терлецкой-Климович. В 36 лет, в 1916 г., Дмитрий стал Витебским вице-губернатором. В этой должности его и застала революция 1917 года. В письме из Киева Д. Шервашидзе сообщает своей матери, баронессе Николаи о своем аресте 2 октября 1918 г. в Гатчине, затем об освобождении и запрещении советского правительства оставаться в пределах советской республики, о плане поездки в Крым, Сухум, о жене и сыне Леве (Леване), оставшихся в Петербурге.

В конце 1918 г. Дмитрий Шервашидзе приехал в Абхазию и жил в своем Келасурском имении (Хасанбея). После прихода к власти в Абхазии большевиков, выслан в 20-х годах в Иркутск, где работал юристом вплоть до 1937 года. В этом сибирском городе долгие годы жили его сын Леван и внук Юрий. Юрий Леванович Шервашидзе окончил исторический факультет Иркутского университета и издал книжку «Революционная Куба» (Иркутск, 1961), о чем сообщает Георгий Алексеевич Дзидзария.

Возможно в ближайшее время наши сведения о семье Георгия Дмитриевича Шервашидзе пополнятся новыми данными архивного характера или неожиданным откликом его потомков...

Нужная газета. 23 января 2000. № 3.

¹ См.: ЦГИА Грузии. Ф. 1719, д. 60, п. 11, лл. 30–31.

ОТВЕТ ИСТОРИКАМ ИЗ ТБИЛИСИ

(Документы и факты)

Предлагаемая работа профессора Станислава Лакоба выполнена в Центре славянских исследований Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония) и представляет собой аргументированный ответ на вышедшую в Тбилиси в 1999 г. книгу статей «Разыскания по истории Абхазии/Грузия».

Исследование носит полемический характер и затрагивает ключевые вопросы непростых грузино-абхазских отношений в новое и новейшее время.

Данная работа была опубликована в сухумской «Нужной газете» (осень 2000 г.) под названием: «Настоящее, продавленное историческим прошлым, или о новых грузинских “Разысканиях...”»

**Лживых историков следовало бы казнить,
как фальшивомонетчиков.**

Сервантес

1

Вгоды сталинских репрессий, когда абхазам было запрещено называться народом, были закрыты абхазские школы, абхазская письменность была переведена с латинской на грузинскую графическую основу, абхазские топонимические названия заменялись грузинскими, проводилось массовое переселение грузин из районов Западной Грузии в Абхазию и т.д. – именно в этот трагический период по заказу Берия появляется на свет «теория» грузинского литературоведа Павле Ингороква. Ее появление совпало по времени с 1949–1951 гг., когда вслед за депортацией греков и турок из Абхазии, готовилось выселение абхазов. Поэтому не случайно в 1949–1951 гг. были опубликованы отдельные главы Ингороква, вошедшие затем в его книгу «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X в.» (Тбилиси, 1954),

где он выдвинул тезис о том, будто абасги-абхазы античности и средневековья не являлись предками современного абхазского народа, а были грузинами. Нынешние же абхазы, писал Ингороква, это племя апсуйцев (от самоназвания абхазов – «апсуа»), осевшее на территории Абхазии лишь два-три столетия назад. Таким образом, на случай выселения абхазов, подводилось идеологическое «обоснование», а абхазы представлялись как «гости» и временные жители на грузинской земле. Однако планы депортации абхазов в связи с устранением Берия не успели осуществиться.

После выхода в свет книги Ингороква в печати появилась серия статей видных грузинских и абхазских историков и лингвистов (З. Анчабадзе, Н. Бердзенишвили, Х. Бгажба, К. Ломтатидзе и др.), которые подвергли обстоятельной критике этот миф и уличили автора в грубом искажении фактов.

Однако, спустя десятилетия, с конца 1988 г., происходит реанимация «идей» Ингороква. Молодой грузинский исследователь Торнике Гордадзе следующим образом охарактеризовал эту ситуацию: «Можно лишь сожалеть, что книга Ингороква обрела вторую жизнь в 80–90-х годах с легкой руки грузинских диссидентов. Такая “теория” неизбежно вызвала резко отрицательную реакцию абхазов... В условиях тотальной этнизации грузинского общества и при отсутствии зрелой государственности это привело к началу острой полемики об исторической геомифологии, т.е. о том, кто куда первым приехал. При этом совершенно ошибочно подразумевалось, что приехавший первым имеет какое-то особое право на эту землю. Такая же геомифологизация присуща и другим конфликтам посткоммунистического мира (Карабах, Косово, румыно-венгерский спор о Трансильвании и т.д.)».¹

Основываясь на этой грубой фальсификации лидеры тогдашней Грузии З. Гамсахурдиа, М. Костава, А. Бакрадзе и др. на митингах в Тбилиси, Сухуме, Гагре, в периодической печати, стали открыто заявлять и внушать картвельскому населению, что Абхазия – грузинская земля, а абхазы – это грузины. Особенно

¹ Гордадзе Т. Морально-идеологические препятствия к разрешению грузино-абхазского конфликта // Абхазия – Грузия. Препятствия на пути к миру. Сухум. 2000. С. 38–47.

старались отличиться многочисленные грузинские писатели. Ежедневно печать, радио и телевидение Грузии провоцировали абхазов, заявляя, что они «гости» на грузинской земле, что они «апсуйцы» и их нужно лишить даже «автономии»...

За весь послевоенный период (1993 г.) ситуация в грузинской историографии по вопросу об Абхазии еще более ухудшилась¹, т.к. большинство ученых, по-видимому из псевдопатриотических соображений, являются сторонниками мифотворчества Ингороква, считая, что Абхазия всегда была населена грузинами. Некоторые из них видимо забыли о своих более ранних работах и сейчас пишут как «надо», как все. Очень немногие историки придерживаются теории «двуаборигенности» (абхазы и грузины) в Абхазии и лишь один, Г. Анчабадзе, говорит об абхазах как автохтонном населении Абхазии с древнейших времен.

Конечно, помимо грузинских историков, литераторов, есть иные представители грузинской элиты, ее новая волна, которая по-другому расценивает мрачную роль Ингороква в новейшей истории и с пониманием относится к истории абхазского народа и абхазской проблеме в целом. К ним относятся Д. Бердзенишвили, Л. Бердзенишвили, П. Закарейшвили, Г. Нодия, Г. Гордадзе и другие. За свою гражданскую позицию они подвергаются нападкам со стороны «именитых» соотечественников. Так, не успел Давид Бердзенишвили высказать свое мнение о некоторых процессах в грузинском обществе и государстве, как на него со страниц официальной «Свободной Грузии» обрушились академик М. Лордкипанидзе и профессор З. Папаскири. В недавнем своем интервью «Радио Свобода» директор Национальной парламентской библиотеки Грузии Леван Бердзенишвили о современном состоянии интеллигенции и истории сказал буквально следующее: «...У нас нет истории, у нас есть М. Лордкипанидзе. Она хороший человек, но это не история. Мнение Лордкипанидзе – это мнение грузинского прошлого».²

¹ Анчабадзе Г. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Материалы грузино-абхазской конференции. Конобеево (Московская область), 1999. Ирвайн. 2000. С. 20–70.

² Радио Свобода. 27.04.00: Грузия и Шеварднадзе (интервью Тенгиза Гудава с Леваном Бердзенишвили).

Можно сказать, что ситуация в грузино-абхазских отношениях безусловно ухудшится после выхода в свет недавней книги статей «Разыскания по истории Абхазии/Грузия» (Тбилиси, 1999). Даже название этого «труда» оформлено в духе резолюций Совета Безопасности ООН... Кого же на сей раз они «разыскали»? Все того же Ингороква.

Книга эта, оказывается, вышла в ответ на «Историю Абхазии» (Сухум, 1991; Гудаута, 1993), которая была издана под моей редакцией. Ответ пришел спустя 10 лет, но совершенно ясно, что авторы остались в другом времени и в прежнем состоянии. Хочу напомнить историкам из Тбилиси, что когда они издавали свой «труд», – под редакцией британского академика Джорджа Хьюитта, в Лондоне, вышла новая книга «The Abkhazians» («Абхазы»)¹. В книге картвелолога Д. Хьюитта подробно говорится о теории Ингороква и приводятся такие сведения об абхазах, мегрелах и грузинах, до XVII в., которые могут помочь авторам разобраться, наконец, в истине. Предлагаю ознакомиться и с другими работами английского ученого², одна из которых, между прочим, вышла в 1998 г. под весьма красноречивым названием: «Роль ученых в потере абхазами доверия к грузинам и как оздоровить ситуацию»³.

Таким образом, совершенно очевидно, что обстановка в современной грузинской историографии неблагоприятна, а вышедший «академический» труд «Разысканий» пронизан, за редким исключением, духом Ингороква. Его миграционная версия в классическом виде (XVII в.) или в более модернизированном представлена в статьях М. Барамидзе, Д. Мухелишвили, Г. Жоржолони и других авторов. Изменилась и позиция такого известного исследователя как О. Джапаридзе, который коснулся темы этнокультурной ситуации Северо-Западного Закавказья в эпоху камня и раннего металла. Ныне взгляды ученого «эволю-

ционируют» в сторону двуаборигенности и не исключено, что эта метаморфоза связана с определенным «патриотическим» давлением.

Ситуация, сложившаяся в грузинской историографии, не может не настораживать абхазское сообщество, т.к. и грузины и абхазы в своей ментальности очень болезненно реагируют на различные изыски изысканий исторического характера. Положение именно в этой области является точным барометром действительного расклада в грузино-абхазских отношениях и самым серьезным образом препятствует политическому урегулированию между Грузией и Абхазией. Да и как можно урегулировать конфликт, когда между сторонами стоит «теория» Ингороква о прищлости абхазов в Абхазии? Именно это мнение, по словам историка Г. Анчабадзе, ввиду своей недвусмысленности и легкодоступности широко ныне распространено среди населения Грузии¹, «грузинской интеллигенции, особенно неспециалистов»². Так литературовед П. Ингороква еще в 40–50-х гг. положил начало «политизированным научным спорам», а «историческая тема в грузино-абхазских отношениях стала предметом нагнетания страстей»³, активным участником которых был З. Гамсахурдия⁴. В этой связи необходимо отметить, что столкновению 1989 г., войне 1992–1993 гг. предшествовали крайнее напряжение в области историографии и даже настоящая битва между грузинскими и абхазскими учеными, перенесенная со страниц научных изданий в средства массовой информации.

2

Но вернемся к упомянутым «Разысканиям». Что касается древней и средневековой истории, то, надеюсь, абхазские ученые дадут по затронутым проблемам необходимые разъяснения в самое ближайшее время. Я же коснусь некоторых трактовок,

¹ The Abkhazians. [ed. by G. Hewitt]. London: Curzon Press. 1999. 288 p.

² Hewitt G. Abkhazia: a problem of identity and ownership // Central Asian Survey. 12.3, 1993, pp. 267–323.

³ Hewitt G. The role of scholars in the Abkhazians' loss of trust in the Georgians and how to remedy the situation // The New World Disorder and Caucasus. Haarlem, Netherlands. 1998. Pp. 115–125.

¹ Анчабадзе Г. Изучение вопросов. С. 33.

² Анчабадзе Г. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии // Материалы грузино-абхазской конференции. Сочи, март 1999. Ирвайн. 1999. С. 14.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 16.

фактов и положений, которые охватывают XIX–XX вв. Именно этому периоду новой и новейшей истории Абхазии посвящены, в частности, следующие статьи «Разысканий»: Г. Пайчадзе. Абхазия в составе Российской империи (1810–1917 гг.); А. Ментешашвили. Грузино-абхазские отношения в первой четверти XX века; Л. Тоидзе. К вопросу о политическом статусе Абхазии (1921–1931 гг.); Г. Жоржوليани. Исторические и политические корни конфликта в Абхазии/Грузия.

Мое внимание главным образом будет сосредоточено на работе А. Ментешашвили, а также на некоторых принципиально важных документах и положениях, затрагиваемых другими авторами.

Так, например, Г. Пайчадзе повторяет старую точку зрения на процесс включения Абхазии в состав Российской империи и многие ответы и разъяснения по этому поводу содержатся в моей работе «Асланбей»¹, в связи с чем не буду повторяться, а лишь замечу, что Сефербей не мог быть наследником Абхазского престола в силу своего происхождения. Законным владельцем в 1808–1810 гг. был старший сын Келешбея – Асланбей, который не устраивал российские власти и был оклеветан княгиней Мегрелии Ниной Дадиани и ее зятем Сефербеем. Крепость Сухум-Кале пала 10 июля 1810 г. после штурма русского десанта с моря и движения царских войск и мегрельского ополчения под командованием генерала Д. Орбелиани со стороны Зугдиди и реки Ингур. Владетельный князь Асланбей Чачба (Шервашидзе) до последнего оказывал упорное сопротивление войскам, однако силы были неравными. В результате военной интервенции, а не добровольного присоединения к России, Сухум был взят под контроль царскими войсками. Предательскую роль во всей этой истории сыграл как раз-то Сефербей, который под диктовку Нины Дадиани и ее духовника, священника И. Иоселиани, обращался не из Абхазии, а из русской Мегрелии с прошениями к императору Александру I о принятии Абхазии в российское подданство, в то время как в Сухуме правил страной законный

¹ Лакоба С. Асланбей. К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия. Сухум. 1999.

наследник Абхазского престола Асланбей. С 1810 по 1830 г. Асланбей продолжал борьбу с царской властью, поднимая неоднократные восстания против ее ставленников в Абхазии, но ему так и не удалось вернуть престол.

Нельзя обойти молчанием и ту часть публикации, в которой исследователь сообщает, что «историк А. Ментешашвили ввел в научный оборот весьма интересный архивный документ 1870 г.» – докладную записку депутатов абхазского и самурзаканского дворянства на имя председателя Тифлисского комитета по сословно-поземельным делам кн. Святополк-Мирского. В этом документе, сообщает Пайчадзе, «четко говорится об Абхазии как составной части Грузии» (С. 233). Но Пайчадзе не оригинален. Еще накануне грузино-абхазской войны газета «Свободная Грузия» опубликовала эту же докладную записку, которая, по мнению редакции, «дает возможность любому читателю разобраться – является ли Абхазия неотъемлемой частью Грузии»¹. Ментешашвили видимо действительно «открыл» для себя этот давно известный специалистам документ, который он неустанно публикует и комментирует с 1990 г. не только в грузинской прессе, но и в своей книжке². Восторгается этой запиской и Г. Жоржوليани (С. 420–421), т.к. в ней говорится о «принадлежности Абхазии к Грузии». А Ментешашвили, пользуясь случаем, в который уже раз, обильно процитировал абхазских и самурзаканских депутатов Б. Эмухвари, М. Маршания, Т. Маргания и К. Инал-ипа: «Большая часть местностей носит грузинские названия; большая часть жителей признает свое мингрельское или грузинское происхождение и сохранили даже свои грузинские и мингрельские фамилии. Одно только может дать повод считать Абхазию отдельностью от Грузии – это язык; но и в нем мы находим наполовину слов мингрельских и грузинских, правда, часто сильно измененных, но не представляющих особого затруд-

¹ Свободная Грузия. 1992. 14 мая.

² См.: Заря Востока. 1990. 25 июля; Народное образование. 1990. 29 июля; Ментешашвили А. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов. Тбилиси. 1990. С. 19–22. А также ответные ст.: Лакоба С. в газетах: Советская Абхазия. 1990. 14 августа; Единение. 1991. № 3.

нения в отыскании первоначального корня мингрельского или грузинского». В заключение, продолжает Ментешашвили, абхазская депутация выразила надежду, что в «применении к Абхазии и Самурзакани крестьянской реформы, мы не будем исключены из общей семьи грузинских народов, к которой искони принадлежали. Мы позволяем себе думать, что к нам вполне могут быть применены те положения, которые Государю Императору благоудно было установить для остальных частей бывшего Грузинского Царства и что для нас не будет сделано исключения».

И, наконец, грузинский историк приходит к выводу: «Как видим, депутаты, избранные от всех сословий абхазского народа, считали Абхазию исторически неразрывной частью Грузинского государства» (С. 269–270).

Приведенный выше документ, очень часто цитируется тбилискими учеными и политиками на протяжении последних десяти лет. Между тем, мне неоднократно приходилось предостерегать будущих публикаторов от некритического подхода к данному источнику, в связи с чем придется коснуться этой темы еще раз.

Докладная записка четырех депутатов абхазского и самурзаканского дворянства от 23 марта 1870 г. – давно известный документ, и Ментешашвили просто не мог открыть его.

Будучи депутатами от князей и дворян Абхазии и Самурзакани, т.е. от высшего сословия, а не от всего населения Абхазии, как думает грузинский историк, – Б. Эмухвари, М. Маршания, Т. Маргания и К. Инал-ипа стремились в ходе готовившейся крестьянской реформы в Абхазии заполучить такие же финансовые и материальные выгоды, какие приобрело ранее высшее дворянство Грузии. Для достижения этой цели им необходимо было убедить царские власти в том, что Абхазия – это якобы такая же Грузия, а условия абхазской жизни ничем не отличаются от грузинских.

Существует множество документальных свидетельств XIX в., которые опровергают это конъюнктурное мнение. Так, 10 сентября 1877 г. газета «Тифлиссский вестник» посчитала необходимым отметить следующее: «Не подлежит сомнению, что этнографический, социальный, политико-экономический быт и мировоззрение абхазцев резко отличают их даже от соседних народов».

В Абхазии, например, не существовало феодальной собственности на землю, не было крепостного права, а более $\frac{3}{4}$ всего населения составляли свободные общинники. Здесь все категории крестьянства являлись собственниками земли. В 1869 г. в «Очерке устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» говорилось: «В поземельном отношении все сословия равны». Абхазская сельская община была пропитана «молочным» родством (атагычество) и объединяла все слои абхазского общества как высшие (князья и дворяне), так и низшие (крестьяне). Феодал не имел права отнять у крестьянина землю, оскорбить (не дай Бог!), а тем более поднять руку или продать его. Константин Мачавариани отмечал в 1913 году: «Такое поземельное право ставило низшее сословие вне зависимости от привилегированных классов».

Из-за непонимания местных условий жизни со стороны царской администрации, в селе Лыхны в 1866 г. вспыхнуло восстание. Очевидец и активный участник тех событий, сын последнего владельца Абхазии Г.М. Шервашидзе писал позднее: «Объявление манифеста народу на почве крепостной зависимости, не существовавшей в этом народе, следовательно, неприменимой к нему, являлось всецело непростительной ошибкой со стороны чинов администрации... Народ никак не мог понять, от кого и от чего его освобождают».¹

Совершенно иная ситуация была в России и в соседней Мегрелии, где крепостничество бытовало в крайних условиях, а во внутренних районах Грузии оформилось чуть ли не в XIV в.

8 ноября 1870 г. император Александр II, учитывая предыдущие ошибки администрации, повлекшие за собой возмущение абхазов, утвердил «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе». В отличие от других крестьянских реформ, в которых прямо сказано о «крепостной зависимости», в абхазской говорится лишь о «прекращении личной зависимости» (т.е. внеэкономической). А так как все абхазские крестьяне являлись собственниками

¹ См.: Г.М. Шервашидзе. Так пишется история. – Закавказье. 1910. 6 июня. № 126.

ми своей земли и не зависели от феодалов экономически, то они должны были заплатить выкуп только за личное освобождение. В то же время грузинские и мегрельские князья и дворяне получали выкупные деньги и за землю, что ставило их в гораздо более выгодное положение, чем абхазскую привилегированную верхушку.

Царские власти, в соответствии с реальным положением дел, не признали прав землевладения на крестьянские наделы за абхазскими помещиками. Именно потому, исключительно из своекорыстных, меркантильных соображений, несколько абхазских князей и дворян, с помощью грузинских, «составили» 23 марта 1870 г. «докладную записку», в которой попытались подогнать историю под свои сиюминутные интересы.

В 1975 г. известный кавказовед Г. Дзидзария подчеркивал: «Эта тенденция абхазского дворянства, т.е. стремление приписать себя к грузинскому, наиболее яркое и обобщенное отражение нашла в докладной записке депутатов князей и дворян Абхазии от 23 марта 1870 года...»¹.

По поводу докладной записки говорилось уже в 1872 г., т.е. через два года после ее появления: «Сами тавады и амиста Абхазии и Самурзакани далеко не были такого высокого понятия о своем положении, какое им придавали писавшие об Абхазии. В основание доказательств того вывода, что права их ничем не отличались от прав тавадов и азнауров Грузии, приводится обыкновенно еще и поныне, что Абхазия входила в состав Грузинского царства. Но разве может гегемония одного государства над другим служить доказательством тождественности всех существовавших в них прав и отношений? Если доказывать неизбежность этого, то почему в таком случае права и отношения абхазцев и самурзаканцев не считать тождественными с правами и отношениями, существовавшими в Турции, так как последние три века они находились под владычеством этой державы. Вся прошедшая история Абхазии показывает, напротив, что она была именно в таком положении, при котором

¹ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми. 1975.

могла, и даже должна была, сохранить отношения, выработанные собственной жизнью»¹.

Критически к записке 1870 г. отнесся и известный историк А. Фадеев, который, в частности, отмечал: «Представители абхазских феодалов подали петицию, в которой они старались доказать, что они ни в чем не хуже русских и грузинских помещиков»². Однако различия эти были весьма существенные.

Докладную записку 1870 г. подверг обстоятельной критике и крупный грузинский историк дореволюционной поры С. Авалиани – автор фундаментального труда «Крестьянский вопрос в Закавказье» (в 5-ти томах). Так, анализу особых сословных и земельных отношений в Абхазии ученый посвятил целый раздел: «Крестьянская реформа в Сухумском отделе»³. К сведению Ментешашвили, исследователь пишет: «Крестьянская реформа в Сухумском отделе имела свои особенности и разрешалась, подобно с местными условиями, не так, как в других частях Закавказья... Общественное и политическое устройство Абхазии и Самурзакани ничем между собой не разнилось...». С. Авалиани отмечает, что в 1870 г. в Тифлис, на заседание комитета, были приглашены абхазские депутаты. «Заявления депутатов от высшего сословия Абхазии и Самурзакани представляются чрезвычайно любопытными, – сообщает С. Авалиани, – из этих заявлений прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что депутаты тавады совершенно игнорируют создавшиеся в Сухумском отделе вековые отношения. Все усилия они напрягают для того, чтобы отношения зависимых сословий рассматривать, как типичные крепостные... Тавады Абхазии и Самурзакани думали убедить комитет, в том, что в названных областях существовало типичное крепостное право: если бы в этом им удалось убедить членов комитета, то в таком случае тавады имели бы основание во вторую очередь добиваться утверждения за ними прав собственности на земли и вознаграждения за личную свободу отпускаемых на волю... В Абхазии и Самурзакани зависимые сосло-

¹ Сборник сведений о Кавказских горах. Тифлис. 1872. С. 26.

² Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум. 1932.

³ Авалиани С. Крестьянский вопрос в Закавказье. Т. 2. Одесса. 1913.

вия существовали, но зависимость их отнюдь нельзя толковать как поземельную, это скорее зависимость личная».

В 1986 г. в Тбилиси вышел 5-й том труда С. Авалиани. Во вступительной статье к этому изданию профессор Г. Маргиани, в связи с проведением крестьянской реформы в Сухумском отделе, констатировал: «Абхазские крестьяне к рассматриваемому времени уже владели землей на правах собственности. В силу древних обычаев они платили дворянам определенные подати, но подати эти не относились к специфическим формам крепостной зависимости. Ввиду этого, по мнению С. Авалиани, абхазские крестьяне не являлись крепостным сословием».

Нельзя не коснуться и того факта, что упомянутая записка от 23 марта 1870 г. была написана во время пребывания депутации в Тифлисе. То, что к ней приложили руку и представители грузинского дворянства, доказывает один очевидный факт. Из четверых подписавшихся, двое – князя Бата Эмухвари и Мсост Маршания были вообще неграмотны. Вместо них расписался Иван Зедгенидзе...

Остается только гадать, почему об этих фактах и сведениях, имеющих самое прямое отношение к так называемой «докладной записке» абхазского дворянства 1870 г. все эти годы (с 1990 г.) умалчивает такой авторитетный грузинский историк как А. Ментешавили? Думается, преследуемая этой «запиской» цель и ее подоплека – весьма прозрачны.

Исследователи в последние годы, ссылаясь на публикацию в грузинском журнале «Театри да цховреба» (1916, № 23), довольно часто приводят сведения и о другой абхазской депутации, которая в апреле 1916 г. была принята в Тифлисе наместником на Кавказе¹. Депутация в составе князей М. Шервашидзе, М. Эмухвари, А. Инал-ипа, П. Анчабадзе и представителей крестьянства Б. Эзухбая и А. Чукбар прибыла в Тифлис с главной целью – поддержать готовящееся с начала 1914 г. решение царского правительства о преобразовании Сухумского округа в самостоятельную Сухумскую губернию. Об этом факте сообщают и сами грузинские ав-

¹ Сургуладзе А. Грузинская демократическая интеллигенция в трех революциях (1900–1921 гг). Тбилиси. 1986. С. 242 (на груз. яз); Ментешавили А. Из истории...

торы¹. Однако они акцентируют внимание на том, что депутаты якобы требовали не отделять Сухумскую епархию от Грузинского экзархата, а в случае, если вопрос о Сухумской губернии не будет решен положительно, присоединить округ к Кутаисской губернии. По поводу последних утверждений, депутация, по возвращении в Абхазию, выступила с опровержением, а Чукбар опубликовал тогда же в прессе свой ответ по этому поводу.²

К какому же выводу приходят грузинские историки, настойчиво напоминая о депутациях 1870 и 1916 годов? Откровеннее всех высказался Г. Жоржолиани: «Здесь, согласившись с мнением обеих депутатий абхазского народа, заметим, что грузин и абхазов связывает не только изначальная историко-культурная общность, но и генетическое родство...». Для Жоржолиани все это якобы подтверждается результатами антропологических исследований, данными археологии, фольклора и этнографии (С. 421). Вообще нужно сказать о том, что он призывает абхазов то к дружбе и братству с грузинами (С. 438–439), то говорит о принуждении к миру невоенным путем (С. 437), то вслед за Ингоркв повторяет тезис о пришлости абхазов в позднесредневековый период (С. 414), то вдруг сам же подчеркивает, что у абхазов «другой родины не было и нет» (С. 438), а важнейшим фактором в восстановлении доверия между двумя народами считает «повышение национального самосознания абхазского народа» (С. 439), даже не понимая, что оскорбляет абхазский народ.

А как он пишет о прошедшей войне, и не только он, – ведь она не коснулась их уютных тбилисских кабинетов. Жоржолиани осуждает «коммунистический Союз ССР», и с ним здесь нельзя не согласиться, но эта тема давно уже набилась оскомину. По этому поводу чаще всего высказываются бывшие партийные функционеры вроде самого Г. Жоржолиани, который в свое время являлся первым секретарем Сухумского горкома КП Грузии, а сейчас подвизался на ниве истории.

Не следует передергивать этнодемографическую статистику XIX–XX вв., ссылаясь при этом на «Г.П. Лежава, любезно предо-

¹ Г. Пайчадзе. С. 233; А. Ментешавили. С. 260–261.

² См.: А. Чукбар. Письмо в редакцию. – Сухумский вестник. 1916. 19 мая. № 108.

ставившего ксерокопии процитированных документов» (С. 443). Для этого достаточно заглянуть в работы самого Лежава, где говорится о причинах, приведших к сокращению абхазского населения в этот период и об изменении демографической ситуации¹. Так, приводя посемейную перепись 1886 г., Г. Жоржолиани, С. Лекишвили и многие другие авторы причисляют самурзаканцев к грузинам, в то время, как в итоговом разделе переписи они даны в графе – абхазы(85,7%). Что касается мегрелов, лазов, сванов, то все они приводятся самостоятельно и их было всего 6%. Вот почему численность грузин решили увеличить за счет самурзаканцев, о которых в 70-х годах XIX в. известный грузинский публицист Якоб Гогебашвили писал, что они – «ветвь абхазского племени»². Тогда же в авторитетном «Сборнике сведений о Кавказских горцах» говорилось о том, что Самурзакань составляет «одно целое с Абхазией, родственной ей и по племенному происхождению, и по исторической судьбе своей, и по характеру внутренних отношений»³.

Почему Жоржолиани и ему подобные пытаются навязать общественному мнению миф Ингороква о «пришлости абхазов» в XVII в.? Да потому, что существуют неопровержимые документальные письменные источники, в первую очередь грузинские, о точной дате массового переселения мегрельских крестьян из Западной Грузии в Абхазию. Это событие произошло после окончания Русско-Кавказской войны, упразднения автономного Абхазского княжества (1810–1864 гг.) и насильственной депортации абхазов (махаджирство) в Турцию в результате восстаний 1866 и 1877 гг. Обо всем этом подробно пишет все тот же Я. Гогебашвили в 1877 г. в газете «Тифлисский вестник», в пространной статье, известной под названием «Кем заселить Абхазию?» (№№ 209–210, 243–246, 248–249). Жоржолиани и другие новейшие «публицисты» в упор не видят этого документального источника, в котором дается развернутый план грузино-

¹ Лежава Г.П. Из истории рабочего класса Абхазии. 1921–1941 гг. Тбилиси. 1978; Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми. 1989.

² Тифлисский вестник. 1877. 9 ноября. № 245.

³ Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис. 1870. С. 23–24.

мегрельской колонизации Абхазии. Демографическое освоение Абхазии грузинами продолжалось и в советское время, особенно в 30–50-х гг. Достаточно на этот счет ознакомиться с трудами абхазских ученых¹. Так что не надо валить с больной головы на здоровую и упрекать нас в том, будто мы не «утруждаем себя ссылками на документы, материалы и источники». И это нам говорится после того, как в октябре 1992 г. грузинские оккупационные власти варварски сожгли в Сухуме Центральный государственный архив Абхазии и Абхазский институт языка, литературы и истории? Ничего не скажешь, это, действительно, по-братски...

3

Одна из ключевых болевых точек в истории грузино-абхазских отношений – это период 1917–1921 годов, которому посвящено немало исследований. Наиболее активно по этой острой политической проблеме не только прошлого, но и настоящего, выступает историк А. Ментешашвили. Немало работ, правда, разного научного уровня, посвящено данной теме и другими грузинскими авторами, среди которых особо следует отметить У. Сидамонидзе и А. Сургуладзе, а также Л. Тоидзе, Д. Гамахарияи др.

Так, например, А. Ментешашвили и Л. Тоидзе пишут, что Абхазия всегда была частью Грузии, а после революции 1917 г. в России, Абхазии 9 февраля 1918 г. якобы была дарована автономия в составе Грузинского государства. Позднее, по «договору» 8 июня 1918 г., Абхазия будто бы окончательно стала автономной частью Грузии, и потому, ввод грузинских войск в пределы Абхазии во второй половине июня 1918 г. не являлся актом оккупации и аннексии. Подобные действия они называют защитой

¹ История Абхазии [под ред. С. Лакоба.]. Сухум. 1991; Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. / Составители: Б. Сагария, Т. Ачугба, В. Пачулиа. Сухум. 1992; Кварчия В.Е., Ачугба Т.А. Об этнической и демографической ситуации в Абхазии в прошлом и настоящем // Литературная Абхазия. 1992. № 2; Ачугба Т. «Этническая революция» в Абхазии: по следам грузинской периодики XIX в. Сухум. 1995; Ачугба Т. О национальном составе Абхазии: 2-я пол. XIX – XX вв. Сухум. 1999.

территориальной целостности Грузии и объясняют борьбой с большевиками, протурецкими силами и деникинцами¹.

Здесь придется сделать небольшое отступление. Ментешашвили, например, абсолютно серьезно заявляет, что выделение в 1904 г. Гагринской климатической станции принца А.П. Ольденбургского из состава Сухумского округа и включение этой территории до правобережья р. Бзыбь в состав Сочинского округа Черноморской губернии – «бесцеремонно нарушило территориальную целостность Грузии, в частности Абхазии» (С. 259). Это утверждение совершенно антиисторично, т.к. в 1904 г. на эту территорию распространялась юрисдикция только одного государства – Российской империи, в составе которой на правах губерний и округа находились тогда, Грузия, утерявшая в 1801 г. не только свою государственность, но и собственное название (восстановила свою государственность только 26 мая 1918 г.) и Абхазия, лишенная своей государственности в 1864 г. (восстановлена 11 мая 1918 г. в составе федерации – Горская республика). Так что заявлять о нарушении территориальной целостности Грузии в 1904 г., когда она не была государством, просто абсурдно. Не говоря уже о том, что речь идет о Гагринском районе современной Абхазии, не имевшем к Грузии никакого отношения.

Что же происходило в Абхазии в 1917–1918 гг.?

После событий февраля и октября 1917 г., потрясших и разваливших Россию как единое государство, Абхазия вошла в Союз объединенных горцев Кавказа (СОГК), в правительстве которого интересы Абхазии представлял министр С. Ашхацава². На съезде Абхазского народа в Сухуме, 8 ноября 1917 г., был избран Парламент (кстати, создан раньше грузинского) – Абхазский народный совет (АНС) и приняты важнейшие документы: «Декларация съезда Абхазского народа» и «Конституция Абхазского народного совета»³. Огромную роль в принятии этих документов о самоопределении Абхазского народа сыграл председатель съезда

¹ Л. Тоидзе. С. 292–293; А. Ментешашвили. С. 266.

² Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала. 1994. С. 4–5, 134.

³ ЦГАА. Ф. И-39, д. 1, л. 1.

и первый председатель АНС С. Басария, основной докладчик А. Шерипов, князя А. Шервашидзе и Т. Маршания, видные деятели абхазской интеллигенции М. Цагурия, Д. Алания, Мих. Тарнава и др. В «Декларации» съезда предусмотрительно отмечалось, что «каждый народ должен четко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений» на его свободу, в связи с чем «абхазский народ уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права».

Интересно, что представитель парламента Абхазии чеченец Асланбек Шерипов выступал на открытии первого Грузинского парламента – Национального совета Грузии (НСГ), который открылся в Тифлисе 19 ноября 1917 года. «Я счастлив, – говорил он, – что на мою долю выпала высокая честь передать вам горячий привет от имени Абхазского народного совета. Абхазский народ, входящий в союз объединенных горцев, поздравляет прекрасную Грузию с первыми шагами по пути к национальному самоопределению... Абхазцы, вошедшие в союз со своими северными братьями, уверены поэтому и в том, что в скором будущем они встретятся с благородным грузинским народом в общем союзе всех народов Кавказа. И в этом будущем союзе абхазский народ мыслит себя как равноправного члена Союза Объединенных Горцев»¹.

Контакты между представителями абхазского и грузинского парламента продолжались и в дальнейшем, в очень сложной военно-политической обстановке на Кавказе в целом и в Абхазии, в частности, над которой нависла угроза большевистского переворота. Однако, несмотря на всю сложность ситуации, представители АНС, прибывшие на встречу с депутатами Национального совета Грузии, заявили в Тифлисе 9 февраля 1918 г., что они стремятся к политической независимости Абхазии, «имея с Грузией лишь добрососедские взаимоотношения, как с равным соседом»². В связи с такой постановкой вопроса, А. Ментешашвили вынужден признать, что делегация АНС во главе с А. Шер-

¹ ЦГВИА РФ. Ф. 1300, оп. 1, д. 130, л. 135 об.

² Цит. По статье: Ментешашвили А., Сургуладзе А. Только факты и документы // Литературная Грузия. 1989. № 11. С. 146.

вашидзе и в составе полковника Р. Чхотуа, Н. Маргания, Б. Цагурия, М. Эмухвари придерживалась, в основном, «правых националистических позиций» (С. 262). Со стороны НСГ в совещании приняли участие А. Чхенкели, К. Месхи, Г. Гвазава, П. Сакварелидзе, Н. Карцивадзе, которые категорически выступили против вхождения Абхазии в состав Союза горцев Кавказа.

Еще 8 ноября 1917 г., т.е. в день открытия съезда Абхазского народа, в Сухум приехал бывший депутат 4-й Государственной Думы России, социал-демократ Акакий Чхенкели и другие меньшевистские деятели. «Они, – писал участник тех событий Михаил Тарнава, – по-видимому были информированы о подготовляемом объединении Абхазии с Северо-Кавказским государством горцев, и приехали специально, чтобы предотвратить это объединение. Чхенкели, по-видимому особенно рассчитывал на успех потому, что в Абхазии он был популярным, как ее депутат в Государственной Думе. На этот съезд прибыли также и представители Горского Правительства, помимо Шерипова, который итак принимал активное участие. Прибыл оттуда также и Семен Михайлович Ашхацава... На съезде развились горячие речи. Выступали два противоположных лагеря. Грузинские делегаты тянули Абхазию в сторону Грузии, а Северо-Кавказские – в состав Северного Кавказа... Как ни старался Чхенкели отвернуть абхазцев от такого решения, но все-таки не удалось ему предотвратить решение съезда о присоединении Абхазии к Северо-Кавказскому Горскому Государству. Такое решение съезда действительно было принято большинством голосов, хотя и здесь, как и при церковном вопросе, гальцы тянули в сторону Грузии и угрожали выходом из Абхазии, в случае неприсоединения к Грузии»¹.

Подобная ситуация с гальцами, при откровенной поддержке А. Чхенкели, который был тесно связан с Самурзаканью, почти в точности, судя по словам А. Ментешашвили, повторилась на совещании в Тифлисе 9 февраля 1918 года. По поводу Самурзакани того времени историк очень лукаво поясняет – «ныне Гальский район Абхазии, населенный всецело грузинами» (С. 263). Сейчас, да, но населен он не собственно грузинами, а мегрелами. Что же

¹ Тарнава Мих. Воспоминания.

касается 1918 г., то тогда, в этой части Абхазии проживало главным образом смешанное абхазо-мегрельское население, среди которого происходил усиленный процесс деэтнизации абхазов «за счет грузинизации (мегрелизации)» ее жителей¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что А. Чхенкели, известный тогда политический деятель, при поддержке таких самурзаканцев, как социал-демократы, князя Арзакан (Дмитрий) Эмухвари, Ладос (Владимир) Эмухвари, М. Эмухвари, являвшимися абхазами лишь по своему происхождению, пытался откровенно шантажировать абхазскую делегацию искусственно раздутой проблемой Самурзакани. Однако не в грузинских интересах было до крайности осложнять вопрос, т.к. в Самурзакани в этот период наибольшим влиянием пользовались не меньшевики, а большевики во главе с П. Дзигуа, что и подтвердили дальнейшие события.

Политический шантаж, предпринятый А. Чхенкели, не увенчался успехом. Для этого достаточно взглянуть на сам текст Соглашения, состоящего из трех пунктов и который сам А. Ментешашвили неоднократно публиковал². Чтобы удостовериться приведу их еще раз:

« 1. Воссоздать единую нераздельную Абхазию в пределах от р. Ингур до р. Мзымта, в состав которой войдут собственно Абхазия и Самурзакань или что тоже нынешний Сухумский округ.

2. Форма будущего политического устройства Абхазии должна быть выработана [в соответствии] с принципом национального самоопределения на Учредительном собрании Абхазии, созванном на демократических началах.

3. В случае, если Абхазия и Грузия пожелают вступить с другими национальными государствами в политические договорные отношения, то взаимно обязываются иметь предварительные между собою по этому поводу переговоры»³.

Таким образом, в этом документе лишь ставился вопрос о заключении равноправных взаимоотношений между Абхазией и

¹ Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми. 1976. С. 89–90.

² Литературная Грузия. 1989. № 11. С. 146; Ментешашвили А. Из истории. С. 11.

³ ЦГАА. Ф. И-39, д. 6, лл. 22–23.

Грузией, а во втором пункте вообще говорится о «национальном самоопределении», т.е. о праве абхазского народа на свою государственность в пределах Абхазии.

На основании Соглашения от 9 февраля 1918 г. целый ряд грузинских историков (А. Ментешашвили, Л. Тоидзе, Г. Жоржолани, Д. Гамахария и др.) приходят к весьма странному утверждению о том, будто с этого времени «Абхазии предоставлялась широкая автономия в составе Грузии».

Во-первых, в самом документе нет и намек на автономию. Во-вторых, 9 февраля 1918 г. Грузия еще не была провозглашена «независимой республикой» и вместе с Арменией и Азербайджаном всё ещё оставалась частью России. Как же могла Грузия предоставить автономию Абхазии, когда ее самой, как государства, в то время просто не существовало, а Абхазия продолжала оставаться в составе Союза горцев Кавказа? В-третьих, в Соглашении прямо говорится, что «форма будущего политического устройства единой Абхазии» должна быть определена на Учредительном собрании Абхазии.

Соглашение носило равноправный характер, и потому, непонятно замечание А. Ментешашвили в адрес абхазской делегации – «деваться им было некуда» (С. 263). Относительно сложной обстановки на тот период в Абхазии и вокруг нее, можно с уверенностью сказать, что в Грузии, в связи с нависающей угрозой турецкой оккупации, она была не то что лучше, а просто катастрофической. Поэтому представители НСГ были счастливы подписать с АНС хоть какой-нибудь документ.

«Казалось бы, – возмущается А. Ментешашвили, – после соглашения от 9 февраля абхазские лидеры твердо стали придерживаться прогрузинской ориентации, однако... их действия на Батумской конференции в мае 1918 года свидетельствуют, что опираясь на правящие круги султанской Турции, А. Шервашидзе, совместно с горцами Северного Кавказа, стремился реализовать проект создания Кавказской конфедерации, в которую абхазы должны были войти самостоятельно». Более того, им удалось этого добиться, о чем свидетельствует секретное письмо от 28 мая 1918 г. немецкого генерала фон Лоссова грузинскому правительству (С. 264).

Все верно, только непонятно, чем недоволен грузинский историк, и почему он решил, что после Соглашения абхазские лидеры должны были «придерживаться прогрузинской ориентации»? Они действовали в точном соответствии с решением 1 Горского съезда, наметившего еще в мае 1917 г. «контуры национальной идеологии», которая привела через год к провозглашению независимости Республики горцев Кавказа (Горская республика). Из протокола первого заседания Батумской международной мирной конференции (Батум тогда был в составе Турции) от 11 мая 1918 г. известно, что в ней принимали участие делегации Германии, Турции, Закавказской республики, горцев Северного Кавказа и Дагестана¹. Тогда же депутаты АНС А. Шервашидзе, Т. Маршания, С. Басария и другие обратились к турецкому правительству и заявили на Батумской конференции, что «Абхазия не желает входить в группу закавказских народов, а относит себя к Северокавказскому объединению горцев»².

11 мая 1918 г. было объявлено о независимости Горской республики, в которую наряду с Дагестаном, Чечней, Кабардой, Адыгеей и другими странами вошла Абхазия³. Республика горцев при поддержке Турции и участии Германии, Австро-Венгрии получила тогда международное признание.

После образования Горской республики распалась Закавказская федерация (ЗДФР) и в тот же день, 26 мая 1918 г., по ультимативному требованию Турции, была провозглашена Демократическая республика Грузия, а затем Азербайджанская (27 мая) и Армянская (28 мая) республики.

Этот период в истории народов Кавказа получил название «кавказского мая», а в одном из воззваний по этому поводу говорилось: «В момент, когда в России бушевала антинациональная стихия большевизма, на Кавказе восторжествовала идея здоровой национальной государственности»⁴.

В Акте о независимости Грузии говорится, что она была провозглашена 26 мая 1918 года. Между тем, в самом Акте не были

¹ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис. 1919. С. 312–313.

² История Абхазии. С. 291.

³ Ahmet Nazir Hizal. Kuzey Kafkasya. Ankara. 1961. P. 143.

⁴ Северный Кавказ (Варшава). 1937. № 37. С. 13.

определены границы Грузии. Предварительные их наброски впервые были сделаны весьма заинтересованным лицом – немецким генералом фон Лоссовым в упомянутом письме от 28 мая 1918 года. Генерал обязывался приложить все усилия к тому, чтобы «Германия оказала Грузии помощь в деле обеспечения ее границ»¹.

Грузинские историки Л. Тоидзе (С. 291–292), Д. Гамахария² и другие особо отмечают, что Акт о независимости Грузии подписали тогда: В. Шервашидзе, А. Эмухвари, В. Гурджуа, И. Пашалиди, Д. Захаров. Каким же образом это происходило? Как известно, все названные деятели стали депутатами Учредительного собрания Грузии по партийному списку социал-демократов весной 1919 года. Собранный в Тифлисе 12 марта 1919 г. новый парламент Грузии подтвердил Акт о независимости от 26 мая 1918 г., под которым подписались и упомянутые «посланцы от Абхазии». Но, во-первых, они поставили свои подписи не 26 мая 1918 г., о чем многие авторы «скромно» умалчивают, а лишь 12 марта 1919 г., когда Абхазия была уже оккупирована грузинскими войсками, а парламент Абхазии дважды разгонялся (в августе и октябре 1918 г.). Во-вторых, они подписались не как представители Абхазии и абхазского народа, который бойкотировал выборы в Учредительное собрание Грузии, а как члены регионального отделения правящей грузинской меньшевистской партии. В-третьих, налицо была попытка подтасовать исторические факты, и стремление Тифлиса с помощью своих марионеток, хотя бы задним числом, 12 марта 1919 г., попытаться привязать Абхазию к Грузии. В-четвертых, на 26 мая 1918 г. Абхазия находилась вне пределов территории Грузинской республики, т.к. с 11 мая 1918 г. являлась частью другого государства – Горской республики, которая, к сожалению, просуществовала всего один год.

¹ Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Париж. 1924; Нью-Йорк. 1982. С. 68.

² Вестник Грузии. 1991. 29 марта; Гамахария Д., Чания В. «Оккупация Абхазии»: мифы и реальность?! // Свободная Грузия. 1991. 27, 30 апреля, 1, 2, 3 мая. См. также ответы: Лакоба С. // Абхазия. 1991. 19 мая – 18 июня. №№ 21–24; Единение. 1991. №№ 3, 5.

На то, что Абхазия находилась вне юрисдикции Грузии указывает и сам характер документов, подписанных представителями этих стран. Совершенно очевидна и следующая весьма существенная деталь: если бы Абхазия была Грузией, то последняя никогда не стремилась бы заключать с ней «соглашения» и «договоры» и вести переговоры как с другой страной. Однако все это имело место.

4

Поистине драматические события разыгрались между Грузией и Абхазией в период с 26 мая по 8 июня 1918 года. В это время в Абхазии уже действовал второй АНС, который раздирали серьезные противоречия, возникшие между старым составом «горской ориентации» (С. Басария, А. Шервашидзе и др.) и новым, во главе с меньшевиком Варламом Шервашидзе. Сложившаяся ситуация нашла свое отражение и в двойственном характере некоторых документов АНС, с которыми прибыла в начале июня 1918 г. в Тифлис абхазская делегация в составе Р. Какуба (глава), Г. Туманова, В. Гурджуа, Г. Аджамова.

Какая же геополитическая обстановка складывалась к этому времени в Закавказье и вокруг Абхазии, в частности? Какие цели преследовали здесь Турция и Германия?

Совершенно очевидно, что они стремились получить доступ к кавказскому сырью и прежде всего к бакинской нефти. В самом начале их интересы совпадали. Но Турция, в ущерб военным действиям против Англии, увлеклась панисламизмом. Взгляды «союзников» вступили в противоречие, и Германия стала противодействовать быстрому распространению турок в Закавказье, понимая, что «старые хитрые дипломаты оттоманской школы» начисто переиграли неискренних игроков Закавказской республики. По словам А.И. Деникина, решающую роль в образовании ЗДФР и Грузинской республики (26 мая 1918 г.) сыграл «смертельный страх перед турецким нашествием». К этому времени и у Германии оформился стратегический взгляд на Грузию. Так, немецкий генерал и политик Людендорф отмечал: «Для нас (протекторат над Грузией) был средством независимо от Турции, получить доступ к кавказскому сырью и эксплуатации железных

дорог, проходящих через Тифлис. Мы не могли довериться в этом отношении Турции. Мы не могли рассчитывать на бакинскую нефть, если не получим ее сами»¹. Нефтепровод Баку – Батум, железная дорога через Тифлис, богатейшие марганцевые рудники, порт Поты – все это имело огромное значение для германских интересов. Вот почему Германия остановила дальнейшее продвижение турок в пределах Грузии, недалеко от Тифлиса. Более того, Германия стала ублажать Грузию по вопросу об Абхазии и прилегающих черноморских территориях.

В свое время и Л. Троцкий абсолютно верно заметил: «Вассальный союз с Германией давал Грузии до поры до времени серьезные гарантии неприкосновенности, так как Германия связывала брест-литовской петлей Советскую Россию, крушение которой к тому же казалось неизбежным...»².

О провозглашении Грузинской независимости в Сухуме стало известно лишь 2 июня. В тот же день АНС принял заявление, в котором об Абхазии и Грузии говорилось как о соседних странах и делался акцент на недопустимости «посягательств на суверенные права народа со стороны соседей»³. С этим документом и была направлена делегация в Тифлис. В нем также объявлялось, что парламент Абхазии принимает на себя всю полноту власти, считая Абхазию и ее народ «совершенно самостоятельными». Однако на нее обрушился шквал дезинформации о якобы готовящемся турецком вторжении в Абхазию. Но открытого турецкого вмешательства тогда не могло быть, т.к. Абхазия к этому времени была включена в сферу военно-политического влияния императорской Германии, а в начале июня в Очамчире и Сухуме уже стояли небольшие немецкие отряды.

Правительство Грузии, видимо не без закулисного участия А. Чхенкели, оказывало беспрецедентное давление на главу делегации Р. Какуба (был депутатом АНС от Самурзакани), с той целью, чтобы АНС дал хотя бы устное согласие на заключение договора в «развитие и дополнение Соглашения от 9 февраля 1918 года».

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Берлин. 1924. С. 46–47.

² Троцкий Л. Сочинения. Т. 12. М. [1925]. С. 231.

³ ЦГАА. Ф. И-39, д. 6, л. 4.

Здесь стоит упомянуть об одном замечании Деникина относительно деятельности А. Чхенкели на высоком посту в Закавказской республике. «Грузин Чхенкели, – писал он, – вообще проявлявший чрезвычайную уступчивость туркам в части, касавшейся негрузинской территории, приказал сдать Карс без боя»¹. Относительно же Абхазии и ее вхождения в Грузию он занимал непримиримую «патриотическую» позицию...

Правительственные круги Грузии не могло не встревожить положение из доклада Р. Какуба, в котором он объявил, что АНС в «скором времени созывает Народный съезд представителей всех народов, населяющих Абхазию»², который в соответствии с пунктом 2-м Соглашения от 9 февраля 1918 г. имел полное право окончательно решить вопрос о государственном устройстве Абхазии. Все это ускорило развязку событий.

В создавшейся ситуации, Грузия потребовала отложить в сторону мандат делегации и заключить новый договор. Совершенно запутавшийся и сбитый толку тифлисскими политиками, за спинами которых стояли немецкие дипломаты и военные, Р. Какуба стал сообщать по прямому проводу в Сухум панические известия и даже заявил о готовности делегации без решения парламента Абхазии подписать предлагаемый «договор». АНС категорически возражал против таких неправовых действий Какуба. Однако он, как глава делегации, продолжал настаивать на своем.

В сообщении в Сухум от 8 июня 1918 г. Р. Какуба предлагал следующее.

«Из Тифлиса: – Обратить внимание Совета на то, что договор имеет силу до созыва Национального Собрания Абхазии... Если бы мы не подняли вопроса о наших взаимоотношениях теперь, то Груз. Правительство довольствовалось бы соглашением от 9 февр. 18 г. впредь до окончательного решения вопроса о наших взаимоотношениях национальным съездом Абхазии, но когда мы сами этот вопрос подняли теперь и при том в таком смысле как будто хотим прервать с Грузией всякую связь, как это, повторяю, поняло Груз. Правит-во наш мандат, то теперь оно боится

¹ Деникин А.И. Очерки. Т. 3. С. 46.

² Ментешашвили А. С. 265.

ограничиться соглашением от февраля и во избежание всяких недоразумений находит необходимым несколько развить его отнюдь не выходя из рамок февральского соглашения. Что касается общности интересов об этом достаточно сказано Груз. Прав. и оно согласно с нами, но оно убеждено, что нельзя ждать с вопросом о внешней охране территории Абхазии до созыва Нац. съезда Абхазии. Только это обстоятельство вынуждает Груз. Прав. войти с нами в предлагаемое соглашение, которое, как я уже сказал выше, имеет силу только лишь до созыва Нац. собрания. Для заключения подобного соглашения по мнению Гр. Прав., а также делегации вовсе не требуется созыв каких-либо представителей Абхазии, а это соглашение вполне в компетенции Правит-ва Народного Сов. ныне функционирующего... Делегация полагает, что в договоре ничего неприемлемого нет, почему Нар. Совет не может высказаться по существу его для делегации непонятно. Сообщите как быть делегации. Оставаться здесь дальше или уезжать в Сухум... Что я еще должен добавить, что Груз. Прав. согласно заключить с нами предлагаемое соглашение словесно, то есть удовлетворится оно словесным заверением делегации и не настаивает на подписании договора. Добавлю еще, если Народный Совет боится взять на себя какую-нибудь ответственность за заключение предлагаемого соглашения, то делегация на себя принимает эту ответственность...

Из Сухума: – Завтра вопрос будет снова поставлен на обсуждение и 10-го в 6 ч. вечера Вы получите ясный и определенный ответ.

Из Тифлиса: – Не представляется возможным до 10. Необходимо получить Ваш ответ завтра. Час назначьте сами.

Из Сухума: – По возможности сообщим завтра. В крайнем случае 10-го в 6 часов.

Из Тифлиса: – Вы лишаете права говорить с Груз. Прав.»¹

На следующий день, 9 июня 1918 г. из Сухума в Тифлис общалось:

«Положение вещей в Абхазии является в настоящее время настолько запутанным, что Абх. Нар. Совет лишен возможности

дать по существу вашего запроса официально определенный ответ. Каков ни был наш ответ, но сам факт заключения договора будет истолкован в самом нежелательном смысле и может повлечь за собой последствия губительные прежде всего для Абхазии и опасные также для Грузии... До того момента пока в Округе не будет водворен порядок, пока население не вернется к нормальным обстоятельствам жизни, всякое соглашение, заключенное Абх. Нар. Сов. с Грузией и оформление договора будет незамедлительно использовано в ущерб интересам государственности и тогда угроза внешнего вмешательства висящая над нами может превратиться в факт. Абх. Нар. Сов. просит Прав. Груз. респ. не настаивать на немедленном ответе и тем дать возможность Абхазии в более подходящей обстановке определить свою судьбу»¹.

Как видно из этих очень красноречивых документов, Р. Какуба сам наделил себя чрезвычайными полномочиями и без ведома АНС одобрил 8 июня 1918 г. предлагаемый Грузией «договор», в то время как АНС, после долгого и упорного сопротивления принял решение о заключении договора (но в другой редакции) на своем заседании 10 июня 1918 года. Именно этот текст документа за подписью председателя АНС В. Шервашидзе и должны были принять в Тифлисе 11 июня обе стороны... Но, повторяю, абхазская делегация во главе с Р. Какуба, вопреки требованию парламента Абхазии, пошла на сделку с Грузинским правительством, подписав за его спиной «договор» уже 8 июня 1918 года. Позиция самого Какуба была далеко небескорыстной, т.к. ему в Тифлисе был обещан пост министра по делам Абхазии...

Ситуация оказалась настолько запутанной и трагикомичной, что даже сегодня часть грузинских историков ссылается на текст «договора» от 8 июня 1918 г., а другая – на «договор» от 11 июня 1918 года. Не только они, но даже ставленник Тифлиса, председатель АНС В. Шервашидзе в своей переписке с Грузинским правительством ссылался на пункты «договора» от 11 июня².

Вместе с тем нельзя забывать, что именно этот «договор» привел Абхазию к трагическим последствиям, и появился на свет в следующей редакции:

¹ Там же.

² См. об этом подробнее: История Абхазии. С. 295–296.

¹ ЦГАА. Ф. И-39, д. 6.

1. при правительстве Демократической республики Грузии создается по представлению Абхазского Народного Совета пост министра по делам Абхазии;

2. внутреннее управление и самоуправление в Абхазии принадлежит Абхазскому Народному Совету;

3. кредиты и деньги, необходимые на управление Абхазией отпускаются из средств Демократической республики Грузии и расходуются на нужды Абхазии Абхазским Народным Советом;

4. для скорейшего установления революционного порядка и организации твердой власти в помощь Абхазскому Народному Совету и в его распоряжение правительство посылает отряд Красной гвардии;

5. в Абхазии организуется интернациональный отряд, который находится в распоряжении Абхазского Народного Совета;

6. социальные реформы в Абхазии проводит Абхазский Народный Совет на основе общих законов Грузии с учетом местных особенностей;

7. съезд населения Абхазии на демократических началах созывается по возможности в скором будущем для окончательного решения вопросов, связанных с устройством Абхазии¹.

Данный текст существенно отличается от варианта договора, подписанного 10 июня В. Шервашидзе и состоит не из 8-ми, а из 7-ми пунктов². Так, в 1-й ст. документа АНС сказано: «Заключаемый договор пересматривается Национальным Собранием Абхазии, которое окончательно определяет политическое устройство Абхазии, а также взаимоотношения между Грузией и Абхазией». Иными словами, заключаемый договор носил временный характер и подлежал пересмотру Национальным Собранием Абхазии не только для окончательного определения политического устройства Абхазии, но и для окончательного решения вопроса о взаимоотношениях между Грузией и Абхазией. В аналогичной казалась бы 7-й ст. «договора» от 8 июня представлена расплывчатая формулировка и опущен ряд принципиальных моментов.

¹ Текст дается по: Литературная Грузия. 1989. № 11. С. 150–151; Ментешавили А. Из истории. С. 16.

² История Абхазии. С. 295–296.

Можно ли вообще всерьез говорить о том, что Абхазия получила уже тогда в составе Грузии самую широкую автономию? Ведь совершенно очевидно, что п. 2-й о внутреннем управлении и самоуправлении еще не означал предоставления автономии, тем более, если в п. 7-м сказано об окончательном устройстве Абхазии в скором будущем. Так, например, А. Ментешавили и А. Сургуладзе в 1989 г. признавали формальный характер этого документа, отмечая, что «договором» правительство Грузии только обещало «дать автономию Абхазии, однако практическое осуществление его задержалось»¹. Но прошли годы, и в 1999 г. Ментешавили подправил свою позицию: «...По договору от 8 июня Абхазии была предоставлена широкая автономия» (С. 266). Для чего же нужно было тогда Грузии вновь возвращаться к этому вопросу и принимать 20 марта 1919 г. «Акт об автономии Абхазии»?

По сути дела правительство Грузии интересовал в «договоре» 8 июня лишь один пункт – 4-й, двусмысленным содержанием которого оно не преминуло воспользоваться и ввело на территорию Абхазии не «отряд Красной гвардии», а оккупационные меньшевистские войска.

В «широкую автономию» не верил даже политический представитель Грузинской республики в Абхазии, старейший грузинский социал-демократ Исидор Рамишвили. Спустя месяц после т.н. договоров, он выступил 19 июля в Сухуме на заседании АНС и заявил о правомочном съезде народа, который должен решить дальнейшую судьбу Абхазии: примкнет ли она «к Грузии, России или Турции или объявит самостоятельность»².

После возвращения абхазской делегации из Тифлиса, одобренной «договор от 8 июня, отношения между ее членами резко осложнились, т.к. их стали обвинять в предательстве интересов Абхазии. Особенно горячим стало противостояние между Р. Какуба, с одной стороны, и Г. Тумановым и В. Гурджуа, с другой. Вольно или невольно, но Какуба с подачи грузинского правительства постоянно дезинформировал АНС и в тайне

¹ Литературная Грузия. 1989. № 11. С. 151.

² ЦГАА. Ф. И-39, д. 3, л. 2.

от абхазского парламента пошел 8 июня на откровенный политический подлог. Поэтому не удивительно, что именно его кандидатура (на основании ст. 1), в благодарность за «услугу» была выдвинута на должность министра по делам Абхазии, а 11 июля он был наделен полномочиями. Однако, на следующий день, 12 июля, сход населения на Черной речке, при активном участии В. Гурджуа и Г. Туманова, потребовал отставки Р. Какуба в связи с недоверием к нему. Очень скоро, 17 июля, Какуба заявил в АНС о сложении с себя полномочий министра. Во взвинченном состоянии, в присутствии И. Рамишвили, он выступил 18 июля 1918 г. на заседании АНС против вывода грузинских войск из Абхазии, которые были введены как раз-то по его вине. С резкой речью в парламенте выступил тогда и православный абхазский священник Г. Туманов (был членом делегации в Тифлисе 8 июня), который по поручению схода гудаутских и гагрских абхазов высказал требование о том, чтобы «Абхазия была самостоятельна, а не была бы провинцией» ибо в противном случае они готовы «умереть свободными на своей земле»¹. С обстоятельной критикой руководства и работы АНС выступил и депутат от Кодорской Абхазии народный учитель А. Чочуа².

19 июля АНС принимает отставку Р. Какуба³. Буквально через неделю, 25 июля 1918 г. парламент избрал министром по делам Абхазии полковника Р. Чхотуа, заверившего АНС, что главная его цель – «защита интересов Абхазии»⁴. Полковник Р. Чхотуа оставался верен этим словам, но в октябре 1918 г. был обвинен в попытке «государственного переворота» и отстранен от занимаемой должности. Тогда же Тифлис упразднил этот пост (тем самым и ст. 1 «договора» от 8 июня), а функции министра по делам Абхазии были возложены на министра внутренних дел Грузии...

Наиболее дальновидные абхазские политики предвидели, что под предлогом борьбы с большевиками и защиты Абхазии от Турции, Грузия попытается воспользоваться заключаемым «до-

¹ Там же, л. 4 об.

² Там же, л. 26.

³ Там же, лл. 6, 12, 14, 30.

⁴ Там же, л. 18 об.

говором» и прибрать страну к рукам. Одним из тех, кто с крайним недоверием отнесся к деятельности Р. Какуба был бывший председатель первого АНС С.П. Басария, который на заседании парламента 10 июня 1918 г. отказался подписать поручение делегации о заключении договора с Грузией и письменно изложил тогда же свое особое мнение по этому вопросу.

«В виду того, – говорилось в нем, – что проект договора, предлагаемый Грузинской Республикой носит характер ультимативный, лишающий возможности обдуманного, свободного обсуждения; в виду того, что важный акт, как предлагаемый договор Абхазии с Грузией, делается наспех при ограниченном количестве членов Абхазского Народного Совета и без ведома населения Абхазии, которое мыслит свою политическую свободу без всякой опеки с чьей бы стороны ни было, – я предлагаю Абхазскому Народному Совету на ультиматум Грузии ответить просьбой дать возможность населению устроить Абхазский Национальный съезд, правомочный окончательно определить политическое устройство Абхазии, заверив Грузинскую Республику, что Абхазия, как самостоятельный национальный организм, обязательно вступит в добрососедские договорные союзы и соглашения с Грузией. Прошу настоящее особое мнение передать по прямому проводу Абхазской делегации»¹.

Особое мнение такого авторитетного в народе человека и влиятельного депутата, изложенное 10 июня, т.е. когда «договор» уже был одобрен в Тифлисе, интересно по нескольким принципиальным позициям. Во-первых, предлагаемый «договор» – это ультиматум правительства Грузии. Во-вторых, Басария не согласен, что такой «важный акт» готовится втайне от народа Абхазии, при «ограниченном количестве» депутатов АНС. В-третьих, он особо подчеркивает, что «окончательно определить политическое устройство Абхазии» полномочен только «Абхазский Национальный съезд». В-четвертых, он предупреждает делегацию во главе с Какуба об ответственности.

Между прочим, давая краткую характеристику оккупации Абхазии Грузией, генерал А.И. Деникин ссылается на «договор»

¹ ЦГАА. Ф. И-39, д. 6, л. 11 и об.

от... 11 июня 1918 года (!), т.е. в абхазской редакции, а не в той, что была принята в Тифлисе 8 июня¹. Значит, о подмене документа не знал и Верховный главнокомандующий Добровольческой Армии.

В продолжение темы о т.н. автономии, коснусь упрека, который бросил мне уважаемый А. Ментешашвили (С. 267) по поводу того, что я в своих работах часто цитирую очерк С. Данилова «Трагедия абхазского народа» (Мюнхен, 1951), но якобы «забываю», что пишет о 1918 г. любимый мной автор. А именно: «Абхазия получила автономию» (С. 8). Правда, дальше ученый не осмелился продолжить цитирование С. Данилова, который, кстати, и был мною впервые переиздан.² Ученый лишь выхватил так необходимое ему слово «автономия». Но ведь Данилов пишет об этой «автономии» с нескрываемым сарказмом и в этом нетрудно убедиться. Так, он сообщает далее, что с первых же дней, АНС, «пожелавший взять управление страной в свои руки», натолкнулся на «серьезные препятствия в своих начинаниях со стороны грузинских властей». Представители меньшевистской Грузии, продолжает Данилов, «мало считались с настроениями и обычаями иных народов», а в Абхазии «проводили политику, не отвечавшую интересам абхазского народа». Полным ходом шла грузинизация, были глубокие разногласия в земельном вопросе. Антагонизм между ними «обещал перейти в открытое выступление против власти» и тогда абхазы послали своих представителей к командованию Добровольческой Армии, чтобы с их помощью «освободиться от новых завоевателей»³. Так что, А. Ментешашвили зря наводит тень на плетень. Все, что приведено мною, дано строго по тексту вслед за упоминанием «автономии», на той же странице...

5

Воспользовавшись так называемой договоренностью от 8 июня 1918 г., войска Грузинской республики при поддержке военной силы Германии уже 17–19 июня высадились в Сухуме и оккупировали страну. Генерал А.С. Лукомский писал по этому

¹ Деникин А.И. Очерки. Т. 3. С. 48–49.

² См.: Материалы по истории Абхазии. Вып. 1. Сухум. 1990.

³ Там же. С. 8–9.

поводу: «Пользуясь поддержкою Германии, Грузия заняла против воли населения, Абхазию и Сочинский округ...»¹.

К тому времени Абхазия оказалась в тяжелом положении, т.к. лишилась фактически реальной поддержки со стороны Горской республики в связи с бурными военными событиями на Северном Кавказе. В этот смутный период каждодневно менялись приоритеты, сталкивались интересы разных государств, закручивались все новые водовороты политической жизни, царили анархия и хаос. Абхазия оказалась отрезанной от своих естественных союзников и, оставшись один на один с Грузией и Германией, несмотря на попытку дипломатическим путем разрядить обстановку, подверглась военной интервенции. Однако правительство Горской республики не осталось безучастным к судьбе Абхазии и осудило вторжение грузинских войск. Так, в июне 1918 г. МИД Горской республики (министр Гайдар Баммат) заявил протест правительству Грузии и главе дипломатической миссии правительства Германии на Кавказе Шуленбургу по поводу вступления немецких войск в Сухум и «нахождения грузинских банд в Абхазии»².

Документы Горской республики убедительно свидетельствуют о том, что Абхазия продолжала оставаться частью Северокавказского государства, которое не признавало притязаний Грузии на Абхазию. Вот почему слишком поверхностными представляются рассуждения А. Ментешашвили о том, что «Кавказская конфедерация не состоялась и поэтому вступление Абхазии в состав Грузии в июне 1918 г. имело международно-правовую основу» (С. 264). Но разве в июне 1918 г. мог кто-нибудь уверенно сказать, что Конфедерация не состоится? Даже генерал фон Лоссов не знал об этом. Об этом грузинскому историку известно сейчас, задним числом. Совершенно очевидно, что он абсолютно не в курсе документов, которые полностью лишают всякого смысла его умозаключения.

Даже спустя несколько месяцев после оккупации Абхазии, в августе 1918 г., председатель Горского правительства Т. Чермоев

¹ Архив Русской революции. Берлин. 1922. Т. 6. С. 114.

² Союз объединенных горцев. С. 132.

вновь заявил протест Германии в связи с вторжением грузинских войск в Абхазию при поддержке регулярных частей немецкой армии. В то же время он предостерегал, что народы Северного Кавказа, связанные с Грузией «единством расы и давнишними симпатиями», не должны допускать каких-либо политических осложнений в своем стремлении к «наиболее тесным союзным связям *до конфедерации* (выделено мною. – С.Л.) включительно». Далее в документе подчеркивалось: «Я от имени моего Правительства самым категоричным образом *протестую против образа действий Грузии в Абхазии, составной части федеративной Республики Союза горцев Кавказа* (выделено мною. – С.Л.), и во избежание тяжелых осложнений, могущих проистечь от указанной политики Грузинского Правительства, мое Правительство полагает необходимым немедленно вывести из Абхазии грузинские войска, чиновников и эмиссаров»¹.

Именно в этот период, в июне-августе 1918 г., Александр Шервашидзе, Таташ Маршания, Симон Басария и другие влиятельные абхазы обращались за помощью к абхазам-махаджирам, проживавшим в Турции, предки которых вынуждены были покинуть родину в XIX столетии в результате русско-кавказской войны.

Народ и многие депутаты парламента Абхазии расценили силовые действия Грузии как вооруженное вторжение в пределы Горского государства. Председатель правительства Грузинской республики Ной Жордания вспоминал, как представители Северного Кавказа предъявили тогда ультиматум: «Абхазия наша, уходите оттуда!»². Турки в свою очередь тоже мечтали о Сухуме и планировали с помощью чеченцев «защитить Абхазию от грузин»³.

В ночь на 27 июня 1918 г. абхазский (а не «турецкий», как пишет А. Ментешашвили, С. 267–268) вооруженный десант из Тур-

ции высадился у р. Кодор. Это была ответная акция, направленная против оккупации Абхазии Грузией и объявления 23 июня Г. Мазниева (Мазниашвили) генерал-губернатором Абхазии. На официальном уровне Турция в этот конфликт не вмешивалась. Десант же по сути был вооруженной силой Горского государства. Кроме того, из германских источников известно, что горское правительство в июне-августе 1918 г. по-прежнему претендовало на Абхазию и Сухумский порт. Поэтому не случайно в эти же месяцы в Абхазии происходили неоднократные высадки морского десанта абхазских махаджиров. Однако такие устремления противоречили интересам германской политики в этом регионе¹.

Правительство Горской республики продолжало считать Абхазию частью своего государства, несмотря на то, что она была оккупирована Грузией. Так, по заказу Горской делегации в 1919 г. в Лозанне была отпечатана (на французском языке) цветная этнографическая и политическая карта Республики горцев Кавказа², предназначенная для Парижской мирной конференции. (В состав горской делегации был включен и представитель Абхазии³). На этой красочной карте не только Абхазия, но и Южная Осетия находятся в пределах Горского государства.

Раздражаясь по поводу этих и других очевидных фактов, которым нечего противопоставить, ряд грузинских ученых негодует по поводу публикаций абхазских историков. Им вообще кажется странным, что им отвечают. И тогда они начинают прибегать вот к таким приемам. «Абхазские историки считают, – пишет А. Ментешашвили, – что договор от 8 июня не предоставлял Абхазии автономии в составе Грузии. Это утверждение им нужно для поддержки известного тезиса идеолога абхазских сепаратистов С. Лакобы о том, что Грузия, оказав помощь Абхазии в борьбе против большевистских отрядов и турецких банд, пытавшихся

¹ Союз объединенных горцев. С. 133–135.

² Zhordania N. My life. Stanford. Mass. 1968. P. 98.

³ Аветисян Г. К вопросу о «Кавказском доме» и пантюркистских устремлениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии: в 3-х кн.: Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ / Общ. ред. А. Малашенко, Б. Коппитерс, Д. Тренин. М. 1997. С. 140.

¹ Лакоба С. К вопросу о Кавказской конфедерации. Абхазия и Грузия: вместе или врозь? // Грузины и абхазы. Путь к примирению. / Общ. ред. Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю. Анчабадзе. М. 1998. С. 157–158.

² Киладзе С. Единство Кавказа: попытка выхода из кризиса // Тбилисский меридиан. 1997. № 1. С. 20–22.

³ Союз объединенных горцев. С. 197.

захватить Сухуми и территорию Абхазии, сама установила на ее территории «оккупационный режим»... Такая позиция не случайна, ибо упоминание об автономии Абхазии в составе Грузии делает абсурдным утверждение идеологов сепаратистов, что грузинские войска установили оккупационный режим на своей же территории» (А. Ментешашвили. С. 266). В пылу он договорился до того, что сделал из меня защитника «советской империи», т.к., по его мнению, только сторонник империи может «твердить об «оккупации» в 1918–1921 гг. Абхазии Грузией» (С. 267).

Это очень странная логика, продиктованная слабостью, беспомощностью целого ряда позиций. Что касается термина «оккупация» применительно к Абхазии, то он впервые прозвучал в том же 1918 г., когда грузинские войска вторглись в Абхазию. Об этом будет сказано подробнее, хотя опубликовано на данную тему очень много.

Во времена «советской империи» А. Ментешашвили изучал быт курдов, писал об Октябрьской революции и национальном движении, а затем, под влиянием З. Гамсахурдиа, принялся за абхазов и осетин. Не хочется навешивать на видного ученого ярлык пламенного представителя грузинского колониализма, тем более, что это не так.

В связи с некоторыми высказываниями ученого, приведу о политике тогдашней Грузии мнение Карла Эрика Бехофера, который побывал на Кавказе в 1919–1920 гг. «Свободное и независимое, – отмечал он, – социал-демократическое правительство государства Грузия, навсегда останется в моей памяти как классический пример империалистической «малой нации». Как в вопросе о внешних территориальных захватах, так и в бюрократической тирании внутри страны. Шовинизм ее вне всяких границ»¹.

Грузинские войска под командованием генерала Г. Мазниева оккупировали не только Абхазию, но и захватили к 26 июля 1918 г. территорию вдоль Черноморского побережья до Туапсе. Правда, очень скоро грузины были выбиты оттуда Доброволь-

¹ Bechoffer C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. London. 1921. P. 14.

ческой Армией и отошли к реке Бзыбь. Однако они поспешили включить в карту «Великой Грузии» все захваченные страны и области и собирались представить ее на Парижской мирной конференции. Свои действия в Черноморье они объясняли борьбой с большевиками, которая, по словам Гегечкори, была вопросом «нашей жизни и смерти». Но, замечает Деникин, «категоричность этого заявления была, впрочем, тотчас же ослаблена пояснением», что задача эта ставится лишь на «Черноморском побережье»¹.

На эту тему очень много было сказано генералами М. Алексеевым, А. Деникиным, А. Лукомским, представителем Кубанского правительства Н. Воробьевым и другими, которые в течение 1918–1919 гг., а затем в эмигрантских изданиях, неоднократно освещали события в Абхазии и не признавали ее в составе Грузии. Не буду здесь цитировать их свидетельства, т.к. многие из них опубликованы, – в том числе Н. Воробьев², и сильно раздражают некоторых грузинских историков.

Многие военные и политики требовали тогда очистить Абхазию от грузинских войск и администрации и предлагали англичанам объявить территорию Абхазии нейтральной³.

О внешних захватах Грузии писал в своих воспоминаниях и такой объективный свидетель как Б. Байков. Он отмечал, что империализм «является отличительной чертой внешней политики всех государственных новообразований» Закавказья, которые стали предъявлять друг другу территориальные претензии. Именно империализм толкнул «Грузию на овладение Самурзаканью и Абхазией»⁴.

Вот типичный пример, связанный с Самурзаканью. 18 июня 1918 г., одновременно с высадкой грузинских войск в Сухуме, в АНС пришла телеграмма из Тифлиса. В ней МВД Грузии сообщало о временном подчинении Самурзаканского участка Кутаис-

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 49, 243, 241.

² Воробьев Н. О неосновательности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию). Ростов-на-Дону. 1919.

³ Деникин А.И. Очерки. Т. 3. С. 242–243; Деникин – Юденич – Врангель. М.-Л. 1927. С. 96–97.

⁴ Архив Русской революции. Берлин. 1923. Т. 9. С. 171–172.

скому губернскому комиссару «по вопросам относящимся к охранению в нем государственного порядка и общественной безопасности». Самурзакань напрямую включалась в состав Грузии. Тем самым грубо нарушался пункт 1-й Соглашения от 9 февраля 1918 г. о «единой нераздельной Абхазии в пределах от р. Ингур до р. Мзымта». И.о. Сухумского окружного комиссара С. Басария, обеспокоенный данной телеграммой, направил этот документ, «ввиду важности изложенного», на рассмотрение АНС¹. Однако, как выяснилось, депутаты АНС были вообще не в курсе происходившего, а Грузинское правительство действовало через своего ставленника В. Шервашидзе, который еще 12 июня 1918 г. тайно обратился в Тифлис к военному министру «для водворения порядка» в Самурзакане². Это был старый, испытанный прием, делать политику чужими руками...

Прошло еще немного времени и генерал Мазниев объявил своим приказом (23 июня 1918 г.) Абхазию генерал-губернаторством, а себя губернатором. Такие откровенно бесцеремонные действия правительства Грузии вызвали взрыв негодования в Абхазии. Теперь возмутился даже председатель АНС В. Шервашидзе, который открыто лишился даже формальной власти руководителя Абхазии. Так, 4 июля 1918 г. он направил правительству Грузии и председателю Национального Совета Грузии протест от имени АНС. В нем, в частности, говорилось:

«В полном сознании своей ответственности Абхазский Народный Совет вступил в переговоры с Правительством Грузинской Демократической Республики с целью установить взаимное понимание и дружескую связь. Правительство Грузии, также сознавая всю ответственность момента, подписало с Абхазским Народным Советом *договор 11-го июня сего года* (выделено мною. – С.Л.); и во исполнение *пункта 6-го договора* (выделено мною. – С.Л.) 11 июня Правительство Грузии послало в Абхазию войсковые части в помощь Абхазскому Народному Совету и в его распоряжение под командой генерала Мазниева.

По прибытии в Сухум генерал Мазниев опубликовал приказ по Сухумскому генерал-губернаторству от 23-го сего июня № 1,

¹ ЦГАА. Ф. И-39, д. 6, лл. 37–40.

² Там же. Д. 7, лл. 1–2.

коим Абхазия, согласно телеграмме Военного министра была объявлена Сухумским генерал-губернаторством, а генерал Мазниев генерал-губернатором. В приказе № 3 генерал, уже вдаваясь в область политических взаимоотношений между Грузией и Абхазией, заявляет себя представителем грузинской власти и требует от населения безоговорочного подчинения всем законам Грузинской Демократической Республики, чем *нарушается пункт 8 договора* (выделено мною. – С.Л.)

Абхазский Народный Совет просит распоряжения об отмене приказа Военного министра, коим генерал Мазниев без ведома и согласия Народного Совета, был назначен Сухумским генерал-губернатором. Причем довожу до Вашего сведения, что Абхазским Народным Советом были даны генералу Мазниеву широкие полномочия вплоть до права введения осадного положения, но исключительно при ведении военных операций.

Прошу указать генералу, что источником власти и чрезвычайных полномочий на территории Абхазии является только Абхазский Народный Совет...

Указанные выше действия генерал-губернатора в Абхазии по существу создают в массах населения Абхазии недоверие по отношению Правительства Грузинской Республики...»¹

Протест В. Шервашидзе констатировал таким образом свершившийся факт оккупации Абхазии грузинскими войсками вслед за отторжением от Абхазии Самурзакани (ныне Гальский р-н), чего так опасался Симон Басария... По меткому выражению Деникина, Грузия занялась «округлением границ»². Председатель АНС, оказывается, понятия не имел о подмене «договора» и ссылался на его текст от 11 июня 1918 г., а не 8 июня, о чем подробно говорилось выше. Он упоминал п. 6-й «договора», на основе которого были введены войска, а также п. 8-й, где отмечалось, что социальные реформы проводятся в жизнь абхазским парламентом «на основании общих законов, изданных Закавказским Сеймом, но применительно к местным условиям» (сравните с п. 6-м «договора» от 8 июня, где сказано, что социальные реформы

¹ ЦГАА. Ф. И-39, д. 6, лл. 49–50.

² Деникин А.И. Очерки. Т. 3. С. 48.

в Абхазии проводит АНС «на основе общих законов Грузии с учетом местных особенностей»).

Не знал В. Шервашидзе и о том, что Мазниев был назначен генерал-губернатором Абхазии в Тифлисе 18 июня 1918 г. приказом военного министра Грузии. Иными словами, он стал фактическим правителем Абхазии еще до своего появления в Сухуме, куда прибыл 19 июня.

После введения грузинских войск в Абхазию положение резко осложнилось. Уже тогда, в июле 1918 г., «народ думал, что грузины пришли оккупировать Абхазию»¹. Выступая 18 июля 1918 г. на заседании АНС, И. Рамишвили вынужден был признать: «Умы абхазского народа настроены против грузинской демократии и ее представителей, про которых была пущена сплетня, что они будто бы несут рабство и порабощение абхазскому народу... Положение рисуется таким, что несомненно нужно отозвать отсюда грузинские войска, а потому он едет в Тифлис для доклада по этому поводу, т.к. лучше заблаговременно отозвать войска, чем ждать кровопролития»².

Однако правительство Грузии не удержалось от имперских амбиций и войска не только не были выведены из Абхазии, но продолжали занимать новые территории в направлении Туапсе. Причиной к этому продвижению, по словам Деникина, послужила слабость Черноморья, поводом – борьба с большевиками, гарантией – согласие и поддержка немцев, занявших и укрепивших Адлер.

Грузинское правительство не заставило себя долго ждать и постаралось с помощью ученых (в частности, П. Ингороква³) и генералов «обосновать» свои претензии на это выгодное черноморское пространство. Так, в документе, представленном позднее генералом И. Одишелидзе на Парижской конференции (1 мая 1919 г.), утверждалось, что вся полоса побережья до Анапы и устья р. Кубань принадлежала в XI–XIII вв. Грузии. И уж совершенно нелепо звучало заявление, будто «в продолжение XIV сто-

¹ ЦГАА. Ф. И-39, д. 3, л. 20.

² Там же, лл. 7–9 и об.

³ Ингороква П. О границах территории Грузии. Константинополь. 1918 (на груз. яз).

летия границы постепенно отошли назад, к реке Макопсе, и с XV столетия до XIX в., т.е. вплоть до присоединения этой части Грузии к России, границей всегда была река Макопсе (южнее Туапсе)». Вполне солидарен с подобными измышлениями и историк А. Ментешашвили¹, подробно и с удовольствием смакующий эту фальшивку.

В упомянутой докладной записке генерала И. Одишелидзе допущена явная путаница политических границ Грузии XI–XIII вв. (представляла собой федеративное государство) с ее собственно этническими границами. В VIII–X вв. и политические границы Абхазского царства простирались до Эрети (до границы современного Азербайджана) и были гораздо шире этнических. Но никто на этом основании не утверждает, что, скажем, Имеретия, Кахетия, Картли были населены в этот период абхазами и что это абхазская земля. Хотя к такому выводу можно прийти, если следовать логике грузинского генерала и историка Ментешашвили. Разве грузинскому ученому неведомо, что на всем пространстве от устья Кубани и Анапы до р. Ингур с древнейших времен проживали абхазо-адыгские народы?

Генерал Одишелидзе даже Сочи объявил «чисто грузинским городом», а весь Черноморский округ – «древней грузинской провинцией». Он заявлял также, что царский министр Ермолов «раздавал землю грузин русским чиновникам и генералам»².

Между прочим, вспоминается, как в 1990 г. Зураб Ачба очень верно подметил: «Некоторые грузинские ученые утверждают, что территория от р. Кубань до р. Ингур – это их земля. Но пусть они в пределах данной территории назовут хотя бы одного грузинского или мегрельского князя, дворянина, который владел бы, в том числе и в Абхазии, родовыми имениями и собственными землями. Таких просто нет»³.

Как известно, Черноморский край занимал площадь от Анапы до Гагры и до 1864 г. эту территорию сплошь населяли родственные народы – адыги (натухайцы, шапсуги, абадзехи и др.), убыхи и абхазы (садзы, ахчипсу). После окончания русско-кавказской

¹ Ментешашвили А. Из истории. С. 34–39.

² Там же. С. 37–38.

³ См: Единение. 1991. № 3.

войны в 1864 г., коренное население края вынуждено было переселиться в Турцию. Район Сочи, где жили убыхи, вообще обезлюдел. На покинутых землях стали селиться колонисты: русские, поляки, эстонцы, немцы, армяне, греки, молдаване. Первые грузины переселились в Сочинский округ из Кутаисской губернии в 1881–1882 гг. и осели в основном в селе Пластунское¹. С этого времени Сочи и стал, по-видимому, «грузинским городом».

Еще в 1991 г., в связи с вышедшим политизированным изданием «Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов» (Тбилиси, 1990), мною было особо отмечено: «Когда читаешь книжку А. Ментешашвили, то невольно приходишь к очень простой мысли: эта работа – политический заказ и яркое проявление тех имперских амбиций, которые сегодня вновь открыто и агрессивно возобладали в Грузии»².

Грузинский историк предпринимает попытки довести до ничтожной цифры и без того небольшое абхазское население, ссылаясь при этом на необъективные и второстепенные грузинские источники и совершенно игнорируя данные первой всероссийской (1897 г.) и первой всесоюзной (1926 г.) переписей населения. Так, применительно к 1917 г. он приводит в «Разысканиях» (С. 268) следующие сведения по Абхазии: грузин – 74.846 (42,1%), абхазов – 38.121 (21,4%), русских – 20.893 (11,7%), греков – 20.673 (11,7%), армян – 18.219 (10,2%) и других – 5.087 (2,9%)³. При этом нужно учитывать, что в число упомянутых «грузин» включены поголовно все самурзаканцы и мегрелы. Однако, по результатам авторитетной переписи 1897 г. известно, что абхазов было 58.697 (55,3%) человек, а грузин (в основном мегрелов) – 25.875 (22,4%), и лишь по переписи 1926 г. – грузин стало 67.494 (31,8%), а абхазов – 55.918 (26,4%)⁴.

Интересно, что даже грузинский министр ВД Ной Рамишвили, слова которого Ментешашвили приводит⁵, называет в 1919 г. в

¹ См.: Тулумджян А. Из истории революционного движения в Сочинском округе в 1905–1907 гг. Сухуми. 1958. С. 12–23.

² См.: Единение. 1991. № 3.

³ См. также: Ментешашвили А. Из истории. С. 19.

⁴ См.: Лежава Г.П. Из истории рабочего класса Абхазии.

⁵ Ментешашвили А. Из истории. С. 31.

Абхазии 60 тыс. грузин (!). Не думаю, что он не знал о фантастической цифре грузин из грузинской сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. и спустя два года, да еще на переговорах с англичанами, так «занизил» численность своих «соплеменников» в Абхазии. Скорее, напротив, Н. Рамишвили, как только мог, завысил их количество. Но в отличие от Ментешашвили, он хорошо знал действительное положение вещей в Абхазии, где 75 тыс. грузин в 1917 г. не могло быть – и этой дутой цифре англичане и генерал Деникин никогда бы не поверили. Тем более, что у Деникина были совершенно другие данные, относившиеся к 1916 году: «абхазов – 56%, грузин – 18, русских – 11, армян – 10, прочих – 5»¹. Даже в 1926 г., грузин, главным образом мегрелов, было менее 70-ти тысяч. Далее Ментешашвили приводит сведения из другого источника², изданного в Тифлисе в 1927 году. В нем уже значится 36 тыс. абхазов. Иными словами, за десять лет (с 1917 г.) численность абхазов не выросла, а сократилась по грузинским данным более чем на две тысячи человек. Удивительно, как это абхазы вообще дожили до сего дня в грузинской статистике.

Таким, как Ментешашвили, еще 30 марта 1920 г. в абхазской газете «Апсны» ответил один из лучших знатоков абхазской жизни Дмитрий Гулиа. В статье «Правда одному в пользу, а другому – во вред» он особо отмечал: «Вот уже много лет кряду постоянно на многолюдных сходах, «митингах», в выступлениях слышится, что в Абхазии проживает около 33 тыс. абхазов. Как это понимать? По данным энциклопедического словаря Ф. Павленкова в 1910 году в Абхазии проживало 70 тыс. абхазов, по К. Мачавариани (1912 г.) – 82.900, по статистике 1916 г. – 91 тыс. В настоящее же время их около 100 тыс. Что это за люди, которые не могут отличить 100.000 от 33.000? Если не знают, почему бы им не обратиться к какому-либо из абхазов или в литературу взглянуть? Почему они не стыдятся за умышленную ложь?»³

Нельзя обойти молчанием и то, какими методами действовало в 1918 г. правительство Грузии, чтобы утвердиться на за-

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 49.

² Ментешашвили А. Из истории. С. 53.

³ Цитирую по: Ачугба Т. О национальном составе. С. 31.

хваченной территории. Симон Басария по этому поводу оставил очень важное и интересное свидетельство.

«Следующий чудовищный, – писал он, – невероятный факт окончательно раскрыл населению, что грузинские империалисты вытворяют нечто кошмарное, одинаково позорное как для абхазской, так и для грузинской нации. Именно, потребовали от Абхазского Народного Совета письменный документ о том, что Туапсе есть граница Абхазии и что Абхазия имеет право занять Черноморское побережье до Туапсе включительно. Всю эту махинацию им нужно было проделать в тех видах, что армия Мазниева, заняв Сочи, уже подходила к Туапсе, но генерал фон Кресс, германский протектор Грузии, указал правительству последней на неудобство занимать чужую территорию. Вот им и нужно было заручиться документом, по которому видно было, что Туапсе занимается по просьбе абхазского народа, который, дескать, имеет историческое право на него. Члены Народного Совета абхазы протестовали против такого требования, указали на империалистические затеи Грузии и т.д., но большинство Совета из назначенцев (назначены в АНС оккупационными властями – С.Л.), а также новый председатель его (В. Шервашидзе – С.Л.), разделявший политику новых властей, настоял на своем. Очевидно, как у всех создателей империй, пред грузинским правительством восстало видение огромного государства – государства величия, каким должна была стать «демократическая республика»¹. Таковы факты.

В середине сентября 1918 г. абхазская делегация прибыла к генералу М.С. Алексееву², а 25 сентября в Екатеринодаре состоялось известное совещание, на котором рассматривался и вопрос об Абхазии. Однако, в самом его начале, генералы Добровольческой Армии не скрывали своих подозрений относительно совместного вторжения грузин и немцев в Черноморье, и спрашивали: «не участвует ли Грузия в союзе с немцами и большевиками в комбинации окружения» армии генерала Алексева?

¹ Басария С. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале. 1923.

² Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми. 1990. С. 68–73.

Гегечкори отверг такое предположение¹. Интересно, что он заявил тогда Алексееву: «вопрос о взаимоотношениях Абхазии, Грузии и Кубани нужно решать не здесь, а в другом месте»². Т.е. Гегечкори, хотя и косвенно, но признал, что вопрос об Абхазии еще не решен.

По поводу же занятой Мазниевым территории Сочи – Гагра генерал Алексеев заявил: «Можно ли вообще говорить об этих округах, как о грузинских, когда между ними и Грузией имеется еще целый округ Абхазии?»³. Еще более резко высказался на совещании представитель Кубанского правительства Н. Воробьев: «Если говорить о границе Грузии, то нужно установить ее только вплоть до Абхазии...»⁴. Далее он заметил: «За Гагринским округом имеется еще и Абхазия, которую отдавать на съедение мы не можем. Грузия должна начинать свои границы за Абхазией...»⁵.

Конкретную оценку действиям Грузии и ситуации на Черноморье дал и генерал А. Лукомский: «... В этот период Грузинское Правительство должно было действовать по указке немцев и, наконец, для Грузии Сочинский округ имел громадное значение в смысле зоны, отделяющей от Добровольческой Армии Сухумский округ, населенный свободолюбивым и воинственным Абхазским народом, не желавшим подчиниться Грузии. Грузинское Правительство опасалось, что если Сочинский округ войдет в состав Черноморской губернии, то непосредственное соседство района, подчиненного Добровольческой Армии, с Сухумским округом может повлиять на отпадение Абхазии от Грузии и лишение последней портов на Черном море»⁶.

На сентябрьском совещании в Екатеринодаре генерал Алексеев констатировал, что будущее положение Абхазии вообще не определено⁷. Очень интересную позицию занял тогда известный политический деятель России В.В. Шульгин. Обращаясь к

¹ Деникин А.И. Очерки. Т. 3. С. 241.

² Документы и материалы по внешней политике. С. 411.

³ Там же. С. 392.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 408.

⁶ Архив Русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 105.

⁷ Документы и материалы по внешней политике. С. 413.

Гегечкори, он спросил: «...Мы можем быть вполне компетентны и в своих решениях по вопросу об Абхазии. По ст. 13 дополнения к Брестскому договору, Грузия признана независимой и если бы Абхазия захотела этого, я думаю, по тем же основаниям, она могла бы добиться самостоятельности. Прошу ответить, если при заключении Брестского договора была речь о границах, то были ли установлены границы Грузии?».

Вопрос прозвучал настолько неожиданно для Гегечкори, что он вынужден был признать: «Нет, зафиксировано точных границ не было. Особым декретом было заявлено, что границы устанавливаются временем»¹. Но, если «Грузия считает себя независимой республикой», возражали дипломату из Тифлиса, то «пусть предоставит и Абхазии иметь суждение о своей судьбе»².

Как свидетельствует документ, даже на конец сентября 1918 г. у Грузии еще не были установлены границы и ее «государственность» была такой зыбкой, что притязания на Абхазию выглядели несерьезно. Тем более, что главный союзник социал-демократической Грузии императорская Германия доживала последние месяцы и вместе с султанской Турцией отходила на задний план. С резким ослаблением их международных позиций, рушились и надежды грузинского правительства. Германия терпела сокрушительное поражение в 1-й мировой войне, а «Деникин и его правительство не признавали Абхазию в составе Грузии» даже в 1919 г., о чем свидетельствует нота представителя Деникина на Парижской конференции Сазонова (бывший министр иностранных дел царской России) – лорду Керзону (Ментешашвили. С. 280–281). С этим справедливым замечанием А. Ментешашвили нельзя не согласиться.

Нужно учитывать то обстоятельство, что с осени 1918 г. Добровольческая Армия России была главной политической силой, с которой считалась прежде всего ее союзница Англия, а Грузия практически ничего не решала и фактически не существовала как государство. Так, приводя протокол совещания от 23 мая 1919 г., состоявшегося между грузинской делегацией

¹ Документы и материалы по внешней политике. С. 408.

² Деникин А.И. Очерки. Т. 3. С. 242.

(Е. Гегечкори, Н. Рамишвили) и представителем Деникина генералом Бриггсом, А. Ментешашвили отмечает, что этот документ наглядно свидетельствует о планах захвата Деникиным «всей Абхазии и отторжения ее от Грузии» (С. 273). Несмотря на высокопарность рассуждений грузинской делегации о государственной границе, о том, что «2000 лет Грузия существовала как независимое государство» и т.д., совершенно очевидно, что правительство Грузии стремилось обрести международное признание, которому Англия всячески противилась. «Ведь наше международное положение еще не выяснено окончательно, и мы ждем разрешения этого вопроса» (С. 276), – воскликнул в сердцах Гегечкори. Шел май 1919 года. Грузию, как государство, никто не признавал. Какую же автономию она могла предоставить Абхазии?

6

Грузинские оккупационные власти проводили в Абхазии репрессивную политику. Однако целый ряд грузинских авторов пытаются преподнести эти действия как «редкие случаи превышения полномочий со стороны правительственных войск».

Что же на самом деле происходило в Абхазии после вторжения грузинской армии?

В связи с неоднократными высадками в июне-августе 1918 г. абхазского десанта махаджиров из Турции, войска Грузинской республики проводили в Кодорском участке карательные мероприятия. Против мирного крестьянского населения, которое не успело организовать и поддержать абхазов-махаджиров, была развязана самая настоящая война. Тифлиссские власти, лицемерно называя очамчирских абхазов лояльными, воспользовались высадкой десанта, и под предлогом борьбы с ним, «огнем и мечом» прошли по кодорским селам. Буквально разгромлена была Джгерда – родина Таташа Маршания. Меньшевистское правительство возбудило большое дело «О повстанческом движении в Абхазии». Начался розыск руководителей движения – Александра Шервашидзе, Таташа Маршания, Симона Басария, Такуя Цвижба, Хаки Авидзба, Меджида Багапш, Кегвы Киут, Хабиджа и Карамана Ашуба и др.

В ночь на 15 августа 1918 г. у Моквского монастыря регулярные части совместно с казаками разбили махаджиров. В тот же день правительство Грузии при активном участии Варлама Шервашидзе разогнало АНС, который стал выходить из повиновения и еще 8 августа 1918 г. принял (в отсутствие В. Шервашидзе) решение о создании комиссии для выборов в Абхазское Учредительное собрание¹. Такое решение создавало серьезную угрозу, т.к. в соответствии с «договором» от 8 июня (или 11 июня) 1918 г. Абхазия на подобном Учредительном собрании должна была окончательно определить политическое устройство Абхазии и свои взаимоотношения с Грузией. В связи с этим стремлением, Тифлис обвинил депутатов АНС в «туркофильстве». В зал заседания ворвались меньшевистские гвардейцы. АНС был разгромлен и «реорганизован» за счет замены неугодных депутатов «горской» ориентации людьми грузинского правительства. Тогда же в Тифлис сообщалось: «Сегодня, 15 августа, оппозиция Абхазского Народного Совета разогнала старый состав, организуемый в тылу восстание туркофильствующего характера»².

О карательных мероприятиях оккупационного режима министр по делам Абхазии Р. Чхотуа подробно сообщал из Тифлиса 2 сентября 1918 г. председателю АНС В. Шервашидзе: «Регулярные войска в тылу и в ближнем и в дальнем, не нашедши возможность соприкосновения с турками, занялись массовыми арестами мирного населения и поджогами. В настоящее время Сухумская тюрьма переполнена мирными абхазцами Кодорского участка, которые числятся в списках Штаба военнопленными. Что касается поджогов, то они продолжают до последнего времени... Все происходящее в силу сказанного выше, начинает учитываться народными массами, как акт враждебного насилия со стороны Правительства Демократической Республики, направленной к покорению Абхазии...»³.

После первого разгона АНС и его «реорганизации» он превратился в удобную ширму правительства и военных кругов Грузии. От имени АНС власти проводили в Абхазии самые беззастенчи-

вые мероприятия вплоть до карательных расправ над мирными жителями. Среди населения нарастало недовольство политикой подавления и деятельностью АНС, который возглавлял абхазский князь грузинской ориентации В. Шервашидзе.

Накануне второго разгона АНС министр по делам Абхазии Р. Чхотуа направил 20 сентября 1918 г.¹ председателю правительства Грузии и В. Шервашидзе отношение о необходимости пересмотреть «договор» от 11 июня 1918 г. между Абхазией и Грузией на основании его 1-го пункта (и он не знал о «договоре» от 8 июня!).

Оппозиция, по словам М. Тарнава, остро критиковала фракцию меньшевистской правящей партии за бездействие в связи с бесчинствами военных властей. К октябрю 1918 г. соотношение сил уже менялось в пользу оппозиции. На бурном заседании АНС 9 октября 1918 г. депутаты поставили вопрос о виновниках и соучастниках разгона Совета вооруженной силой 15 августа. В своем заявлении депутаты Д. Алания, С. Ашхацава и др. потребовали «восстановить в правах насильственно распущенный Народный Совет, пользующийся полным доверием Абхазского народа, с его законным президиумом во главе». Семен Ашхацава потребовал: «Трудовое население Абхазии определенно решило взять власть в свои руки, для чего прислало своих представителей... Необходимо переизбрать президиум (т.е. В. Шервашидзе – С.Л.). Люди не пользующиеся ни доверием, ни уважением народа, не могут править страной»². Вечером 9 октября депутаты АНС проголосовали против председателя совета В. Шервашидзе. Здание тут же оцепили грузинские гвардейцы, а на следующий день, 10 октября, второй АНС был разогнан военной силой. Меньшевистское правительство объявило о роспуске АНС и назначении новых выборов. Утром 10 октября были арестованы окружной комиссар И. Маргания и С. Ашхацава. Днем на бульваре собрался митинг, на котором выступил Г. Туманов с «резкой обличительной речью против меньшевистских безобразий». Митинг был разогнан, а Г. Туманов и Г. Аджамов (оба входили в делегацию по поводу

¹ ЦГАА. Ф. И-39, д. 3, л. 31 и об.

² Газ.: Абхазия. 1991. 4 июня. № 22.

³ ЦГАА. Ф. И-39, д. 6, л. 77 и об.

¹ ЦГАА. Ф. И-39, д. 6, лл. 73–75.

² Наше слово. 1918. 11, 12, 14 октября; Единение. 1991. № 2.

«договора» 8 июня 1918 г.) арестованы. В последующие дни власти взяли под стражу видных абхазских депутатов Д. Алания, В. Чачба, М. Шлаттера, всего до 16-ти человек. Нескольких абхазских политиков ночью отправили на пароходе в Батум, а затем заключили в Тифлисе, в Метехскую тюрьму. Они обвинялись в заговоре против Грузинской республики, в связях с турками и Добровольческой Армией. Организаторами попытки переворота в Абхазии были названы министр Р. Чхотуа и комиссар И. Маргания. 10 октября 1918 г. в Тифлисе выступил с докладом глава правительства Н. Жордания¹. В постановлении правительства Грузии АНС объявлялся распущенным, а должность министра по делам Абхазии упразднена.

Так в Абхазии были ликвидированы последние намеки на липовый «договор» от 8 июня и фиктивное самоуправление. Абхазия оказалась полностью оккупированной военной силой Грузинской республики, и Тифлис свое присутствие здесь прикрывал то борьбой с большевиками и анархией, то с туркофильством и алексеевскими настроениями... Очень метко по этому поводу на драматическом заседании АНС высказался 9 октября 1918 г. С. Ашхацава: «Существующий порядок не может больше продолжаться. Разговор о туркофильстве, это вздор и обман; если дальше так будет продолжаться, то действительно народ примет какую угодно ориентацию, не только турецкую, даже – дьявольскую, лишь бы избавиться от захватчиков...»².

С подачи В. Шервашидзе, Д. Эмухвари и др. марионеток был окончательно разогнан негодный Тифлису состав второго АНС. Наступил период неприкрытой оккупации Абхазии. В 3-м пункте постановления грузинского правительства от 10 октября 1918 г. сообщалось: «Временно, до избрания Народного Совета Абхазии (Жордания уже и название АНС изменил. – С.Л.), назначить комиссаром Сухумского округа Бению Чхиквишвили, в руки которого должна перейти вся полнота власти; до его приезда высшей военной и гражданской властью облачить начальника штаба Сухумского отряда Тухарели».³

¹ Ментешашвили А. С. 270–272.

² Там же.

³ Ментешашвили. С. 271.

Из приведенного документа видно, что это Грузинское правительство совершило давно подготовляемый переворот. С октября 1918 по март 1919 г. все гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики. «Договор» от 8 июня утратил всякое значение. Вся страна находилась под чуждым управлением. Чрезвычайный комиссар Б. Чхиквишвили опирался на вооруженную силу Грузии и на подчиненных ему комиссаров уездов.

В условиях неприкрытой оккупации грузинское правительство приступило к выборам 3-го АНС на «демократических» началах. Председателем центральной избирательной комиссии стал (как и ее члены) свой человек, меньшевик В. Шервашидзе, однако вся ее работа направлялась из Тифлиса через Б. Чхиквишвили и И. Рамишвили. 17 декабря 1918 г. в парламенте Грузии с докладом о положении в Абхазии выступил министр ВД Ной Рамишвили. Он, в частности, признал, что там до сих пор действовал правительственный меч. Но военные действия, продолжал он, всегда сопровождаются «притеснением» мирного населения, поэтому в Абхазии слышны голоса недовольства. Министр ВД предлагал немедленно приступить к широким положительным действиям и срочно создать новый народный совет, представив проект о выборах в АНС, который и был утвержден парламентом Грузии 27 декабря 1918 года¹.

Новый АНС должен был избираться всеми жителями Абхазии без различия подданства, в то время, как в самой Грузии значительная часть населения была лишена избирательных прав. Поправки, внесенные в проект о выборах и относившиеся к Абхазии, характеризовались вполне определенной направленностью. Так, одна из них гласила: депутатами АНС могут быть избраны подданные Грузии, не проживающие в Абхазии, и те, кто получил право на жительство в Абхазии, и после 19 июля 1914 года.

Таким образом, все было сделано для того, чтобы в новый состав АНС прошли такие депутаты как Исидор Рамишвили, Лев Тумаркин (пристроился на службе у властей Тифлиса) и многие

¹ См. ст.: Д. Гамахария, З. Папаскири, В. Чания: Сабчота Апхазети. 1990. 3, 4 августа (на груз. яз.).

другие, которые никак не были связаны с Абхазией, но по существу управляли Абхазией после проведения столь «демократических» выборов.

В результате ноябрьской революции 1918 г. в Германии, Грузия лишилась своего главного союзника, а все договоренности Тифлиса с императорской Германией и султанской Турцией канули в лету. Страны-победительницы, прежде всего Англия, не признавали грузинской государственности. Это делалось в соответствии с пожеланиями генерала А.И. Деникина, ближайшего ее союзника. Казалось, режим Н. Жордания доживает последние дни, т.к. победа Антанты означала победу Деникина и ликвидацию меньшевистской Грузии. В отличие от немцев, англичане не церемонились с Тифлисом и сразу же предъявили правительству Грузии жесткие требования, в том числе относительно оккупированной Абхазии. «Первый англичанин, – вспоминал Жордания, – который явился ко мне от имени английского командования был генерал Брайтфорд. Генерал прибыл на заседание правительства. Он вошел к нам как фельдфебель, грубый и невоспитанный, появился как властелин. Между нами произошла стычка. Он с угрозой нам объявил: “Вы здесь долго не будете господствовать!” – и ушел»¹.

Именно в этой сложнейшей для Грузии ситуации, ее правительство признало характер карательных действий в Абхазии (Н. Рамишвили), вынесло в декабре 1918 г. специальное постановление о расследовании акций грузинских войск и поспешило объявить (в который раз!) об устройстве внутренней жизни Абхазии на «автономных началах»², чтобы не потерять захваченную территорию, а главное, сохранить свое существование.

Политическую ситуацию этого непростого периода психологически верно обрисовал «вождь Красной Армии» Л.Троцкий, который наряду с другими действующими лицами гражданской войны был ее колоритной реальностью. В феврале 1922 г. в работе «Между империализмом и революцией. Основные вопросы революции на частном примере Грузии», он писал: «25 сентября

¹ Zhordania N. My life.

² А. Ментешашвили. С. 271–272.

1918 г. Жордания письменно заверял фон Кресса: “не в наших интересах умалять престиж Германии на Кавказе”. А через два месяца пришлось уже открывать ворота великобританским войскам... Словом, при перемене германского подданства на антантовское вожди грузинского меньшевизма чрезмерно пренебрегли добрым старым советом русского поэта: “Льстецы, льстецы, умеите сохранить и в самой подлости оттенок благородства”»¹.

Арестованные 10 октября 1918 г., абхазские депутаты находились в заключении весь период выработки положения о выборах в АНС, в то время как предвыборную агитацию вела исключительно правящая социал-демократическая партия и агенты грузинского правительства. Только незадолго до выборов депутаты были освобождены из Метехи по требованию Деникина и командующего Союзными войсками на Кавказе английского генерала Томсона, который обратился 5 декабря 1918 г. к правительству Грузии по поводу арестованных абхазов. На следующий день, 6 декабря, состоялась беседа между английским полковником Стоксом, представителями Грузии Алшибая (в Баку) и полковником Марганадзе. Очень интересную стенограмму этой встречи из архива Гарвардского университета приводит А. Ментешашвили². Вообще следует заметить, что ученый приводит порой документы, ставящие под сомнение некоторые его выводы. (А сколько еще документов из «Грузинского архива» в Гарварде, которые чем-то «смущают» историков из Тбилиси и по этой причине не публикуются? Нас же не допускают к этим материалам в Гарвардском университете). Приведу лишь фрагмент из беседы Стокса с грузинскими представителями.

«**Стокс:** – Где они у вас находятся?

Алшибая: – В Тифлисе, в Метехском замке – это тюрьма для политических.

Стокс: – Зачем такие суровости?

Алшибая: – Г-н полковник, они обвиняются в государственной измене. Правительство не могло не отнестись к ним по всей строгости закона. Из числа арестованных, один был причастен к

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 12. С. 207–208.

² Ментешашвили А. Из истории. С. 26–27.

большевистскому движению, другой, из числа тех абхазцев-туркофилов, которые 4 месяца тому назад хотели организовать высадку турецкого десанта в Абхазии.

Стокс: – Вы томите в тюрьме абхазцев, не предъявляя обвинения, мы этого допустить не можем.

Алишбая: – С Абхазией у нас наилучшие отношения. Вам это может подтвердить полковник Марганадзе – наш военный представитель при дипломатическом представительстве.

Марганадзе: – Я абхаз и служу у грузинского правительства. Я должен заверить Вас, что между нами, абхазами, и Грузией нет неприязненных отношений. Грузия в силу договора с Абхазией предоставила ей полное внутреннее самоуправление. Абхазский Народный Совет ведает всеми внутренними делами Абхазии. Только отдельные личности могут идти против грузинского правительства, а не абхазский народ.

Алишбая: – Вы заступаетесь за лиц, которые недостойны Вашего заступничества. Положение заключенных абхазцев должно волновать Абхазский Народный Совет больше, чем кого бы то ни было, но Абхазский Народный Совет не сделал никакого заявления в защиту арестованных – это потому, что они не заслужили заступничества.

Стокс. – Я нашел бы нужным освободить их из тюрьмы, но держать их в Тифлисе, пока наш представитель не приедет и не разберет вопроса».

Скоро представитель британцев приехал и разобрал вопрос. По словам Л. Троцкого, «английский поручик стучал штыком по столу грузинского прокурора», требуя немедленного освобождения арестованных¹.

Приведенная выше стенограмма – поразительный документ коварства и лицемерия представителей правительства Грузии, которые выдали за абхаза полковника Марганадзе, в надежде, что слова «абхаза» произведут нужное впечатление на английского офицера. Правительство шло на любой подлог лишь бы удержать Абхазию в своих руках. Его посланцы цинично заявили о том, что судьба заключенных абхазских депутатов долж-

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 12. С. 216.

на волновать Абхазский Народный Совет, который «не сделал никакого заявления» в их защиту. Ту же очевидную глупость, в уверенности, что англичане не владеют всей информацией, Алишбая повторил и в своем письме генералу Томсону. Как же АНС мог что-то заявить, когда он был разогнан грузинскими властями еще 10 октября 1918 года?

Между прочим, следует обратить особое внимание на тот факт, что в последней своей публикации А. Ментешашвили (С. 272–273) вообще изъясил целый фрагмент с упоминанием абхаза Марганадзе, который он приводил в более ранних изданиях¹. Что это – подтасовка или другая редакция? Или таким образом ученый отреагировал на критику² этого документа, прозвучавшую еще в 1991 году?

7

В условиях нового расклада геополитических сил на Кавказе и резкого ослабления позиций Грузии, оставшейся на первом этапе без союзников и один на один с Деникиным, Добровольческая Армия в начале 1919 г. предприняла наступление в районе Гагры с целью отбросить грузинские войска за р. Бзыбь и объявить Абхазию (Сухумский округ) нейтральной территорией. В это же время представители абхазского народа вели с Деникиным переговоры. В абхазской газете «Апсны» (1919 г.) сообщалось, что Александр Шервашидзе «вручил письмо Деникину», в котором говорилось, что, «начиная с января месяца, абхазцы несколько раз просили его, чтобы он помог вывести из Абхазии грузинские войска, которые всячески притесняют абхазцев». В подобном духе было выдержано и письмо известного в народе Алексея Хасая, которое он лично вручил Деникину, обращаясь за помощью – «для освобождения нашей Абхазии от захвативших ее чужаков».

Положение в Абхазии оказалось в центре внимания Союзного командования, которое потребовало от грузинского прави-

¹ Сравните статью А. Ментешашвили в «Разысканиях» (1999 г.), с. 272–273 и его работу «Из истории взаимоотношений» (1990 г.), с. 26–27.

² См.: Лакоба С. «И не земля здешняя нам нужна» / Единение. 1991. № 3. С. 8; История Абхазии. Сухум, 1991; История Абхазии. Гудаута. 1993. С. 309.

тельства изменить свою политику в отношении захваченного им Сухумского округа. В своем специальном послании генерал Деникин 1 февраля 1919 г. сообщал английским генералам Уоккеру и Мильну, что к нему обратились с письмом «официальные представители абхазского народа», которые подробно осветили трагическое положение Абхазии после ее оккупации грузинскими войсками. В послании отмечалось также: «Ныне Грузия объявляет новые выборы в совет и проводит их под давлением вооруженной силы... Поэтому абхазские представители просят меня, во-первых, приостановить выборы в совет под влиянием грузинских властей и, во-вторых, предложить союзному командованию о немедленном выводе грузинских войск из Абхазии, дабы избавить абхазский народ от насилий, могущих вызвать кровавую смуту...». Генерал Деникин требовал: 1) немедленно объявить Сухумский округ (Абхазию) нейтральным; 2) отвести грузинские войска за р. Ингур; 3) удалить из Абхазии грузинскую администрацию; 4) «возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные»¹.

Вслед за этим письмом, у английского генерала Уоккера состоялась 23 февраля 1919 г. жесткая встреча с Н. Жордания, на которой последний обещал предоставить Абхазии широкую автономию². Это был тот самый генерал Уоккер, грозивший, по словам Л.Троцкого, «пальцем перед самым носом у председателя правительства Ноя Жордания, предупреждая его, что немедленно закроет центральный меньшевистский орган, если там появится статья способная огорчить Антанту». «Когда Деникин отбирал у Грузии Сухумский округ, – писал он далее, – меньшевики жаловались на Деникина Уоккеру, а на Уоккера – Гендерсону, – в обеих инстанциях с одинаковым успехом»³.

Грузинское правительство, опасаясь, что Деникин при поддержке англичан добьется нейтрального статуса для Абхазии, в срочном порядке форсировало выборы в новый, 3-й АНС. По поводу этих «демократических» выборов Михаил Тарнава в меньшевистской газете «Социал-демократ» (Тифлис) отмечал: «Пред-

¹ Деникин – Юденич – Врангель. С. 96–97.

² Литературная Грузия. 1989. № 11. С. 156.

³ Троцкий Л. Сочинения. Т. 12. С. 216–217.

выборную агитацию вела только правительственная партия Грузии... Другим партиям всячески ограничивалась возможность агитирования за своих кандидатов». В результате февральских выборов в 3-м АНС оказалось 40 депутатов, из которых 27 открыто выражали интересы правительства Грузии.

С 18 по 20 марта 1919 г. в Сухуме проходило заседание нового АНС (в мае 1919 г. переименован в НСА – Народный Совет Абхазии). Вступительное слово на его открытии произнес представитель Грузинской республики в Абхазии, все тот же Исидор Рамишвили: «**Мы не похожи на завоевателей и не земля здешняя нам нужна**, мы ищем соратников в борьбе, с которыми мы пойдем вместе к славному великому будущему социализму»¹. При этом он особо отметил: «Мы знаем стремление реакционных групп народа к “независимости”, но для этого маленький народ еще не готов и его могут взять в руки и в рабство поработители и из этой петли сам народ не сможет освободиться»².

На следующий день, по поводу этой фразы, в газете «Наше слово» была дана поправка к выступлению И. Рамишвили: «Стремление абхазского народа к независимому существованию вполне естественно. Но этот маленький народ еще для этого не готов, и под именем независимости разные поработители на его шею накинут такую петлю, из которой освободиться ему будет стоить многих усилий. Когда же Абхазия почувствует силу к самостоятельному существованию, тогда наша помощь к осуществлению этого шага за ней обеспечена»³.

На открытии 3-го АНС от различных фракций и групп выступили: Л.М. Тумаркин (социал-демократ), П.Л. Геловани (социалист-федералист), С.Я. Чанба (независимец), Р.И. Какуба (независимая крестьянская группа), М.Л. Григолия (социалист-революционер), Н.К. Тавдгиридзе (национал-демократ).

В своем выступлении 18 марта 1919 г. Самсон Чанба, в частности, говорил:

«Грузинские социалисты, когда они жили в России, шли по пути интернационализма, но, вернувшись к себе, в Грузию, ре-

¹ Наше слово. 1919. 21 марта.

² Там же.

³ Наше слово. 1919. 22 марта.

шили создать свое государство... Государство, как известно, не может существовать без территории и людских ресурсов. Поэтому грузины стараются раздвинуть, расширить границы этой страны. И маленькая Абхазия для этого лакомый кусок.

В наше время трудно стало захватить кого-либо насильственным путем, если для этого не подыскать повод, хитросплетенный подход. И вот перед нами маячит выдвинутый великой революцией вопрос о самоопределении народов, но в перелицованном виде. И теперь мы, народ Абхазии, самоуправляемся. Но так ли это на самом деле? Внешне как будто так, но, если взглядеться глубже, наше самоуправление находится не в наших руках, ибо другие, вырвав его из наших рук, используют его в своих интересах.

Разогнав состав Абхазского совета (в октябре 1918 г. – С.Л.), отняли у нас власть. Затем послали в районы Абхазии уйму агитаторов, чтобы подобрать нужных, послушных им людей в Совет, дабы их устами провозгласить давно вынашиваемую цель – присоединить Абхазию к Грузии. Как воочию убеждаемся, им осталось не так уж много, чтобы осуществить эту свою цель.

Мы не против самоопределения грузин и их республики, больше того, мы это приветствуем. А вместе с тем мы также уважаем себя. Какие бы сладкозвучные слова они не произносили, сквозь них просвечивает их замысел – держать Абхазию на прицеле»¹.

Давление Добровольческой Армии по абхазскому вопросу, оказанное через британское командование, безусловно, напугало грузинское правительство и вынудило через большинство своих ставленников в АНС принять 20 марта 1919 г. ни к чему не обязывающий «Акт об автономии Абхазии».

В связи с сочинским конфликтом, потеря Грузией Абхазии могла стать реальностью, что подтверждается и начальником «Особого совещания» генералом Лукомским: «Лучшим же выходом из создавшегося положения, как об этом и сообщалось ан-

¹ Речь С. Чанба была опубликована на абхазском языке в газете: Апсны. 1919. 5 апреля. Дается в подстрочном переводе академика Х.С. Бгажба. См. также: История Абхазии. 1991; 1993. С. 313–314.

глийскому командованию, было бы преобразование из Сухумского округа, населенного главным образом абхазским народом и на владение коим Грузия не имела никаких прав, нейтральной зоны. Это разрешило бы все недоразумения, а крикливое, но бессильное грузинское правительство, конечно, покорилось бы этому решению. Но этого не было сделано...»¹.

Сам по себе «Акт об автономии Абхазии»² содержал всего два пункта. Принятие Акта тогда же приветствовалось парламентом Грузии. Однако по сути своей он так и остался на бумаге, а три различных проекта Конституции Абхазии не были одобрены в силу сильнейших разногласий между АНС, с одной стороны, и грузинским правительством и Учредительным собранием, с другой.

Председателем 3-го АНС стал меньшевик Арзакан Эмухвари, а в мае Совет вновь возглавил Варлам Шервашидзе. Эмухвари тогда же пересел в кресло председателя комиссариата Абхазии (правительство). После формального принятия Акта, АНС предстал в виде законодательного органа, а комиссариат – исполнительного. Однако вся эта игра в «автономию» оказалась иллюзией самоуправления, что очень скоро стало очевидным для всех.

Тогда же, весной, у англичан и генерала Деникина возникли большие подозрения по поводу «демократичности» выборов в Абхазию. Это нашло свое отражение и в протоколе Совещания (Тифлис, 23–24 мая 1919 г.) представителей грузинского правительства и Добровольческой Армии при посредничестве английских генералов Бриггса и Бича. Ной Рамишвили заявил тогда: «Демократические принципы, о которых Вы говорили, генерал, являются только тем, чем руководствуется Грузинское Правительство и что лежит в основе во всех его действиях. Наше продвижение в Сухумском округе имело целью борьбу с большевизмом. Население этого округа равно 200 тысячам, из коих большинство составляют абхазцы и грузины (здесь не сказано, что грузин 60 тыс. чел. – С.Л.). Это население выявило свою волю в выборах Народного Совета,

¹ Деникин – Юденич – Врангель. С. 98.

² Наше слово. 1919. 21 марта; Литературная Грузия. 1989. № 11. С. 155–156; Лакоба С. Очерки политической истории. С. 74–75; История Абхазии. С. 314–315.

доказавших, что оно желает получить автономное управление в пределах независимой Грузии...». Генерал Бриггс ответил: «Раз большинство населения Сухумского округа составляют грузины, то вы не должны опасаться, если Союзная Комиссия произведет расследование. Если Комиссия выяснит, что население будет за Грузию, то Деникин не будет противиться этому...»¹.

Бриггс также заявил Гегечкори: «Абхазцы недовольны грузинским управлением и даже заявляют, что если им дадут оружие, то они сами очистят округ от грузинских войск. Грузины поступают там хуже большевиков: отнимают дома, земли, производят социализацию и национализацию имущества». Далее английский генерал отметил: «Что касается Сухумского округа, то из других источников я слышал, что желание воссоединиться с Грузией не есть выражение воли населения. Если абхазы на Русском народном собрании заявят о своем желании быть с Грузией, то в настоящее время торжества демократических принципов эта воля народа должна быть удовлетворена, и Деникин, настроенный демократически, не будет против этого. Сейчас Деникин хочет обеспечить свой тыл и согласен, чтобы Сухумский округ был нейтральной зоной, но он не будет разговаривать до тех пор, пока грузинские войска не отойдут за Бзыбь»².

В свою очередь, Рамишвили и Гегечкори настаивали на том, что окончательное решение должно быть принято не на Русском народном собрании, а на Парижской конференции³.

На следующий день, 24 мая 1919 г., Ной Жордания в беседе с английским генералом Бичем посетовал на генерала Бриггса: «Мне приходится впервые слышать подобные речи от английских генералов». Генерал Бич неожиданно бросил: «Мы хотим иметь британского офицера в Сухуме. Вы не очень протестуете против этого?»⁴.

С отчетом об этих переговорах на заседании народного совета (НСА) в Сухуме, выступил 6 июня 1919 г. председатель комис-

¹ Наше слово. 1919. 14 июня.

² Ментешашвили А. Из истории. С. 29–30.

³ Ментешашвили. С. 275–276.

⁴ Демократическое правительство Грузии и английское командование. Тифлис. 1928. С. 54–57.

сариата А. Эмухвари. Абхазский депутат И. Маргания по поводу сложившейся обстановки заявил тогда: «Многим из вас известно, что бывший Чрезвычайный Комиссар Чхиквишвили послал телеграмму, что он застал Абхазию в объятиях анархии. Я заявляю, что само Грузинское правительство вызывает усиление анархии и теперь не только страна в объятиях анархии, но и сами комиссары (намек на А. Эмухвари. – С.Л.) в объятиях анархии»¹.

Вскоре появилось и заявление 14-ти депутатов НСА (И. Маргания, Д. Алания, М. Тарнава, М. Цагурия и др.) от 29 сентября 1919 года. О ситуации, сложившейся в Абхазии, в нем говорилось: «По какой-то злой иронии, Великая Русская революция, давшая свободу и независимость почти всем народностям Кавказа, обошла маленькую Абхазию, и в нашей стране великие принципы революции совершенно заслонились произволом и насилием властей. И так как все эти насилия производились именем Грузинского Правительства, то в абхазской массе сложилось представление о грузинах, как о насильниках и поработителях... Переходя к деятельности бывшего Чрезвычайного Комиссара гражданина Чхиквишвили, назначенного Грузинским Правительством после разгона Совета для управления Абхазией, мы не можем обойти молчанием этого знаменательного периода. Подобно генералу Мазниеву, он сорганизовал отряд из отбросов... Убытки, причиненные этим отрядом, выразились в миллионах. Период Чрезвычайного Комиссара г. Чхиквишвили совпал также с выборами в Абхазский Народный Совет, и надо отдать справедливость г. Чхиквишвили, что он блестяще выполнил свою задачу, проведя в Совет по преимуществу представителей неабхазского населения, совершенно несвязанных ни в какой степени с интересами края»².

В этот период в НСА усилилась борьба и произошла перегруппировка сил. Депутаты разбились на два лагеря: в одном собрались почти все абхазы во главе с «независимцами», находившиеся в оппозиции к грузинскому правительству, в другом – сторонники Тифлиса. Осенью 1919 г. ряды правящей меньшевист-

¹ Наше слово. 1919. 15 июня.

² ЦГАА. Ф. И-39, д.16, лл. 1–2; АГМ. Ф. 3, оп. 1, д. 39, лл. 57–58.

ской партии покинула группа абхазских социал-демократов: М. Тарнава, А. Чукбар, Д. Дзкуя, К. Барциц, Базба, Кобахия, Цвижба. Они протестовали против расправ грузинских гвардейцев под командованием полковника Тухарели над мирным крестьянским населением. Эти карательные действия в Бзыбской Абхазии превзошли, по их словам, жестокость царского генерала Алиханова-Аварского. «Начальник грузинского отряда, поручик Купуня, – писали они, – бывший пристав г. Поти, избил целый сход в селении Ацы, заставив всех лечь под пулеметный огонь, и прошелся затем по их спинам, нанося удары шашкой плашмя... Обратившиеся к нему с протестом против такого зверства и насилия члены бывшего Абхазского народного совета, Абухба и Дзукуя, были арестованы...».

Этот широко известный документ приводит и Л.Троцкий¹, и я нисколько не удивлюсь, если грузинский историк за цитирование «вождя Красной Армии» назовет меня «троцкистом»...

Карательные меры применялись не только против абхазов, но и против южных осетин. Их осуществляли отряды «красной гвардии» Джугели, потом «народной гвардии» Мазниашвили, которые отличались от советской «красной гвардии» только «национальным шовинизмом». Они были хорошо вооружены, особенно артиллерией, доставшейся от бывшего Кавказского фронта русской армии, получали высокое жалованье и возглавлялись почти исключительно людьми с тюремным прошлым...².

Почти никто из абхазов в 1919–1920 гг. (за исключением А.Эмухвари, о котором С. Басария писал: «Народ его не видел и видеть не хотел») не соглашался сотрудничать с властями. Несмотря на просьбы и даже угрозы меньшевиков, авторитетный в народе учитель А. Чочуа отказался выдвинуть свою кандидатуру в депутаты Учредительного собрания Грузии.

В августе 1919 г. в связи с запросом грузинской национал-демократической партии о положении в Абхазии, Учредительное собрание вынуждено было признать: «Реальные интересы грузин и абхазцев требуют немедленной смены односторонней и

крайней политики нашего правительства в Абхазии, которая неприемлема для большинства абхазского населения».

Между тем центральные власти из Тифлиса усиливали давление на НСА. «При таком положении, – писал М. Тарнава, – продолжала фактически существовать прежняя оккупация, которая и была до 3 Абхазского Народного Совета и Комиссариата Абхазии. Последние нужны были только как ширма и форма, под прикрытием которых проводились бы в Абхазии все принципы грузинской меньшевистской государственности...».¹

Осенью 1919 г. в газете «Социал-демократ» (Тифлис) Михаил Тарнава открыто заявлял, что Абхазия «лишена всякой самостоятельности» и является страной «оккупированной»². Он, к сведению Л. Тоидзе, долгое время являлся членом грузинской меньшевистской партии и не был большевистски настроенным (С. 293). Однако возмутительные действия грузинского правительства по отношению к Абхазии вынуждали ее политическую элиту искать союзников то на Северном Кавказе, то в лице Деникина, то обращать взоры на Советскую Россию, с которой, кстати, усиленно заигрывал Джордания. Не случайно ведь еще в октябре 1918 г. депутат Семен Ашхацава предупреждал: **«Если дальше так будет продолжаться, то действительно народ примет какую угодно ориентацию, не только турецкую, даже – дьявольскую, лишь бы избавиться от захватчиков».**

Не задним числом, а 20 октября 1919 г. М. Тарнава высказал в тифлисской газете свое мнение об оккупационном режиме в Абхазии. «В городах созданы военные комендатуры, – сообщал он, – в центре – окружное военное управление под названием штаба обороны во главе с полковником Тухарели, в уездах оперируют войсковые части, по своему усмотрению заменяя администрацию, словом, все военно-административное управление страной находится в руках военных агентов грузинского правительства»³.

В феврале 1920 г. в Сухуме начал работу Съезд абхазской интеллигенции, который открыл вступительным словом В.Т. Анча-

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 12. С. 223–224.

² Деникин А. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 48.

¹ Тарнава М. Воспоминания.

² Социал-демократ. 1919. 20 октября. № 87.

³ Там же.

бадзе. На нем выступили депутаты НСА Иван Маргания, Михаил Тарнава, Дмитрий Алания и другие. «Советская Россия заинтересована в судьбе Закавказских республик, – говорил И. Маргания, – так и Грузия страстно заинтересована в судьбе Абхазии, что Грузия без Абхазии не может существовать, а абхазцы заинтересованы в том, чтобы они были независимы от Грузии, чтобы они были бы свободными... Нас, абхазцев, подвергли самым жестоким пыткам, что все политические партии Грузии подходят к Абхазии с той точки зрения, что Абхазия, как и Мингрелия, Гурия и Сванетия есть составная и неотъемлемая часть Грузии, что и является большой ошибкой, так как Абхазию населяют народы, совершенно чуждые грузинам по языку, нравам и обычаям, что они, грузины, насильственно насаждают грузинский язык в Абхазии... Настоящий режим делает гораздо худшее, чем старый... Демократический строй отошел от своих задач... Никогда так цинично не обманывали народ, как теперь»¹. Выступление Маргания поддержал Д. Алания: «Они (в Тифлисе. – С.Л.) говорили, что они не империалисты, что их не нужно бояться»². Не остался в стороне и М. Тарнава: «Абхазский Народный Совет и Комиссариат являются не представителями народа, а агентами правительства. Комиссариат больше связан с Тифлисом, чем с Краем... Прямой провод износился. При таком отношении могут ли эти учреждения сделать что-нибудь? Они делают только для наших соседей... Как Центральное правительство смотрит на нас? Когда мы не были с Грузией, тогда с нами считались... Такая политика добра не принесет. Все это они оформили какой-то автономией. На самом деле нечто вроде оккупации... Абхазию обратили в какую-то провинцию Грузии»³.

Недовольство по поводу затянувшегося принятия конституции «автономной» Абхазии в 1920–1921 гг. стали выражать даже такие деятели как председатель НСА Варлам Шервашидзе. В ноябре 1920 г. в одной из подробных «записок» на имя председателя правительства Грузии делегация народного совета (В. Шервашидзе, И. Пашалиди, Д. Захаров, А. Убирия, В. Гур-

¹ ЦГАА. Ф. И-39, д. 20а, л. 3.

² Там же, л. 3 и об.

³ Там же.

джуа, М. Тарнава, М. Берулава, Д. Алания, М. Цагурия) заявила в Тифлисе: «Все заявления правительства о неизбежности автономии на практике далеко расходятся с действительностью. По существу, начиная с 1918 г., правительство республики все более расширяло область своего вторжения во все сферы жизни Абхазии... **Отношения между Грузией и Абхазией до сих пор не оформлены, а следовательно, юридически не обязательны для обеих сторон** (выделено мною. – С.Л.)»¹.

Упомянутая делегация НСА прибыла в Тифлис 6 ноября 1920 г. для рассмотрения проекта Конституции Абхазии в смешанной комиссии на паритетных началах совместно с представителями Учредительного собрания Грузии². Однако правительство категорически отказалось совместно с делегацией Совета рассматривать и принимать в Учредительном собрании и НСА будущую конституцию Абхазии. Тем самым был грубо нарушен пункт 2-й Акта от 20 марта 1919 года.

В связи с таким положением члены конституционной делегации НСА сделали 5 декабря 1920 г. свое последнее заявление: «Ввиду такого расхождения взглядов Народного Совета Абхазии и центральной власти по вопросу о порядке разработки и принятия Конституции Абхазии делегация выезжает обратно»³. Ряд грузинских историков признают, что власти в Тифлисе «явно запоздали с принятием закона об автономии Абхазии»⁴.

Откровенно шовинистическую политику меньшевики проводили в отношении не только абхазского, но и других народов Абхазии. Тысячи армянских и греческих крестьян покидали страну. Минувя НСА, власти приступили в 1920 г. к заселению Гагринского и Гумистинского уездов выходцами из Западной Грузии⁵. В октябре 1920 г. НСА рассмотрел на своем заседании эту «преступную закулисную политику, которая ведет к аннулированию

¹ РЦХИДНИ. Ф. 85, оп. 15, д. 42, л. 13–19; АГМ, ф. 3, оп. 1, д. 39, л. 117–119.

² Слово. 1920. 9 ноября.

³ Литературная Грузия. 1989. № 11. С. 157.

⁴ Свободная Грузия. 1991. 3 мая.

⁵ Дзидзария Г.А. Очерки истории Абхазии (1910–1921 гг.). Тбилиси. 1963. С. 325–326; Сагария Б.Е. История повторяется / Бзыбь. 1989. 30 октября.

автономии Абхазии»¹. Бесцеремонно правительство Грузии вело себя и в других вопросах. Не считаясь со спецификой Абхазии, где многонациональное население общалось на русском языке, меньшевики в целях осуществления программы «национализации» (грузинизации) края навязывали стране грузинский язык. На заседании АНС 25 июля 1918 г. было принято постановление: «ввиду интернациональности нашего края оставить государственным языком русский». А 27 июля Варлам Шервашидзе выразил протест в связи с «грузинизацией» правительственных учреждений Абхазии и замены русского языка грузинским². Обязательное изучение грузинского языка навязывалось школам³. С критикой правительства в этом вопросе 2 августа 1919 г. в Учредительном собрании Грузии выступил Л. Шенгелая (писатель Лео Киачели). Он напомнил: «Некоторые забывают абхазскую действительность, которая заключается в том, что большинство населения Абхазии говорит на русском языке, и это происходит не только в самой Абхазии, но и в Самурзакано, где большинство населения составляют мингрелы. И поэтому проведение национализации одним наскоком нанесет серьезный ущерб нам»⁴.

С января 1920 г. в крае без ведома НСА и Комиссариата был введен прямым распоряжением из Тифлиса «военно-чрезвычайный суд», который казнил за несколько месяцев 20 человек и предал суду 129. В сентябре 1920 г. на заседании НСА М. Тарнава отметил: «Суд введен в Абхазии не теми органами, кому принадлежит это право... Здесь нарушены права автономии...»⁵. По поводу сложившейся ситуации депутаты Барциц и Алания в мае того же года заявили: «Автономии нет, само существование Совета не имеет основания...»⁶.

Несмотря на протесты НСА, малая конституционная комиссия Грузии рассмотрела 29 декабря 1920 г. проект «Положения об автономном управлении Абхазией» без участия представителей

¹ Слово. 1920. 9 ноября.

² ЦГАА. Ф. И-39, д. 7, л. 3.

³ Наше слово. 1919. 20 ноября.

⁴ Литературная Грузия. 1989. № 11. С. 160.

⁵ ЦГАА. Ф. И-39, д. 18, лл. 210, 214.

⁶ Там же, лл. 136–138.

Народного Совета. Вместе с тем на заседании НСА, состоявшемся в Сухуме 4 января 1921 г. под председательством В. Шервашидзе был одобрен доклад конституционной делегации, которая выразила в Тифлисе протест Президиуму Учредительного собрания в связи с ущемлением законодательных прав Народного совета при разработке Конституции Абхазии. «До сих пор Народный Совет всеми мерами старался не допустить обострения трений, – заявил 4 января 1921 г. В. Шервашидзе, – считая своей основной задачей организацию государственной власти здесь, на месте. Но время шло, уже три делегации командировались Народным Советом по данному вопросу, а автономия Абхазии до сих пор не оформлена»¹.

Только в дни свержения правительства Грузинской республики Учредительное собрание 21 февраля 1921 г. приняло Конституцию Грузии. Однако применительно к Абхазии она не имела никакого значения и не вступила в силу. Кроме того, она нарушила статью 2-ю Акта от 20 марта 1919 г., признанного тогда и Учредительным собранием Грузии. Кстати, и Ментешавили в «Разысканиях» (С. 284) вынужден признать: «К сожалению, Учредительное собрание Грузии совместно с абхазскими представителями *не разработало* (выделено мною. – С.Л.) Конституцию для автономной Абхазии». О чем же, спрашивается, тогда речь?

Очень важным является и тот факт, что абхазский народ бойкотировал выборы в это самое Учредительное собрание, в связи с чем оно было лишено правовых оснований на оформление так называемой автономии Абхазии. В мае 1920 г. в прессе отмечалось: «Партийная (меньшевистская – С.Л.) среда живет под тяжелым впечатлением разобщения с абхазской интеллигенцией, явившегося в результате непринятия абхазским населением участия в выборах в Учредительное собрание»².

Помимо сказанного, статья 107-я Конституции Грузии носила расплывчатый характер и трудно понять, о какой автономии (культурной?) шла речь. К тому же, как следует из статьи 108-й,

¹ АГМ. Ф. 3, оп. 1, д. 54, лл. 20–27 и об.

² Наше слово. 1920. 6 мая.

«Положение об автономном управлении» вообще не было выработано, а без него ни о какой «автономии» и речи не могло быть.

В связи с этой «неувязкой», А. Ментешашвили, как и ранее¹, силится доказать в «Разысканиях» (С. 282–283), что «Положение» якобы было утверждено вместе с Конституцией, однако из текста самой Конституции Грузии 21 февраля 1921 г. (ст. 108) следует, что оно лишь находилось в процессе разработки.

8

С конца 1919 по февраль 1921 г. расстановка политических сил вокруг Грузии несколько раз претерпевала серьезные изменения. В последние месяцы 1919 г. военное положение Советской России изменилось радикально: Юденич был уничтожен, Деникин отброшен на юг и разгромлен. С ликвидацией Добровольческой Армии, являвшейся буфером между Советами и Закавказьем, Грузия оказалась на краю пропасти. В свое время генерал Деникин неоднократно предупреждал Тифлис именно о таких военно-политических последствиях.

В создавшейся новой обстановке, советское правительство стало предлагать никем не признанной Грузии военный союз для ликвидации остатков Добровольческой Армии, опасаясь, что они могут сорганизоваться и закрепиться на новом плацдарме. Однако Н. Жордания, не осознавая до конца всю плачевность своего положения, хвастливо заявил (14 января 1920 г.) в Учредительном собрании: «Вы знаете, что Советская Россия нам предложила военный союз. Мы ей наотрез отказали в этом... Пути Грузии и России здесь разошлись. Наш путь ведет в Европу, путь России – в Азию... Предпочту империалистов Запада фанатикам Востока!».

Но страны Антанты не спешили юридически признавать Грузию, учитывая реальное положение дел. Западные дипломаты постарались объяснить Жордания, каким путем следует идти грузинскому правительству, чтобы получить их признание. Этот путь лежал через Москву, а высокопарные слова Жордания оказались преждевременными. Очень быстро он заговорил другим

¹ См.: Литературная Грузия. 1989. № 11.

языком: «Ясно было, что с Россией, хотя и ослабленной, очень считались, не хотели ее расчленения. Я решил начать переговоры с Москвой о признании...»¹. Советская Россия признала Грузию де-юре, заключив с ней 7 мая 1920 г. мирный договор, в обмен на легализацию большевистских организаций.

Таким образом, неважно какой была Россия, «белой» или «красной», с ней вынуждены были считаться как с великой державой, независимо от смены ее политических цветов. И что бы там не говорили и не провозглашали сегодня, официально и юридически Грузия до 7 мая 1920 г. оставалась в составе Российского государства, а, следовательно, просто не могла быть государством в государстве.

Только после кремлевского одобрения Демократическую республику Грузия признали Германия (24 сентября 1920 г.), Бельгия, Франция, Англия, Италия, Япония (27 января 1921 г.), Польша (28 января 1921 г.), Австрия (17 февраля 1921 г.), Румыния (18 февраля 1921 г.), Люксембург (23 февраля 1921 г.) и даже Мексика (14 апреля 1921 г.), в которой видимо еще не знали, что Грузинская республика прекратила свое существование в феврале 1921 года... Многие историки любят перечислять этот список государств, но при этом умалчивают об одном главном обстоятельстве. О нем (возможно с подачи самого А. Ментешашвили) на чрезвычайном заседании Верховного Совета Республики Грузия говорил 9 апреля 1991 г. Звиад Гамсахурдия: «Однако руководящие круги крупных европейских стран, особенно Великобритании, отдавали предпочтение политическому смягчению отношений с уже победившей в гражданской войне Россией и поэтому **официально признавали проблемы Грузинской республики внутренним делом России**» (выделено мною. – С.Л.)².

Руководствуясь именно этим обстоятельством, Англия и Франция сделали невозможным вступление Грузии (16 декабря 1920 г.) в Лигу Наций³. Грузия уже тогда была обречена, а события в ней рассматривались как внутреннее дело России.

¹ См. статью А. Ментешашвили: Литературная Грузия. 1990. № 2. С. 176–177.

² Свободная Грузия. 1991. 10 апреля.

³ Ментешашвили А.: Литературная Грузия. 1990. № 2. С. 190–192.

Возвращаясь к советско-грузинскому договору от 7 мая 1920 г., необходимо отметить, что А. Ментешашвили, Л. Тоидзе и другие авторы заявляют: РСФСР юридически признала тогда «безусловно входящим в состав Грузинского государства Сухумский округ»¹. Но, во-первых, Договор от 7 мая не мог быть распространен на Абхазию, т.к. ее территория с июня 1918 г., т.е. за два года до подписания этого документа, была аннексирована Грузинской республикой в результате военного вмешательства (интервенции). Во-вторых, в договоре ничего не говорится об Абхазии или ее «автономии» (по утверждению грузинских историков Абхазия с 1918 г. была «автономией»); в нем сказано о Сухумском округе. Правовед А.С. Автономов пришел к выводу: «... Этот Договор лишь признавал факт нахождения территории за рекой Псоу под контролем грузинских войск, при этом в нем ничего не говорилось о судьбе Абхазии»².

Известно, какую неразбериху вызвали статьи Договора о границах Грузии. Последовали энергичные протесты со стороны Азербайджана (по Закатальскому округу) и Армении (спорные территории Тифлисской губернии и Батумской области). Об Абхазии говорить было некому, а Сталин и Орджоникидзе находились в ближайшем окружении Ленина и уже задумывались о будущих границах Советской Грузии, прекрасно понимая, что Договор этот весьма условный и временный. Поэтому, исключительно по тактическим соображениям, все тогдашние территориальные притязания Грузии были полностью учтены и удовлетворены Лениным.

Как же относились к этому Договору и к ситуации вокруг него в Москве? «Вождь Красной Армии» Л. Троцкий, прекрасно владевший обстановкой, писал: «Меньшевистское правительство пережило весной 1920 г. острый период страха и капитулировало. Когда же оно не без изумления убедилось, что занесенный кулак не опускается на его голову, оно решило, что переоценило

опасность, и стало по всей линии бить отбой»¹. Переоценка эта была связана с новыми обстоятельствами – у Советской России возникли временные затруднения на польском фронте и с Врангелем, а Грузия вновь повела себя враждебно. Все это учитывалось Москвой, но, по словам Троцкого, тогда большевики «не видели политического интереса в ликвидации меньшевистской Грузии», т.к. хорошо знали, что, «если им наступить на ногу» они «будут кричать на всех языках демократической цивилизации»².

События в Грузии приближались к развязке, а народные настроения «не отличались от общерусских». Население все больше «сочувствовало большевикам, а... правительство не могло организовать оборону»³.

Грузия, пытавшаяся восстановить свою государственность на принципах «самоопределения и мира без аннексий», в то же время оккупировала Абхазию, подвергла жесточайшим репрессиям осетин и заявила претензии на русские и армянские территории. В результате, она запуталась в клубке противоречий.

В феврале 1921 г. «советский переворот в Грузии», совершенный при «активном участии Красной Армии», был неизбежен. Однако его представляют, по словам Троцкого, как внезапный «набег советского волка на невинную Красную Шапочку меньшевизма»⁴.

Правительство Жордания не оказало почти никакого сопротивления малочисленным советским войскам. По свидетельству грузинского генерала Г. Квинитадзе⁵, большевистский командарм Геккер просил у Москвы всего 35 тыс. солдат для «завоевания» Грузии. Эмигрантский историк Д. Вачнадзе писал, что Грузия давала в Русскую армию 160 тыс. воинов. Против большевиков же, свидетельствовал генерал И. Одишелидзе⁶, страна смогла выставить всего «18.000 штыков при 46 орудиях и шести эскадронах». Иронически описывает он сбор особого батальона

¹ Ментешашвили А. Из истории. С. 56.

² Автономов А.С. О государственно-правовых отношениях между Грузией и Абхазией в настоящее время / Национальные интересы. М., 2000. № 1. С. 33.

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 12. С. 230.

² Там же. С. 243.

³ Русский временник. Париж, 1938. № 2. С. 89.

⁴ Троцкий Л. Там же. С. 272, 244.

⁵ Кавказ. 1937. №№ 6–7.

⁶ Кавказ. 1936. № 3.

народной гвардии, который вместо обещанных 1.500 человек «вышел из Тифлиса на театр войны в составе 240 человек, но зато на его проводах было сказано 240 речей»¹.

25 февраля 1921 г. Красная Армия вошла в Тифлис.

Политику Грузии этого периода справедливо охарактеризовал известный юрист-международник, видный деятель Грузинской республики З. Авалов (Авалишвили). «Правительство Грузии мыслилось ее вождями как демократическое – в отличие от строя советского, – писал он в эмиграции в 1924 году. – На деле Грузия, конечно, вовсе еще не удовлетворяла требованиям представительной демократии. Внешние формы последней прикрывали здесь диктатуру грузинской социал-демократической партии... В начале 1921 года Грузия имела в лице своего правительства и в образе Учредительного Собрания простую креатуру партийной организации... В конце пути правительство Грузии очутилось на столь узеньком карнизе, что сбросить его вниз оказалось возможным простым щелчком... Грузинская демократия 1918–1921 гг., бывшая формой диктатуры социал-демократии, т.е. марксизма правого крыла, являлась периодом подготовительным к торжеству в Грузии диктатуры советской. Всем своим содержанием социальной политики и духом своим, демократия эта... обращена была на деле в сторону Москвы, а не Европы. И этим создавалось коренное противоречие с той европейской ориентацией ее внешней политики, которой Грузия держалась настойчиво до лета 1920 г.»².

Гражданская война подходила к своему завершению. Россия восстановила свой контроль над Закавказьем. Страны Антанты, которых привлекал «запах бакинской нефти», постигло разочарование. «Путь в Баку ведет через Батум – Тифлис, – отмечал Троцкий. – Этот последний пункт является стратегическим фокусом Закавказья... Борьба идет из-за нефти и марганца. Нефтепромышленникам все равно как дорваться до нефти: через Деникина, через мусульманскую партию мусават или через ворота «национального самоопределения»³.

¹ Русский временник. С. 88.

² Авалов З. Независимость Грузии. С. X, XI, XIV.

³ Троцкий Л. Там же. С. 241–242, 277.

Период оккупации Абхазии Грузинской республикой завершился в марте 1921 года. О политических и экономических последствиях меньшевистского правления в Абхазии писатель И. Бабель в 1922 г. сообщал: «А меньшевики, эти роковые мужчины, разломали все вдребезги. Поистине, в этом феерическом и плодородящем саду, который называется Абхазией, научаешься с особой силой ненавидеть эту разновидность вялых мокриц, которые наследили здесь всеми проявлениями своего творческого гения. За два года (за три. – С.Л.) своего владычества они успели разрушить все жизненные учреждения города, отдали лесные богатства на разграбление иностранным акулам и объявлением табачной монополии добились вконец нерв страны»¹.

Борьбу за политическую самостоятельность, государственную независимость абхазского народа начали не представители большевистской партии, а созданный 8 ноября 1917 г. Абхазский Народный Совет. События того времени необходимо рассматривать в контексте гражданской войны. Если в 1918 г. идея советской власти не получила широкой поддержки у народов Абхазии, то к 1921 г. условия общественно-политической жизни коренным образом изменились. Изменилась и тактика большевиков в крае. Учитывая серьезные промахи и ошибки, допущенные в феврале и весной 1918 г., абхазские большевики стали принимать во внимание местные особенности и позаимствовали у разгромленного АНС идею восстановления самостоятельной государственности. В 1921 г. вслед за установлением (4 марта) советской власти, они декларировали (31 марта) и независимость абхазского государства в форме ССР Абхазия, т.е. воплотили в жизнь столь популярный в народе тезис о политическом самоопределении.

Советская власть в крае имела свои особенности и не сопровождалась массовым террором. Она оказалась более гибкой в сравнении с недавними органами власти Грузинской республики. Во многом эта необычная для новой власти тенденция объясняется тем, что ее утверждение в Абхазии совпало с про-

¹ См.: Заря Востока. 1922. 29 октября. № 112.

ведением в Советской России новой экономической политики (НЭП). «В этот период, – писал С. Данилов, – Абхазия действительно была маленьким цветущим оазисом среди огромной страны экспериментов, насилия и нищеты. Недаром об Абхазии говорили как о «счастливой Аркадии». Так продолжалось, к сожалению, недолго»¹.

В совокупности с внутренними объективными потребностями образованию независимой ССР Абхазии способствовал и международный фактор, а не сомнительный тезис некоторых грузинских историков о якобы наказании Грузии за провозглашение независимости в 1918 г. Известно, что еще с октября 1920 г., после прошедшего 1 съезда Народов Востока, большие группы абхазских большевиков во главе с Е. Эшба и Н. Лакоба были переправлены в Турцию². Впоследствии Эшба отмечал, что ездил в Турцию по личному поручению Ленина для «выполнения очень ответственной задачи». О главной цели этой командировки писал он и более конкретно: «Я был во главе особой группы в поездке по Анатолийской Турции, в Ангоре (Анкаре. – С.Л.), у Кемаль-паши»³.

В Трапезунде (Трабзоне) Н. Лакоба с помощью батумских абхазов и семьи Джих-оглы вышел на высших военных и гражданских лиц Турции. Группа опиралась на многочисленную абхазскую диаспору этой страны, т.к. Кемаль-пашу окружали некоторые влиятельные абхазы, и в первую очередь, ближайший тогда соратник Ататюрка Хюсейн Рауф Орбай (абхазская фамилия Ашхаруа) – будущий председатель правительства Турции. Вероятнее всего, основная задача, поставленная перед группой, заключалась в том, чтобы Турция отказалась от Батума и Батумской области, что вполне вписывалось в контекст подготавливаемого советско-турецкого договора. Известно, например, что Эшба, Михаил Лакоба и Константин Инал-ипа из Трапезунда отправились в Самсун, а затем «выехали в резиденцию к Кемаль-паше». Из личного листка Н. Лакоба по учету кадров ясно, что

¹ Данилов С. Трагедия абхазского народа / Вестник Института по изучению истории и культуры в СССР. Мюнхен. 1951. № 1.

² См. подробнее: Лакоба С. Очерки политической истории. С. 79–84.

³ Дзидзария Г.А. Ефрем Эшба. Сухуми. 1983. С. 64.

группа оставалась в Турции до марта 1921 года (анкета Лакоба от 14 октября 1936 г.).

Ко дню установления советской власти в Сухуме 4 марта 1921 г. ни Эшба, ни Лакоба еще не вернулись из Турции. Они прибыли лишь 6 марта. В тот же день при участии представителей 9-й Красной Армии здесь был сформирован высший законодательный и распорядительный орган власти – Ревком Абхазии в составе Е. Эшба (председатель), Н. Лакоба и Н. Акиртава. Начал функционировать и руководящий партийный центр – Оргбюро РКП(б) в Абхазии¹.

Основы советско-турецкого договора были выработаны уже в феврале 1921 года. Ленин и Кемаль-паша проявляли исключительную заинтересованность в достижении соглашения. Спустя месяц, 16 марта 1921 г., в Москве между РСФСР и представителями Великого национального собрания Турции был подписан договор о дружбе и братстве. Турция обязывалась, в частности, признать право ССР Грузии на Батум, а через два дня после его подписания (18 марта 1921 г.) в Аджарии была установлена советская власть².

Абхазская группа во главе с Эшба действовала по поручению Ленина в направлении заключения договора с Турцией на выгодных для РСФСР условиях. Поэтому неслучайно их деятельность «совпала» во времени с наиболее ответственным моментом выработки данного соглашения. И лишь в первых числах марта 1921 г., когда, поставленная Москвой задача успешно была решена, группа покинула Турцию.

Как только Эшба и Лакоба прибыли в Абхазию, мгновенно стал вопрос о провозглашении независимой ССР Абхазии (два совещания ревкома первой половины марта). 26 марта 1921 г. Ревком Абхазии сообщил Ленину об этом постановлении³.

Окончательное решение по данному вопросу, конечно же, было принято в Москве непосредственно Лениным, что призна-

¹ Революционные комитеты Абхазии. Сборник документов и материалов. Сухуми. 1961. С. 32.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1983. С. 25.

³ Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми. 1970. С. 26.

ют и грузинские историки (Л. Тоидзе. С. 297), а Г. Орджоникидзе выполнял лишь роль исполнителя и был далеко не в восторге от подготовленного проекта (смотрите полемику Эшба и Орджоникидзе по прямому проводу 27 марта).

Скорее всего, столь решительная позиция Ревкома Абхазии и его председателя Е. Эшба основывалась на обещании Ленина предоставить «независимость» Абхазии в случае успешного завершения «абхазской миссии» в Турции. По всей видимости, посвященные в суть дела влиятельные политические лица абхазской диаспоры (в первую очередь Орбай-Ашхаруа), оказали сильное влияние на Кемаль-пашу по вопросу о передаче Батума.

Очевидно, далеко не случаен и тот факт, что вопрос о провозглашении абхазской государственности стал вплотную решаться сразу после подписания 16 марта 1921 г. договора между РСФСР и Турцией. Косвенно эта мысль подтверждается и самим «Батумским совещанием». Почему именно Батум, только что отошедший к Грузии (благодаря «абхазской миссии»), стал местом провозглашения независимой ССР Абхазии?..

Об итогах «Батумского совещания» Эшба 31 марта 1921 г. по прямому проводу поставил в известность Ленина¹, а то, что вождь большевиков одобрил тогда создание независимой ССР Абхазии подтверждают документ ЦК РКП(б)² и декларация Ревкома Грузии «О независимости ССР Абхазии», принятая 21 мая 1921 года.

В конце концов, сам факт кратковременного, но существования «независимой» ССР Абхазии признают и грузинские историки. Так, Л. Тоидзе пишет: «Ясно, что объявление Абхазии советской социалистической республикой было связано не только с именем В. Ленина... Естественно, к этому приложил руку и И. Сталин. Хотя оба прекрасно понимали временный и формальный характер этой «независимости» (С. 298).

Ученый считает, что Сталин всегда поддерживал Абхазию и приводит несколько его высказываний, относящихся к маю 1918

¹ Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921–1931гг.). Сухуми. 1970. С. 25–27.

² Сагария Б.Е. Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. 1921–1938. Сухуми. 1981. С. 43.

и февралю 1921 г., т.е., когда большевики боролись с меньшевистской Грузией. Но тогда его оценки били в одну цель – свалить правительство Жордания, хотя в упомянутых публикациях Сталин нигде не говорил о независимом существовании Абхазии. После победы советской власти в Грузии Сталин постоянно препятствовал какому-либо независимому существованию Абхазии, о чем свидетельствует целый ряд документов 1921 года¹. Даже при очень большом желании его трудно заподозрить в проабхазских настроениях. Как раз напротив.

Будучи наркомом по делам национальностей, он набирал силу в Кремле и, конечно же, по вопросу об Абхазии, «не менее «всесильный вождь коммунистов В. Ленин», безусловно учитывал негативное отношение Сталина и Орджоникидзе к абхазской независимости. Это ближайшее окружение Ленина значительно больше для него значило, чем Ефрем Эшба – человек из команды Л. Троцкого. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в письмах Ленина 1921 г., которые упоминают А. Ментешашвили и Л. Тоидзе, тема Абхазии отсутствует. Совершенно ясно, какими обстоятельствами эта позиция была продиктована. Ленин фактически передал «абхазский вопрос» на откуп «грузинским товарищам». Сам же Ильич был одержим идеей мировой революции и мыслил не «грузинями», «абхазиями», а континентами и «азиями». Тогда ему нужен был договор с Ататюрком и он отдал ему все, кроме Батума. Почему он пошел на такие уступки? Да потому, что был уверен – Договор кратковременный, а Турция вот-вот станет еще одной советской республикой. Но эти планы не осуществились.

Несмотря на мощнейшее противодействие, независимая ССР Абхазия просуществовала с 31 марта 1921 по 17 февраля 1922 года. Этот факт отрицать невозможно.

В феврале 1922 г. состоялся 1 съезд Советов Абхазии, который ратифицировал «особый союзный договор» между Грузией и Абхазией. Договор явился результатом сильнейшего давления со стороны Сталина-Орджоникидзе.

В декабре 1922 г. представитель ССР Абхазии Н. Акиртава поставил свою подпись под Договором об образовании СССР. Аб-

¹ Ментешашвили А. С. 285.

хазия тогда не входила в Грузию, а объединялась с ней в качестве Договорной республики. Характер межгосударственных отношений Абхазии и Грузии нашел свое отражение и в конституциях Грузии 1922 и 1927 гг. В последней, например, подчеркивалось, что ССР Грузия является федеративным государством (ст. 2).

В 1924–1925 гг. были утверждены Герб и Флаг ССР Абхазии, приняты законодательные акты конституционного характера, введены в действие кодексы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, земельный, лесной.

Первая Конституция ССР Абхазии была принята в апреле 1925 г. III Всеабхазским съездом Советов. Абхазия приняла тогда свою конституцию, как и другие «союзные» республики, в то время, как «автономные» не имели своих конституций. В этот период ССР Абхазия по своему статусу являлась не автономной, а союзной республикой, имеющей статус суверенного государства (ст. 5 Конституции Абхазии 1925 г.). По сути дела это была последняя попытка со стороны Сухума пересмотреть взаимоотношения Абхазии с Грузией. Об этом говорит 5-я статья: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти. Суверенитет ССР Абхазии, ввиду добровольного ее вхождения в ЗСФСР и Союз ССР, ограничен лишь в пределах и по предметам, указанным в Конституциях этих Союзов... ССР Абхазия сохраняет за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза ССР».¹ Языком государственных учреждений в Абхазии признавался русский язык.

Данная конституция, конечно же, безоговорочно была принята съездом. Иначе зачем надо было Заккрайкому РКП(б) выносить 6 сентября 1925 г. постановление, в котором, в частности, говорилось: **«пересмотреть Конституцию ССР Абхазии, принятую на III съезде Советов Абхазии»?** Ведь этот документ приводит сам Л. Тоидзе (С. 305).

Отдельные грузинские историки заявляют, что Конституция 1925 г. якобы подлежала утверждению некими вышестоящими

¹ Цитирую по «Разысканиям». С. 304–305.

структурами. Но высшим органом власти являлся тогда съезд Советов Абхазии, решение которого считалось окончательным.

Совершенно упускается из вида абхазскими и грузинскими учеными та тяжелая атмосфера, в которой принимались подобные решения. Никто из них не обратил внимания на то, почему съезд состоялся чуть позже назначенного времени. Не знают они и о том, *что самое непосредственное участие в его подготовке принимал Л. Троцкий*, находившийся тогда в Абхазии. «Весною 1925 года мы жили с женой на Кавказе, – вспоминал он, – в Сухуме, под покровительством Нестора Лакобы, общепризнанного главы Абхазской республики»¹.

В начале марта Троцкого посетили в Сухуме друзья, посол СССР во Франции Х. Раковский и нарком почты и телеграфа И. Смирнов. Ближайший сподвижник Троцкого Христиан Раковский, выступая в Сухуме 5 марта, отметил: «В связи с сессией Союзного Центрального Исполнительного Комитета, которая заседает в Тифлисе, было постановлено, чтобы члены правительства посетили разные кавказские республики. На меня выпала доля, раньше других, приветствовать молодую Абхазскую Социалистическую Республику. Мы даем всему миру пример, как нужно решать национальный вопрос»².

Раковский был безусловно в курсе абхазских планов. Сталин в это время начинал борьбу с Зиновьевым и Каменевым, а в рядах партийной бюрократии всюду шептались о возможном союзе Сталина с Троцким. Авель Енукидзе и Н. Лакоба искренне надеялись «на перемену курса, и оба подняли головы»³ (Л. Троцкий). На предстоящем съезде, который готовился принять Конституцию Абхазии, должны были присутствовать Л. Троцкий, А. Мясников, С. Могилевский, Г. Атарбеков и другие видные деятели партии. Однако, 22 марта 1925 г. «Юнкерс», на котором вылетели Мясников, Могилевский и Атарбеков вместе с летчиками Шпилем и Сагарадзе, загорелся в воздухе и рухнул вблизи тифлисского аэродрома. В тот же день Лакоба выступил на траурном заседа-

¹ Троцкий Л. Портреты. Составитель Ю. Фельштинский. USA. Chalidze Publications. 1984; Лакоба С. Очерки политической истории. С. 109–110.

² См.: Лакоба С. Очерки. С. 108.

³ Троцкий Л. Портреты революционеров. Составитель Ю. Фельштинский. USA. Chalidze Publications. 1988. С. 252.

нии совнаркома. Большую речь по поводу трагической гибели своих друзей произнес 23 марта на митинге в Сухуме Троцкий, который прозрачно намекнул на убийство: «...Какая-то техническая случайность, а, может быть, и не случайность, – мы пока что причин этой катастрофы не знаем – во всяком случае что-то постороннее, лежащее вне борьбы, вне обычной жизни, вне организма этих товарищей, что-то внешнее пересекло одним ударом их жизнь... Вряд ли мы дознаемся когда-либо с точностью о действительных причинах гибели. Ведь живых свидетелей того, что произошло, нет!»¹.

Наиболее видной фигурой среди погибших был А. Мясников, член Президиума ЦИК СССР, член Реввоенсовета СССР, бывший секретарь Закавказского крайкома. Ключевые посты занимали С. Могилевский – председатель Закавказской чека и Г. Атарбеков – уполномоченный СССР в ЗСФСР.

Троцкий тогда говорил о Мясникове: «Он летел сюда, в Абхазию, на Съезд Советов, но, к несчастью, не долетел...»².

Сталин решал этой акцией сразу несколько задач, и заместитель Могилевского по Закавказской чеке Л. Берия получил соответствующий приказ. В свое время кадровый чекист Сурен Газарян заявил по этому поводу: «История когда-нибудь прольет свет на это дело и выявит зловещую роль Берия»³.

После гибели своих единомышленников, которую Троцкий назвал «тройным ударом», он спешно выехал из Сухума в Тифлис.

Несмотря на то, что позиции Абхазии оказались сильно подорванными и съезд лишился мощной поддержки, Н. Лакоба все же провел в начале апреля 1925 г. III съезд Советов Абхазии, который принял конституцию суверенной Абхазии.

Можно ли не учитывать все эти сложные политические обстоятельства, когда исследователи касаются вопросов проведения абхазского съезда и принятия им конституции?

Таким образом, очень важный правовой акт был зафиксирован. И совершенно неважно, о чем потом говорил Лакоба в Тиф-

¹ Трудовая Абхазия. 1925. 25 марта.

² Троцкий Л. Сочинения. Т. 8. М. – Л., 1926. С. 267–268; Правда. 1925. 31 марта. № 73.

³ См.: Свободная Грузия. 1998. 3 июля. № 167.

лисе на IV съезде Компартии Грузии 2 декабря 1925 года¹, – ведь над ним нависал «дамоклов меч». Он остался без союзников, без иллюзий, а политическая судьба Троцкого была практически решена. И в этой наисложнейшей ситуации начался закономерный откат назад не только Лакоба, но и Абхазской республики. По мере укрепления власти Сталина статус Абхазии неуклонно понижался и в феврале 1931 г. Договорная ССР Абхазия была преобразована в автономную республику (Абхазская АССР) и включена в состав (1931–1991 гг.) Грузинской ССР.

10

На основании вышеизложенного документального материала XIX–XX столетий, можно прийти к следующим ключевым выводам:

1. На протяжении XIX столетия Абхазия пережила целый ряд жестоких потрясений. После гибели в мае 1808 г. владельца независимого Абхазского государства Келешбея Шервашидзе (Чачба), на престол вступил его старший сын, законный наследник Асланбей, который правил страной до июля 1810 г., когда в результате военной интервенции царизма был взят город Сухум-Кале, а вместо Асланбея на абхазский трон был посажен российский ставленник Сефербей (Георгий) Шервашидзе. Одна из особенностей Абхазского княжества заключена в том, что Абхазия, в отличие от Грузии, не потеряла полностью своей государственности с присоединением к России. С июля 1810 по июнь 1864 г. Абхазское княжество сохраняло «автономное правление» в составе Российской империи.

2. После упразднения Абхазского княжества (июнь 1864 г.) и кровопролитных восстаний 1866 и 1877 гг. десятки тысяч абхазов вынуждены были покинуть родину и переселиться в Турцию, а наиболее непокорные высылались в отдаленные губернии Российской империи. Население Абхазии значительно уменьшилось. С 1877 по 1907 гг. абхазы за неоднократные возмущения объявлены царским правительством «виновным населением». Однородная в этническом отношении страна (до 1864 г.) подверглась колонизации не только со стороны русских, греческих, армянских и других новопо-

¹ «Разыскания». С. 305.

селенцев. Начиная с 70–80-х гг. XIX в., из прилегающих районов Западной Грузии сюда хлынули представители картвельских народов, в основном мегрелы. Этнодемографическая ситуация в стране резко изменилась.

3. Грузино-мегрельская колонизация Абхазии оказалась настолько бурной, что насторожила царские власти. Русские интересы в Абхазии напрямую столкнулись с грузинскими. Представители грузинской церкви, интеллигенции, различных политических течений все отчетливее предъявляли свои притязания на Абхазию, что и подтвердили революционные события 1905 и 1917 гг.

4. После распада Российской империи Абхазия вошла в Союз объединенных горцев Кавказа и в Юго-Восточный Союз. 8 ноября 1917 г. на съезде в Сухуме избран первый парламент – Абхазский Народный Совет, принявший Конституцию и Декларацию абхазского народа.

5. 11 мая 1918 г. на Батумской мирной конференции провозглашена Горская республика (Северо-Кавказская республика). Наряду с другими северокавказскими странами в нее вошла и Абхазия. Тем самым была восстановлена Абхазская государственность, утраченная в 1864 году.

6. Понимая, что Абхазия ускользает, Грузия (провозглашена «независимой» республикой лишь 26 мая 1918 г.) на основе подложного и несуществующего «договора» от 8 июня 1918 г., при прямой поддержке Германии, оккупировала во второй половине июня 1918 г. территорию Абхазии. Правительство Горской республики выразило Грузии и Германии резкий протест и расценило эти действия как акт агрессии против Абхазии и всего Северокавказского государства.

7. Договор между Советской Россией и Грузией от 7 мая 1920 г., который признавал Сухумский округ (но не Абхазию) в составе Грузинского государства, не мог распространяться на Абхазию, т.к. она за два года до подписания этого документа была аннексирована Демократической республикой Грузия в результате военной интервенции. Это же обстоятельство распространяется и на все последующие договоры о признании Грузии другими государствами. Вместе с тем необходимо отметить, что после заключенного 7 мая 1920 г. договора, страны Антанты и в первую

очередь Англия, вынуждены были признать Грузию сферой влияния Советской России.

8. Ни о какой «автономии» Абхазии в составе Грузии в 1918 г. не может быть и речи, т.к. «Акт об автономии Абхазии» был принят (20 марта 1919 г.) под давлением Англии и генерала А.И. Деникина, требовавших объявить Абхазию нейтральной территорией, в условиях полной оккупации Абхазии грузинскими войсками. Однако даже эта «автономия» не была юридически оформлена. Лишь в последние дни существования республики, 21 февраля 1921 г., Учредительное собрание Грузии, выборы в которое абхазское население бойкотировало, приняло Конституцию Грузии, грубо нарушив пункт 2-й Акта от 20 марта 1919 года. В Конституции упоминалось некое автономное управление Абхазией (Сухумской областью?), Батумским краем и Закатальской областью (статья 107), но не говорилось, что это за автономии (культурные?). В следующей статье отмечалось: «Положения упомянутых в предыдущей статье автономных управлений будут разработаны отдельным законом» (статья 108). То есть, они только разрабатывались, а, значит, не могли быть приняты. А если их не было, то не могло быть и автономии. Конституция Грузии, так и не успев вступить в силу, 25 февраля 1921 г. Тифлис стал советским.

9. Политика оккупационных грузинских властей в Абхазии вызвала крайнее недовольство многонационального населения Абхазии, что и облегчило установление здесь советской власти 4 марта 1921 года. Новый режим воспринимался как избавление от вооруженного вмешательства Грузинской республики.

10. С 31 марта 1921 по 17 февраля 1922 г. существовала независимая ССР Абхазия. Она называлась «независимой», т.к. не входила в этот период ни в Советскую Россию, ни в Советскую Грузию.

11. В феврале 1922 г. I съезд Советов Абхазии ратифицировал «особый союзный договор» между ССР Грузией и ССР Абхазией. 30 декабря 1922 г. представитель Абхазии Н. Акиртава подписал Договор об образовании СССР. Характер межгосударственных отношений Абхазии и Грузии нашел свое отражение в Конституции Абхазии 1925 г. и в Конституции Грузинской ССР 1927 г., в которой подчеркивается, что ССР Грузия является государством, строящимся на федеративных началах (ст. 2).

12. 19 февраля 1931 г. Договорная ССР Абхазия была преобразована в автономную республику и включена в состав Грузии (1931–1991 гг.). Абхазский народ протестовал против этого решения на многодневном общенациональном сходе 18–26 февраля 1931 г. и выразил недоверие правительству и советской власти.

11

Есть еще один, пожалуй, главный вывод, касающийся не только истории непростых взаимоотношений между Грузией и Абхазией в новое и новейшее время, но и истории грузино-абхазских отношений последних десяти лет. Печальный опыт этого времени показал, что грузино-абхазские проблемы невозможно решить с помощью истории, наоборот, их можно еще сильнее запутать и обострить. Поэтому наступило время, когда мы должны думать о будущем, не оглядываясь по каждому поводу на смутное прошлое и не спотыкаясь на нем.

Грузия и Абхазия сегодня находятся далеко не в равном, но в одинаково плачевном состоянии, в то время как весь остальной мир развивается где-то рядом, в параллельном мире. Мы, в Абхазии, оказались в роли «геополитических заключенных», и нам просто необходимо выйти из этого положения. Что касается проблемы урегулирования, то она должна решаться политическими методами и без привлечения истории, которая тяжестью своего прошлого и мифотворчеством настоящего способна раздавить любые мосты.

*Япония,
август 2000 года*

Лакоба С. Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум. 2001. 107 с.; Лакоба С. Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Очерки. Саппо: SRC Hokkaido University. 2004. С. 37–94: Абхазия в 1917–1925 годах. Полемические заметки.

АВГУСТ МАРТИН И ЭСТОНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О СОБЫТИЯХ В АБХАЗИИ (1917–1921 гг.)¹

Кто такой Август Мартин?

В 1915 г. он перебрался из Эстонии в Абхазию, где работал учителем в эстонском селе Верхняя Линда, близ Сухума. Здесь застала его революция и бурные политические события, участником которых он был. Об этом свидетельствует рукопись А. Мартина «Из моих воспоминаний об Абхазии» (1969), хранящаяся в Абхазском государственном музее² и архиве Эстонии (г. Тарту).

Интересно, что Август Мартин (1893–1982) в 26 лет был избран от эстонского населения депутатом третьего Абхазского Народного Совета (АНС), который просуществовал с марта 1919 г. по март 1921 г.

Как известно, 10 октября 1918 г. грузинскими властями был окончательно разогнан неугодный второй Абхазский Народный Совет, многие депутаты арестованы и заключены в Тифлисе в Метехский замок. С этого момента наступил период неприкрытой оккупации Абхазии Грузией.

Для утверждения в крае «твердой власти» правительство Грузинской республики назначило чрезвычайным комиссаром Абхазии В. Чхиквишвили, а «политическим представителем» правительства Грузии был прислан Исидор Рамишвили. С октября 1918 г. по март 1919 г. все гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики. В условиях оккупации грузинское правительство приступило к выборам третьего АНС. В результате февральских 1919 г. выборов в новом АНС оказались 40 депутатов, из которых 27 открыто выражали интересы правительства Грузии.

¹ Все эти материалы любезно предоставила известный эстонский этнолог Марика Миккор, которая неоднократно проводила исследования среди эстонцев Абхазии и издала ряд интересных работ и фотоальбом.

² АГМ, фонд 3, опись 1, д. 89.

С какой целью Тифлис организовал эти выборы? Дело в том, что в начале 1919 г. генерал А.И. Деникин начал наступление в районе Гагры, а в феврале 1919 г. он и английское командование намеревались объявить Абхазию (Сухумский округ) «нейтральной территорией».

Здесь интересно заметить, что во время волнений в Абхазии 1978 г., бывший глава правительства и министр иностранных дел СССР В.М. Молотов обронил фразу, которая кажется абсурдной лишь на первый взгляд, но, по всей видимости, имела прямое отношение к событиям 1919 года, когда Англия ставила вопрос о нейтральной Абхазии. 16 июля 1978 г. Молотов сказал: «После революции [1917 г.] у определенной части населения там [в Абхазии] было мнение избрать государственным языком английский»¹.

Именно требование «нейтрального статуса» подвигло Ноя Жордания и его правительство организовать новые выборы в третий АНС и предоставить Абхазии бутафорский статус «автономии», чтобы окончательно не потерять захваченную страну². Британское командование потребовало от грузинского правительства изменить свою политику в отношении Абхазии, а 23 февраля 1919 г. в беседе с английским генералом Уоккером Н. Жордания обещал предоставить Абхазии широкую автономию.

Таким образом, спешно были проведены выборы в третий АНС, который открылся 18 марта 1919 г. (в мае 1919 г. переименован в Народный Совет Абхазии).

Первоначально в новом совете, возглавляемом доктором Варламом Шервашидзе, всем заправляли грузинские меньшевики и сторонники центральной власти. Из 40 депутатов, по словам А. Мартина, «группу оппозиции составляли: независимцы С. Чанба, М. Цагурия, Д. Алания и И. Маргания, экономическая группа – Какуба и Демьянов, да представитель эстонцев – Мартин, всего 7 депутатов».

Здесь следует отметить, что Мартин был на стороне «независимцев» (С. Чанба, М. Цагурия и др.), в то время, как многие гудаутские депутаты (М. Тарнава, Д. Дзкуя, Базба, А. Чукбар,

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 277.

² История Абхазии. Гудаута. 1993. С. 306–314.

К. Барциц) были на стороне грузинских социал-демократов (меньшевиков), – и только осенью 1919 г. вышли из их фракции и поддержали «независимцев».

На одном из первых заседаний АНС 18–20 марта 1919 г. депутат от эстонского населения Абхазии прямо и откровенно разъяснил свою позицию по вопросу Абхазии. Август Мартин вспоминал: «Я коротко изложил точку зрения эстонского народа, как на родине, так и здесь, на самоопределение народов бывшей царской России, приветствовал самостоятельность Грузии, но сказал, что такое же право на самоопределение, какое имеет грузинский народ, мы, эстонцы, признаем и за абхазцами, коренными обитателями этой прекрасной страны, тем более, что предыдущий абхазский народный совет декларировал о намерении свято чтить и права других народностей тут живущих»¹.

Вообще депутат Август Мартин принципиально отстаивал свою позицию относительно того, что абхазы сами должны решать свою судьбу. Как представитель небольшого эстонского народа, он хорошо понимал чаяния местного коренного населения, знал его историю, особенности и традиции. Власти в Тифлисе были раздражены его проабхазскими взглядами и поведением, которые были продиктованы чувством справедливости. Так, в феврале 1920 г., будучи в Абхазии, министр ВД Грузии Ной Рамишвили решил повлиять на позицию строптивного эстонца. Рассуждая на тему самоопределения в рамках автономии грузинский министр заявил, что абхазы смотрят на Север, имея в виду деникинскую Россию. На что А. Мартин ответил: «И это входит в понятие самоопределения, смотреть каждому туда, куда хочется, куда смотреть выгоднее, а не туда, куда приказывают другие, кому это выгодно. Разве это последнее было бы самоопределение, была бы автономия?»²

Вообще с самого начала работы третьего АНС грузинские власти пытались повлиять на А. Мартина и сделать его своим сторонником. В день открытия третьего АНС В. Чхиквишвили пригласил эстонского депутата на собрание социал-демократиче-

¹ АГМ, ф. 3, оп. 1, д. 89; Мартин А. Из моих воспоминаний... С. 45.

² Там же. С. 58–59.

ской партии. «Когда я вошел, – пишет А. Мартин, – собрание уже шло. Чхиквишвили, который руководил собранием, обратился со следующими словами: «Я пригласил на наше собрание представителя эстонцев в надежде, что ему между нами понравится, и он примкнет к нашей фракции, как уже примкнули представители от гудаутских абхазцев (в первом ряду сидели со счастливыми лицами молодые Тарнава и Базба). Я видел их впервые»¹.

Далее он сообщает: но мне «не понравилось на этом собрании, не понравился дух агрессивности в стране, которой на словах давалась автономия, но на деле этой автономии не давалось, не понравился дух вражды к тем местным группам, которые готовы были бороться за свои права на самоопределение. Когда я после этого собрания прошелся по улицам, я совершенно случайно встретил Михаила Цагурия, которого как учителя встречал и раньше. Я рассказал ему о собрании меньшевиков и что там говорилось, сказал, также, что эстонцы в Абхазии в борьбе за широкую автономию пойдут вместе с абхазцами. Он познакомил меня с воззрениями своей фракции, группы Чанба. Они вполне совпадали с моими. Цагурия дал мне адрес у бульвара, где утром, до собрания в театра Алоизи, соберется их группа. Когда я утром пришел в указанную мне квартиру у бульвара, там уже были все четверо. Чанба я знал как заведующего Адзюбжинской школы, Алания видывал в казначействе... Ивана Маргания видел впервые... Наши взгляды на линию поведения в Совете сходились во всех пунктах. Тут я мог придти к заключению, что мой путь в Народном Совете Абхазии решен. Мне, как и группе, вполне было приемлемо, что я в Совете буду иметь свою фракцию. Это соглашение и осталось в силе в течение тех двух лет, что просуществовал Совет. Ни группе Чанба по отношению ко мне, ни мне по отношению к этой группе, не пришлось разочаровываться. Сложилась дружеские, товарищеские отношения и взаимное уважение, в особенности у меня к этой группе. Именно их, вышедших из народа, я считал верными, истинными представителями абхазского народа, кем они на деле и были»².

¹ АГМ, ф. 3, оп. 1, д. 89; Мартин А. Из моих воспоминаний... С. 43.

² Там же. С. 43–44.

Депутат А. Мартин вошел во фракцию «независимцев», т.к. «широкую автономию» понимал не буквально, а как самоопределение народа и его независимое существование. На практике же автономия существовала только на словах. Взгляды депутата от эстонского населения Абхазии, который, казалось, будет занимать нейтральную позицию, – были неприемлемы для центральной власти в Тифлисе. Такой подход становился опасным и неудобным, тем более, что это было мнение не абхазского народа, а депутата-эстонца, позиция которого отличалась объективностью. О значимости его взглядов говорит и сам факт специальной встречи с ним министра ВД Грузии Н. Рамишвили, которая состоялась в Сухуме 6 февраля 1920 года. В небольшом очерке «Моя беседа с Ноем Рамишвили» депутат Мартин вспоминал:

«Казалось бы, что один голос в Народном Совете Абхазии от эстонцев в пользу оппозиции не мог иметь особого значения. Однако грузинские меньшевики думали иначе. Когда я пришел на собрание Совета, мне сказал секретарь Совета Королев, что министр Рамишвили желает со мной говорить. Разговор происходил там же за секретарским столиком, в углу зала. Ной Рамишвили был грузинский аристократ, не то, что наш Исидор Иванович [Рамишвили]. Высокого роста, красив. Разговор наш был ласков, дружеский.

Министр сказал: «Я учился в Тартусском университете, полюбил Эстонию, считаю ее своей второй родиной. А тут мне говорят, что представитель эстонцев в Народном Совете Абхазии идет против Грузии, как это так может быть?». Я ответил, что познакомился с Грузией еще юношей, туристом почти всю ее прошел, полюбил ее и ее народ. Грузинского языка не знаю, но в переводе читал ее литературу. Никогда я не действовал против Грузии и никогда не думаю это делать. Но тут надо стать на принципиальную точку зрения. Самоопределение достигнуто многими народами царской России, в том числе Грузией и Эстонией. Будучи принципиальными, мы должны поддержать стремление и абхазского народа к такой автономии, которая ему приемлема, ставит его и др. народности, живущие в Абхазии, хозяином своих земель и природных богатств, дает им самим развивать

школы, народное образование и свою культуру. «Но разве вы не замечаете, что они смотрят на Север», – спросил меня министр. «И это, ответил я, входит в понятие самоопределение...» Далее я передал свое беспристрастное личное мнение, «что считаю тактику Грузии по отношению к Абхазии неразумной, вредной для Грузии самой. По моему убеждению, абхазцы – народ развитый, свободолюбивый, храбрый, бескорыстная дружба с ними для Грузии необходима, вражда же может кончиться плачевно. Грубой силой абхаза не покорить, Грузии надо заслужить любовь и доверие абхазцев, может быть тогда они будут смотреть на Юг. Этим и кончилась наша беседа... Началось собрание Совета, где у Рамишвили был доклад о работе правительства Грузии»¹.

Как можно расценить эту встречу депутата парламента с главным полицейским Грузии? Ведь еще совсем недавно около двадцати депутатов АНС были арестованы и заключены в Метехский замок из-за того, что они смотрели не в ту сторону, куда хотели в Тифлисе. Ясно, что это был откровенный политический нажим, грозное предупреждение Августу Мартину со стороны министра ВД Ноя Рамишвили.

Нужно сказать, что заседания Совета порой проходили очень бурно. Август Мартин описывает эпизод, связанный с инженером Р. Какуба, который был старше других депутатов и к «молодым депутатам из оппозиции относился по-отечески, давал советы, был верным оппозиции, всегда голосовал с нами, был славным сыном абхазского народа, смелым и мужественным». Вот что произошло на одном из первых заседаний АНС. «Какуба, – пишет депутат Мартин, – выступая с кафедры и остро критикуя действия грузинского правительства в Абхазии назвал чрезвычайного комиссара грузинского правительства в Абхазии Чхиквишвили экспроприатором. Чхиквишвили, который сидел в первом ряду прямо под кафедрой, выхватил револьвер; револьвер вынул и Какуба, но выстрелить не могли, ибо вокруг все вскочили и успокоили разгорячившихся противников»². Вскоре после этого инцидента Чхиквишвили уехал из Абхазии в Грузию.

¹ АГМ, ф. 3, оп. 1, д. 89; Мартин А. Из моих воспоминаний... С. 58–59.

² Там же. С. 56–57.

Мартин особо отмечает своего соратника, депутата от оппозиции, известного юриста, Александра Алексеевича Демьянова, который принял самое деятельное участие в разработке конституции Абхазии. В процессе этой работы стало ясно, что он является «самым видным государственным мужем в Народном Совете Абхазии». Были представлены два проекта конституции, один – грузинских меньшевиков, другой – группы Чанба за авторством Демьянова. В грузинском проекте никаких автономных прав вообще не было. А.А. Демьянов – бывший член Государственной Думы, во Временном правительстве был товарищем министра юстиции (зам. П.Н. Переверзева). Как «превосходный юрист», он сразу заслонил, оставил в тени меньшевистских юристов. Проект конституции, представленный оппозицией, как и сам Демьянов, не устраивали грузинские власти и они, по словам Мартина, «как оккупанты в Абхазии»¹, решили избавиться от этой сильной личности. По свидетельству Е.Б. Рафальской, дочери сухумского адвоката Б.Н. Захарова (племянник Германа Лопатина) известно, что в этот период в Абхазии находились многие известные деятели Временного правительства. К Демьянову, например, приехал бывший министр юстиции России П.Н. Переверзев, который как адвокат принимал участие в 1918–1919 гг. в громком сухумском судебном процессе в связи с загадочной смертью в августе 1918 г. купца 2-й гильдии Г.Ф. Зографопуло². Здесь же, в Сухуме, жили какое-то время видный деятель Временного правительства, отказавшийся от должности морского министра Н.В. Савич и бывший товарищ министра юстиции России Г.Д. Эрстов (он же Сидамон-Эрстов, председатель Сухумского окружного суда в 1919 г., в дальнейшем посол Грузии в Польше...). Все они потом оказались в эмиграции, в европейских странах. Объединяло их еще одно немаловажное обстоятельство – почти все они были адвокатами и вместе с их коллегой А.Ф. Керенским с 1906–1907 гг. состояли в С.-Петербурге в одной масонской ложе. Каким же образом Демьянова занесло в Абхазию? Сейчас выясняется, что в Сухуме давно жил и практиковал врач Николай

¹ АГМ, ф. 3, оп. 1, д. 89; Мартин А. Из моих воспоминаний... С. 47.

² Наше слово. 1918. 15 августа.

Григорьевич Рукин, а его дочь Вера Николаевна была замужем за братом знаменитого эсера Бориса Савинкова – Виктором. Еще до Первой мировой войны она с ним разошлась и с ней остался сын Коля. Скоро Вера Николаевна, красавица и юрист по образованию, снова вышла замуж – за А.А. Демьянова. Он был крупным адвокатом, председателем коллегии адвокатов Петрограда. После октябрьской революции 1917 г. и ликвидации Временного правительства Демьяновы приехали в Сухум к отцу Веры Николаевны. «Когда мы встречались за чайным столом у Демьяновых, – пишет Е. Рафальская, – разговор, естественно, шел о событиях в стране. Лейтмотив: мы не бежали, мы просто сошли со сцены, т.к. таков поворот истории. Всякое сопротивление бесполезно и бессмысленно – народ не за нас»¹.

Осенью 1919 г. грузинские власти расправились с неугодным Демьяновым, а 18 ноября он был исключен из состава Совета², арестован, а затем выслан. По этому поводу Мартин пишет: «Депутата с его неприкосновенностью личности могли арестовать и выслать только попирая закон. Сам Демьянов до своего ареста говорил, что его называют деникинцем, кем он никогда не был. Он будто где-то сказал, что он лично знает Деникина и считает его честным человеком»³.

В ноябре-декабре 1919 г. он перебрался из Баку в Батум, откуда обратился в Берлин к известному издателю «Архива Русской революции» И.В. Гессену с просьбой об издании его записок «Моя служба при Временном правительстве»⁴.

В своих воспоминаниях Демьянов рассказывает, что в 1917 году в Петрограде его посетил А.И. Чхенкели, который предложил ему стать представителем Временного правительства на Кавказе. Но все договоренности о работе в Тифлисе рухнули с приходом большевиков. Теперь путь лежал в Сухум. «История эта поучительна вот в каком отношении, – пишет А. Демьянов. – Грузия провозгласила себя автономной; когда же я в Народном Совете Абхазии, куда был избран Абхазской национальной груп-

¹ РГАЛИ. Рафальская Е.Б. Воспоминания. Ч. 1. С. 102–103.

² Наше слово. 1919. 20 ноября.

³ Мартин А. Мои воспоминания. С. 56–57.

⁴ Архив Русской революции. Т. IV. Берлин. 1922. С. 55–120.

пой (в состав входила и крайняя левая партия), отстаивал существующую автономию Абхазии, грузинские власти эту автономию свели на нет; игнорируя прежние свои договоры с Абхазией, меня признали врагом Грузии и засадили в тюрьму. В Абхазском Совете представитель Грузии первоудумец Ис.Ив. Рамишвили, В. Джугели не стеснялись никакой клеветы в отношении меня; называли меня монархистом, новоиспеченным мартовским социалистом; говорили, что я получаю деньги от ген. Деникина и прочее. Им не было дела до моего честного прошлого...»¹.

В Сухуме в этот период побывала целая плеяда выдающихся политических и государственных деятелей России, адмиралы и генералы, известные поэты, писатели, художники, режиссеры, музыканты.

Воспоминания Августа Мартина интересны и тем, что он дает краткие характеристики депутатам Абхазского Народного Совета, говорит о режиме Грузинской республики как оккупационном. Пишет о притеснениях эстонцев, греков, армян, о грабежах, которые чинили грузинские военные, о терроре в отношении абхазского населения.

Депутат от эстонского населения в АНС описывает и скандал вокруг земельного отдела в Комиссариате (Правительстве) Абхазии. А. Мартин сообщает: «Депутаты Тарнава, Барциц, Чанба и Алания внесли запрос о массовом заселении Абхазии выходцами из Грузии, в то время, как коренным жителям отказывается в наделении землей. Отвечая на этот запрос, председатель Комиссариата князь Эмухвари, которому подчинялся земельный отдел, отрицал правдивость приведенных в запросе данных, называя их клеветой. Ревизионная комиссия во главе с председателем Совета Шервашидзе, избранная 19 октября, опечатала двери земельного отдела. Застигнутый врасплох, заведовавший земельным отделом грузин Месхи ничего не стал отрицать и чистосердечно во всем признался. Переписка между переселенческим управлением Грузии и земельным отделом Комиссариата Абхазии происходила исключительно на грузинском языке, работники переселенческого управления Маруашвили и Калан-

¹ Архив Русской революции. Т. IV. Берлин. 1922. С. 119.

тадзе посылали письма лично на имя Месхи. На дело переселения грузин в Абхазию была Грузинским правительством отпущена крупная сумма, десять миллионов рублей, из которых два миллиона уже были получены. Работали два агента. Грузинские письма в Комиссии переводили на русский язык депутаты Берулава и Д. Гулия, последний только что вошел в Совет. В то время из Абхазии уходили греки в Малую Азию, их постройки и должны были скупать агенты Месхи для грузин. В селении Михайловском на этой работе был грек Бумбуриди».

Интересно было при этой ревизии поведение Эмухвари. Когда у Месхи спросили, с ведома или без ведома Эмухвари все это делалось, тот ответил, что Эмухвари во все был посвящен. «А Эмухвари стоял и молчал», – говорится в протоколе комиссии.

В результате в Совете был поднят вопрос об отстранении Эмухвари, но меньшевики большинством голосов оставили его у власти.

Перед историками, писал Мартин, изучающими эту эпоху встают из прошлого «два князя из видных родов Абхазии»: обаятельная личность Варлама Шервашидзе, который «честно служил Абхазии, хотя чрезмерно верил в многовековую историческую дружбу грузин и абхазцев, которой грузины грубо злоупотребляли» и Арзакан (Дмитрий) Эмухвари, который «бесчестно служил враждебным силам и был предателем народа Абхазии»¹.

Оставил Август Мартин и красочное описание последних дней меньшевистской оккупации Абхазии в 1921 году. «Под Сухумом на рейде стоял французский крейсер “Комба”, Сухум торопливо эвакуировался. Уезжала вся знать города со своими коврами, драгоценностями, из складов увозился табак. Стоя на пристани, я смотрел, как богатства Абхазии нагружались на суда и увозились за границу.

Третье марта. Вечер. Солнце близко к закату... Я вышел и направился к центру города. По улице маршем шла последняя воинская часть Сухума – учебная команда направлялась к Новому Афону, на подмогу фронту. Все были молодые юноши. Но до фронта отряду не удалось дойти: фронт был прорван, началось отступление, бегство.

¹ Мартин А. Мои воспоминания. С. 63. См. также Б.Е. Сагария: о скандале вокруг папки 18 в земельном отделе Комиссариата.

Эту ночь я провел в городе, на горе Чернявского. Уже около полуночи, внизу, в городе начал раздаваться треск, звяканье, гром, крики: отступающее грузинское войско ломало и грабило магазины. Утром перед зрителем стояла печальная картина: не было ни одной уцелевшей лавки, унесено и увезено было все. Съестных припасов в городе не осталось»¹.

В советском правительстве Абхазии Август Мартин недолгое время работал под началом Самсона Чанба в Наркомпросе и заведовал отделом национальных меньшинств, которому подчинялись и эстонские школы. В мае 1921 г., после шестилетнего пребывания в Абхазии, он уехал на родину, в Эстонию.

Многие материалы на эстонском языке, относящиеся к Абхазии, еще ждут своей расшифровки. Работа в этом направлении будет продолжаться. Так, безусловный интерес представляет Дневник 1917–1921 гг. абхазского эстонца Кристиана Трууманна из села Эстонка, в котором освещаются общественные и политические события.

Дневник хранится в Литературном музее в Тарту под названием: «История красных дней с. Эстонка в Сухумском округе. 1917–1921 гг.»².

Дневник написан на эстонском языке. Передала мне его эстонский этнолог Марика Миккор в 2015 г., а помощь в переводе отдельных фрагментов оказал доктор философии Айвар Юргенсон, за что выражаю им глубокую признательность.

К. Трууманн упоминает махаджирство (вынужденное переселение абхазов в Турцию в XIX в.), а другой представитель от эстонского населения Абхазии из с. Верхняя Линда (близ Сухума) М. Каарес, выступая на крестьянском съезде Сухумского округа в начале 1918 г., отмечал: «Как известно, эстонцы находятся на земле тех абхазов, которые отсюда уехали».

Трууманн касается бурных событий весны 1918 г., упоминает о военном вторжении Турции в Грузию, которое было остановлено после вмешательства ее союзницы Германии. Он отмечает, что тогда подразделения немецкой армии были и в Абхазии в «каждом городе». В эстонских селах «немецкие солдаты покупа-

¹ Мартин А. Мои воспоминания. С. 67.

² КМЕКЛА. А235 m27:14.L3.

ли продукты (картофель, молоко, яйца, сало и т.д.) и всегда они платили за продукты аккуратно, как нас устраивало».

Грузинские же офицеры и солдаты реквизируют у эстонцев лошадей (ноябрь 1918 г.) в с. Эстонка. Потом в село въехало много грузинских солдат с двумя пулеметами и отобрали более 20 лошадей.

В феврале 1919 г., накануне выборов в 3-й АНС, в Абхазию из Поти прибыло подкрепление грузинской армии (направлялись в Гагры). Трууманн пишет: «В течение месяца эстонцы должны были предоставить лошадей, но соседи эстонцев, армяне, не шли с лошадьми, и тогда офицер с 5-ю солдатами явились в армянское село, но армяне за деньги откупились. Потом пошли в с. Эстонку, получили 8 лошадей, из которых 3-х выкупили эстонцы обратно. Потом еще трех выкупили».

Упоминает автор дневника и абхазский десант из Турции в июне 1918 г., который пригласили сюда адзюбжинцы, «недовольные грузинской властью».

Очень важно свидетельство о ликвидации второго АНС, которое произошло 10 октября 1918 г. Оказывается, в этот Совет только что был избран эстонец И.Я. Михельсон (потом стал депутатом третьего АНС). Вот что пишет Трууманн: «Сын бывшего учителя и бизнесмена с. Эстонка Якоба Михельсона – Иоханнес не смог работать в АНС, так как через пару недель после избрания этот Совет был ликвидирован за договор с ген. Алексеевым, а несколько депутатов арестованы и отправлены на допрос в Тифлис».

В третьем АНС были два депутата эстонца: учитель А.Г. Мартин и ученый-агроном И.Я. Михельсон (вошел в Совет 22 ноября 1919 г. вместо выбывшего депутата А.А. Демьянова). Они отмечены во многих документах абхазского парламента того времени¹.

Во второй половине марта 1919 г. проходили выборы в Учредительное собрание Грузии. Трууманн подчеркивает: «Абхазы бойкотировали эти выборы». Бойкотировали, т.к. «раньше Грузия говорила об автономии Абхазии и самоуправлении, но

¹ См.: Ходжаа Р. Абхазский Народный Совет. 1917–1920 гг. Документы и материалы. Сухум. 2007. С. 262, 268, 274, 278, 282.

Абхазия никаких прав не получила». В связи с этим, «грузины и мегрелы радовались, т.к. они получали больше мест, – они агитировали среди разных народностей, но в с. Эстонка выборы шли пассивно».

Эстонцы были недовольны новой властью. Грабежи, вымогательства, поборы со стороны грузинских военных делали жизнь невыносимой. Последней каплей была объявленная в 1919 г. мобилизация. Кристиан Трууманн пишет в дневнике: «Эстонцы не хотели воевать в грузинской армии и народный совет эстонцев в Тифлисе заявил о том, что они являются гражданами Эстонской республики. Эстонский консул Киркманн (работал раньше учителем в Эсто Садов на Красной Поляне) в Тифлисе предоставлял им эстонские паспорта». И далее: «В феврале 1921 г. опять шла мобилизация в грузинскую армию, но жители с. Эстонка апеллировали к эстонскому гражданству. В ответ председатель военной комиссии в Сухуме Сванидзе заявил, что эстонцы родились здесь, и потому должны воевать, а ваши эстонские паспорта недействительны. Из шести юношей взяли пятерых».

Как известно, 4 марта 1921 г. в Сухуме была установлена советская власть, армия большевиков обратила в бегство грузинскую. В воспоминаниях эстонцев есть несколько ценных комментариев на этот счет. «Вечером 3 марта 1921 г., – пишет К. Трууманн, – уехали из г. Сухум члены Абхазского народного совета и городские власти. Ночью 4 марта в городе был большой беспорядок, еще до прихода большевиков грабили магазины и др.». Другой свидетель, Мартин Розенкрон из Верхней Линды, писал: «Мародерством занималась отступающая грузинская армия. Многие говорили, что большевики будут еще хуже. 4 марта 1921 г. женщины, которые ходили в город и продавали молоко, услышали, что большевики в большинстве аккуратно и грабежи запрещены, и лошадей не отбирают». Трууманн заключает, что 6 марта 1921 г. большевики пришли на постой в с. Эстонку и заявили, что 30 солдат и лошадей надо кормить, а «солдаты везде требовали вино»...

Краткие подзаголовки дневника Кристиана Трууманна говорят сами за себя: как большевики захватили Сухум в 1918 г.; Кодорский бой; что случилось в Эстонке, когда пришли меньшеви-

ки; репрессии против абхазцев в июне 1918 г.; репрессии против греков; грузины грабили армян и эстонцев; выборы в Абхазский Народный Совет в 1919 г. и многое другое.

Вместо послесловия

Сухумская нить судьбы: сын и отец Савинковы

Савинков Николай Викторович (30 октября 1910, Сухум – 9 ноября 1984, Прага, похоронен на Ольшанском кладбище, Чехия).

Родился в Абхазии в семье художника Виктора Викторовича Савинкова (брат известного политического деятеля, эсера Бориса Викторовича Савинкова) и адвоката Веры Николаевны Рукиной. Вскоре после его рождения брак распался. В 1922 г. мать с сыном покинула Россию и уехала к своему отцу, врачу Николаю Рукину, который из Сухума перебрался в Каир. Не получив разрешения на въезд в страну, уехала с сыном в Берлин, а оттуда в 1924 г. – в Прагу. Н.В. окончил Русскую реформированную реальную гимназию в Праге – Страшницах (1928), медицинский факультет Карлова университета. Работал врачом. В 1939 г. по политическим мотивам переехал в Париж. Во время второй мировой войны воевал добровольцем в Чехословацком иностранном военном корпусе. В мае 1940 г. эвакуировался в Великобританию и вступил добровольцем в британскую армию, служил в качестве военврача в Индии, Малайзии, Бирме, на Цейлоне. После войны вернулся в Чехословакию. Отец Савинковой Шанталь (в крещении Мария, Маша, искусствовед, специалист по иконографии; с 1999 г. служит регентом церковного хора и чтецом прихода св. Мартина в г. Тур во Франции). Сохранился личный фонд документов Н.В. в архиве Академии наук Чехии, а также в фондах Дома-музея Марины Цветаевой в Москве.

Савинков Виктор Викторович (24 ноября 1886, Варшава – 5 июня 1954, Бандоль, департамент Вар, Франция).

Живописец, журналист, политический деятель. Мать Софья Александровна Ярошенко (сестра художника-передвижника Н.А. Ярошенко), журналистка, драматург, мемуарист (писала под

псевдонимом Шевиль С.А.). После окончания гимназии В.В. поступил в С.-Петербургский ун-т, в 1907 г. лечился от туберкулеза в Швейцарии. Студент Киевского ун-та, получил высшее юридическое образование. В 1910 г. занимался журналистикой и живописью. Показывал натюрморты, пейзажи и рисунки на выставках об-ва «Бубновый валет» (М., 1910–1916; СПб., 1913). В годы гражданской войны воевал. В октябре 1921 г. выслан из Польши и поселился с семьей (другой) в Праге. Летом 1923 г. отошел от политической деятельности. С 1924 г. в теософском кружке А.А. Каменской, в 1925–1927 гг. член Пражского философского об-ва. В 1927 г. переехал в Париж, вступил в Теософское об-во, был членом масонской ложи «Аврора», занимался живописью, переводами. В 1942 г. вызван в гестапо, вместе с третьей женой и сыном укрылся в сельской местности под Лионом, затем вернулся в Бандоль. В 1947 г. получил гражданство Франции. Первая жена Рукина Вера Николаевна (умерла в 1973 г.), от которой был сын Николай Викторович Савинков (1910–1984), д-р медицины. От другого брака с Штомпфе в 1941 г. родился сын Виктор.

Диалог времен: альманах. № 2. Сухум. 2018. С. 168–178.

АБХАЗИЯ, ЕЕ ЛИДЕРЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (20–30-е гг. XX в.)

Вспоминается одна из бесед с Г.А. Дзидзария, моим научным руководителем. «Есть интересные сведения, – сказал он. – К концу жизни Эшба и Лакоба наладили отношения».

Прошли годы и эти слова нашего выдающегося историка нашли свое подтверждение. В 1989 г. Владислав Ардзинба, будущи народным депутатом СССР, получил доступ к архиву КГБ и ознакомился с целым рядом документов 30-х годов о Ефреме Эшба, Несторе Лакоба, Сарии, Рауфе... Копии этих материалов Владислав Григорьевич передал мне, и они частично вошли в мою книгу «Очерки политической истории Абхазии», вышедшей в Сухуме в 1990 году. Было решено отдельно издать архивные выписки, но началась война и копии, которые хранились у меня в кабинете в АбНИИ, сгорели. Недавно эта потеря была восполнена. К счастью оригинал этих записей сохранился в Фонде Первого Президента, и они были любезно предоставлены Светланой Ирадионой Джергения восстановленному Историко-мемориальному музею Н.А. Лакоба.

Выборочно эти московские документы вместе с большим семейным архивом Марины Ефремовны Эшба легли в основу книги «Ефрем Эшба», изданной в 1997 году (И. Марыхуба).

По выпискам, сделанным В. Ардзинба, становится известно, что Эшба неоднократно бывал в Абхазии в 1928, 1930, 1934, 1936 годах. По словам самого Е. Эшба, с «Н. Лакоба в это время [1934 г.] у меня снова восстановилась дружба» (А. 39). Нестор тогда «подчеркнуто указывал, что в Абхазии меня (т.е. Эшбу), как троцкиста ни разу ни в одном районе не “прорабатывали”». Таким образом Лакоба «старался не подрывать моего авторитета...» (Там же).

Вообще здесь необходимо отметить, что отношения между двумя лидерами были различные: от очень теплых в 1918 – начале 1921 года до довольно сложных. Историкам еще предстоит выяснить истинные причины расхождений, которые лежат не

столько в сфере их личностных отношений, сколько связаны совершенно с другими факторами традиционной народной жизни, пришедшими в противоречие с законами классовой борьбы...

Недавно известный юрист и общественный деятель Абхазии Г.Н. Колбая опубликовал пространную статью о поездке Эшба и Лакоба в Турцию. Становится известно, что в письме к соратнице Ленина Е.Д. Стасовой от 10 декабря 1920 г. Эшба настоятельно рекомендует направить Нестора на дипломатическую работу, советским консулом в Трапезунд. Вот какую характеристику дает ему Ефрем Эшба. «...Смело могу вас уверить, что человека, который с такой ловкостью и тактом мог ориентироваться в местных условиях, как т. Лакоба, трудно у нас найти. Серьезный, с большой инициативой, партийный товарищ, великолепно усваивающий, с кем имеет дело, хорошо понимающий условия жизни восточных народов, в особенности здесь, досконально усвоивший политическое положение, – более подходящего кандидата в консулы трудно подыскать»¹.

Но вернемся к 36 году, который стал трагическим для всех троих руководителей Ревкома Абхазии. В феврале Ефрем Алексеевич приехал на похороны брата в Очамчиру, и там узнал об аресте Николая Акиртава, который 21 марта был осужден НКВД СССР. Тогда же, весной 1936 г. Н. Лакоба приехал в Москву. С Эшба они встретились 3 апреля и проговорили всю ночь. Позднее Ефрем Алексеевич показывал на допросе: «...За 8 дней до моего ареста [11 апреля 1936 г.] Лакоба был у меня на квартире в Москве и провел все время почти до утра – он сознался, что Берия, в интригах против него, добился больших успехов, он чувствует растущее недоверие к нему со стороны Сталина. Берия он поносил всячески, называя его выскочкой, очень опасным интриганом» (А. 43).

О сложных отношениях этого периода свидетельствует и большое письмо Лакоба Сталину от 1 апреля 1936 г., с которым Нестор обратился к вождю, находясь в Москве, за два дня до встречи с Эшба. Оно написано убористым почерком, карандашом, на семи листах с пометкой «Только лично» – и с резолюцией: «Мой архив. И. Ст.».

¹ Акуа-Сухум. 2017. № 1–2. С. 80.

В том же роковом 36 году Председатель ЦИК Абхазии Нестор Лакоба записал в своем служебном блокноте: «Человеку дарованы два блага: надежда и неведение будущего. Последнее еще лучше первого». Эти слова оказались пророческими.

В самом конце 36-го Нестора не стало, а арестованные на тот момент Н. Акиртава и Е. Эшба, ненадолго его пережили. Через 15 лет им отомстили за курс Абхазии на независимость и самостоятельность.

У Эшба и Лакоба было немало общего в биографиях. Оба родились в 1893 году, рано вступили в партию большевиков: Нестор в 1912, Ефрем – в 1914-м. В связи с революцией 1917 г. Эшба не завершил учебу на юридическом факультете Московского университета, а Лакоба – на юрфаке Харьковского университета.

Были и отличия. Ефрем с юности хорошо играл на кларнете, а Нестор виртуозно играл в бильярд. Лакоба прекрасно говорил на абхазском, хорошо знал русский, свободно общался на турецком и слабо владел немецким. Эшба хорошо владел русским, говорил на английском, знал грузинский и мегрельский и плохо родной абхазский, по поводу чего очень сокрушался. Ефрем был приближен к Ленину, Нестор – к Сталину. При этом оба ценили Троцкого. Эшба был ближе к «теоретикам» партии (Ленин, Бухарин, Каменев), а Лакоба – к «практикам» (Сталин, Дзержинский, Рыков, Орджоникидзе). Между прочим, Троцкий назвал Нестора «человеком большого мужества и практического ума».

Ефрем был приверженцем классово-борьбы, верил в идеалы марксизма-ленинизма; Нестор был меньшим коммунистом и больше народным лидером, крестьянским самородком, который следовал вековым традициям и обычаям, пытаясь приспособить к ним (а не наоборот!) новые революционные и социальные преобразования.

В действительности Лакоба и Эшба, несмотря на отдельные разногласия, действовали в интересах Абхазии и дополняли друг друга. Так, в начале 1921 г. Эшба выступил инициатором независимости Абхазии при поддержке Ленина. Его единомышленниками были Лакоба и Акиртава. Несомненная заслуга Эшба состоит в том, что ему удалось тогда, несмотря на противодействие Сталина и Орджоникидзе, переломить ситуацию в пользу

провозглашения независимой ССР Абхазия, т.е. еще до образования СССР. Достаточно вспомнить полный драматизм разговор Эшба с Орджоникидзе по прямому проводу (перед поездкой в Батум), в котором Председатель Ревкома Абхазии очень жестко повел себя в вопросе будущего республики.

Однако, грузинские вожди в дальнейшем саботировали это решение, а Ленин, в результате болезни, вынужден был считаться с грузинским лобби, которое имело гораздо большее на него влияние, чем Ефрем Эшба. Сталин, набиравший силу в Кремле, отдавал явное предпочтение Нестору, с которым его сближали даже некоторые факты биографии.

Оба росли без отца, учились в Тифлисской духовной семинарии, оба исключены из нее, участвовали как боевики партии в налетах и экспроприациях...

Ставка, сделанная на Лакоба, оказалась верной, что отчетливо проявилось в 1924 г., когда Троцкий задержался в Абхазии на два с половиной месяца, не приехав на похороны Ленина, и тем самым, потеряв власть. Опекал все это время Троцкого Нестор, а Сталин еще больше укрепил свои позиции в Кремле. Расположение нового вождя было с лихвой использовано Лакоба на благо экономического и культурного развития республики. Не случайно с 1921 по 1931 год Абхазия на фоне повсеместной разрухи и голода в СССР казалась благополучной «табачной» и курортной республикой. Вообще в течение 15-ти лет (1921–1936 гг.), несмотря на различные пертурбации, понижение статуса – Абхазия, вплоть до гибели Нестора, была фактически на положении привилегированной республики.

Отношения Сталина с Эшба были прямо противоположными. И останься он у власти в Абхазии после 1922 г., не составит особого труда предположить, как бы это сказало на Абхазии...

Период правления Лакоба явно отсрочил ряд драматических событий, что наиболее выпукло проявилось в подходах к вопросу коллективизации.

В 1930 г. Сталин отдыхал на даче «Холодная речка», близ Гагр. Вместе с ним были Серго Орджоникидзе и Нестор Лакоба. Они сидели на веранде. К ним присоединился и приехавший из Кабарды Бетал Калмыков. Позднее, в 1932 г. Орджоникидзе рас-

сказал об этой встрече Ефрему Эшба, а тот пересказывал своим друзьям чеченцам.

«Калмыков, желая поддеть Лакоба при Сталине, спросил: “А скажи, Нестор, какой у тебя процент коллективизации?”. Лакоба не понравился вопрос... Он буркнул: “60% “. “А у меня – 95%”, – с торжествующими нотками в голосе сказал Бетал Калмыков. Лакоба долго молчал. И вдруг задал Беталу вопрос: “А сколько людей ты расстрелял, пока добился таких процентов?” Орджоникидзе засмеялся, Сталин улыбнулся. Смущенный Бетал ответил: “Ну, человек двести...” А Лакоба поднял голову и торжествующе сказал: “А я ни одного...”¹.

В вину Нестору вменялось и то, что он, по словам Сталина, «опирается на все слои абхазского населения». Не было исключением и княжеско-дворянское сословие, тесно связанное с абхазским крестьянством «молочным родством» (аталычество). Некоторым нуждающимся князьям он даже выплачивал денежные пособия, в то время как их преследовали по всему Союзу. Приведу один пример. Нестор, вопреки импульсам, исходившим из Тифлиса и Москвы, рискуя политической репутацией, не шел на репрессии против князей и дворян. Однажды, перед отъездом в Москву, опасаясь возможного кровопускания в его отсутствие, он иносказательно наставлял прокурора Абхазии Алшунба: «Помни, что помимо большой дороги, есть еще и тропинки...» (По свидетельству юристов Л. Черкезия и Г. Колбая).

Об этом в своей исторической поэме «Нестор и Сария» очень емко сказал поэт Семен Липкин:

Он все любил в своем родном народе:
Обычаи, и эпос, и князей,
Которых он оставил на свободе
И как бы превратил в живой музей.
Он выселял абхазцев с неохотой,
Кулак уничтожался разве сотый.
И то, коль Нестор к стенке был приперт,
Он был в своей приверженности тверд,
Абхазия была его работой...

¹ См.: Марыхуба И. Ефрем Эшба. Сухум. 1997. С. 398.

В 1929–1930 гг. социально-экономическая и политическая обстановка в Абхазии резко обострилась. Это было связано с неподготовленностью почти сплошь крестьянской республики к «великому перелому» (1929 г.) – переходу к сплошной коллективизации. Внутренняя оппозиция и оппоненты Н. Лакоба обвиняли его в том, что он переоценивает особенности республики, придерживает темпы роста коллективизации. Лакоба и не скрывал, что он против такой коллективизации, говорил, что здесь нет кулака как класса...

В своем письме от 19 октября 1929 г. Сталин пожурил Нестора за не вполне большевистскую политику, который, помимо прочего, «находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома». Можно себе представить, какое обвинение было брошено Нестору вождем. Партия управляет СССР, а Лакоба иногда не подчиняется ее решениям!

Вместе с тем, неожиданно для всех, Сталин обрушился на местный обком партии, который «не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на абхазскую почву»¹.

Таким образом, Сталин поддержал Нестора, и тот значительно упрочил свою власть и авторитет.

Придерживая курс сплошной коллективизации, Нестор, растянув ее во времени, смог избежать человеческих жертв, и она, в отличие от других районов СССР, завершилась не в первую пятилетку (к 1933 г.), а к концу второй пятилетки (после его смерти, в 1937 г.). В Абхазии внедрялись лишь низшие формы кооперации – поселковые товарищества; организовывались ТОЗы – товарищества по общественной обработке земли. Главным же достижением при Несторе был мирный характер коллективизации, здесь не было лозунга ликвидации кулачества как класса, а критерии определения кулацких хозяйств были другими. Не применялись репрессивные меры и административное выселение, как это практиковалось по всему Союзу.²

¹ Куправа А. Из истории абхазской традиционной культуры. М. 1998. С. 107–108.

² Куправа А. С. 109.

Не прошел мимо этой проблемы и Ефрем Эшба, который в августе и ноябре 1930 г. побывал в Абхазии и оставил свои беглые заметки «О Ткварчелах, колхозах и бандитах»¹. Он отмечает, что «нет никакого сомнения, что в Абхазии достигнуты большие успехи как в культурном отношении, также и в экономике...». Однако считает, что республика готова к коллективизации, просто этот процесс дискредитируется властями и частью крестьянства. Он пишет: «Чепуха – разговоры, будто особые условия абхазского крестьянства ставят непреодолимые препятствия колхозному строительству. Об этом говорил мне один “из больших” людей в Сухуме».

Один из стариков отвел Эшба в сторону и спросил: «Скажи правду, хорошее дело колхоз или нет?» Получив ответ: «Да, хорошее и необходимое», он дальше: «Но нельзя ли обойтись, чтобы нас оставили жить по отдельности, и не заставляли селиться в кучу, как в России?»

Здесь же были разговоры об общем огромном одеяле, под которым колхоз будет спать, об общности жен... А как же быть с гостеприимством и оплакиванием, спрашивали крестьяне?

Один из них спросил у Эшба: «Неправда ли, что Лакоба поехал в Тифлис и добился для Абхазии отмены колхозов?»

На основе этих разговоров и своих наблюдений Ефрем Алексеевич приходит к выводу: «вопрос о колхозах в Абхазии стоит еще во весь рост неразрешенным». О своих впечатлениях он рассказал Нестору при встрече в Гагре, но тот был раздражен тем, что Эшба направил в Тифлис письмо о своем взгляде на коллективизацию.²

Положение в Абхазии в 1930 г., по выражению Эшба, было «резко антиколхозное», что и привело в феврале 1931 г. к Дуррипшскому сходу...

Завершая свое выступление, хотелось бы отметить несколько судьбоносных для Абхазии и ее народа решений, которые оказались стратегическими и сыграли историческую роль, спустя десятилетия после их принятия.

¹ Марыхуба И. Ефрем Эшба. С. 357–359.

² Марыхуба И. Ефрем Эшба. С. 126.

1). В сложнейшей обстановке в марте-апреле 1925 г. на III съезде Советов Абхазии Нестор Лакоба принимает Конституцию ССР Абхазия и провозглашает республику (ст. 5) суверенным государством. Это казалось невероятным – только что в 1924 году была принята Конституция СССР, в которой Абхазия значилась как автономная республика. После этого началась страшная атака на Нестора и Абхазию, но принятая конституция просуществовала много месяцев. В не менее сложное время: 23 июля 1992 года Верховный Совет Абхазии во главе с В. Ардзинба восстанавливает Конституцию суверенной Абхазии 1925 г., которая просуществовала в военный (1992–1993 гг.) и послевоенный период (до 26 ноября 1994 г.).

2). Благодаря прозорливости Нестора, коллективизация в Абхазии не была проведена в ее жестких формах. Крестьянство, как основа народа, было сохранено. Благодаря этому во время грузино-абхазской войны, особенно на восточном фронте, который находился в блокаде, крестьяне, сельская община проявили стойкость и героизм.

3). Что было бы с восточной Абхазией в годы грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., если бы в 20–30-е гг., при колоссальном противодействии Тифлиса, в горах не появился шахтерский город Ткуарчал? Только благодаря энергичным действиям Н. Лакоба, рядом с Гальским районом и Западной Грузией вырос крупный промышленный центр. Его важной экономической задачей была промышленная разработка каменного угля, формирование национальных кадров рабочего класса, стекавшихся сюда со всей Абхазии. Ставилась тогда и стратегическая задача: создать в Ткуарчале бастион, многонациональный укрепленный район Абхазии на пути картвельской колонизации и восточной экспансии. В 1992–1993 гг. блокадный Ткуарчал стал своеобразным военным центром восточной Абхазии, оказывая неоценимую инженерно-техническую помощь сельскому населению и фронту.

*Выступление на круглом столе «Абхазия: трудный путь возрождения»
(К 125-летию Н. Лакоба и Е. Эшба). Сухум. 27 марта 2018 г.*

ТАЙНА «ЗЕЛеноЙ ПАПКИ»

Документы НКГБ
Сов. Секретно

Секретные агенты доносят
Слежка за абхазскими школьниками
Компромат на абхазскую элиту

ДМИТРИЙ ГУЛИА	ФИРАТ АБУХБА
АЗИЗ АГРБА	ИРАДИОН ЛОЛУА
МИХАИЛ ЛАКЕРБАЙ	ГЕОРГИЙ ШАКИРБАЙ
БАГРАТ ШИНКУБА	АЛЕКСАНДР ХАШБА
РАЗИНБЕЙ АГРБА	МИХАИЛ ГОНДЖУА
ШАРАХ ПАЧАЛИЯ	ЧИЧИКО КОЛБАЯ
НИКОЛАЙ ГЕРИЯ	ИВАН АЧБА
АЛЕКСЕЙ ГЕРИЯ	ХУХУНА ЗАРАНДИЯ и др.

Предлагаемые документальные материалы сталинско-бериевского периода советской истории создавались политической полицией в 40-е годы и помечены грифом «Совершенно секретно». Около полувека они хранились за семью печатями в одном из подразделений КГБ в Сухуме. После освобождения от грузинских оккупационных войск столицы Абхазии, Сухума, 27 сентября 1993 года архив этого тайного ведомства оказался в распоряжении законного органа власти – Парламента Республики Абхазия.

Впервые представители абхазской национальности получили возможность ознакомиться с уникальными документальными свидетельствами времен тотального грузинского произвола и репрессий в отношении абхазского народа, сохранившимися в тайнике грузинского подразделения КГБ. Они раскрывают внутреннюю кухню этого всемогущего ведомства, где, в частности, стряпались дела против тех представителей абхазской интелли-

генции, которые уцелели после обвальных репрессий 1937–1938 и 1941–1942 гг. Этот взгляд изнутри позволяет увидеть реальную картину огрузинивания Абхазии и раскрывает стройный план насильственной ассимиляции абхазов в 40-е годы.

Огромную ценность представляют документы, в которых содержатся агентурные донесения о действительном отношении видных представителей абхазской интеллигенции к политике «партии и правительства» в Абхазии, зафиксировано их возмущение и негодование по поводу закрытия абхазских школ, перевода обучения на грузинский язык, переселения десятков тысяч грузин в Абхазию, дискриминации абхазов. Им тут же приклеивался ярлык «антисоветски, контрреволюционно, буржуазно-националистически настроенных» (сокращенно а-с, к-р и т.д.). По этому поводу министром Государственной Безопасности Абхазской АССР, генерал-майором И. Гагуа (ставленник Берия) на имя министра ГБ Грузии составлялись подробные «справки», «меморандумы», «докладные записки», «донесения» и др. Так, например, само за себя говорит «спец. сообщение» И. Гагуа на имя секретаря Абхазского обкома КП(б) Грузии А. Мгеладзе от 2 октября 1945 г., где сказано, что абхазские дети Очамчирского района отказываются учиться в школах на грузинском языке. Министр безопасности приводит даже поименный список «виновных» детей 2, 3, 4 классов, которые пропускают занятия и не желают посещать грузинские школы...

Особое внимание в документах уделено видным представителям абхазской интеллигенции, работавшим в Абхазском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (АбНИИ), называемом ранее Абхазским научным обществом (АБНО, с 1922 г.), Институтом Абхазской культуры Академии Наук имени академика Н. Марра (ИАКАН), которые непрерывно преследовались или уничтожались, начиная с 1937 года, после гибели премьер-министра Абхазии Нестора Лакоба (отравлен Берией в Тбилиси 27 декабря 1936 года). Научный коллектив этого института в Сухуме, в основном, историки и филологи, на протяжении десятилетий и вплоть до недавнего времени, неоднократно вызывали гнев со стороны грузинских властей в Тбилиси, за то, что всегда становились на защиту своего народа,

отстаивая его самобытность и культуру. Целый ряд ученых АбНИИ, в том числе и его директор Арсен Хашба были уничтожены в 30–40-е годы. Многие молодые исследователи института преследовались в 50–80-е годы. Буквально шквал ненависти и ругани был обрушен, как и во времена Сталина-Берия, на АбНИИ, когда в 1990 г. его директор, профессор-хеттолог Владислав Ардзинба был избран Председателем Верховного Совета Абхазии. Различные инсинуации шовинистического толка имели место при Гумбаридзе, Гамсахурдиа и Шеварднадзе. Оккупационные грузинские войска последнего вторглись в Сухум и в октябре 1992 г. совершили акт вандализма. В один день были одновременно подожжены АбНИИ (с уникальной библиотекой, историческими источниками, лингвистическими и фольклорными записями, археологическими и этнографическими материалами) и Государственный архив Абхазии. Представителями оккупационных властей Грузии в домах и квартирах научных сотрудников АбНИИ были произведены обыски, изъяты и уничтожены личные архивы и книги об Абхазии.

В этой связи предлагаемая для публикации подборка документов из «Зеленой папки» Сухумского КГБ под названием: **«Директивные указания, докладные записки, справки и меморандумы на контрреволюционно буржуазно-националистически настроенный элемент из числа абхазцев»**¹, представляет огромную ценность как источник для будущих исследований и дополняет новыми неизвестными сведениями и фактами темный период абхазской истории 40-х годов, освещенный в ряде изданий.²

Станислав ЛАКОБА

¹ Стиль, орфография и пунктуация документов сохранены без изменений.

² Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990; Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. Сухум, 1991; История Абхазии. Сухум, 1991.

Народный комиссариат госбезопасности Абхазской АССР.
2-ой отдел.

Сов. секретно

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ГРУЗИНСКОЙ ССР ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ
тов. РАПАВА

гор. Тбилиси

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О фактах усилившихся антисоветских высказываний со стороны отдельных лиц по гор. Сухуми, в Гудаутском и Очамчирском районах из числа националистически настроенных абхазцев.

В дополнение к моему донесению за № 2/2 – 1542 от 30-го сентября 1945 года докладываю, что в связи с введением обучения в абхазских школах на грузинском языке, укреплением партийно-советского аппарата прибывшими работниками из других районов Грузии и переселением колхозников из малоземельных районов Грузии на территорию Абхазской АССР, со стороны отдельных работников и контрреволюционно-националистически настроенных лиц из числа абхазцев, как по городу Сухуми, так и в Гудаутском и Очамчирском районах, за последнее время усилились злостные антисоветские высказывания.

Эти антисоветские высказывания ведутся в следующих направлениях:

1. Высказывания о якобы имеющих место гонениях над абхазами.
2. Высказывания о якобы стремлении ликвидировать абхазскую культуру, язык и нацию.
3. Агитация о неприемлемости введения обучения на грузинском языке и, в связи с этим, запрещение детям посещать школу.
4. В агитации выезда из пределов Абхазии, и
5. Провоцирование и высмеивание работников, прибывших из грузинских районов.

I. ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ЯКОБЫ ИМЕЮЩИХ МЕСТО ГОНЕНИЯХ НАД АБХАЗЦАМИ

Снятый за провал работы, бывший заместитель Наркома Просвещения Абхазской АССР Герия Николай Эрастович в беседе с нашим агентом «Свет» по поводу своего снятия заявил:

«...Семь лет я справлялся с должностью заместителя Наркома Просвещения, а в конце 1945 года нашли, что не справляюсь с работой... Дело, конечно, не в этом. Просто не хотели держать меня, как абхаза и потому сняли...».

Нарком Социального Обеспечения Абхазской АССР ХАШБА Александр Лаврентьевич, в беседе с нашим агентом «Пулемет», сказал:

«...Чтобы изучить грузинский язык надо жениться на грузинке... Грузины обходят законы, посмотрим, что у них из этого получится. Куда не повернешься всюду они... Был из абхазцев один выдающийся, образованный человек – ГЕРИЯ Николай и того сняли...».

В беседе с нашим источником «Костров» Заведующий Отделением «Союзпечать» Абхазской АССР ЧИТАНАВА Шамиль Швинтович заявил:

«...Абхазцам трудно становится жить в Абхазии. Нас, абхазцев Грузия вытесняет...».

По сообщению агента «П» бывший художественный руководитель Абхазской драмы АГРБА Азиз Рашидович, по поводу действия Зам. Начальника Комитета искусств т. ГАБИСКИРИЯ заявил:

«...Что говорить о ГАБИСКИРИЯ, это делает он не лично от себя. Он имеет поддержку в общей политике, проводимой грузинами по отношению к абхазцам... Впрочем опасно, не следует говорить по этому вопросу. Молчите...»,

и тут же добавил:

«...Видишь, абхазские школы закрывают. Целыми селениями перевозят грузин в Абхазию. То есть, попросту, грузины колонизируют Абхазию. Но надо молчать. ДЕЛБА молчит, значит нечего делать...».

По донесениям агента «Родина» ЛАКЕРБАЙ Михаил Александрович, поэт-драматург, по поводу мероприятий партии и правительства по Абхазии заявил:

«...Теперь во всю идет грузинизация. Нынче люди другие, атмосфера другая. В этой атмосфере можно задохнуться. Абхазские кадры гонят...».

Артист Абхазской драмы АГРБА Разинбей в беседе с нашим источником «Иван» сказал:

«...Постепенно нас всех уберут. Защищать нас некому. Азиза АГРБА выжили. Грузины не хотят, чтобы абхазская культура развивалась...».

ЛАФИШБА Алексей Соломонович, бывший член КП(б) Грузии, счетовод колхоза им. Махарадзе в беседе с нашим источником «Глаз» заявил:

«...Не знаю, что за национальная политика. Куда ни пойдешь везде грузины, а от абхазцев ничего не осталось...».

ГАБНИЯ Хаджарат – Инспектор Гудаутского РОНО, будучи прикрепленным к селению Бармиш Гудаутского района, среди колхозников говорил:

«...Дополнительно прибывают из Грузии большое количество работников – грузин и они займут все должности в районе, где работают абхазцы. Последних же снимут и пошлют в колхозы... Через некоторое время грузины окончательно захватят Абхазию и ничего абхазского здесь не будет...».

В беседе с нашим источником «Свет» Прокурор Гудаутского района ЛОЛУА Ирадиюн, заявил:

«...Гудауты был сердцем Абхазии, а сейчас здесь полно грузин. Когда проходишь по городу, изредка услышишь абхазский язык. Всюду слышен проклятый грузинский язык... Только “кацо”, да “генацвали”... Скоро нам в родном городе не будет места, но зато колхозы нас ждут. Там грузинский язык не применится».

Демобилизованный из Красной Армии КОЛБАЯ Чичико, с высшим образованием, происходит из с. Абгархук Гудаутского района, в настоящее время проживает в гор. Сухуми, в одной беседе заявил:

«...Я еще не устроился и нет надежды, что сумею устроиться, потому, что пока должны устроить всех гегечкорцев на работу, а после этого, если останутся свободные места, то тогда дадут нам работу... В Сухуми их прибыло много, нам доверия нет, пока их устроят на теплые места мы должны ждать, а потом наверное скажут – мест нет, хотите, пошлем бригадиром в колхоз?...».

Бывший Зав. Гудаутским отделением Абвинпрома КУРМАЗИЯ Максим Петрович, в связи со своим снятием за провал работы, в беседе с нашим источником «Светило» сказал:

«...Меня сняли незаслуженно, надо было дать место грузину, вот это является причиной, а то я вполне справлялся с работой. Мой заместитель Цивцивадзе имеет тысячу преступлений, но его никто не трогает, как грузина...».

Управляющий Сберкассами Абхазской АССР ГОНДЖУА Михаил Харитонович, в беседе с нашим агентом «Свет» сказал:

«...Нам абхазцам здесь в Абхазии жизни больше не будет. Грузины завладели Абхазией и нас постепенно вытесняют...».

АЧБА Иван Павлович, бывший дворянин, член Коллегии защитников, в одной из бесед с военнослужащим Агрба Ражденем в присутствии нашего источника «Свет» заявил:

«...В руководстве Абхазии из абхазцев остались 2–3 человека, но их тоже скоро сменят. Недавно сняли Зам. Наркомпроса Герия. Он был очень хорошим работником, сняли и его брата – директора Абхазпедтехникума. Все они собираются выехать в Россию. Сняли лучших артистов Агрба и Пачалия. Вообще абхазцев выживают...».

II. ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ЯКОБЫ СТРЕМЛЕНИИ ЛИКВИДИРОВАТЬ АБХАЗСКУЮ КУЛЬТУРУ, ЯЗЫК И НАЦИЮ

ЛАКЕРБАЙ Михаил Александрович в беседе с нашим источником «Петровичем» заявил:

«...Меня, как писателя, интересует вопрос об усилении изучения абхазского языка и литературы. Проводимые же мероприятия – введение грузинского языка, приезд кадров

грузин и другие, приводят к тому, что в дальнейшем абхазского языка и литературы не будет. Не будет и абхазцев...».

Тот же ЛАКЕРБАЙ в другом случае заявил:

«...Политика грузинского правительства в отношении абхазского народа неправильная... Абхазская культура и искусство не пользуются в настоящее время той поддержкой, которую они должны были бы получить...».

Народный поэт Абхазии – ГУЛИЯ Дмитрий Иосифович, трактуя о том, что «грузины и абхазцы две разные нации, не имеющие между собой ничего исторического общего», в беседе с нашим агентом «Апсны» заявил:

«...На протяжении многих веков народности земного шара общаются. Это общение привело к тому, что одни народности менее развитые, с целью пополнения своего лексикона, заимствовали много слов у народностей с более развитой культурой... Немало слов, например, французских и татарских в русском языке. Но значит ли это, что Россия и ее культура родственна французской или татарской?.. В первом алфавите абхазского языка, созданном мною и К. Д. МАЧАВАРИАНИ не было ни одного буквенного знака из грузинского алфавита и он вполне удовлетворял абхазцев. Политическая же обстановка создала необходимость заменить почти русифицированный алфавит грузинскими буквенными знаками. Если понадобится, то можно заменить и грузинские знаки любыми другими, но опять-таки это не явится основанием для доказательства и установления родства одной народности с другой...».

ХАШБА Александр, в отношении, якобы, притеснения культуры абхазской нации, говорит:

«...ШИНКУБА единственный талантливый поэт Абхазии, он равен даже Пушкину, но его никто не выдвигает, не поддерживает. Был бы грузином, наверное гремел бы по всему Советскому Союзу. Все в загоне потому, что идет грузинизация, мы отжившая нация...».

Командир полка 407 стр. дивизии, дислоцированного в Ахали-Афони, Подполковник ГОЛАНДЗИЯ 14.XII.1945 года, в присутствии ряда лиц, заявил следующее:

«...Местные руководящие органы по своей инициативе, не имея никаких установок от вышестоящих органов самовольно закрыли абхазские школы и ввели преподавание на грузинском языке и тем самым создали недовольство населения...».

ГУЛИЯ Иван Иосифович, Директор учебно-производственного Комбината Наркомсобеса Абхазской АССР, выражая острое недовольство, говорит:

«...Нас абхазцев лишили своего языка. Что это значит? Зачем это? Почему нам не дают жить в Абхазии?...».

III. АГИТАЦИЯ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ВВЕДЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ И В СВЯЗИ С ЭТИМ ЗАПРЕЩЕНИЕ ДЕТЯМ ПОСЕЩАТЬ ШКОЛЫ

Группа лиц из руководящего состава Гудаутского района: ГУНБА Герасим – Зав. Торготделом, АБУХБА Фират – Нарсудья, ТАРБА Герасим – Зав. Райфо, – на улице в г. Гудауты вели беседу о мероприятиях партии и правительства между собою, в присутствии нашего агента «Свет», в которой АБУХБА заявил:

«...Нелепо это введение преподавания грузинского языка. Это методика ничем неоправданная. Ведь преподавать на непонятном языке это антипедагогический подход. Этим только избивают детей...».

Пом. Прокурора Гудаутского района ТАРКИЛ, в одной из бесед заявил:

«...В деревнях массовое недовольство в связи с введением обучения на грузинском языке...».

Учительница Лыхненской НСШ Герия Тина, в беседе на тему введения грузинского языка, сказала:

«...По этому вопросу много недовольств, так как население не знает, чем оно вызвано...».

Двоюродный брат врага народа Лакоба Нестора – ЛАКОБА Давид, 1894 года рождения, б/партийный, проживает в г. Гудауты, выражая в острой форме недовольство по поводу введения обучения на грузинском языке, заявил:

«...Абхазский язык преподают только как предметный, это не удовлетворяет нас... Учителя абхазцы сейчас выброшены из школ на произвол судьбы...».

АВИДЗБА Джир, член колхоза им. Ильича В. Эшерского сельсовета заявил учительнице ГВАЛИЯ Венере:

«...Я Вам покажу, как за неусвоение грузинского языка трепать детей за уши. Детей своих я больше в школу не пущу, пусть сидят дома...».

Директор Джирхвинской № 1 НСШ Гудаутского района ГУНБА Роман Доментьевич умышленно затягивал выкуп книг из «Сахелгами» для грузинских классов, чем срывал работу школы.

По сообщению источника «Сухумский» почти все директора школ Очамчирского района из отделения Госиздата не выкупают разные учебные пособия на грузинском языке, где их скопилось на 15 тысяч рублей, в то время, как у дирекции школ имеются неосвоенные средства, так например: Меркульская НСШ – 2.000 руб., Моквинская НСШ – 2.000 руб. и другие.

Отмечены факты, когда родители не пускают в школы своих детей, в связи с введением учебы на грузинском языке. Так, например: Зарандия Хухуна Засович, колхозник села Меркулы Очемчирского района, не отпустил в школу своих двух сыновей и на вопрос секретаря сельсовета, почему не пускает, заявил:

«...Что даст изучение грузинского языка, пусть мои дети лучше тохают кукурузу».

Колхозник села Меркулы Очемчирского района АДЛЕЙБА Кескиндж не пускает в школу двух сыновей. Одного из них определил на чайную фабрику, а другого в пастухи, заявив, что нет смысла обучать их грузинскому языку.

ШОНИЯ Андрей Тигович, не пуская в школу одного своего сына, заявил:

«...Для чего изучение грузинского языка, что он мне дает, я же не могу устроить их на работу в Тбилиси, лучше пусть работают у меня дома...».

Аналогичное поведение родителей зафиксировано нашим источником «Сухумский» и в поселке Мокви Очемчирского района.

IV. АГИТАЦИЯ ЗА ВЫЕЗД ИЗ ПРЕДЕЛОВ АБХАЗИИ

Бывший Зам. Наркомпроса ГЕРИЯ Николай Эрстович, высказывая недовольство по поведению своего снятия с работы, в беседе с нашим источником «Сухумский», заявил:

«...Хотел выехать в Москву, но там с квартирой плохо. Лучше немного подожду, займусь торговлей, подработаю денег и тогда выеду в Ленинград и устроюсь на работу. Тем более жена у меня из Ленинграда...».

По сообщению источника «Пулемет» 27-го ноября 1945 года ХАШБА Александр спросил ГЕРИЯ Алексея – «где ты бросил якорь». На ответ последнего, что в городе Краснодаре, ХАШБА сказал:

«...Теперь устраивайся, создавай там базу, а когда нам станет туго, мы перекочем к тебе...».

Управляющий Сберкассами Абхазской АССР ГОНДЖУА Михаил Харитонович, в беседе с нашим агентом «Свет» заявил:

«...Неправильно сняли братьев ГЕРИЯ, одного из Наркомпроса, а другого из Техникума, но зато ГЕРИЯ которого сняли с должности директора Техникума уже работает Зав. Районо в Краснодарском крае, а другой брат тоже собирается выехать в Москву, я бы тоже давно выехал бы, но семья мешает...».

ШАКИРБАЙ Георгий Захарович, б/научный работник АбНИИ в беседе с нашим источником «Апсны» заявил:

«...Колесо жизни вертится, сегодня здесь в почете грузинский язык и грузинская культура. Абхазию, как таковую с ее историческим и настоящим стерли с лица земли... Поэтому я решил уйти от научной работы и перестал заниматься изучением абхазского языка... Немного улучшу материальное положение и уеду в Ленинград...».

ЛАКЕРБАЙ Михаил Александрович – драматург, в беседе с нашим агентом «Апсны» заявил:

«...Создавшееся положение диктует мне немедленно выехать из Абхазии в Грузию. Похлопочу выбраться в Москву, советую и Вам...».

ЛАКЕРБАЙ М. А. действительно выехал в Москву с 1-го декабря 1945 года сроком на один месяц, но до сего времени еще не вернулся.

ЗВАНБАЯ Григорий – бывший Директор Лыхненской НСШ Гудаутского района с введением в школе грузинского языка, усиленно стал готовиться к выезду и в действительности в конце 1945 года выехал из района в Россию.

Бывший директор Абхазского Педучилища – ГЕРИЯ Алексей Несторович в беседе с нашим источником «Петрович» заявил:

«...Мне больше не место в Абхазии. Мечтаю какнибудь поскорее выбраться отсюда...».

На самом деле ГЕРИЯ А. Н. выехал и устроился на работу в Краснодарском крае.

В беседе с нашим источником «Апсны» руководитель Абхазского хора – ЛАКЕРБАЯ Иван Александрович, заявил:

«...За последние годы Абхазия превратилась в Менгрелию. Зугдиди и Гали наводнили Сухуми и здесь трудно жить. Если бы Обком партии освободил меня от работы, я бы немедленно уехал...».

В одной из бесед, по поводу перевода делопроизводства на грузинский язык, Наркомюст КЕЦБА Темур, в беседе с нашим источником «Быстров», заявил:

«...Это сделать трудно. Нужны кадры. Потребуется большая подготовительная работа. Я, конечно, тогда работать не смогу, придется попрощаться. Поеду в Москву, там меня знают и направят куда-нибудь...».

V. ПРОВОЦИРОВАНИЕ И ВЫСМЕИВАНИЕ РАБОТНИКОВ, ПРИБЫВШИХ ИЗ ГРУЗИНСКИХ РАЙОНОВ

13-го января с. г. источник «Свет» по делам находился в г. Гудауты, где часов в 11 утра на улице, около ресторана, что напротив станции Союзтранса, встретился с группой абхазцев из числа руководящих работников района, а именно: ТАРБА – Зав. Райфо. АБУХБА – Нарсудья, МИКАДЗЕ – Директор Промкомбината и ГУНБА – Зав. Райторготделом. Вдруг ТАРБА засмеялся, и толкая рядом стоящего АБУХБА, стал говорить:

«...Смотрите, смотрите, это наш “кацо” хочет сфотографироваться. По всей вероятности его выдвинули депутатом в Верховный Совет Союза ССР».

На самом деле один здоровый мужчина стучался к фотографу. На вопрос источника «кто он такой?» ТАРБА с иронией ответил:

«...Это из мобилизованных, работает Председателем Гудаутского Горсовета...».

АБУХБА говорит:

«...Его не Председателем Горсовета, а лучше было бы использовать пастухом...».

ТАРБА продолжает:

«...Всех грузинских тупяков сюда прислали. Все “кацо” да “кацо”, полон ими Гудауты...».

ГУНБА сказал:

«...Раньше эти грузины у нас имели доступ в рестораны буфетчиками и официантами, а сейчас нас вытесняют и хотят над нами руководить...».

На это АБУХБА отвечает:

«...Все хорошо, но мы, гудаутцы, в одном пострадали. Раньше эти грузины и мингрельцы к нам приезжали собирать виноград, а сейчас кто же соберет. Вот и поэтому в этом году урожай винограда не собрали...».

Помощник Прокурора Гудаутского района ТАРКИЛ, в беседе с нашим источником по адресу прибывших в Гудауту грузин, говорил:

«...всех парикмахеров и сапожников нагнали к нам...».

Наркомсобес ХАШБА Александр Лаврентьевич с иронией сказал:

«Я уже научился разговаривать на мингрельском языке. Чтобы они с этим языком провалились...».

и тут же по абхазски добавил:

«...Хазкушвазей джима (в переводе на мингрельский язык – «мус мовхвадить джима»)...».

Этот же ХАШБА по адресу второго Секретаря Абхазобкома Грузии тов. КАРЧАВА сказал:

«...Этот человек не Секретарь Обкома, а председатель всех кляуз. Он только занимается кляузными делами. Сейчас он звонил мне и выяснял, где я был вчера вечером (21/1–46 г.), почему не был на траурном заседании. Большое дело, что я не мог присутствовать на заседании...».

Аналогичные факты антисоветских и контрреволюционных высказываний зафиксированы также со стороны других лиц.

Характерным является то обстоятельство, что эти высказывания ведутся названными лицами между собой при каждом удобном случае встреч: на работе, в селах и в других местах. Тем самым вызывают среди абхазского населения недопонимание целей и пользы проводимых партией и правительством мероприятий, в результате чего значительная часть абхазского населения смотрит отрицательно на указанные мероприятия.

Несмотря на то, что лица указанной выше категории нами обеспечены преданной и работоспособной агентурой, однако данными о наличии оформленной контрреволюционной организации не располагаем и, по уверению агентуры, таковая не существует.

Нами проводится усиленное агентурное наблюдение за действиями указанных выше лиц.

По существу изложенного мною информирован Первый Секретарь Абхазского Обкома КП(б) Грузии тов. Мгеладзе, перед которым поставлен вопрос об усилении массово-агитационной и политико-воспитательной работы среди абхазского населения в целях сопоставить и рассеять антисоветскую работу со стороны недовольных контрреволюционно-националистически настроенных лиц.

Докладывая об изложенном, прошу Вашего указания.

Народный Комиссар Государственной Безопасности Абхазской АССР генерал-майор И. ГАГУА.

24 января 1946 года.

№ 2 / 1-178

Гор. Сухуми

Тайна «Зеленой папки» / С. Лакоба. Часть I. Сухум. май 1996. Приложение к газете «Республика Абхазия». 11 с.; Абхазский архив. XX век. Вып. 1. / Сост. С.З. Лакоба, Ю.Д. Анчабадзе. М. 2003. С. 129–141.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ И НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АБХАЗИИ 20–30-х гг. XX ВЕКА

К 10-летию Германского исторического института в Москве в 2015 г. вышел в свет двухтомник «Большевистский порядок в Грузии». С огромным интересом ознакомился с разделом «Этнос и террор» (М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн, И. Джуха), который вызвал бурную реакцию у некоторых грузинских исследователей (Д. Гамахария, А. Даушвили, Р. Метревели и др.), что нашло свое отражение в главе «Грузия в пути» (М. Юнге, Б. Бонвеч, Д. Мюллер), посвященной подробному освещению дискуссии, разгоревшейся между немецкими и грузинскими учеными.

На основе трехлетнего изучения и анализа огромного количества архивных статистических материалов Большого террора в Грузинской ССР немецкие исследователи пришли к выводу, что в 1937–1938 гг. грузинские власти, помимо указаний из Москвы, проводили и свою собственную линию в репрессивной политике. Задается также вопрос об этнической, расистской компоненте; не усматриваются ли в этом терроре возможные черты геноцида? В пользу такого подхода говорит, например, особенно высокий показатель жителей Абхазии, подвергшихся террору, – и «среди них именно абхазы репрессировались в большом количестве».

Такая постановка вопроса вызвала бурю негодования среди отдельных грузинских ученых, которые вышли далеко за рамки академической лексики, обвиняя авторов в антигрузинских политических целях, следовании русской имперской и кремлевской традициям, сепаратистской и даже национал-социалистской идеологии... Весь этот набор обвинений Абхазии хорошо знаком по 80–90 гг. прошлого века, когда тот же Д. Гамахария осуждал абхазских историков за «неправильное освещение» истории. Буйный сторонник З. Гамсахурдиа, депутат грузинской фракции парламента Абхазии, «диссидент» и одновременно

преподаватель истории КПСС, накануне грузино-абхазской войны, он открыто заявил в прессе: «Права грузинской нации шире прав человека».¹ Известный грузинский эксперт Г. Нодия отмечал, что в прессе того времени «можно без труда найти немало расистских высказываний».²

К сожалению, отдельные выступления тбилисских историков, приведенные в дискуссии («Грузия в пути»), говорят о том, что их мировоззрение за прошедшие почти 30 лет практически не изменилось. Парadoxально, но осуждая все советское, они по-прежнему живут в его прошлом.

В принципе их возмущение вызвано тем, что немецкие исследователи в результате тщательного анализа статистики 1937–1938 гг. в Грузии лишь подтвердили этническую составляющую репрессий, о чем в свое время неоднократно заявляли не только абхазские историки. Репрессии, развязанные в Абхазии в этот период, особенно после смерти в Тбилиси главы правительства Абхазии Н. Лакоба, обрушились не только на простых крестьян, интеллигенцию, видных государственных и общественных деятелей. Здесь, в отличие от Грузии, репрессии имели свои особенности. Абхазский народ пытались обезличить и представить как одну из грузинских народностей. Достаточно ознакомиться с работой С. Данилова «Трагедия абхазского народа»³, в которой однозначно говорится о целенаправленном преследовании абхазов в 30–50-е гг. XX в. в целях их ассимиляции. С оценками С. Данилова перекликается политическая характеристика событий тех лет в Абхазии советолога Даррела Слайдера в работе «Кризис советской национальной политики...», изданной в 1985 г. в Лондоне. Он, в частности, пишет: «Большая часть политической истории Абхазии 1931–1953 гг. была под властью Лаврентия Берия... Там явно велась спланированная политика, руководимая Берией». Против этих мер, продолжает он, протестовал до своей «загадочной смерти» Нестор Лакоба. В 40–50-х гг. «Берия на-

¹ См.: Акаба Н. Абхазия между любовью и ненавистью. Сухум. 1996. С. 7.

² Грузины и абхазы. Путь к примирению. М. 1998. С. 39.

³ Вестник Института по изучению истории и культуры в СССР. Мюнхен, 1951. № 1.

чал кампанию явного уничтожения абхазов как этнокультурной целостности».¹

Таким образом, статистические выкладки относительно этнического характера репрессий 1937–1938 гг. подтверждают мнение о том, что они явились начальной, стартовой политикой, спланированной Сталиным-Берия, и нашедшей свое дальнейшее продолжение в разных формах вплоть до 1953 года.

В этой связи небезынтересным представляется постановление Парламента Республики Абхазия «Об осуждении геноцида и других репрессивных мер против абхазского народа и представителей других народов, проживающих в Абхазии, властями Грузинской Демократической Республики и Советской Грузии и преодолении их последствий» (15 октября 1997 г., № 364-с-ХІІІ).

Вызывает горькую усмешку позиция Д. Гамахария (кстати, свой политизированный отзыв на окончательный вариант «Этноса и террора» он прислал на бланке тбилисской «автономной Абхазской республики», не имеющей к реальной Абхазии никакого отношения), который обвиняет немецких авторов в «продолжающейся кремлевской политике, направленной на расчленение грузинского этноса». Возмущение связано с тем, что в понятие «грузины» не включены аджарцы, мегрелы, сваны, бацбийцы. Очень сильно раздражают и лазы, которые подверглись жесточайшим репрессиям... «Господа авторы должны знать, – с пафосом заявляет Гамахария, – что в истории не существует такой даты, когда мегрелов и сванов отделили или включили в состав грузинской нации. Они совместно с картлийцами изначально составляли и ныне составляют ядро грузинского этноса, разрушить которое какими-то «источниками»... невозможно» (С. 379).

Насколько известно, у Ноя Жордания, главы первой Грузинской республики, была иная точка зрения, которая во многом совпадает с мнением немецких ученых. Он отмечал: «Гурийцы... даже представить себе не могли свободную Грузию. Они не имели представления о единой грузинской нации. Грузия была для них «Картли», а грузины – картлийцы, иногда кахетинцы... У нас

не было государственных традиций, одного общего национального прошлого и национальных навыков. В XIII веке прекратилось наше единение, наше государственное сознание, и оно воскресло совершенно в других условиях». «От XV до XIX века другие народы иногда давали Грузии название “Сакартвело”, включавшее только Карталинию и Кахетию», – заключает автор.¹

Комментарии здесь излишни, а о мегрелах, сванах и др. даже и речи не было. Да и сам Гамахария отмечает, что «имперская статистика к графе «грузины» относилась лишь картлийцев и кахетинцев» (С. 378). Как видим, мнение Жордания вполне совпадает с «имперской» статистикой.

Следует отметить, что по материалам переписей 1897, 1926 гг. мегрелы и сваны даны в отдельной графе, а в переписи 1937 г. они уже причислены к грузинам. На эти факты и обратили внимание немецкие исследователи.

Вообще представляется полезным и необходимым хотя бы в тезисной форме дать основные выводы, к которым пришли авторы «Этноса и террора» на основе тщательного изучения статистических баз данных архива МВД Грузии. Это – сведения о проведении «кулацкой» операции («кулацкая тройка»), «национальных» операций («двойка» и «национальная тройка») и социальной чистки («милицейская» тройка). Дана и классификация жертв в зависимости от национальной принадлежности, в том числе по таким категориям: титульная нация ГССР (грузины); титульные нации «второго ранга» («полутитульные» нации) – абхазы и осетины и т.д.

Авторы рассматривают репрессии через призму национальной политики и ее грузинского варианта, усматривают тесную связь между репрессиями (против абхазов, аджарцев, осетин) и процессом формирования титульной грузинской нации, проводят мысль о том, что власти Абхазии поддерживали лазов, греков, армян, чтобы противостоять натиску партийно-советского руководства Грузии и мегрелам. Так, частота приговоров лазам к высшей мере наказания (ВМН) была «экстремально высокой» в сравнении с собственно грузинами.

¹ См.: Central Asian Survey. (1985), 4(4), 52–54.

¹ Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд. 1968. С. 7, 93.

В параграфе 5 говорится о репрессиях в отношении «полутитульных» наций абхазов и осетин, осужденных в 1937–1938 гг. «кулацкой» тройкой при НКВД ГССР. По приказу N00447 общее число жертв составило среди абхазов и осетин 895 человек, причем 62 проц.(554 человека) были этническими абхазами, что «бросается в глаза», т.к. в соотношении к численности абхазского населения (55409 человек) в составе Грузии - они «подверглись непропорционально жестоким репрессиям». Если сравнивать с грузинами, то показатель абхазов, приговоренных к ВМН, почти вдвое выше (С. 248–249).

Особенно пострадало абхазское крестьянство, цвет нации. Проводимая повсеместно «кулацкая» операция имела своей целью чистку потенциально нелояльных крестьян. На момент ареста к крестьянам относились 45 проц. репрессированных абхазов (122 человека), что на 18 проц. превышало средний показатель по Грузии. Доля абхазских крестьян осужденных к ВМН, лидировала с существенным перевесом (45 проц., 55 человек), в сравнении с осужденными крестьянами-грузинами (33 проц.) и осетинами (28 проц.). – (С. 253).

Авторы приходят к очень важному выводу: высокая степень репрессий в отношении абхазов-крестьян может трактоваться как индикатор процесса образования нации, который у абхазов к концу 30-х годов значительно продвинулся (С. 257). Эта мысль неоднократно ими повторяется (см: С. 262–263 и др.). Репрессии охватили широкие круги абхазов, т. к. «грузинский центр осуществлял политику гомогенизации (однородности – С. Л.) насильственно, посредством репрессий». Тбилиси стремился «повернуть вспять процесс образования абхазской нации, к тому времени уже далеко продвинувшийся вперед».(С. 333).

Абхазы, осетины, лазы потенциально являлись объектом притязаний титульной нации Грузии на гегемонию и ассимиляцию, направленных на поэтапное разрушение или «перекодировку» их особой коллективной и индивидуальной идентичности. (С. 267). Вместе с абхазами, армянами, лазами и др., греки усложняли процесс грузинизации Абхазии, препятствовали формированию единой грузинской нации. Так, по данным карательной бюрократии и статистики, репрессии против греков и армян в Абха-

зии носили более жесткий характер, чем в остальных районах Грузинской ССР. Целью такой политики Тбилиси было наказать армян и греков, проживающих в Абхазии, «как потенциальных союзников абхазов в борьбе против доминирования грузин и мингрелов». (С. 267).

Достаточно вспомнить массовую депортацию греков из Абхазии в 1949 году. В параграфе 10: «Враждебная» национальность: немцы» говорится о том, что более всех в Грузии пострадали немцы и абхазы. В основе такого утверждения лежит анализ статистических данных. «Как и абхазы, немцы в 1937 г. репрессировались в сравнении с грузинами сверхпропорционально. Лишь по доле смертных приговоров в 1937 г. немцы (53 проц.) немного превосходили абхазов (52 проц.)» (С. 324). Один из выводов, к которому приходят авторы относительно 1937 г. в Абхазии трактуется ими как «продолжение старой политики грузинских националистов и грузинской церкви» (С. 331–332).

В целом они рассматривают политику репрессий 1937–1938 гг. в Грузии на фоне сталинского определения нации: национальная общность, общий язык, общность территории, внутренние экономические связи... В соответствии с этим планом происходила «унификация пестрого языкового пространства Грузии». Особенно ярко эти тенденции проявились в Абхазии, когда в 1937 г. латинский алфавит был заменен грузинской графикой. Как оценивалась эта акция в тот период? По этому поводу есть очень ценное свидетельство. В 1937 г. в эмигрантском журнале «Северный Кавказ» была опубликована статья «Сталин – “местный шовинист”». Как известно, алфавиты многих народов СССР (кроме грузинского и армянского) подверглись латинизации, а затем были переведены на русскую графику. «Но, оказывается, – комментирует журнал, – в привилегированном положении находится не только русский язык и алфавит. Таким же положением пользуется и грузинский язык... В число «достижений советской власти» входит и перевод абхазского алфавита с латинской на грузинскую основу... Ясно, конечно, что слова эти были сказаны не без ведома Лаврентия Берия, который в свою очередь является вернейшим рупором «отца советского народа» Иосифа Сталина-Джугашвили. Таким обра-

зом, получается, что не только грузинификатор абхазцев Берия, но и его московский патрон Сталин не свободны от проявлений «местного национализма», который в иных районах СССР преследуется немилосердно. Такова логика советской действительности, создаваемой Сталиным».¹

Национальная общность, по Сталину, была «немыслима без общего языка». Немецкие исследователи очень верно и тонко подметили этот нюанс, рассматривая его в контексте массовых этнических репрессий 1937–1938 годов. Они пишут: «Карательная статистика в отношении абхазов является наглядным примером реализации путем насилия второго и третьего критериев сталинского определения нации, а именно достижения «общности территории» и установления «внутренней экономической связи» (С. 333). Речь идет о физическом овладении абхазской территории и ее колонизации («Абхазпереселенстрой»). Данная политика осуществлялась быстрыми темпами, направляемыми из Тбилиси миграционными потоками, землеустройством и адресным распределением экономических и технических ресурсов. Таким образом, авторы приходят к логическому выводу о том, что «процесс формирования нации сталинского образца в Грузии стал ядром массовых репрессий» (С. 338). Они заключали в себе и «этническую компоненту», а значительную часть карательной компетенции центральный аппарат НКВД в Москве передал местным властям, ослабив за ними контроль.

Как уже отмечалось, Большой террор в Грузии не только придал толчок формированию грузинской нации, но и способствовал усилению грузинского национализма. «В результате близорукой политики московского руководства, - заключают авторы, - именно на периферии непоправимым образом были заложены структуры медленного развала советской империи. Бывший народный комиссар национальностей Иосиф Сталин, будучи истинным творцом этой политики, стал могильщиком Советского Союза в буквальном смысле этого слова» (С. 343–347). Данное

¹ Северный Кавказ. Варшава. 1937. № 41; Абхазоведение. Вып. 1. Сухум. 2000. С. 133–139.

исследование немецких ученых по своей компетентности, новизне, научной смелости и проницательности безусловно станет ярким событием в историографии. Это совершенно непохожий, новаторский взгляд на события, основанный на уникальной методике, которая позволила за сухими цифрами увидеть драматическую судьбу не только отдельных личностей, но и трагедию целых народов, о которых до сей поры предпочитают хранить молчание.

В Абхазии, особенно в новейшее время, вышло немало работ по репрессиям 30–50-х гг. Многие положения абхазских историков, независимо от них, нашли свое неожиданное, новое подтверждение у немецких исследователей. Что касается раздела «Грузия в пути», то, порой, кажется, что дискуссия между немецкими и некоторыми грузинскими учеными идет не только на разных языках, но и в параллельных мирах. Одни сохранили выдержку и такт, достойно «держали удар», другие – в пылу полемики позволяли себе высказывания в духе 37-го года...

К сожалению, нет возможности оппонировать по всем темам, тем более, что на протяжении почти 30 лет были даны ответы на многие вопросы тому же Д. Гамахария. А пишет он одно и то же, например, о прищлости абхазов в Абхазию не то в XVII, не то в XVIII в. Немецкие авторы тактично ответили ему, что вообще-то речь о другом периоде, да и Г. Анчабадзе возразил: помимо этой «теории» (в основном П. Ингороква), есть и другие мнения известных грузинских историков, которые относят абхазов к автохтонным этносам. «Теория» Ингороква, любимца Берия, появилась в 1949–1951 гг., когда готовилась депортация абхазов и ее целью было доказать, что это не коренной, а пришлый народ, и потому - его можно выслать... Данная фальшивка используется в Грузии в периоды обострения грузино-абхазских отношений и служит «для внутреннего пользования». В свое время ее признали политизированной и подвергли серьезной критике. Немецкие авторы вынуждены были заметить: «В новейшей грузинской историографии вектор миграции оказался повернут на 180 градусов (речь здесь идет не об эмиграции абхазов из Абхазии, а об их иммиграции в Абхазию), однако эта позиция не получила поддержки за границами Грузии» (С. 356).

Д. Гамахария возмущает фраза авторов «Этноса и террора» о «старой традиции грузинского национализма XIX века», откуда берут начало современные проблемы Грузии, включая территориальную. Он часто упоминает Я. Гогешвили, но нигде не говорит о его программной статье о колонизации Абхазии мегрелами, известной под весьма красноречивым названием «Кем заселить Абхазию?» (Тифлисский вестник. 1877).

В свое время грузинский академик Г. Джибладзе заметил, что «за исключением некоторых ошибок, допущенных особенно в статье, опубликованной в 1877 году – «Кем заселить Абхазию?», Я. Гогешвили занимал принципиально правильную позицию в вопросах, касающихся абхазского народа»¹. Так, например, в своем раннем известном сочинении «Бунебис кари» («Ключ к природе», 1858) он подчеркивал, что абхазы самостоятельный народ и что «они из большого народа стали малочисленными, над ними нависла опасность исчезновения». Не устраивают Д. Гамахария и этнодемографические данные, основанные на «посемейных списках» 1886 г. и материалах Первой всероссийской переписи населения 1897 г., которые он называет чрезмерно политизированной имперской статистикой, а немецких авторов сравнивает с шовинистами и сепаратистами (!). Причина здесь одна – в этих самых авторитетных переписях дана реальная картина, а недовольство вызвано тем, что мегрелов в Абхазии тогда было еще не так много. В 1886 г. абхазов числилось 58963 человека (85,7 проц.), а грузин (в основном мегрелы и лазы – 3558) 4166 человек (6 проц.).

Д. Гамахария, А. Тотадзе и др. заявляют, что в 1886 г. самурзаканцы были мегрелами, а не абхазами, но это противоречит фактам. В посемейных списках по Самурзаканскому участку самурзаканцы и мегрелы (незначительное количество) даны в разных графах, а в итоговой таблице самурзаканцы представлены вместе с абхазами. Да и Я. Гогешвили подчеркивал: «Самурзаканцы – ветвь абхазского племени»².

¹ Джибладзе Г.Н. Педагогика и методика. Письма, мемориал. Тбилиси. 1974. С. 152 (на груз. яз.).

² ТВ. 1877. 9 ноября. № 245.

Следует напомнить, что абхазы были тогда «виновным населением» (1877–1907 гг.) и имперским властям не было никакого резона увеличивать их численность в своей статистике... Это к вопросу о «политизированности» переписи 1886 года.

В 1897 г. абхазы составляли 58697 человек (55,3 проц.), а грузины (в основном мегрелы 23810) – уже 25875 человек (24,4 проц.).

Оценку этнодемографическим процессам в Абхазии во второй половине XIX – первой четверти XX века дал в 1926 г. известный востоковед В.А. Гурко-Кряжин. «Количество абхазов, – отмечал он, – проживающих сейчас в стране, совершенно не соответствует той роли, которую они играли в исторических судьбах. Искусственное разжижение абхазского населения объясняется тремя главными причинами: массовой эмиграцией их, в результате завоевания Кавказа Россией и ее войн с Турцией, инфильтрацией мингрело-грузин, ассимилирующих аборигенов страны, и колонизационной политикой царского правительства»¹.

Число грузин в Абхазии неуклонно возрастало, в основном за счет переселенческой колонизации в 1918–1921 и особенно в 1930–1950-е гг.

Вообще следует заметить, что целый ряд грузинских исследователей (А. Ментешавили, Д. Гамахария и др.) предпринимают попытки довести до ничтожной цифры и без того небольшое абхазское население, ссылаясь при этом на необъективные и второстепенные грузинские источники. По поводу умышленного занижения численности абхазов еще 30 марта 1920 г. в абхазской газете «Апсны» высказался один из лучших знатоков абхазской жизни Дмитрий Гулиа.² Приходится лишь удивляться, как это абхазы вообще дожили до сего дня в грузинской статистике...

Д. Гамахария отдельно коснулся вопроса о «демократических» выборах в третий (первый был создан в ноябре 1917 г.) Абхазский Народный Совет (АНС) в 1919 году.

О каких «демократических» выборах может идти речь, если Абхазия со второй половины июня 1918 г. была оккупирована

¹ Гурко-Кряжин В.А. Абхазия. Издание Научной Ассоциации Востоковедов при ЦИК СССР. М. 1926. С. 10.

² См.: Лакоба С. Ответ историкам из Тбилиси: документы и факты. Сухум. 2001. С. 50–52.

Грузией, если АНС, Абхазский парламент, дважды разгонялся вооруженной силой (15 августа и 9–10 октября 1918 г.), а многие его депутаты-абхазы были арестованы и содержались в Тифлисе, в Метехском замке. Накануне этих выборов в 1919 г. английское командование требовало освободить абхазских депутатов. Вообще об этом периоде, и о полемике с грузинскими историками, мною подробно было сказано в ряде изданий, начиная с 1989 года. Достаточно привести выступление министра ВД Грузии Н. Рамишвили в парламенте Грузии 17 декабря 1918 г., в котором он признавал, что в Абхазии до сих пор действовал только «правительственный меч». Почему же Грузия решила провести выборы в Абхазии в феврале 1919 г.? Это решение было вынужденным в связи с тем, что в ноябре 1918 г. в Германии произошла революция, и Тифлис лишился своего главного союзника. Теперь в роли хозяев в Грузии были англичане, которые вместе с генералом А. Деникиным намеревались объявить Сухумский округ (Абхазию) «нейтральной территорией». Опасаясь такого развития событий, грузинское правительство форсировало демократические выборы в третий АНС, чтобы окончательно не потерять захваченную страну, а 23 февраля 1919 г. в беседе с английским генералом Уоккером Ной Жордания дал обещание предоставить Абхазии широкую автономию. С октября 1918 по март 1919 г. все гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики.

Чрезвычайный комиссар В. Чхиквишвили опирался на вооруженную силу Грузии и на подчиненных ему комиссаров уездов. Это был период неприкрытой оккупации. В результате выборов, которые контролировали представители правящей социал-демократии В. Чхиквишвили и политический представитель Грузии в Абхазии Исидор Рамишвили, был создан новый АНС, открывший свою работу 18–20 марта 1919 г. На его открытии выступил И. Рамишвили, который заявил: «Мы не похожи на завоевателей и не земля здешняя нам нужна, мы ищем соратников в борьбе, с которыми мы пойдем вместе к славному великому будущему социализму».¹ Очень интересным было и выступле-

¹ Наше слово. 1919. 21 марта; Лакоба С. Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Sapporo. 2004. С. 73–74.

ние на открытии АНС абхазского депутата-независимца Самсона Чанба. Таким образом, давление Добровольческой армии по абхазскому вопросу, оказанное через британское командование, безусловно, напугало грузинское правительство и вынудило через своих ставленников в АНС (грузинских с.-демократов) принять 20 марта 1919 г. ни к чему не обязывающий Акт об автономии Абхазии, который так и остался на бумаге...

Между прочим, уже весной 1919 г. англичане усомнились в «демократичности» этих выборов. На совещании в Тифлисе 23–24 мая 1919 г. с участием Н. Жордания и министра иностранных дел Е. Гегечкори, британский генерал Бриггс заявил: «Абхазцы недовольны грузинским управлением и даже заявляют, что если им дадут оружие, то они сами очистят округ от грузинских войск. Грузины поступают там хуже большевиков: отнимают дома, земли, производят социализацию и национализацию имущества»¹.

Следующий пассаж Д. Гамахария о том, как армяне и греки «активно поддерживали Грузинскую республику». А как быть с тем, что их избивали, грабили, изгоняли из Абхазии, а на их земли стали заселять грузин? Достаточно ознакомиться с «папкой N18» переселенческого отдела комиссариата.² Свидетельствует об этом и депутат АНС (1919–1921 гг.) от эстонского населения Август Мартин.

Совершенно далеким от истины представляется утверждение Д. Гамахария будто армянское население Абхазии поддерживало грузинское правительство. А как быть, например, с таким документом: обращение Атаро-Армянской общины к Чрезвычайному комиссару В. Чхиквишвили... В нем говорится: «19–22-го января сего 1919 года в нашем обществе разыгрывались события, подобные которым наши старики припоминают из Турции». Прибывший грузинский «летучий отряд» избивал и трое суток грабил армянское село. «Прикладным ударом подавлены ропоты благочинного священника, которого также беспощадно обобрали грабители. Ворованы серебряный крест, серебряный ящичек... Диким порывом, с руганью на устах и с револьве-

¹ См.: Лакоба С. Абхазия после двух империй... С. 75–76.

² См.: Г.А. Дзидзария, Б.Е. Сагария и др.

ром в руках обысканы комнаты учительницы и учителя, у которых не было ровно ничего... Все терроризированное население удрало в лес и горы. Другой учительнице, говорящей хорошо по-грузински, грабители буквально сказали: «Ты грузинка, если это так, ты не должна жить в доме армянина»... Мы ужасно подавлены морально и разорены материально».¹ Всех этих фактов г-н Гамахария не замечает уже 25 лет. Приведенный выше документ датирован январем 1919 г. и адресован В. Чхиквишвили. Грузинский же историк в своем замечании немецким ученым отмечает, что армяне Абхазии сообщали «комиссару Сухумского округа В. Чхиквишвили (январь 1919 г.)» о том, что они якобы «сохранили лояльность и доброжелательное отношение к Грузии и ее правительству».

На фоне массовых репрессий против армянского сельского населения такие сообщения не могут вызывать доверия.

Очень интересную оценку политике Грузинской республики дал Карл Эрик Бехоффер, который своими глазами увидел Кавказ в 1919–1920 гг.: «Свободное и независимое социал-демократическое правительство государства Грузия, навсегда останется в моей памяти как классический пример империалистической «малой нации». Как в вопросе о внешних территориальных захватах, так и в бюрократической тирании внутри страны. Шовинизм ее вне всяких границ».²

Не обошли стороной грузинские историки и вопрос о статусе Абхазии в 20-х гг. XX века.

Они считают, что Абхазия уже с 1921 г. была автономией ССР Грузии и, дескать, ничего страшного не произошло в феврале 1931 г., когда она стала ею называться. Д. Гамахария пишет: «М. Юнге и Д. Мюллер продолжают повторять сказки об «особом» статусе Абхазии, затем о «занижении» ее статуса и т.д.».

Если Абхазия с 1921 по 1931 г. была автономией, то для чего тогда Грузия признавала ее «независимость», подписывала с ней договоры, все свои административные силы бросала на борьбу с

¹ См. ссылку на архив в моем ответе Д. Гамахария в 1991 г.: Лакоба С. Абхазия – это Абхазия. Газ.: Абхазия. 1991. 9 июля. № 27.

² См.: Bechoffer C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus. 1919–1920. London. 1921. P. 14.

конституцией 1925 г., поэтапно понижала ее национально-государственный статус до уровня автономной республики, применяя репрессивные меры?

Следует обратить внимание и на такой момент. Когда речь идет о советском периоде, и он не отвечает интересам Грузии, то его объявляют оккупационным (провозглашение ССР Абхазии), а если Грузия по итогам советской власти и более раннего российского периода, становится «малой империей», то эти территориальные приобретения в рамках «Грузинской ССР» (а не Грузии), рассматриваются как нечто совершенно естественное. Думается, подобный избирательный подход к советскому периоду не выдерживает критики.

Сегодня существование независимой ССР Абхазии (31 марта 1921 – 17 февраля 1922 г.) серьезными историками, в том числе и грузинскими, не оспаривается. Между прочим, тогда, 21 мая 1921 г. Ревком Грузии принял декларацию «О независимости ССР Абхазии», что было подтверждено и документом ЦК РКП(б). Ее уникальность, при всей условности «независимости» применительно к тому времени, состояла в том, что Абхазия около года формально была независима как от советской России, так и от советской Грузии – ведь тогда СССР еще не было, он образовался лишь 30 декабря 1922 года.

В декабре 1921 г. лидеры Абхазии под сильным нажимом Сталина и Орджоникидзе вынуждены были заключить с Грузией «особый союзный договор», ратифицированный в феврале 1922 г. первым съездом советов Абхазии. Вплоть до февраля 1931 г. ССР Абхазия было «договорной». В отличие от российских и закавказских автономных республик, ССР Абхазия утвердила свои герб и флаг (1924–1925 гг.), издавала декреты, принимала законодательные акты конституционного характера, ввела в действие кодексы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, лесной, земельный. Следует подчеркнуть, что еще в 1922 г. в Абхазии была предпринята попытка разработки Конституции ССР Абхазии, а в соответствии с Конституцией Грузии 1922 г. за Абхазией было закреплено особое правовое положение, в отличие от автономных частей Грузии. В ней, в частности, записано: «В состав Социалистической

Советской Республики Грузия входят на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджария, Автономная область Южной Осетии и Социалистическая Советская Республика Абхазии, которая объединяется с Социалистической Советской Республикой Грузии на основе особого союзного между этими республиками договора».

Историки З. Папаскири, Д. Гамахария и др. считают будто Абхазия, как Аджария и Ю. Осетия, входила в состав ССР Грузии. Но в приведенном тексте прямо сказано: ССР Абхазия объединяется с ССР Грузией «на основе особого союзного между этими республиками договора».

Теперь о Конституции ССР Абхазии 1925 года. Принятие этого важного документа необходимо рассматривать в контексте важнейших, поистине драматических событий весны 1925 года. Д. Гамахария, в отличие от З. Папаскири, пытается отрицать очевидные вещи. Особенно раздражает грузинских коллег 5-я статья: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти» (и т.д.). Конечно, это был нонсенс. После принятия Конституции СССР (1924 г.) решиться на такой смелый политический шаг было очень непросто. По сути дела это была последняя попытка со стороны Сухума пересмотреть взаимоотношения Абхазии с Грузией.

Д. Гамахария старается принизить роль и значение конституции (сначала говорит, что это был проект, потом, вдруг, заявляет: если даже принять его за конституцию?!). Возникает вопрос: если этой конституции 1925 г. не было, зачем ее пытались отменить? Зачем надо было Заккрайкому РКП(б) выносить 6 сентября 1925 г. постановление, в котором, в частности, говорилось: «пересмотреть Конституцию ССР Абхазии, принятую на III съезде Советов Абхазии».¹

Конституция просуществовала около двух лет. Когда грузинские историки говорят, что она была очень недолгое время, то невольно напрашивается пример с Конституцией Грузинской

республики, принятой 21 февраля 1921 г. и просуществовавшей неполных четыре дня...

Совершенно упускается из вида та тяжелая атмосфера (на фоне ожесточенной борьбы Сталина с Троцким), которая складывалась вокруг III съезда советов Абхазии. Не случайно и сам съезд состоялся чуть позже назначенного времени. Самое непосредственное участие в его подготовке принимал Л. Троцкий. «Весною 1925 года мы жили с женой на Кавказе, – вспоминал он, – в Сухуме, под покровительством Нестора Лакобы, общепризнанного главы Абхазской республики».¹

Сюда, к Троцкому съезжались его сторонники: посол СССР в Англии Х. Раковский, нарком почты и телеграфа И. Смирнов и др. Выступая в Сухуме 5 марта Х. Раковский заявил: «На меня выпала доля, раньше других, приветствовать молодую Абхазскую Социалистическую Республику. Мы даем всему миру пример, как нужно решать национальный вопрос».

На предстоящем съезде, который готовился принять Конституцию Абхазии, должны были присутствовать вместе с Н. Лакоба – Л. Троцкий, А. Мясников, С. Могилевский, Г. Атарбеков и др. Однако, 22 марта 1925 г. «Юнкерс», на котором вылетели Мясников, Могилевский, Атарбеков и двое летчиков, загорелся в воздухе и рухнул вблизи тифлисского аэродрома... На траурном митинге в Сухуме Троцкий прозрачно намекнул: «...Вряд ли мы дознаемся когда-либо с точностью о действительных причинах гибели. Ведь живых свидетелей того, что произошло, нет!».²

Позднее кадровый чекист Сурен Газарян заявил по этому поводу: «История когда-нибудь прольет свет на это дело и выявит зловещую роль Берия».³

После гибели своих людей, которую Троцкий назвал «тройным ударом», он спешно выехал из Сухума в Тифлис.

Можно ли вырывать из этого контекста вопрос принятия конституции в 1925 г., не учитывая все эти сложные политические обстоятельства, когда Сталин и Троцкий столкнулись лбами именно в Абхазии?

¹ Троцкий Л. Портреты. USA. 1984.

² Трудовая Абхазия. 1925. 25 марта.

³ Свободная Грузия. 1998. 3 июля. № 167.

¹ См.: Лакоба С. Ответ историкам из Тбилиси. С. 90–91.

Несмотря на то, что позиции Абхазии оказались сильно подорванными и съезд лишился мощной поддержки сторонников Троцкого, Нестор Лакоба все же провел в начале апреля 1925 г. III съезд советов, который принял конституцию суверенной Абхазии.

Таким образом, очень важный правовой акт был зафиксирован. И совершенно неважно, о чем потом говорил Лакоба в Тифлисе на IV съезде компартии Грузии 2 декабря 1925 г. – ведь над ним навис «дамоклов меч». Он остался без мощной поддержки, без союзников, без иллюзий, а политическая судьба Троцкого практически была решена. В этой драматической ситуации начался закономерный откат назад не только Н. Лакоба, но и Абхазской республики. Между прочим, З. Папаскири подтверждает, что на главу Абхазии оказывался сильнейший нажим из Тбилиси.¹

Новые конституции Грузии и Абхазии были окончательно утверждены на очередных съездах советов в марте-апреле 1927 г. В конституции Грузии было подчеркнуто, что она как государство «строится на основе федерации национальных советских республик» (ст.2). В Конституции Договорной ССР Абхазии говорилось, что Абхазия сохраняет свой государственный суверенитет и представительство в ЦИК СССР, которое было значительно выше автономных республик. Немецкие исследователи в полемике с грузинскими говорят о том, что Абхазия обладала особым статусом договорной республики и в этом смысле была единственной в СССР.

Отдельного внимания заслуживает подход авторов «Этноса и террора» (М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн, И. Джуха) к событиям 1931 г. в Абхазии. В отличие от Т. Блаувельта (подробно описал ход Гудаутских событий) авторы пришли к выводу, что в подходе к этому «восстанию» грузинские власти проявили острую заинтересованность в том, чтобы «затушевать национальные причины восстания, т.е. абхазо-грузинские противоречия, выдвинув на первое место социально-экономические причины, представив события в Гудауте исключительно как антиколхозные (С. 259, 359).

¹ Папаскири З. Абхазия. Тбилиси. 2009. С. 247–248.

Таким образом, исследователи подтвердили очень важный тезис, связанный с понижением статуса Абхазии. В 1990 г. относительно общенационального Гудаутского («Дурипшского») схода (18–26 февраля 1931 г.) было подчеркнуто: «Одной из главных причин грандиозного схода было всеобщее недовольство народа преобразованием договорной ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузинской ССР. Вопрос же о колхозах – это лишь то, что лежало на поверхности требований и послужило поводом к выступлению. Непосредственная связь между данными обстоятельствами оставалась вне поля зрения исследователей».¹

Обращает на себя внимание и тот факт, что Гудаутские события совпали по времени с принятием решения в Сухуме (11 февраля 1931) и Тбилиси (VI съезд Советов Грузии, 19 февраля 1931) о преобразовании Абхазии в автономную республику в составе Грузии (просуществовала до 1991 г.).

Согласие с такой точкой зрения выразил и грузинский историк Зураб Папаскири. По поводу схода в с. Дурипш (Гудаутский район) в феврале 1931 г. он отмечал: «В последнее время, С.З. Лакоба, совершенно обоснованно указал на взаимосвязь многодневного всенародного схода абхазов с изменением политико-государственного статуса Абхазии... Вслед за С.З. Лакоба, представляется, что настоящей причиной выступления абхазов в феврале 1931 г. было недовольство, вызванное именно упразднением «договорной» республики».² Вопреки мнению некоторых авторов, восстание в Гудаутском районе яркое свидетельство протестных настроений, связанных именно с понижением статуса Абхазии. Активное участие в событиях принимала и мать Н. Лакоба – Шахусна. 24 февраля 1931 г. в Гудауту выехали председатель Закавказского ГПУ Л. Берия и секретарь ЦК КП(б) Грузии С. Мамулия. Тогда же в Абхазию были спешно переброшены 240 штыков 8-го полка, дополнительно еще 95 штыков и две бронемашины из Гянджи (Азербайджан). Только в последний момент кровопролитие удалось избежать благодаря народной дипломатии Н. Лакоба. В дальнейшем и коллективизация

¹ См.: Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми. 1990. С. 90–91.

² Папаскири З. Абхазия. Тбилиси. 2009. С. 259.

здесь не была проведена в ее жестких формах. По сути произошел размен по-сталински: автономия, как «меньшее зло», вместо коллективизации.¹

Событиям 1931 г. огромное значение придавалось в годы Большого террора. Многие крестьяне попали тогда под топор репрессий. Авторы «Этноса и террора» справедливо указывают, что больше всех в Абхазии пострадали простые крестьяне, а не партийно-государственная элита, хотя она, как и национальная интеллигенция, были почти полностью уничтожены.²

В этом отношении обращает на себя внимание показательный судебный процесс в Сухуме (по примеру московских) по «делу 13-ти лакобовцев». Официально дело называлось: «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, шпионской, террористической, повстанческой организации в Абхазии». Судебный спектакль проходил в здании театра (30 октября – 3 ноября 1937 г.). Среди обвиняемых были: М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-ипа, В. Лакоба, В. Ладария, Д. Джергения, С. Эбжноу, А. Энгелов, С. Туркия, П. Сейсян, М. Кишмария, Х. Чанба, К. Ахуба. Процесс проходил при ближайшем участии Л. Берия, который впервые прибыл в Сухум после гибели Н. Лакоба.

В ночь на 3-е ноября девять человек были расстреляны (один из них позже), а трое оставшихся осуждены на различные сроки заключения.³

Среди 10-ти расстрелянных семеро были абхазами, а трое представляли армян (П. Сейсян), греков (А. Энгелов) и мегрелов (С. Туркия). Все они занимали высокие посты в государстве. Исключением был лишь один человек – известный и авторитетный в народе крестьянин Сит Эбжноу. Сейчас о нем и в Абхазии мало что помнят и знают. Между тем, он был одним из главных организаторов и основным оратором на девятом, последнем сходе, 26 февраля 1931 г., на котором присутствовали Председатель ЦИК Абхазии Н. Лакоба, члены правительства Абхазии, а также С. Мамулия и Л. Берия. Сит Эбжноу выступил с очень яркой речью.⁴

¹ См.: Бгажба О., Лакоба С. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум. 2015. С. 357–359.

² См.: Данилов С. Трагедия абхазского народа. Мюнхен. 1951.

³ Лакоба С. Очерки политической истории... С. 132–133.

⁴ См.: Абхазский биографический словарь. М. – Сухум, 2015. С. 811.

Лакоба очень уважал и ценил С. Эбжноу. Берия неоднократно пытался его арестовать и уничтожить, но Лакоба категорически возражал против таких действий. Поэтому не удивительно, что Сит Эбжноу был приравнен Берия к руководству Абхазии и приговорен к ВМН...

Монография «Этнос и террор» выполнена на высоком научном уровне и многие ее положения подтвердили те подходы, которые были сформулированы в абхазской историографии задолго до работы авторов в грузинских архивах по проблеме Большого террора 1937–1938 годов. Статистическое исследование и его выводы значительно расширяют наши представления о специфике политических репрессий тех лет.

*Вестник АНА: серия гуманитарных наук. № 7. Сухум. 2017. С. 160–175;
Грузия в пути. Тени сталинизма. / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Д. Мюллер. М.:
АИРО-XXI. 2017. С. 259–278.*

В ЧЕМ ПРОВИНИЛСЯ УЧИТЕЛЬ?

Главному редактору «Сахалхо ганахлаба» Ап. Силагадзе.
Уважаемый редактор!

Надеюсь, Вы опубликуете статью «В чем провинился учитель?» в полном объеме, тем более, что Ваша газета претендует на многообразие мнений.

Буду ждать скорейшей публикации.

С уважением, Станислав Лакоба

В «профессиональной» статье, подписанной С. Лекишвили («Народное образование», 1990 18 февраля), автор подвергает резкой критике тамышского педагога¹, который осмелился коснуться некоторых статистических данных демографической ситуации в Абхазии (кон. XIX – XX вв.). «Вообще я считаю бессмысленным вступать в диалог с человеком, поставившим вопрос, проблему неквалифицированно», – пишет С. Лекишвили.

Этот же автор в числе других аргументов рассматривает результаты переписи 1886 года, ссылаясь при этом на «Кавказский календарь на 1898 год». Пользуясь случаем хочу обратить внимание Лекишвили на то, что подробные сведения указанной переписи были изданы отдельной книгой – «Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.» (Тифлис, 1893). По данным этого источника население «Сухумского округа», т.е. Абхазии, составляло 68.773 чел. (а не 63.716, как сказано у Лекишвили), из которых абхазов было – 58.963 человека или 85,7%. В книге имеется специальная таблица «Свод населения по городам, уездам и округам Кутаисской губернии», где особого внимания заслуживает тот факт, что «самурзаканцы» (30.640 чел.) приведены в графе «абхазцы», а «мингрельцы» даны отдельно от «самурзаканцев». Более того, ни в одном из «Кавказских календарей», ни в одной

¹ «Народное образование», 1990, 7 января.

переписи или отчете, вы не встретите народа под названием «самурзаканские грузины» (новация Лекишвили). Если говорить историческим, действительно профессиональным языком, а не с точки зрения сегодняшней этнополитической ситуации в Абхазии, то такого понятия в 1886 г., и ранее, просто не могло быть. По всей вероятности, под «самурзаканскими грузинами» автор понимает мингрельцев, так как другие грузины в Самурзаканском (ныне Гальском р-не) участке в тот период в посемейной переписи не упоминаются. Вместе с тем, совершенно ясно, что «самурзаканцы» и «мингрельцы» – два разных народа. Убеждают в этом и следующие данные переписи. Так, в 1886 г. в Гальской общине проживали 4.881 самурзаканец и 19 мингрельцев, в Баргемской – 1.396 самурзаканцев и 250 мингрельцев, в Набакевской – соответственно 3.975 и 382... Подобное четкое разделение проведено и в сборниках «Кавказского календаря», о чем Лекишвили умалчивает (в статье вообще не упоминаются мингрельцы). В «Кавказском календаре на 1909 год», например, приведены по Самурзаканскому участку следующие данные: Гальская община – 6.339 самурзаканцев и 698 мингрельцев, Баргемская – 1.299 самурзаканцев и 391 мингрелец, Набакевская – 4.714 и 300...

Возвращаясь к переписи 1886 г., необходимо отметить, что все грузинское население в Абхазии равнялось 4.166 чел. (в основном «мингрельцы и лазы» – 3.558 чел.) или 6% от всего населения Сухумского округа (около 69 тыс.). Оказывается, прав был сельский учитель.

Кроме того, по данным 1886 г. в Абхазии проживали греки (2.149), армяне (1.090), русские (971), эстонцы (637), немцы и англичане (вместе 245) и др. народы. Таким образом и эта цифра, приведенная автором (1.282), далека от истины.

Что же касается утверждения, что «по данным переписи 1886 года на Самурзаканском участке не проживал ни один абхазец¹, то оно не имеет под собой никаких оснований, т.к. в самих материалах этой переписи самурзаканцы приведены в графе «абхазцы», а значит и считались ими, частью абхазского народа.

¹ См.: Кавказский календарь на 1898 год. С. 55.

Не выдерживает в связи с этим критики и утверждение автора будто по первой Всероссийской переписи населения 1897 г. самурзаканцы были впервые причислены к абхазцам (а перепись 1886 г., материалы Сухумской сословно-поземельной комиссии 1869 года?). Совершенно упущено из виду и следующее обстоятельство первостепенной важности. Как известно, перепись 1897 г. считается наиболее надежным, объективным статистическим исследованием и распределение населения по народностям тогда происходило по родному языку.¹ А так как «самурзаканцы» своим родным языком в 1897 г. (а следовательно и в 1886 г.) считали абхазский, то и соответствующий вывод напрашивается сам собой. По данным переписи 1897 г. абхазов было 58.697 чел. (55,3%), грузин 25.873, из них мингрельцев 23.810 чел., или 24,4%.²

Самурзакан представлял собой пограничную область Абхазии с Мингрелией. Правда, были периоды, когда данная территория в результате феодальных распрей переходила из рук в руки, а политические границы между Абхазией и Мингрелией колебались. Однако название этой области восходит к имени ее владельца абхазского князя Мурзакана Шервашидзе (Чачба). «Самурзакань искони составляла нераздельную часть Абхазии, – писал в 1865 г. в газете «Кавказ» Пантюхов, – это между прочим доказывается тем, что соседний с нею Абживский округ (Абжуа, современный Очамчирский р-н) Абхазии в переводе на русский язык (с абхазского – С. Л.) значит средний...» Этому же мнения придерживался известный грузинский церковный деятель протоиерей Давид Мачавариани. А его сын, видный историк, просветитель и педагог Константин Мачавариани отмечал: «По нравам и обычаям, по языку и религии, самурзаканцы составляют одно нераздельное племя с абхазцами. Если абхазский язык стал вырождаться в Самурзакани, то благодаря мингрельцам, которые понемногу стали забирать в свои руки не только самурзаканцев, но и всю Абхазию».³

¹ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – 65. Кутаисская губерния. – СПб. 1905. С. 88.

² См.: Лежава Г. П. Из истории рабочего класса Абхазии 1921–1941 гг. – Тбилиси. 1978. С. 44.

³ «Черноморский вестник», 1899, 2 апреля.

Большой интерес представляет и беседа К. Мачавариани с абхазским крестьянином из Самурзакана.

«...– Некоторые утверждают, что самурзаканцы – мингрельцы, что они говорили и говорят мингрельским языком, и что вся Самурзакань составляла часть Мингрельского княжества.

– Ну, что вы, что вы! – отвечает крестьянин. – Вот что я вам скажу. От роду мне с лишним 60 лет. Помню я хорошо и отца моего и деда. Никогда они не говорили на мингрельском языке. Все, все объяснялись на абхазском языке. Возьмите целые общины: Бедийскую, Чхортольскую, Окумскую, Гальскую, Царчинскую, – везде и всюду вы услышите среди взрослых абхазскую речь. А если в Саберии, Отобае, Дихазургах говорят мингрельским языком, то это благодаря тому, что жители этих сел имели ближайшее общение с мингрельцами. Разве наши имена и фамилии, наши нравы, обычаи и даже наши суеверия не доказывают, что мы абхазцы, а не мингрельцы? В 50-х годах почти по всей Самурзакани вы бы не услышали мингрельского говора, а до того мингрелец считался редкостью. А позвольте спросить, вы кто?

– Я грузин.

– Откуда научились говорить по-мингрельски и по-абхазски?

– Я родился в Мингрелии, а детство и юношество провел в Самурзакани и в Абхазии».¹

Достаточно заглянуть в «Кавказские календари», чтобы убедиться в раздельном упоминании «самурзаканцев» и «мингрельцев» в Самурзаканском участке (1896 г., с. 24–27). Так, на 1 января 1908 г. в этом участке значилось 10 общин (71 село) с населением 41.376 человек. Самурзаканцы из этого числа составляли 38.362 чел., а мингрельцы – 3.014 (1909 г., с. 459–460). Можно привести и массу других свидетельств.

Что касается камеральной переписи 1878 г., то данные, приведенные автором, лишь подтверждают истинное положение вещей. Кстати, опубликованы они были не в «Кавказском Вестнике Русского географического общества», – такого издания вообще не существовало, – а в «Известиях Кавказского отдела Русского

¹ «Черноморский вестник», 1899, 8 мая.

географического общества» (1878, т. 5, № 3, с. 230–231), а также в газете «Кавказ» от 11 июня 1878 г. (таблица дана с ошибками) и 21 июня (неточности исправлены). Однако и здесь нигде не упоминается понятие «самурзаканские грузины». Автор приводит таблицу, составленную на основании сведений сообщенных и. д. начальника Сухумского отдела полковником П. И. Аракиным, в которой приведена численность населения Абхазии до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и после вынужденного переселения (махаджирства) абхазов в Турцию. В результате полностью выселилось абхазское население Гумистинского участка (современные Сухумский и Гульрипшский р-ны) и значительно сократилось население Кодорского (Очамчирский р-н) и Гудаутского участков, в то время, как из Самурзаканского не выселился никто. На этом основании Лекишвили приходит к выводу: «Что касается 24.461 самурзаканца из них землю предков не оставил ни один человек, что наглядно подтверждает их как национальную, так и религиозную принадлежность (грузинско-христианскую)». На самом деле все обстояло гораздо проще: на Самурзаканской территории не происходили боевые действия, ни турки, ни русские войска не жгли здесь дома и целые селения. Он оказался нетронутым, по словам Г. А. Дзидзария, т. к. «его прочно защищали русские войска».¹ Основная же часть Абхазии (Гудаутский, Кодорский и особенно Гумистинский участки) оказались в самом центре карательных экспедиций как с одной, так и с другой стороны.

Глубоко ошибочен и тезис автора о якобы «грузинско-христианской» принадлежности самурзаканцев, тем более, что эти понятия далеко неравнозначны, а христианство само по себе наднационально. Ясно одно – в случае боевых действий и высадки турецкого десанта в Самурзакани – многие жители этой области также были бы вынуждены вместе с гудаутскими, гумистинскими и очамчирскими собратьями (мусульманами и христианами) стать махаджирами.

Напомню автору статьи о существовании специальной монографии Г. А. Дзидзария (указана выше) о махаджирстве, в ос-

¹ Дзидзария Г. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум. 1975. С. 370–371.

нову которой положен фундаментальный пласт разнообразных источников. Сегодня всем исследователям известно, что абхазское махаджирство носило **вынужденный, в основном насильственный характер**. Об этом свидетельствовали и очевидцы – видные грузинские общественные деятели (Г. Орбелиани, И. Чавчавадзе, А. Церетели, С. Месхи, К. Мачавариани, Я. Гогешвили, Г. Церетели).

В этой связи весьма поверхностным представляется тезис, будто эмиграция абхазов в султанскую Турцию в 1867 и 1877 гг. была «основана на религиозных признаках». Мысль автора статьи сводится по сути к тому, что абхазские махаджиры по собственному желанию покидали родину, а не в результате неоднократных восстаний, кавказской и русско-турецких войн. «Махаджирскими» годами для Абхазии стали – 1810, 1821, 1824, 1830, 1837, 1840–1841, 1855, 1864, 1867, 1877. В первой половине XIX в. в Турции, по далеко неполным данным, проживало до 30 тыс. абхазов. «Только в результате махаджирства 60–70-х годов из Абхазии выселилось около 80.000 человек, – пишет Г. А. Дзидзария, – количество же всех махаджиров абхазско-абазинской этнической принадлежности равнялось около 135.000, а вместе с убыхами – приблизительно 180.000» (с. 369).

Вскользь упоминая о махаджирской волне «1866–1867 гг.» (на самом деле переселение имело место с апреля по июнь 1867 г.), Лекишвили утверждает, что около 15 тыс. абхазов покинули родину. Однако, хорошо известно, что только из горных абхазских обществ Дала и Цебельды было выселено 14.740 чел., а из Пицундского и Драндского округов – 4.602 чел., т. е. всего около 20 тыс. жителей.¹

Таковы были последствия Абхазского (Лыхненского) восстания июля-августа 1866 года. Ответственность за выселение абхазов в Турцию несло прежде всего царское правительство и в первую очередь наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич, кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский, начальник Кавказского горского управления Д. С. Старосельский. Еще накануне восстания полковник Коньяр угрожа-

¹ См.: Дзидзария Г. А. С. 288.

юще заявил на всенародном сходе в селе Лыхны, что «употребит все усилия» для высылки всех абхазов в Россию, в Сибирь. Однако царизм нашел более простое и не столь дорогое для казны решение вопроса. В сентябре 1866 г. Кавказским наместником и военным министром было принято решение **«О выселении из Абхазии до 1.000 семейств абхазцев во внутрь России»** (ЦГИА СССР). Часть народа, спровоцированная этой предстоящей насильственной акцией, предпочла выселение в Турцию, о чем российское правительство заранее договорилось с султанским на взаимовыгодных условиях. Турции были нужны воины, а царизму – Абхазия без абхазцев-бунтовщиков.

Катастрофические последствия постигли абхазский народ в годы русско-турецкой войны и восстания абхазов. Приведенная автором таблица о демографических изменениях в Абхазии в этот период, хорошо известна исследователям. Согласно этим данным к моменту войны в «Сухумском отделе» действительно насчитывалось 75.698 чел., из которых выселилось в Турцию или «пропало без вести» – 31.964 человека. Однако, как отмечает Г. А. Дзидзария, в «достоверности этих сведений тоже можно сомневаться» (с. 368). Тем более, что по данным С. Месхи, Г. Церетели, газеты «Русский мир», В. Ростову и др. родину покинули не менее 50 тыс. абхазов. Сведения же Лекишвили о «самурзаканских грузинах» являются домыслом автора, не имеющим под собой фактического основания. В приведенной таблице (1878 г.) упоминается лишь «участок Самурзаканский» и общее число его жителей (24.461). В связи со всем сказанным необходимо подчеркнуть, что доводы и даже подсчеты автора о якобы грузинском населении в Абхазии до 1878 г., абсолютно лишены каких-либо оснований.

До трагических событий 1877 г. Абхазия, как свидетельствуют многочисленные очевидцы, в том числе и грузинские, а также архивные документы и материалы периодической печати, состояла почти исключительно из коренного абхазского населения. Однако в результате последствий 1877–1878 гг. и мощной волны махаджирства, этническая ситуация в Абхазии резко меняется: из однородной, моноэтнической по своему составу, она превращается в многонациональный край.

После вынужденной эмиграции абхазов в 60–70-х гг. почти совершенно обезлюдели современные Адлерский, Гагрский, Сухумский и Гульрипшский районы и значительно пострадали Гудаутский (Бзыбская Абхазия) и Очамчирский (Абжуйский). На значительной территории, в самом сердце Абхазии, от р. Псырца до р. Кодор образовался вакуум, т. к. все абхазы Гумистинского участка покинули свои земли. З. В. Анчабадзе особо отмечал: «... Расселение абхазов на их этнической территории носит полосный характер. Северная (бзыбцы) и южная (абжуйцы, самурзаканцы) группы абхазского этноса, ранее связанные центральной (гумской) этнографической группой, оказались теперь оторванными друг от друга поселениями колонистов»¹.

Правда, первые незначительные поселения греков и болгар появились в Абхазии в 1866–1867 гг., а с 1864 г., после упразднения Абхазского княжества и введения царской администрации, стал нарастать поток безземельных крестьян из Мингрелии, которые оседали первоначально в качестве арендаторов земли у абхазских помещиков Самурзакани. Процесс же бурного переселения крестьян Зугдидского и Сенакского уездов в Абхазию начался в 1879 году. Масса крестьян Западной Грузии обосновалась в центральной части Сухумского отдела в опустевших селах Мерхеул (1879), Беслетка (1881), Акапа (1882), Келасур и Пшап (1883). Одним из идеологов заселения мингрельцами обезлюдевших абхазских земель был известный грузинский общественный деятель и педагог Якоб Гогебашвили – автор серии статей «Кем заселить Абхазию?»².

С процессом арендной колонизации Абхазии тесно связано появление здесь армянских и греческих крестьян. В первые годы после войны развитию табаководства препятствовало безлюдие побережья, поэтому надо было найти рабочую силу, которая могла бы возделывать эту весьма доходную культуру. Табачные магнаты России хорошо осведомленные из опыта 60–70-х гг. о высоком качестве абхазских табаков, настойчиво требовали переселить сюда опытных табаководов греков и армян – беженцев

¹ См.: Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухум. 1976. С. 88.

² «Тифлисский вестник», 1877.

из султанской Турции. С 80-х гг. XIX в. их приток в Абхазию становится все значительнее. Между Турцией и Россией произошел обмен населением. Возник здесь и ряд других поселений – русских, эстонских, немецких, молдавских. Значительные земельные площади получили и крупные военные и гражданские чиновники царской России. В считанные годы этнодемографическая палитра Абхазии приобрела пестрые тона. Приведенные выше сведения посемейной переписи 1886 г., наглядно иллюстрируют сложившуюся здесь полиэтничность и измененный облик традиционной Абхазии.

В 1895 г. начальник Сухумского округа (до 1883 г. Сухумский отдел) полковник Браккер составил «Памятную записку о колонизации в Сухумском округе. Он, в частности, отмечал: «Вселение в Сухумский округ иноземного элемента, допущенное в начале в виду особых условий неустроенного и глухого еще края, не приостановленное и до последнего времени, несмотря на то, что условия жизни в округе коренным образом изменились к лучшему, необходимо прекратить теперь же, в особенности вселение мингрельцев... Желательно сберечь возможно больший фонд свободной земли для водворения исключительно коренных русских людей». (ЦГИА СССР).

К первой Всероссийской переписи населения (1897) численность грузинского (в основном мингрельского) населения в Абхазии в сравнении с 1886 г. увеличилась более чем в 6 раз. Так, рассматривая данные 1897 г. и последующих лет З. В. Анчабадзе подчеркивал: «...Тенденция изменения национального состава населения Абхазии характеризовалась в тот период гораздо более быстрыми темпами роста неабхазского населения за счет новых пришлых элементов (например, долины Дала на рубеже XIX–XX вв. были заняты сванами, в результате чего образовалась т. н. Абхазская Сванетия). Кроме того, естественный прирост собственно абхазского населения тормозился процессом деэтнизации некоторой его части, главным образом в Самурзаканском участке. Эта тенденция еще более прогрессирует в последующие годы». Уменьшение числа абхазов происходило и за счет ассимиляции – «грузинизации (мегрелизации) части абхазского населения в Самурзакано».¹

¹ Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории... С. 89–90.

В советское время продолжает сокращаться численность абхазов в Гальском (Самурзаканском), районе, где еще в 1926 г. было зафиксировано почти 13 тыс. абхазов (первая Всесоюзная перепись населения), а в наши дни проживают лишь несколько сот человек абхазской национальности. Подробные сведения историко-демографического характера можно, при желании, заметить в работах историка Г. П. Лежава, в частности, в книге «Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.)» (Сухуми, 1989).

Так, по первой Всероссийской переписи (1897) удельный вес абхазов (в сравнении с 1886 г. – 85,7%) на своей родине уменьшился до 55,3%, к первой Всесоюзной переписи (1926) – до 26,4% и т. д. В то же время, за счет все возрастающего механического прироста – постоянной иммиграции – грузинское население в Абхазии неуклонно увеличивалось: в 1886 г. – 6%, в 1897 – 24,4%, в 1926 – 31,8%.

Вот, к примеру, как изменился национальный состав населения Абхазии между переписями 1897 и 1926 гг.

	1897		1926	
	абс. к-во	%	абс. к-во	%
абхазы	58.697	55,3	55.918	26,4
грузины	25.873	24,4	67.494	31,8
армяне	6.552	6,2	30.048	14,2
греки	5.393	5,1	27,085	12,8
русские	5.135	4,8	20.456	9,6
украинцы	809	0,7	4.647	2,2
евреи	136	0,1	1.084	0,5
эстонцы	602	0,5	754	0,4
Остальные	2.980	2,9	4.547	2,1
ВСЕГО:	106.179	100.0	212.033	100,0

С 1937 до сер. 50-х гг. происходило памятное для многих массовое **насильственное** переселение колхозников из районов Западной Грузии в Абхазию, начатое по инициативе Берия. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением Лекишвили («известной истиной») что демографическое состояние той или иной на-

ции определяют политические, социально-экономические или культурно-исторические процессы, а не пожелания отдельных лиц». Печальный опыт Абхазии показывает, что «пожелания» таких «отдельных лиц» как Сталин и Берия, действовавших вопреки воле грузинского народа, играли решающую роль в искусственном изменении демографической ситуации в автономной республике (вспомним также о депортации народов Северного Кавказа, крымских татарах, немцах, корейцах и др.) и далеко не в пользу абхазского народа¹.

В результате неестественного прироста численность грузинского населения в Абхазии между переписями 1926 и 1979 гг. увеличилась почти на 146 тыс. человек.

И, наконец, последнее. Статья Лекишвили озаглавлена «Виноваты грузины?» Нет, абхазы так не считают. Не говорит об этом и тамышский учитель, которого, в числе других, автор обвиняет в манипулировании «вымышленными статистическими данными», что подобные ему «поднимают крик на весь мир, дескать, помогите, люди хорошие...». Если абхазы кого-то обвиняют, то обвиняют власти, которые вершили судьбу Абхазии и абхазского народа в прошлом и в текущем столетии. И вновь пытаются вершить ее.

Конечно, автор может не признавать данные официальных переписей, в частности, 1897 года, но ведь это самый объективный и авторитетный источник того времени. Кто же манипулирует вымышленной статистикой?

Сейчас, когда абхазский народ на своей родине стал составлять всего 17% и которому в последнее время некоторые ученые и средства массовой информации Грузии пытаются внушить мысль, что он «гость» на своей земле или, в лучшем случае, разрешают ему жить в своей же надуманной теории о двуаборигенности Абхазии, убеждаешься лишь в изощренном политиканстве. Все это не что иное, как очевидные попытки лишить абхазский народ даже его прошлого, стремление подменить или присвоить его историю. Поэтому абхамам незачем кричать о своем положении, мир, восточный и западный, и без того все знает и

¹ Подробнее об этом см. статьи Б. Е. Сагария.

прекрасно видит. Видит так, как есть. Без прикрас. Об этом говорят факты.

*Народное образование (Сахалхо Ганатлеба) (г. Тбилиси). 1990. 17 июня. № 24.
Пolemика С.З. Лакоба с грузинскими учеными (1990 г.) по Самурзакани
опубликована в Японии: Китагава Сеити. Дебаты по статистике исторической
демографии Абхазии. Издание Об-ва современной Центральной Азии (под
ред. Иосихира Кимура). Сэндай. 1999. С. 93–126 (на япон. яз.).*

Послесловие к публикации:

После публикации в тбилисской газете Сахалхо ганатлеба (Народное образование) моей статьи «В чем провинился учитель?», которая была написана в защиту сельского учителя из Тамыша Вианора Смеловича Зантария, в Грузии разразился скандал. Неформальный лидер Звиад Гамсахурдиа обрушился на газету за публикацию материалов по Самурзакани, считая, что грузинские авторы не были убедительными в этом вопросе, а сама полемика признана вредной. Как это ни странно, статью рассматривали как пропаганду сепаратизма на страницах грузинской газеты. В результате, она прекратила свое существование.

Мой ответ на серию публикаций в газете (три номера на русском и грузинском языках), так и не увидел свет по причине закрытия издания. Сохранился лишь фрагмент ответа, отправленного в редакцию «Народного образования» (далее НО), однако газета была закрыта. Возможно этот небольшой отрывок несколько дополнит общую картину происшедшего, передаст атмосферу того времени:

Как и следовало ожидать, в трех номерах газеты «Сахалхо ганатлеба» или «Народное образование» (июнь 1990 г.) вместе с моим материалом «В чем провинился учитель?», который был опубликован в ответ на статью С. Лекишвили «Виноваты грузины?» (НО. 1990. 18 февраля), появилась обойма статей-комментариев, принадлежащих на сей раз не только специалисту по самурзаканской проблеме С. Лекишвили, но и видному пар-

таппаратчику Анзору Тотадзе (заведующий сектором межнациональных отношений ЦК КП Грузии), решившему в столь тяжелое для него время, набрать очки на волне антиабхазской истерии.

Так, почти весь свинец номера газеты на грузинском языке (НО от 17 и 24 июня 1990 г.) был посвящен моему символическому расстрелу. Статья объемом в полторы полосы оказалась обернутой в шесть полос визга и крика, то есть нормального состояния современной грузинской публицистики и ее авангарда «Сахалхо ганатлеба».

Главный редактор этой газеты Аполлон Силагадзе поместил таки после трехмесячного раздумья статью «В чем провинился учитель?» и сопроводительный текст А. Тотадзе «Почему пашете или почему сеете вы на моем поле (или история искажения истины)», составленный из разных лоскутков и плавающий разными стилями... Тот же номер газеты на русском языке (НО. 1990. 17 июня) открыл, как ни странно, «полемику» со мной не моим материалом, который оказался на последних двух страницах, а развернутым четырехполосным комментарием Тотадзе. Целью такого своеобразного вступления было сбить с толку русскоязычного читателя и создать мне имидж несерьезного автора, который только тем и занимается, что «искажает истину».

Ни к селу, ни к городу Тотадзе вдруг приводит отдельные выдержки из моей книги очерков «Крылились дни в Сухум-Кале», которая вообще не имеет никакого отношения к вопросу о Самурзакани, – и посвящена творчеству и пребыванию в Абхазии в 20–30-х годах русских писателей и деятелей искусства. И внешнее оформление этой книги, и стиль написания совершенно чужды какой-либо «научности» (нужно быть совершенно «глухим» человеком, чтобы не почувствовать или хотя бы не понять этого). Книга носит сугубо литературный характер. Тотадзе пытается высмеять первую часть книги, название которой «Реликтовый цветок языка», он не приводит. Совершенно ясно, что так не назовут статью по языкознанию. Но так можно назвать эссе, очерк, стихи. Именно стихами в прозе о языке и написана эта вводная часть книги. В ней говорится о восприятии абхазского языка Андреем Белым и Осипом Мандельштамом, кото-

рые могли слышать полет листа или бег муравьи по мху... Это восприятие великих поэтов Тотадзе приписывает мне...

Не думаю, что он может услышать полет листа. Слух таких, как он, способен уловить лишь грохот товарного состава. Вот почему мы говорим на разных языках <...>.

В то же время следует отметить, что А. Тотадзе сделал очень важное признание по поводу механического роста грузинского населения в Абхазии и не подвергает сомнению данные Всесоюзной переписи 1926 года. Огромный шаг вперед сделал и С. Лекишвили. Так, если в материале от 18 февраля 1990 г. он заявлял, что в Самурзаканском (Гальском) участке не проживал ни один абхаз, то в июньской статье он уже говорит об абхазском населении в Самурзакани. Еще одно достоинство Лекишвили: если в первом материале он «умудрился» вообще стороной обойти мегрелов, даже не называя их и заменив искусственным термином «самурзаканские грузины», то в следующей своей публикации вынужден был коснуться этой запретной в грузинской публицистике и историографии темы.

В моей статье говорилось о том, что к этническим проблемам прошлого необходимо подходить не с позиций сегодняшнего положения вещей, а исторической правды. Вот почему у меня мегрелы названы мегрелами, а не «самурзаканскими грузинами», а грузины – грузинами. К тому же наличие незначительного мегрельского населения в Абхазии (в основном торговцы, арендаторы земли и др.) до событий 1877 г. не отрицается в статье «В чем провинился учитель?». Отрицается только наличие собственно грузинского населения в Сухумском отделе в тот период. Что же касается самурзаканцев, то и после утери родного абхазского языка они еще долгое время сохраняли этническое самосознание. <...>

[Это все, что осталось у меня от текста ответа, который был отослан в редакцию «Народного образования»].

ВОСТОК И ЗАПАД: МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

Многое из того, о чем мне довелось в свое время писать в субъективных заметках¹, сегодня стало реальностью. Чтобы лучше понять происходящие в Грузии и Абхазии политические процессы, необходимо выйти за рамки этих стран и осознать себя частицей стремительных мировых потрясений. Только тогда нам станет ясно, что, и мы, и вы лишь заложники жестокой геополитической игры.

Республикам, которые образовались на обломках советского государства, включая Российскую Федерацию, отведена в этой игре лишь второстепенная, а порой – и третьестепенная роль. Главным режиссером этого мирового спектакля являются Соединенные Штаты, которым противостоят Китай и исламские фундаменталисты во главе с Ираном. Шиитский Иран является по своей сути теократическим государством, в то время как в Турции давно утвердилась светская форма правления, а ислам суннитского толка отделен от государственных структур. Необходимо отметить и следующие принципиальные отличия идеологического характера. После прихода к власти аятоллы Хомейни Иран возглавил панисламистское религиозно-политическое движение за объединение мусульман всего мира в единое мусульманское государство. Турция же стоит на позициях пантюркизма и вплотную подошла сейчас к практическому решению этой стратегической доктрины, проповедующей объединение под своей властью всех тюркоязычных народов, которые проживают главным образом в пределах бывшего СССР. Великое Тюркское государство по замыслам пантюркистов должно расположиться на огромных пространствах от Турции на западе до Сибири на востоке и объединить следующие народы и языки: турецкий, чувашский, азербайджанский, туркменский, саларский, татарский, карачай-балкарский, башкирский, казахский, кир-

¹ Республика Абхазия, 1991 г. 5 октября.

гизский, каракалпакский, кумыкский, ногайский, караимский, узбекский, уйгурский, якутский, долганский, алтайский, хакасский, тувинский и другие. Что касается ираноязычной группы, то ареал ее распространения значительно уступает тюркам и охватывает следующие языки: таджикский, курдский, фарси, пушту, осетинский, татский, талышский и другие.

Кроме того, все более отчетливо стали проявляться притязания Турции на Крым, который никак не могут поделить Россия и Украина, оказавшиеся на грани столкновения. А между тем несколько миллионов турок объявили себя крымскими татарами и изъявили желание вернуться на родину. С визитом дружбы побывал недавно в Севастополе и отряд военных кораблей из Турции.

В проведении своих интересов в Закавказье и Средней Азии США активно используют прежде всего Турцию и Россию, а панисламизму пытаются противопоставить пантюркизм. Такая позиция довольно четко проявилась в отношении Азербайджана, из-за которого идет явное соперничество между Анкарой и Тегераном. Последний уже де-факто присоединил к себе Нахичеванскую Республику. Все более условной становится и азербайджано-иранская граница. По всей видимости, в ближайшее время к Ирану отойдет небольшой участок территории Азербайджана на берегу Каспийского моря (Массалийский, Ленкоранский, Астарский и Лерикский районы), населенный талышами, небольшим ираноязычным народом.

Активные действия иранцев тревожат США и их союзника Турцию, которая поторопилась признать независимость тюркоязычного Азербайджана и наладить контакты с Муталибовым. Одновременно и Иран не прочь завязать отношения с Муталибовым, но совершенно на других основах – не признавая самостоятельности этой кавказской республики. Руководство Ирана считает ее неотъемлемой своей частью (Северный Азербайджан) наряду с Южным Азербайджаном (в составе Ирана), что не может не вызвать беспокойства у президента Азербайджана.

Иную позицию занимает духовный лидер мусульман Закавказья и Азербайджана шейх-уль-ислам Пашазаде (местопребывание в Баку) который тесно связан с исламскими фундамента-

листами. Так, Азербайджан вступил недавно в «Организацию Исламская конференция» (ОИК), а на встрече в Дакаре, о чем сообщалось в прессе, бакинская делегация была включена в состав иранской и выразила свою солидарность с ливийским лидером Муаммаром Каддафи. Известно также, что иранские вертолеты и боевики принимали участие в боях в Нагорном Карабахе¹, а министр иностранных дел Ирана Велаяти, выступил перед студентами Бакинского университета и призвал их к «объединению под единым зеленым знаменем». Неоднократно министр Велаяти предлагал Азербайджану и Армении выступить в роли посредника в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе.

В Нагорном Карабахе столкнулись не только интересы мусульманского и христианского миров, Востока и Запада. Здесь в первую очередь, схлестнулись Иран и Турция, панисламисты и пантюркисты, т.к. усиление в Карабахе, скажем, иранского влияния, затруднит доступ Турции к Азербайджану, а главное – в Среднюю Азию.

Армению, по всей видимости, больше устраивает иранская позиция, нежели турецкая, но дело в том, что за Анкарой стоит администрация США, только что открывшая свое посольство в Ереване. Не считается с таким важным обстоятельством Армения просто не может... С другой стороны, Турция открыто поддерживает Азербайджан в делах Нагорного Карабаха.

Сложность положения, давление фундаменталистов и боязнь оказаться поглощенным Ираном, как это произошло с Южным Азербайджаном, вынудили Муталибова временно примкнуть к СНГ.

Неоднозначная ситуация в Баку и крайне важное военно-стратегическое положение этой республики привели к тому, что администрация США резко переменяла тон и пошла на сближение с Азербайджаном, дабы не бросить его отчаявшееся руководство в объятия Тегерана. Об этом свидетельствует прежде всего недавний визит в Баку госсекретаря Дж. Бейкера, который все же состоялся, несмотря на подавление национальных меньшинств и нарушение прав человека в этой республике. Только крайняя заинтересованность США в каспийском

¹ Мегapolis-Экспресс, 1992, № 51. С. 13.

ключе вынудила ее администрацию отойти от общего правила, ибо азербайджанским ключом можно распахнуть двери в Среднюю Азию.

Чтобы застолбить свое присутствие, а значит и влияние, в ряде бывших советских республик, американцы, в отличие от России, в спешном порядке открывают свои посольства. Таким образом, происходит стремительное сужение российских геополитических интересов в Закавказье и Средней Азии.

Опасаясь усиления фундаменталистских тенденций, которые могут перерасти в вал, США пытаются переориентировать Азербайджан и среднеазиатские тюркские народы на Турцию и высвободить эти «независимые» республики из-под влияния прежде всего иранской политики. С позиций фундаментализма активно выступает также Пакистан, предложивший недавно создать конфедерацию из 42-х исламских государств с участием бывших советских среднеазиатских республик. Как видим, происходит новый передел мира в условиях ограниченной мировой войны.

Значительное противостояние Ирана и Турции и их планы в Закавказье и Средней Азии уже в ближайшее время могут привести эти две страны к военному столкновению. В связи с эскалацией напряженности США в срочном порядке переадресовали своему союзнику в Анкару 12 млрд. долларов. В случае войны между этими странами в конфликт окажутся вовлеченными Афганистан, Пакистан, Ирак и другие, что безусловно вновь поднимет многомиллионный народ курдов (который проживает в Турции, Ираке, Сирии, Иране) на борьбу за создание своего государства Курдистан. Курдский вопрос, как известно, является одним из самых больных для этих стран и может привести к их распаду. Таковыми могут быть примеры цепной реакции глобальных политических изменений на карте Востока.

Если Иран и Турция в союзе с США не разберутся в ближайшее время со сферами влияния в Средней Азии, то с притязаниями на это богатейшее пространство выступит Китай. В новом раскладе сил большую роль будет играть Кавказ. Главномандующий силами СНГ Шапошников, потеряв, по-видимому, Азербайджан, решил, наконец, сделать ставку на христианские

Армению и Грузию. Более определенной стала позиция России и в отношении Нагорного Карабаха.

В результате военного переворота в Грузии и прихода к власти Временного правительства произошел резкий поворот и сближение грузинских властей с армией «несуществующего государства». Первым делом было отменено постановление ВС Грузии об оккупационном характере находящейся на территории республики русской армии. Это, пожалуй, и был главный вопрос, по которому обе стороны сразу нашли общий язык. В знак благодарности армия СНГ передала Грузии часть своих вооружений для упрочения положения нового руководства, устрашения и подавления различных национальных меньшинств.

Достаточно вспомнить здесь факт недавней передачи в Сухуми десантно-штурмовым батальоном СНГ трех боевых машин пехоты (легких танков) для нужд Национальной Гвардии Грузии, о чем маршал Шапошников ничего не знал. Техника была передана по приказу командования Закавказского военного округа.

Стоящий за кулисами этих событий видный советский дипломат, как и двести лет назад вновь остановил свой выбор на северном хозяине, твердо усвоив старую истину. Только русская армия может служить гарантом «единой и неделимой» Грузии. Малая империя может существовать только под орлиным крылом двуглавой России.

Россию вполне устраивает такое положение, то есть «независимая» Грузия по-прежнему остается в орбите ее военных и геополитических интересов. Более того, укрепление российских позиций в Грузии блокирует движение на Северном Кавказе, и в первую очередь в Чечне, изолируя ее от прямых внешних контактов. Все это предпринимается с единственной надеждой замедлить дальнейший распад Российской Федерации и охладить пыл в Татарстане, Башкирии и так далее.

По всей вероятности администрация США не заинтересована сейчас в окончательном развале России, она заинтересована лишь в ослабленной России. Вместе с тем РФ – ядерная страна и американцы не могут не считаться с ее интересами, как и не могут не считаться с интересами Турции. Однако США по-видимому поддерживают пантюркистские планы лишь в

азербайджано-среднеазиатском направлении. Что же касается Армении, Грузии и Северного Кавказа, то здесь они заинтересованы в укреплении общехристианской зоны влияния, гарантом которой может быть только Россия. Но если «демократическая» Россия не совладеет с процессами и к власти в ней придут в ближайшее время национал-патриоты (вспомните «Русский легион», введенный в Южную Осетию, который не подчинился правительству России и состоял из боевиков патриотических партий и движений; завтра таких легионов может быть сотни), то США, наверняка, разыграют здесь турецкую карту.

Политика президента Гамсахурдиа, как это ни странно, объективно вела к «независимой» Грузии в составе Турции или Ирана и усиливала протурецкое влияние на Северном Кавказе. В один прекрасный день войска ЗакаВО покинули бы не только Тбилиси, Кутаиси, но и оставил бы грузино-турецкую границу, лишив ее защиты. Можно себе представить, что последовало бы за этими действиями. Достаточно вспомнить 1917–1921 годы. Где бы оказалась Аджария, отошедшая кстати по договору 16 марта 1921 г. между Турцией и РСФСР, к России, а не Грузии? Что произошло бы с районами компактного проживания азербайджанцев около Тбилиси и какой ультиматум был бы предъявлен в связи с месхетинцами?

Запад решил данную проблему иным путем. Через Россию и Шеварнадзе, с единственной целью – не допустить чрезмерного усиления влияния своего союзника Турции в Армении, Грузии, на черноморском побережье Кавказа.

«Чеченский синдром» сделал союзником России и Временное правительство Грузии, которые совместно, как и в XIX столетии, приступили к подавлению освободительных движений на Северном Кавказе и в Абхазии. Мы вновь оказались между молотом и наковальней. Особенно тревожат их планы Конфедерации Горских Народов Кавказа, основы которой были заложены в Сухуми. Конфедерация, в свою очередь, преподносится Западу как исламский союз горцев, который имеет выход к Черному морю через Абхазию.

Чтобы замкнуть Абхазию на ключ, новое руководство Грузии пытается усилить здесь свое присутствие при прямой поддерж-

ке военной машины СНГ. Буквально на днях Временное правительство Грузии заручилось всемерным экономическим содействием России на льготных условиях СНГ, используя предоставленную помощь как средство экономического и политического давления на Абхазскую Республику. На Абхазию, которую Россия с 1989 г. отталкивает от себя и народ, который с 1810 г. находился под ее «покровительством».

Как известно, абхазы с определенной надеждой восприняли приход к власти в Тбилиси «демократической» оппозиции и желали видеть в новом грузинском руководстве позитивную силу, взявшую курс на мирное урегулирование политических проблем в Абхазии и Южной Осетии.

Однако ход недавних событий начинает убеждать нас в обратном. Правительства в Грузии приходят и уходят, а их курс по отношению к абхазскому и другим народам остается неизменно имперским и традиционно жестким. С этими народами грузинское руководство предпочитает говорить силовым методом. Об этом свидетельствует и ввод на территорию Абхазии частей Национальной Гвардии Грузии под предлогом борьбы со сторонниками Гамсахурдиа. Организаторы и участники митингов и забастовок на железной дороге и в аэропорту Сухуми – лица грузинской национальности перманентно подогревали политические страсти в столице Абхазии и сыграли роль «троянского коня» для введения в нашу республику грузинской военной силы. И лишь по требованию Верховного Совета Абхазии Национальная Гвардия Грузии была отозвана с территории нашей республики.

В настоящее время можно предположить, что правительство Грузии в сговоре с некоторыми сторонниками президента Гамсахурдиа инспирирует в Абхазии различные акции на железных дорогах, препятствует доставке хлеба и продовольствия с целью вызвать социальный взрыв среди многонационального населения и использовать дестабилизацию как повод для повторного вооруженного вмешательства, разгона неугодного им Верховного Совета Абхазии, законно избранного руководства и введения здесь чрезвычайного положения силами Грузии, как это случилось в октябре 1918 г. при разгоне Абхазского Народного Совета.

Тбилиси по-прежнему нуждается лишь в послушном абхазском правительстве.

Что касается экономического бойкота и удушения нашей республики голодом, то он откровенно переключается со сталинскими методами осени 1921 г., когда вождь приложил все свои силы для финансово-экономического удушения независимой Абхазии. Печально, что новые грузинские демократы выбрали этот простой, но сомнительный путь и не пошли по дороге федеративных и конфедеративных связей с Абазией. К чему может привести подобная политика в случае ее применения сегодня, представить нетрудно...

В то же время новому правительству Грузии, думается, небезразлично и то, в каком свете оно может предстать перед всем миром, тем более, что за сегодняшние события в Грузии и Абхазии несет ответственность в первую очередь тот товарищ, который скоро будет отмечать 20-летний юбилей принятого в 1972 г. постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии...

Абхазский народ бойкотировал выборы президента Гамсахурдиа и не становился на его защиту. Но, видимо, новым властям очень выгодно, чтобы оплот звиадистов находился именно в Абхазии и под предлогом борьбы с ними, направленной якобы на восстановление нормального ритма на железной дороге (тогда Запад поймет эти «благородные» мотивы) проворачивать в Абхазии свои дела, ущемляющие политические права нашей республики и ее многонационального народа. Но перефразируя известное высказывание, хочу напомнить: не давите, да недавимы будете.

БЫВШИЙ МИНИСТР ОБОРОНЫ ГРУЗИИ: О ВОЙНЕ И СИТУАЦИИ ВОКРУГ АБХАЗИИ (1992–1993 гг.)

В свое время поэт Николай Глазков очень емко сказал о двадцатом столетии:

Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый – век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!

Вот и сегодня вспоминаются события уже из прошлого, XX века, когда на пространстве бывшего СССР вспыхнули войны, конфликты, столкновения... Одно из наиболее кровавых событий того века – война, развязанная Грузией против Абхазии. Тбилисские власти пытались обвинить в произошедшем руководство нашей страны. Шеварднадзе с самого начала придумывал различные поводы, версии, причины, почему войска госсовета вторглись в Абхазию, намекая при этом и на своего министра обороны Т. Китовани как на виновника случившегося. Однако свидетельства многих грузинских военно-политических деятелей говорят о начале этой войны как о личной инициативе, прежде всего самого Э. Шеварднадзе. Достаточно веские основания приведены в воспоминаниях, например, генерала Г. Ломинадзе и других, которые неоднократно цитировались абхазскими политиками и историками.

И вот в 2006 г. мне стало известно о том, что в Тбилиси чуть ли не в «самиздате» мизерным тиражом издана книжка «Заметки десантника-комиссара». Ее автор, один из самых приближенных людей Шеварднадзе, генерал Леван Шарашенидзе, который с января по май 1992 г. возглавлял министерство обороны Грузии. В этот период он неоднократно приезжал в Сухум и вел переговоры с Владиславом Ардзинба. Воспоминания генерала Л. Шарашенидзе, можно сказать, драгоценный источник, т.к. он расстав-

ляет все акценты в этой военной авантюре и называет главного виновника войны, развязанной в 1992 году. Вот что он пишет о событиях накануне вторжения:

«... Э.А. Шеварднадзе в этот период ни разу не встретился с В.Г. Ардзинба, хотя тот на встречу был согласен, даже с приездом в Тбилиси. У меня было несколько встреч с Ардзинбой, и я подтверждаю это, а так же и то, что абхазское руководство в то время положительно отнеслось к возвращению Э.А. Шеварднадзе в Грузию и возлагало на это определенные надежды. Во всяком случае, с руководством Абхазии можно и нужно было вести переговоры самому Э.А. Шеварднадзе, [но] он почему-то тянул и связывал свою встречу с определенными условиями. В этот период, май-июнь 1992 г., я четырежды встречался с Ардзинбой и подтверждаю все вышеизложенное. Очень подробно после каждой встречи я докладывал Шеварднадзе в том числе и о готовности Ардзинба встретиться с ним»¹.

Судя по всему, такой министр-миротворец не пришелся тогда ко двору и был заменен в мае 1992 г. на криминального Тенгиза Китовани. Совершенно очевидно, что Шеварднадзе уже выбрал для себя сценарий – силовое решение абхазской проблемы. В то же время он все же опасался реакции Москвы, т.к. хотел, образно выражаясь, войти в Абхазию, не входя в СНГ. А вхождение Грузии в СНГ было главным условием возврата Э. Шеварднадзе в Тбилиси, куда он мог вернуться при военно-политической поддержке Кремля. Возглавив Госсовет Грузии, Шеварднадзе начал лавировать и затягивать вопрос о присоединении к СНГ. Тогдашний его заместитель Д. Иоселиани в ответ на упорство своего шефа по поводу СНГ, пророчески заметил:

«Если в Москве чихнут, у нас будет двустороннее воспаление легких. Что ты затеваешь?». Шеварднадзе ответил: «Сначала надо разобраться с Абхазией»². Интересно отметить, что мнение Л. Шарашенидзе о вторжении в Абхазию фактически было подтверждено и грузинским историком З. Папаскири. Он критикует

¹ Шарашенидзе Л. Заметки десантника-комиссара. Тбилиси. 2006. С. 76–77.

² Панорама Латвии. 1999. 9 окт. № 236; Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo. 2001. С. 25.

действия Э. Шеварднадзе при вводе войск в Абхазию, где «обстановка была чрезвычайно накаленной» и «руководству Грузии следовало действовать максимально осторожно». Далее З. Папаскири пишет:

«Что мы имеем в виду? На наш взгляд глава государства не должен был довольствоваться лишь телефонными разговорами с В. Ардзинба. Ему следовало самому отправиться в Сухуми, встретиться с ним лично и получить от него ... официальное согласие на ввод формирований Республики Грузия в Абхазию. Однако, к сожалению, все это не было сделано, Э. Шеварднадзе явно подвело политическое чутье, и он не пошел на такой, безусловно, по тогдашним меркам, неординарный шаг»¹.

Свою лаконичную оценку военным событиям дает и генерал Л. Шарашенидзе: «Вступление в Абхазию началось 14 августа, – пишет он, – а Э.А. Шеварднадзе, прибывший 7-го марта, имея более пяти месяцев, политик и дипломат такого высокого уровня, не смог предотвратить войну. Это неподготовленное, необеспеченное вступление было предпринято, конечно, с согласия Э.А. Шеварднадзе, от которого он в последующем отмежевался»².

Все эти авантюристические действия Шеварднадзе были отражением других, более глубоких геополитических процессов, о которых вскользь упоминает генерал Л. Шарашенидзе. Главным вопросом для Грузии в начале 1992 г. продолжал оставаться вопрос о вступлении в СНГ. Это был своего рода тест для Шеварднадзе. Он, конечно, пообещал Москве положительно решить проблему, и 7-го марта 1992 г. прибыл в Тбилиси. Этому предшествовали важные события.

В январе и феврале министр обороны Грузии Л. Шарашенидзе дважды встречался в Москве с Шеварднадзе. К этому времени в России и Грузии выбор уже был сделан в его пользу. Так, 14 февраля 1992 г. в Минске проходила Вторая встреча глав государств и правительств стран СНГ. Возглавлял грузинскую делегацию Л. Шарашенидзе, который ночью согласовал текст выступления по телефону с Шеварднадзе. «Он его одобрил и попросил после

¹ Папаскири З. Абхазия: история без фальсификаций. Тбилиси. 2009. С. 419–420.

² Шарашенидзе Л. Заметки... С. 76.

окончания саммита заехать в Москву и встретиться с ним», – пишет тогдашний министр обороны. В своем 3-х минутном выступлении в Минске Л. Шарашенидзе, в частности, заявил:

«Вопрос о вступлении Грузии в СНГ решит парламент с его избранием.

Хочу доложить, что мы восстанавливаем добрые отношения с войсками ЗакВО на территории Грузии. Сняли с них статус оккупационных. Мы, естественно, оставляем за собой право на участие в обсуждении всех вопросов касающихся Армии и Черноморского Флота.

Просили бы впредь приглашать на заседания СНГ соответствующих руководителей Грузии в качестве наблюдателей»¹.

Следует отметить, что представители Грузии вольно или невольно вводили в заблуждение руководство России и говорили об участии руководителей Грузии в СНГ лишь в качестве наблюдателей. По возвращении из Минска, Л. Шарашенидзе встретился в Москве с Шеварднадзе, которому подробно было рассказано о саммите СНГ. Тогда же была намечена еще одна встреча, где должен был решаться вопрос о его возвращении в Грузию².

В феврале 1992 г. параллельно с саммитом СНГ в Сухум в сопровождении нескольких единиц бронетехники прибыл отряд национальной гвардии Грузии под командованием капитана Г. Каркарашвили. Верховный Совет Абхазии почти единогласно потребовал (в том числе и депутаты-грузины, сторонники З. Гамсахурдиа), чтобы этот отряд немедленно покинул территорию республики. Особенное негодование руководства и многонационального населения Абхазии вызвал факт передачи гвардейцам вооружения и нескольких единиц БМП десантно-штурмовым батальоном ВДВ России, который был размещен в Сухуме, в районе Маяка, незадолго до распада СССР.³

Сегодня очевидно, что все это происходило на фоне Минского саммита СНГ и руководство России решило показать Грузии «пряник» в виде нескольких БМП.

¹ Шарашенидзе Л. С. 71–74.

² Шарашенидзе Л. С. 74.

³ Лакоба С. Восток и Запад: между молотом и наковальней. См.: Республика Абхазия. 1992. 29 февраля.

В соответствии с февральскими договоренностями, 2 марта в Москве состоялись очень важные встречи с Шеварднадзе. Переговоры вели министр обороны Л. Шарашенидзе и член Военного совета Грузии Т. Китовани, который вместе с премьер-министром Т. Сигуа, в отличие от Д. Иоселиани, не горели желанием приглашать экс-министра иностранных дел СССР в Грузию в качестве руководителя государства. Однако ситуация изменилась после пятичасового разговора Шеварднадзе и Китовани. Затем двухчасовая беседа состоялась с Министром обороны РФ, Главнокомандующим Вооруженными Силами стран СНГ Е. Шапошниковым и Послом РФ в США В. Лукиным. Еще одна встреча прошла с руководителем Службы внешней разведки России Е. Примаковым. Всем этим лицам Шеварднадзе твердо пообещал в ближайшее время вступить в СНГ. По сути это было главное условие, поставленное Эдуарду Шеварднадзе руководством России.

Участник этих важных переговоров в Москве 2 марта 1992 г. министр обороны Грузии Л. Шарашенидзе позднее разочарованно отмечал:

«Эти беседы предвещали много положительных изменений в российско-грузинских отношениях. К сожалению, реальность оказалась иной.

7-го марта в Тбилиси прибыл Э.А. Шеварднадзе. С прибытием, он в своих заявлениях подчеркивал, что Грузия пойдет прозападным курсом, что акценты во внешней политике будут, прежде всего, проставлены на стратегическое партнерство с США, что в СНГ Грузия не пойдет. Не трудно представить, какую реакцию это имело в России и других странах СНГ»¹, – справедливо заключает Л. Шарашенидзе.

В конце марта 1992 г. министр обороны Грузии встречался в Кремле с вице-президентом России А. Руцким, а затем с командующим ВДВ генерал-полковником Е. Подколзиным, однако, обещанная помощь в строительстве вооруженных сил Грузии, была приостановлена. Вопрос о вступлении в СНГ оставался открытым.

Грузия стремилась получить необходимые вооружения, но по Ташкентскому соглашению от 15 мая 1992 г. только члены

СНГ имели право на военную квоту. В связи с этим, а также из-за продолжавшейся войны в Южной Осетии, тбилисские власти не могли претендовать на 220 танков, артиллерийские системы, боевые самолеты и вертолеты.

После Дагомысской встречи и решения о прекращении боевых действий в Южной Осетии, а также «Коммюнике» от 24 июня 1992 г.¹, Ельцин и Шеварднадзе договорились о дальнейшем сотрудничестве. В результате «Дагомысского сговора» руководство РФ пошло на нарушение Ташкентского соглашения и, в виде исключения, предоставило Грузии танки, самолеты и другое вооружение. Процесс передачи военной техники и боеприпасов был завершён в конце июля – начале августа 1992 года. Шеварднадзе в очередной раз заверил Ельцина, что вступит в СНГ, как только он в течение 2–3-х дней решит проблему Абхазии «малой кровью».

Ельцин поддерживал лидера Грузии до 25 сентября 1992 года. В этот день Э. Шеварднадзе на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке обратился за помощью к Западу, обвинив Россию. Это выступление, оскорбительные высказывания в адрес абхазов смутило многих в зале заседания ООН. Ельцин был раздражен, - и в своем окружении не без ехидства заметил: «Шеварднадзе возомнил себя президентом великой державы, а на деле не имеет под собой даже банановой республики...»².

В тот же день, 25 сентября, оппозиционный Верховный Совет РФ принял Постановление «О положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии», в котором потребовал немедленно вывести грузинские войска с территории Абхазии и восстановить законные органы власти.

Из Нью-Йорка Шеварднадзе полетел в Москву, но Ельцин принял его очень холодно. Руководство РФ убедилось, что тбилисский лидер и не помышляет о вступлении в СНГ. Недооценка этого важного геополитического фактора привела к тому, что Б. Ельцин и министр обороны П. Грачев осознали, что Шеварднадзе и Китовани пытаются лишь использовать российскую

¹ Свободная Грузия. 1992. 27 июня; Лакоба С. Абхазия – де-факто... С. 23–25.

² Завтра. 2000. № 39. С. 5.

¹ Шарашенидзе Л. С. 74–75.

военную поддержку. Таким образом, с конца сентября 1992 г. позиция российских верхов в отношении Тбилиси стала не столь однозначной.

После разгрома грузинских войск в Гагре в октябре 1992 г. власти Абхазии взяли под свой контроль северо-западную границу с Россией по р. Псоу. Ситуация к этому времени в корне изменилась. Госсовет Грузии принял решение о «переходе к активным боевым действиям в Абхазии». В связи с этим, через два месяца после начала войны, 22 октября генерал Шарашенидзе направил Шеварднадзе подробную записку и предложения по военному вопросу¹. Он предупредил главу Грузии о тех последствиях, которые могут произойти в результате поспешных и не обдуманных мер. Не буду подробно излагать суть этой интересной записки с реалистичным взглядом на новую расстановку сил, отмечу лишь, что автор говорит: «в настоящее время положение изменилось в пользу противника», и им «создается наступательная группировка». Он говорит о возможном окружении Сухума и удара по Очамчире. «Силы грузинской стороны: разрозненные формирования, укомплектованные наспех; отсутствует единое командование», – отмечает Шарашенидзе. Он предлагает: «Отказаться от намеченного наступления в ближайшие 2–3 дня на Гудаутском и Ткварчельском направлении, а сосредоточиться на обороне Сухуми». Среди разнообразных рекомендаций есть и весьма неожиданные, с экологическим уклоном: «совместно с учеными Грузинского технического университета и других научных центров срочно подготовить использование направленных взрывов, [с целью] искусственного вызова селевых потоков в ущельях (на случай необходимости)».

В результате, отмечает Л. Шарашенидзе, от намеченного на конец октября 1992 г. «широкомасштабного наступления отказались», но не были реализованы и предлагаемые меры.

Как известно, 27 июля 1993 г. в Сочи было подписано Соглашение о прекращении огня. Шарашенидзе принимал участие в этой встрече в качестве главного военного советника МО Грузии. «Хочу обратить внимание на то, – пишет он, – что тогда Шевар-

днадзе упустил большой шанс использовать российские войска в предотвращении потери Абхазии»¹.

О каком шансе в июле 1993 г. говорит генерал Л. Шарашенидзе?

Оказывается, российская сторона тогда предлагала разместить в Сухуме два российских полка, перевести штаб Объединенной Контрольной Комиссии из Сочи в Сухум и ввести в город усиленный батальон с 30-ю БМП.

По мнению генерала это были реальные меры, которые могли спасти Сухум. Однако грузинская сторона отклонила эти предложения. «Шеварднадзе не должен был этого допускать», – заключает Л. Шарашенидзе².

Следующей трагической ошибкой Шеварднадзе генерал считал события второй половины сентября 1993 года. Судя по этим красноречивым свидетельствам, видно на краю какой пропасти стояла тогда Абхазия. За нашими спинами шла откровенная торговля: Грузии вновь предлагалось вступление в СНГ в обмен на Абхазию. Подковерная борьба и закулисные игры великих держав только благодаря чуду не принесли желаемых результатов. Объективные обстоятельства оказались выше некоторых субъективных устремлений. Впрочем, судите сами. Привожу почти полностью свидетельства очевидца тех бурных событий:

«И еще одна его (Шеварднадзе – С. Л.) большая ошибка, – отмечает Л. Шарашенидзе. – 16 сентября мы с министром обороны Г. Каркаршвили были в Москве у министра обороны России П. С. Грачева. Встреча прошла хорошо. Грачев обещал оружие, технику и всяческое содействие в выполнении абхазской стороной условий прекращения огня. Вечером Каркаршвили улетел в Тбилиси, а я остался в Москве готовить с генерал-полковником Галкиным положение о статусе Российских войск в Грузии. К этому времени я был назначен заместителем министра обороны по взаимоотношениям с Российской Армией.

17-го сентября, Абхазская сторона, вероломно нарушив сочинские соглашения о перемирии, – продолжает Шарашенидзе, – начала боевые действия на Очамчирском направлении, а через день и на Сухумском...

¹ Шарашенидзе Л. С. 77–82.

¹ Шарашенидзе Л. С. 83.

² Шарашенидзе Л. С. 87.

В Москву позвонил Э.А. Шеварднадзе и попросил меня связаться с П.С. Грачевым с тем, чтобы принять меры и остановить абхазскую сторону. В этот день Грачев был в госпитале, но поздно вечером с начальником Главного оперативного управления он вылетел в Адлер, где 18-го сентября состоялась его встреча с Э.А. Шеварднадзе, министром обороны Г. Каркарашвили и министром безопасности И. Батиашвили, на которой Грачев предложил ввести в Грузию две Воздушно-десантные дивизии, Псковскую и Тульскую, с последующим вводом одной из них в Азербайджан, согласие азербайджанской стороны они имели.

На это предложение очень болезненно отреагировал Г. Каркарашвили, заявив, что это будет новой оккупацией Грузии, и он уйдет в отставку, а Шеварднадзе промолчал, тем самым, отказав в согласии на ввод Российских войск. Так мне говорил сам П.С. Грачев в присутствии начальника Генерального штаба М.П. Колесникова, возвратившись из Адлера, – отмечает Шарашенидзе. – ...Я тут же позвонил Шеварднадзе и доложил ему об этом, он мне предложил немедленно вылететь в Сухуми с подготовленным нами проектом статуса Российских войск в Закавказье.

Поздно ночью 19-го сентября я прилетел в осажденный город, где на окраинах шли уличные бои. Единого управления не было...

За полночь я прибыл к Э.А. Шеварднадзе и доложил ему проект статуса Российских войск в Грузии, согласованный с Российской стороной, и попросил его согласиться с предложением П.С. Грачева о вводе в Грузию двух дивизий и со вступлением в СНГ. Подождем пару дней, ответил мне Шеварднадзе.

Прошло три дня, 23-го сентября Шеварднадзе объявляет о согласии ввести десантные дивизии в Абхазию и просит срочно позвонить П.С. Грачеву и сообщить ему об этом. А со вступлением в СНГ немного подождем, сказал мне Шеварднадзе.

Было поздно, с Грачевым созвониться не удалось, вышел на начальника Генерального штаба М.П. Колесникова, который, выслушав меня, сказал «поезд ушел, ни одного солдата никуда двинуть не можем», так как 21-го сентября начались известные события у Белого Дома – противостояние Хасбулатова – Ельцина... Так был упущен еще один шанс не потерять Абхазию и тысячи жизней.

24-го с согласованным с Шеварднадзе проектом статуса российских войск в Грузии я вылетел в Москву и в тот же день встретился с начальником Генерального штаба М.П. Колесниковым и передал ему письмо на имя П.С. Грачева»¹.

В этом письме от 24 сентября генерал Л. Шарашенидзе, по поручению Э. Шеварднадзе, просит министра обороны России вернуться к ранее отвергнутому Тбилиси плану от 17 сентября 1993 г. и начать срочную его реализацию силами российской армии для прекращения «кровапролития в Абхазии»².

Однако, поезд на самом деле уже ушел.

Несмотря на это, Э. Шеварднадзе 26 сентября 1993 г. обращается с письмом к Б. Ельцину, В. Черномырдину, П. Грачеву. В нем впервые глава Грузии прямо заявляет о своей готовности вступить в СНГ. Интересно, что этот исторический документ был направлен из Сухума, в котором Шеварднадзе оказался в качестве политического заложника. Ему, попавшему в капкан, и в страшном сне не могло присниться, что он, словно пленник, будет умолять руководство России о спасении не только Грузии, но и своей жизни.

«В Сухуми создалась катастрофическая ситуация – опасность падения города реальна, – сообщает Шеварднадзе за день до освобождения столицы Абхазии. – На улицах идут рукопашные бои, погибают сотни невинных людей.

Единственное спасение сейчас заключается в немедленном задействовании в качестве миротворческих сил частей десантных войск, дислоцированных в Грузии.

В этом видится единственный путь предотвращения еще большей трагедии. Быстрота действий решает все – завтра будет поздно, ибо именно сегодня, в эти часы и минуты решается судьба страны.

Исходя из вышеизложенного, убедительно прошу Вас, Борис Николаевич, спасти Грузию.

Сообщаю Вам, если это сейчас имеет значение, что мною принято решение о вступлении Грузии в Содружество Независимых Государств. Мы согласны ввести в зону конфликта военные части, предложенные генералом Павлом Грачевым на встрече в Сочи.

¹ Шарашенидзе Л. С. 87–89.

² Шарашенидзе Л. С. 90–91.

Прошу Вас незамедлительно принять решение. Это последняя моя надежда и надежда моего народа.

С уважением и надеждой

Э. Шеварднадзе».

Но реакции на эти рыдания не последовало.

Несомненно и то, что события и итоги войны были бы совершенно иными, если бы Грузия с самого начала (с февраля-марта 1992 г.) вступила в СНГ.

Вопреки различным планам, обстоятельствам Абхазия вышла победительницей из этой неравной схватки. Улыбнулась и удача, и случай: абхазское наступление (16–30 сентября 1993 г.) почти в точности совпало с российским кризисом (21 сентября – 4 октября), закончившимся в Москве расстрелом парламента. Таким образом, у России возникли свои проблемы, и в этой суматохе, когда Ельцин бился за власть, ему было не до Шеварднадзе, который терпел самое настоящее бедствие в окруженном Сухуме¹.

Оказавшись в безвыходном положении, уже после разгрома в Абхазии, Шеварднадзе вылетел в Москву. 8 октября 1993 г. здесь состоялась встреча Ельцина с президентами Армении, Азербайджана и Грузии. На следующий день, 9 октября, Грузия примкнула к СНГ, подписав российско-грузинское соглашение о российских военных базах в Грузии, включая Поти. Российская армия взяла под свой контроль железную дорогу Поти – Самтредиа – Тбилиси².

«То, что мы не сделали своевременно, – сокрушался Шарашенидзе, – мы сделали после того, как потеряли тысячи людей и территориальную целостность»³.

Так Абхазия обрела фактическую независимость, а Грузия на время вновь вернулась в русскую сферу влияния.

Было бы ошибкой предполагать, что Э. Шеварднадзе не понимал, к чему может привести его упорство по вопросу об СНГ. Конечно, как политик, он сознательно шел на этот риск. Спрашивается, почему? Потому что Шеварднадзе уже давно был связан серьезными обязательствами с руководством США, которое приняло решение о его возвращении в Грузию, заручившись

¹ Лакоба С. Абхазия – де-факто... С. 78.

² Там же. С. 83.

³ Шарашенидзе Л. С. 92.

поддержкой Москвы. О таких хитросплетениях простодушный генерал Л. Шарашенидзе по всей видимости и не догадывался. В этой связи обращает на себя внимание один красноречивый, но малоизвестный факт. Оказывается, еще в феврале 1992 г., в том месяце, когда Шарашенидзе выступал на Минском саммите СНГ, Шеварднадзе срочно отбыл в США. Во время этого визита он подписал с компанией «Brock group Ltd» протокол о стратегической концепции экономического возрождения Грузии, включающей расширение сети нефтяных терминалов на Черном море, реконструкцию морских портов в Поти и Батуми, превращение Батумского аэропорта в международный...¹

Следует особо заметить: на тот момент Шеварднадзе еще не был главой Грузии, чтобы подписывать вообще какие-либо документы, не говоря уже о протоколе международного порядка, однако мировое закулисье для себя уже решило эту проблему. Экс-министр СССР сумел заручиться политико-дипломатической поддержкой Вашингтона. Таким образом, Шеварднадзе включился в большую западную игру вокруг вновь открытых богатых месторождений азербайджанской нефти. Это была прелюдия к прокладке будущего нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, который шел в обход России и вписывался в стратегические планы Запада: получить прямой доступ к каспийским энергоресурсам, о чем впервые было официально заявлено в 1994 году.

Такие далеко идущие цели, конечно же, никак не вписывались в российский проект: пристегнуть Грузию к СНГ. И это несмотря на то, что Госсекретарь США Дж. Бейкер заявлял: политика России в начале 90-х годов шла в фарватере американской внешней политики. Однако администрация Б. Ельцина, под давлением патриотических сил, иной раз позволяла себе некоторую строптивость, особенно в вопросе своего ближнего зарубежья. Шеварднадзе это не учитывал, слишком положился на США, Запад в целом, и вообще не желал считаться с российским фактором. Такое демонстративное поведение раздражало и Ельцина, и военных, и парламент. В результате – самоуверенность Шеварднадзе была наказана, а Грузия потерпела крах...

¹ Червонная С. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея. М. 1993.

Что же касается государственных переворотов в Азербайджане и Грузии против избранных президентов Эльчибея и Гамсахурдиа, то они остались как бы незамеченными международным сообществом. Эти перевороты, по мнению бельгийских исследователей Эрика Ремакля и Оливье Пэ «были просто приемлемы для великих держав, и особенно для России»¹.

В этой связи интересно высказывание свергнутого президента З. Гамсахурдиа. «Можно сказать, – заявлял он, – что в Грузии военный переворот был осуществлен из-за океана при личном участии Бейкера и с благословения Буша»².

Не осталось тогда в стороне и российское руководство, оказавшее военно-техническую и финансовую поддержку мятежникам³, за кулисами которых стоял Шеварднадзе с американскими друзьями. Он оказал им огромные услуги, связанные, прежде всего, с развалом СССР, необоснованной уступчивостью при сдаче ГДР и объединении Германии, поспешном выводе советских войск, передаче американцам 50 тыс. кв. км богатого биоресурсами и энергоносителями участка Берингова моря и т.д. Вот почему лидеры западных стран приветствовали возвращение Шеварднадзе в Тбилиси. Грузия тут же вышла из международной изоляции, более 30-ти государств за короткий период признали ее как независимую республику, а США и Канада готовы были предоставить крупные кредиты. Более того, несмотря на продолжавшуюся войну в Южной Осетии, Грузия 24 марта 1992 г. была принята в СБСЕ (ныне ОБСЕ), а 31 июля, за две недели до войны против Абхазии, в Организацию Объединенных Наций. Как видно из этих примеров, циничная политика «двойных стандартов» со стороны ведущих стран Запада нашла здесь свое яркое воплощение.

*Выступление на конференции АБИГИ к 20-летию начала войны. 2012 г.
Опубликовано на сайтах «Апсныпресс» и Министерства иностранных дел
Республики Абхазия.*

¹ Спорные границы на Кавказе. М. 1996. С. 116.

² Свободная Грузия. 1992. 1 декабря.

³ Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М. 1993. С. 11.

АБХАЗИЯ – ЭТО АБХАЗИЯ

Выступление депутата Парламента Республики Абхазия Станислава Лакоба в Лондонском университете на международной конференции по проблемам Северного Кавказа, которая состоялась 22–23 апреля 1993 г.

Текст выступления был опубликован в английском научном журнале «Центрально-Азиатское обозрение» (1995) и в американской газете «Новое русское слово» (1993).

У меня было другое начало. Но здесь, в Лондоне, я вспомнил одну абхазскую поговорку: «Увидел ворон человека с ружьем и подумал: “Если он умный – не выстрелит в меня, а если дурак – не попадет в меня”».

Мы прекрасно осознаем, что являемся заложниками жесткой геополитической игры, а происходящий новый передел мира режет нас по живому. Мы стали жертвой политики «разделяй и властвуй». политики «кнута». а иногда и «пряника».

В каком положении оказалась Абхазия?

«Каков ваш статус, определились ли вы?» – спрашивают мудрые политики.

Нас обложили со всех сторон и одно можно сказать с точностью: мы пребываем в статусе войны. Войны, которую нам навязали.

Абхазия сегодня – это сюрреализм. напоминающий картины Сальвадора Дали. Картину, когда в абхазском селе в упор расстреливают столетних мужа и жену, когда грузинские самолеты-штурмовики российского производства СУ-25 сбрасывают шариковые бомбы на похоронную процессию в селе Кутол и брат, идущий за гробом убитого брата, погибает, – и теперь родственники несут уже два гроба, а их снова бомбят... Картину, когда боевые вертолеты в летний день расстреливают людей на сухумском пляже, а солдаты убивают девочек, живьем сжигают целые семьи, уничтожают танками села, добивают раненых и разрезают на куски пленных...

Сегодня об Абхазии пишут только так: «между небом и землей», «между Востоком и Западом», «между молотом и наковальней».

Между... Вот наш истинный статус. Наша «пограничная ситуация».

Мы затерялись где-то между смертью и жизнью, между быть или не быть, ибо эта война не может завершиться для нас просто «поражением». Потому что поражение в ней будет равносильно нашему уничтожению.

Мы оказались очень неудобным народом и нас настолько мало, что и убить сразу трудно.

В этом тоже наша вина?

Грузинские и некоторые российские политики не скрывают своего раздражения по поводу непокорных абхазов, которые еще в XIX столетии официально были признаны властями «виновным населением» за неоднократные восстания в защиту своей чести и свободы.

Сейчас нас упрекают, что мы мешаем установлению дружественных отношений между Грузией и Россией, что мы стоим у них, как кость поперек горла.

Одним словом, вся наша вина в том, что мы еще существуем. Давно уже поделили наши горы, реки, озера, наши море, леса, родники, а какой-то там народец упрямо повторяет: «мы – абхазы».

Неужели, как часть человечества, мы, которых в Абхазии около ста тысяч, мешаем всему человечеству? Неужели, теряя нас на закате XX столетия и потеряв в XIX-м наших братьев-убыхов, человечество станет богаче в третьем тысячелетии?

Народ убивают, а мир молчит. Если бы молчал...

Смешно, но мир и, в частности, западный мир, помогает нас убивать. Агентства «Рейтер», «Ассошиэйтед пресс», «Би-Би-Си» называют нас «сепаратистами».

Но как мы могли стать ими, не отделяясь ни от кого, не нападая ни на кого? Покажите хоть один документ Парламента Абхазии до начала войны 14 августа 1992 года и даже несколько месяцев спустя, в котором говорилось бы о выходе из состава Грузии? Таких документов нет. Более того, именно мы предлагали грузинской стороне строить наши отношения на договорной, Федеративной основе. Именно мы, таким образом, выступали за

сохранение единства Грузии, а в ответ на нас двинули танки, самолеты, вооруженных до зубов гвардейцев.

«Сепаратистами» нас сделали действительные сепаратисты, правящие в Тбилиси и собственноручно разрушающие свою страну. Они низвели свое государство, единство которого держалось па штыках сталинско-советской империи, до уровня средневековья, феодальной раздробленности, где круговую оборону от тбилисского центра держат «сепаратисты» Аджарии, Менгрелии, Кахетии, не говоря уже об Абхазии и Юго-Осетии.

Почему в Грузии так много «сепаратистов»?

Россия упрашивала свои бывшие автономии заключить с ней Федеративный договор, повысила до уровня республик статус многих автономий и областей, в том числе и Северного Кавказа, не препятствовала выборам президентов и принятию повой национально-государственной символики.

В нашем случае с Грузией была прямо противоположная ситуация. Мы вносили различные предложения, пытались навести мосты, а нас отталкивали: кто вы такие вообще, вас и автономии надо лишить! Вас мало. Вот единственный аргумент.

Мы – «сепаратисты», потому что нас загнали в угол, а мы стали защищаться, чтобы самосохраниться, спасти своих детей, женщин, стариков? Загоните в угол самого маленького зверька... И он, сепаратист? Есть такая абхазская пословица: «Упавшего с дерева, змея укусила».

Да, нас загоняют в угол.

Выступая 7–8 декабря 1992 г. по Грузинскому радио глава Грузии открыто призвал к возможному уничтожению абхазов. «Судьба Грузии, – отметил он, – ее путь к свободе и независимости решается сегодня в Абхазии. Поэтому я призвал всех грузинских граждан внести свой посильный вклад в борьбу за свободу и независимость Грузии. Я повторяю, это решение принято мною в борьбе с самим собой, против моей веры, против моих взглядов. Это неправильно, но другого пути нет... Эта война не должна быть длительной, мир верит нам и раз мир поверил нам, мы не должны обмануть его. Мы, сторонники мира, и как можно быстрее должны закончить эту войну. К 2000 году Грузия будет самой счастливой страной в мире».

Свобода и независимость для своего народа и грубый диктат, откровенный шовинизм в отношении другого, малочисленного – вот две морали, которые лежат в основе всей политики Грузии по отношению к Абхазии.

Не случайно после абхазо-грузинского конфликта в июле 1989 года академик А.Д. Сахаров назвал Грузию «малой империей»¹.

Позднее, по поводу отношений между Грузией и Абхазией, он писал: «Я скорее считаю оправданной позицию абхазцев. Мне кажется, что с особенным вниманием надо относиться к проблемам малых наций, свобода и права больших нации должны осуществляться не в ущерб малым»².

В последнее время очень часто ставится вопрос о сохранении территориальной целостности не Грузии как таковой, а бывшей малой советской империи Грузинской ССР, в состав которой по воле Сталина и была включена на правах автономии 19 февраля 1931 г. бывшая ССР Абхазия (1921–1931 гг.).

Что касается так называемых абхазских сепаратистов, то они выступают за территориальную целостность Грузии в ее исконных этнических пределах, а пространство от реки Ингур до реки Псоу, после распада СССР и упразднения Грузинской ССР считают принадлежностью Республики Абхазия.

Попрашение суверенных прав Абхазии оказалось наиболее тягостным для национального самосознания абхазов. Низведение ее статуса до уровня автономной республики (Абхазская АССР) в составе Грузинской ССР привело буквально через неделю к многодневному сходу абхазов (18–26 февраля 1931 г.), выразившему недоверие правительству. Это было первое массовое выступление абхазского народа в защиту своей государственности и своих прав в условиях советской власти. Абхазы чуть ли не единственный народ, который в самое глухое, бесперспективное время тоталитаризма неоднократно выступал против политики Сталина-Берия и их наследников в Абхазии. Массовые сходы, многотысячные митинги, демонстрации и забастовки имели место не только в 1931 г., но и в 1957, 1965, 1967, 1978, 1989 годах.

¹ «Огонек», 1989, № 31, июль-август.

² «Знамя». 1991, № 10. С. 69.

В XX столетии правящие круги Грузии несколько раз пытались аннексировать Абхазию. Впервые, в июне 1918 – марте 1921 гг., когда грузинские войска вторглись в нашу страну и оккупировали ее территорию. В памяти абхазского народа – это один из самых мрачных периодов во взаимоотношениях Абхазии и Грузии. На имперский характер Грузинской Демократической республики тех лет обратил в свое время внимание Бехофер. В вышедшей в Великобритании в 1921 г. книге «В деникинской России», он писал: «Свободное и независимое социал-демократическое государство Грузии всегда останется в моей памяти как классический пример империалистической малой национальности и по отношению к захватам территорий вне своих пределов и по отношению к бюрократической тирании внутри государства. Шовинизм его превосходит всякие пределы».

Вторая попытка аннексировать Абхазию была предпринята в феврале 1931 г., однако фактически она осуществлялась после гибели премьер-министра Абхазии Нестора Лакоба (отравлен в Тбилиси в декабре 1936 г. Берией) и продолжалась с 1937 по 1953 гг., до смерти Сталина.

Сегодняшняя война, развязанная 14 августа 1992 г. – это третья попытка аннексировать Абхазию. Уже 14 августа грузинские военные заявляли арестованным абхазам: «С Абхазией все кончено, а все оставшиеся абхазы будут плясать под каблуками грузин». (Смотрите справку прокуратуры Абхазии от 24 февраля 1993 г.). Шеварднадзе продолжает дело, начатое Жордания, Сталиным и Берия...

На протяжении всего времени Грузия и Абхазия имели определенные, зафиксированные свои территории и границы. Так, последние триста лет река Ингур является границей между Абхазией и Грузией. Говоря о границах Грузии и о границах других республик бывшего СССР, нельзя расценивать факт принятия в ООН этих республик, как аргумент, являющийся международно-правовым подтверждением их территорий и границ, так как сложившиеся к моменту распада СССР территории и границы национально-государственных образований носили не международно-правовой, а административный, внутриполитический характер. Они были установлены не между суве-

ренными государствами, а между административными частями Советского Союза.

Нельзя не сказать и о самом факте принятия Республики Грузия в Организацию Объединенных Наций. В мировое сообщество было принято государство, руководители которого пришли к власти путем вооруженного переворота. Напрашивается вывод о принятии в ООН не Грузии, а Эдуарда Шеварднадзе.

К сожалению, приходится констатировать, что ООН и определенные круги на Западе пытаются по сути сохранить сталинскую модель деления народов на ранги. Иначе как понять, что бывшие союзные республики получают признание, а бывшие автономии нет. Разве это не является проявлением двойного стандарта?

Между тем в бывшем СССР обильно льется кровь. Вот уже восемь месяцев грузинские войска, вторгшиеся на территорию Республики Абхазия, в результате «Дагомысского сговора» лидеров России и Грузии, применяют против мирного населения боевую авиацию, танки, артиллерийские системы «Град», «Ураган», запрещенное оружие – игольчатые снаряды и шариковые бомбы, переданные с ведома Москвы руководству Тбилиси российским командованием Закавказского военного округа.

Народ Абхазии подвергается актам физического геноцида, на оккупированной грузинской стороной территории производится этническая чистка, цель которой огрузинить Абхазию и сделать ее частью грузинского унитарного моноэтнического государства. В захваченных районах методично истребляется и вытесняется абхазское, армянское, русское, греческое население, подвергающееся преследованиям, пыткам, издевательствам. За время войны с абхазской стороны убиты около тысячи человек, т.е. каждый сотый, более трех тысяч ранены, почти половина граждан республики стала беженцами.

В крайне тяжелом положении оказалась Восточная Абхазия, особенно блокированный город Ткварчал и весь Очамчирский район, где компактно проживает абхазское население. В настоящее время в этом районе сожжены 7 абхазских сел: Кндги, Тамыш, Адзюбжа, Меркула, Моква, Беслахуба, Кутол. Отрезанное от мира, полуголодное крестьянское население про-

должает оказывать отчаянное сопротивление превосходящим силам противника. В городе Очамчира сегодня нет ни одного абхаза, все они изгнаны или убиты. Столица Абхазии, Сухум, напоминает концентрационный лагерь. Тбилисские власти сделали все для того, чтобы чисто политический конфликт между Грузией и Абхазией трансформировать в этнополитический. Введя свои войска в Абхазию, они постепенно втянули в эту военную авантюру местное грузинское население и стравили его с абхазским. Как здесь не вспомнить слова грузинского генерала Г. Каркашвили, которого Шеварднадзе назвал «настоящим рыцарем». В конце августа 1992 г. этот генерал заявил по грузинскому телевидению, что он готов положить 100 тысяч грузин ради уничтожения всех 97 тысяч абхазов, включая стариков, женщин и детей. Сегодня эта людоедская программа по сути дела осуществляется.

Преднамеренно разрушаются памятники истории и культуры абхазского народа, сожжены архивы, институты, библиотеки, театры. Подверглись погрому и разграблению музеи, картинная галерея, университет и учреждения, носящие абхазские названия. Погибли ценнейшие рукописи, документальные исторические материалы и книги, фольклорные, лингвистические записи. Делается все для того, чтобы лишить абхазский парод исторической памяти.

Между тем, с подачи грузинских средств информации на западе повторяется миф о том, что якобы абхазы – «исламские фундаменталисты», и они угрожают всему миру... Однако ученым-кавказоведам хорошо известно о веротерпимости нашего народа, который еще в VI в., во времена византийского императора Юстиниана I, официально принял христианство, получившее распространение на Черноморском побережье Абхазии с первых веков новой эры. Что касается ислама, то он стал проникать сюда в XVI–XVII вв. однако не получил здесь широкого распространения. Так, в XIX столетии в Абхазии было лишь несколько деревянных мечетей, а сегодня нет ни одной. В то же время каменные мечети высятся в Москве, Санкт-Петербурге и в центре Тбилиси. Никто не вспоминает почему-то о том, что Грузия связана с исламским миром и культурой с VIII столетия, что

с VIII по XI вв. в нынешней столице Грузии восседал арабский эмир Тбилисского Эмирата, что грузинский царь Давид Строитель чеканил монеты на арабском языке, а грузины-мусульмане по численности превосходят весь абхазский народ...

После того, как руководству Грузии не удался блицкриг, и они не смогли в течение 2–3 дней задушить Абхазию, Шеварднадзе стал обращаться в ООН, СБСЕ, другие международные организации с жалобами на абхазский народ, т.е. на тех, против кого была совершена агрессия. Оказывается, мы не имели права взяться за оружие против вторгшейся в Абхазию армии уголовников, некоторые публицисты стали называть это «безумием», цинично окрестив сопротивление нашего народа «самогеноцидом». Так, в недавнем интервью московской «Независимой газете», депутат парламента Республики Грузия Ада Маршания заявила: «Конечно, было преступлением вводить войска в Абхазию под тем или иным предлогом. С другой стороны, совершеннейшим безумием было встречать эти войска огнем... Но в любом случае грузинская сторона обязана была проявить больше великодушия, больше осмотрительности. И думать над каждым шагом!». Далее она отмечает: «Предполагаю, что Госсовет не знал, что делает, не задумывался о всех возможных последствиях. Члены Госсовета в своем абсолютном большинстве были просто не информированы о реальной ситуации. Тут какая-то двойная игра велась. Это просто криминальная ошибка. И политическая, и... Просто уголовное преступление»¹.

Парламент Абхазии, Председатель Верховного Совета Республики Абхазия Владислав Ардзинба, 12 раз обращались в ООН в надежде, что нас услышат. К сожалению, наши призывы лишь ухудшили тяжелое положение, в котором оказался абхазский народ. Несколько миссий ООН, СБСЕ, посетивших Абхазию по приглашению тбилисского руководства, заняли откровенно прогрузинскую позицию, поставив тезис о так называемой территориальной целостности бывшей Грузинской ССР, выше проблемы соблюдения прав человека и права народа на самоопределение.

¹ «Независимая газета», 1993, 10 апреля.

Как известно, по настоянию Грузии Совет безопасности готовится рассмотреть ситуацию в Грузии и Абхазии. Ардзинба направил открытое письмо Генеральному секретарю ООН, в котором выразил готовность изложить на заседании Совета Безопасности точку зрения Абхазии. Представитель Республики Абхазия может принять участие в таком обсуждении вопроса в соответствии со статьей 32-й Устава ООН.

К сожалению, и на это конструктивное предложение Абхазии ООН хранит пока полное молчание...

Мы вполне осознаем, что война с Грузией, население которой по численности в сорок раз превосходит абхазский народ, губительна. Но нас лишили выбора. Возможный выход из создавшегося положения – это вывод всех грузинских войск из Абхазии и только вслед за этим введение миротворческих сил.

В этой войне не будет победителей. Жан-Поль Сартр сказал как-то: «Когда вы узнаете о подробностях победы, вам бывает трудно отличить ее от поражения».

В настоящее время можно предложить несколько вариантов мирного урегулирования военного конфликта между Грузией и Абхазией и будущего обустройства Абхазии.

1) Если до начала вооруженной агрессии Грузии против Абхазии 14 августа 1992 года абхазский народ и Парламент Абхазии были за вступление в федеративный союз с Грузией, о чем свидетельствует опубликованный до войны по инициативе абхазской стороны проект договора с ней, то сегодня, после моря пролитой крови, в лучшем случае речь может идти только о конфедеративных связях с Грузией. Однако сторонников этого проекта очень мало как с одной, так и с другой стороны.

2) Следующий вариант, пользующийся огромной симпатией среди многонационального населения края и многих депутатов нашего парламента – это Республика Абхазия в качестве небольшого нейтрального государства, своего рода «Кавказская Швейцария». Страна на стыке Востока и Запада, с удобными коммуникациями: морскими портами, железной дорогой, аэропортами и шоссейными трассами, проведенными через горные перевалы на Северный Кавказ. Абхазия может стать и воротами в Среднюю Азию. Такое государство отвечало бы ин-

тересам России, западных стран, Турции. Так, в 1919 г. английское командование и генерал Деникин требовали немедленно объявить Абхазию нейтральной страной и отвести грузинские войска за реку Ингур.

3) Свое будущее Абхазия видит и в составе такого образования как Кавказская Конфедерация, предтечей которой является влиятельная и авторитетная общественная организация Конфедерации Народов Кавказа, зародившаяся в Сухуме в августе 1989 г. и объединяющая сегодня 16 народов, проживающих от Каспийского до Черного морей.

Только что, 5 апреля 1993 года, участники консультативного совещания в Пицунде подписали документ: «Соглашение о заключении договора о дружбе и сотрудничестве между Конфедерацией народов Кавказа и казачеством Юга России», в котором, в частности, предусмотрено «создание гарантий коллективной безопасности в случае угрозы применения силы против КНК и казачества». Для ратификации указанного договора не позднее 1 мая должен состояться съезд народов Юга России, Северного Кавказа и Абхазии.

Народ Абхазии никогда не забудет, что в первые дни войны, когда мы оказались в глухой изоляции, отрезанными от всего мира, только добровольцы Конфедерации пришли к нам на помощь по горным тропам. Это были кабардинцы и чеченцы, адыги и южные осетины, черкесы и абазины. Благодаря им мы выстояли в неравной борьбе. Сейчас в Абхазии другая ситуация. После того, как запыхала земля Северного Кавказа в поддержку Абхазии, руководство России изменило свое отношение к абхамам. В первые дни войны Шеварднадзе не верил, что конфедераты могут прийти на помощь абхамам. «Конфедерация – это бумажный тигр», – сказал он, и жестоко просчитался.

Президент КНК Муса Шанибов в своем выступлении 14 февраля 1993 г. отметил: «Народы Кавказа и другие малочисленные народы бывшего Союза увидели в судьбе Абхазии свою собственную судьбу. Борьба народов Кавказа за свободу Абхазии, это, собственно говоря, борьба народов Кавказа за свою собственную свободу. И потому сейчас в Абхазии находится цвет Кавказа».

На протяжении многих веков Абхазия составляла единое целое с северокавказским миром в языковом, этническом, куль-

турном и политико-экономическом отношении. Это особенно относится к ближайшим родственникам абхазов – адыгейцам, кабардинцам, черкесам, убыхам, абазинам. Давние традиционные связи абхазский народ поддерживал с народами Северного Кавказа, Юга России, с казачеством, народом с самобытным укладом жизни, близким как России, так и Кавказу. Еще в смутное время 1917 года Абхазия являлась полноправным членом таких влиятельных организаций как «Союз объединенных горцев Кавказа» и «Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей».

Стремление абхазов к самоопределению выразилось в тот период во вхождении в Северо-Кавказскую республику («Горскую республику»), провозглашенную 11 мая 1918 г., куда вместе с Абхазией вошли Дагестан, Чечня, Кабарда, Адыгея, Осетия и др. Огромный интерес к «Горской республике» проявлял тогда и лорд Керзон.

Буквально через полмесяца народы Кавказа будут отмечать 75-летие «Горской республики» – знаменательное событие в нашей истории и политической жизни. Сегодня совершенно очевидно, что именно «Горская республика» 1918–1919 гг. стала фундаментом современной Конфедерации народов Кавказа, авторитет и влияние которой усиливается с каждым днем.

...Между тем, война в Абхазии ужесточается, грузинские войска истребляют мирное население, а Россия тем временем ведет переговоры с Грузией на предмет заключения договора. Под различными предложениями, в том числе, под видом нападений на российские воинские части, продолжается передача вооружений, боеприпасов и военной техники Грузии. Рассматривается вопрос о границе между Россией и Грузией в Абхазии.

Так, например, в феврале этого года Шеварднадзе откровенно заявил, что одна из целей заключения договора с Россией – это получить от нее как можно больше вооружений. А министр обороны Китовани посетовал: «Мы же готовы стать опорой России на Кавказе. Но для этого Грузия должна быть сильным государством. А Россия не передала нам даже 10 процентов положенной по квотам военной техники». Подобные заявления и действия не могут не беспокоить Северный Кавказ, народы Южной Осетии, Абхазии, Мэнгрелии и пока еще мирной Аджарии.

Вопреки постановлениям Верховного Совета Российской Федерации от 25 сентября и 25 декабря 1992 г. передача вооружений Грузии продолжается по сей день. В конце марта этого года заместитель командующего группой войск России в Закавказье генерал-майор Борис Дюков сообщил, что недавно «грузинским вооруженным силам перешла одна дивизия», а до конца года «предполагается передать 34 военных городка»¹.

В настоящее время складывается неверное представление о том, будто Грузия стремится вывести со своей территории российские войска. На самом деле правящие круги Грузии опираются на эти вооруженные силы и больше всего опасаются остаться без их поддержки. В конце минувшего года глава республики Шеварднадзе заявил в Тбилиси, что пока не может быть и речи о выводе с территории Грузии пограничных войск и частей противовоздушной обороны России, так как границы страны окажутся незащищенными со всех сторон. Эти слова подтвердила в апреле этого года и депутат Ада Маршания, которая, в частности, отметила, что «ширяющиеся в Грузии призывы о срочном и полном выводе российских войск» не входят ни в планы России, ни в планы Грузии. «Грузии, – подчеркнула она, – на данном этапе присутствие российских военных, но только вне Абхазии, просто необходимо. Хотя бы для защиты рубежей. Ведь в республике фактически нет армии – какое-то вооруженное сборище»².

Как видим, Грузия делает все для того, чтобы вывести российские войска именно из Абхазии, но не из Грузии как таковой.

Этот вопрос рассматривался недавно в Сочи на переговорах, которые вели министр обороны России Грачев и премьер-министр Грузии Сигуа с военным министром Китовани. Что там решалось в очередной раз за закрытыми дверями, абхазская сторона может только гадать, т.к. наша делегация не была допущена даже в качестве наблюдателей. Опять за спиной абхазского народа предпринимается попытка решить его судьбу, не выслушав даже мнения руководства Республики Абхазия.

В настоящее время Грузия является главным дестабилизирующим фактором, крайне негативно влияющим на общественно-политическую обстановку во всем северокавказском регионе и Юге России. Вот почему несколько странным представляются некоторые положения справки сектора аналитической информации Государственно-правового управления Президента России и его оценка грузино-российских отношений, датированная 22 января 1993 года. Например: «Шеварднадзе, чтобы удержаться у власти, необходима более серьезная поддержка России», «Не только экономические и духовные нити связывают Россию и Грузию. Геополитическая и военная реальность толкает их навстречу друг другу».

По всей видимости, определенные круги в России никак не могут понять, что Грузия де-факто развалилась, и чем дольше Москва будет цепляться за Тбилиси и его окрестности, тем стремительнее будет терять свои позиции на Северном Кавказе...

Что касается непосредственно нашего состояния, то хотелось бы отметить следующее. Сегодня одни говорят, что Абхазия – это Россия, другие, что Абхазия – это Грузия. Но дело в том, что Абхазия – это Абхазия. Под занавес XX столетия мы хотим сохранить свое лицо, лицо своего народа. Может быть, наше лицо кому-то не нравится, но это наше лицо.

Новое русское слово (Нью-Йорк). 1993. 16 июля. С. 7; Abkhazia is Abkhazia / Central Asian Survey. 1995. 14(1). P. 97–105; Юридическая газета (Сухум). 1996. № 2.

¹ «Независимая газета», 1993, 25 марта.

² «Независимая газета», 1993, 10 апреля.

АБХАЗИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕДЕЛА МИРА

За последнее время в мире произошли необратимые перемены. Прежде всего, это распад СССР, Югославии, Чехословакии, Эфиопии, объединение Германии, образование целого ряда так называемых независимых государств, получивших международное признание. Дуга нестабильности, на первом этапе протянувшаяся от Балкан до Кавказа, ныне простирается от Америки до Кореи. По истечении только последних десяти лет можно очертить примерные контуры драматического периода современной истории, которые необходимо рассматривать в контексте стремительного процесса глобализации и мировых потрясений.

После развала СССР Абхазия пережила несколько сложнейших этапов в условиях передела мира:

1-й этап охватывает период с декабря 1991 по сентябрь 1994 г. и тесно связан с первым разделом постсоветского пространства в Закавказье, или на Южном Кавказе, который, в свою очередь, является частью мирового передела. Этот первый этап включает в себя следующие характеристики:

- монопольное главенство России в Закавказье;
- управление грузино-абхазской войной и манипулирование ею в 1992–1993 гг.;
- практическое невмешательство США и стран Европы в политику России в ее ближнем зарубежье;
- недооценка грузинским руководством геополитического фактора в 1993 г. и как следствие – вступление Грузии в СНГ и ее возврат в сферу влияния России.

2-й этап на Южном Кавказе охватывает период с сентября 1994 по осень 1999 г. и 11 сентября 2001 г. и характеризуется относительно мирным периодом, когда все конфликты в Закавказье были на время заморожены. В сентябре 1994 г. западные нефтяные компании подписали с правительством Азербайджана «контракт века» о поставках каспийской нефти в обход России и

Ирана. Тогда же, в сентябре 1994 г., США и страны Европы открыто заявили о своих стратегических интересах в Закавказье в связи с большими запасами энергоносителей и отказались признавать Южный Кавказ исключительно российской сферой влияния.

К концу 1994 г. повсеместно оформился и процесс политического урегулирования конфликтов в Закавказье.

В то же время продолжалось тайное соперничество России и США в регионе, особенно по вопросу нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан; по вопросам транспортировки каспийской нефти; по проблеме Евразийского транспортного коридора через Грузию (TRACECA).

С осени 1999 и с 11 сентября 2001 г. в современной политической истории Абхазии наступил третий этап, а вместе с ним начался второй раздел Южного Кавказа в условиях глобального передела мира¹.

В 1993 г., после окончания грузино-абхазской войны, администрация Б. Ельцина с сентября – декабря 1994 г. и вплоть до осени 1999 г. вновь стала проводить в отношении Абхазии политику «кнута», объявив независимому государству де-факто всестороннюю блокаду, включая финансово-экономическую и информационную.

С приходом В. Путина политика «кнута», проводимая Ельциным, сменилась в Абхазии на политику «пряника», что было, безусловно, вызвано антироссийским поведением Тбилиси по ряду вопросов военно-стратегического характера.

Окончательный поворот российской политики в сторону Абхазии произошел после трагедии в США 11 сентября 2001 г. и последовавшими вслед за ней Кодорскими событиями октября 2001 г.

Следующий этап – это переговоры Путина и Буша в Москве в мае 2002 г., в том числе по вопросу Абхазии.

Косвенно об этом может свидетельствовать очень активно прошедшая в Абхазии в июне 2002 г. и поддержанная многонациональным населением акция массового принятия российского гражданства.

¹ Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия – де-юре? О политике России в Абхазии в постсоветский период 1991–2000 гг. Саппоро. 2001.

Летом 2002 г. активизация политики России в Абхазии проходила очень бурно и демонстративно. В августе сюда прибыла представительная московско-кремлевская делегация, которая одним своим присутствием обозначила данную территорию как неподпечную.

В настоящее время США и Россия являются «вынужденными» союзниками. Очевидно, что США нуждаются в поддержке России в Афганистане, Иране, Северной Корее и, конечно же, по проблеме Ирака. Карикатурное поведение Шеварднадзе на этом геополитическом фоне, его попытки столкнуть, сравнить США и Россию, а также его двурушничество были дополнительным раздражителем.

Вашингтон все больше осознает, что ему невозможно обойтись без региональной поддержки России, пусть и ослабленной, но стремительно набирающей разбег. Новые российские прагматики, похоже, окончательно определились не только по Абхазии. Все, что происходит сегодня в этой части мира, напоминает грандиозную битву за Кавказ.

11 сентября 2001 г. начался, по сути, новый, второй этап передела Закавказья. Стратегическая задача США и ЕС – закрепиться в этом регионе каспийской нефти и обеспечить ее транспортировку на Запад; задача России – восстановить свой контроль над этой жизненно важной для безопасности южного фланга России территорией для умиротворения Северного Кавказа.

Напомню, что в период 1917–1921 гг. Россия на время полностью утратила контроль над Закавказьем, где господствовали сначала германские и турецкие войска, а затем англо-французские. Тогда страны Антанты, которых привлекал все тот же «запах бакинской нефти», постигло разочарование. «Путь в Баку ведет через Батум-Тифлис, – писал Л. Троцкий в 20-е годы. – Этот последний пункт является стратегическим фокусом Закавказья... Борьба идет из-за нефти и марганца. Нефтепромышленникам все равно, как дорваться до нефти: через Деникина, через мусульманскую партию мусават или через ворота «национального самоопределения»¹.

¹ Троцкий Л. Соч. Т. 12. М. [1925]. С. 241–242.

Похоже, что история повторяется, или происходящее – новая импровизация?

Более года назад, т.е. до событий ноябрьской «бархатной революции» в Тбилиси, в Абхазии пришли к выводу: «США будут тактично сдавать Шеварднадзе, обнадеживая его на словах, посылая теплые письма...»¹. Следует также отметить, что уже в третий раз (в первый после поражения в Абхазии в 1993–1994 гг., во второй после майских событий 1998 г. в Гале) в Грузии объективно складывается ситуация, которую западные эксперты характеризуют как «несостоявшееся государство».

Сталкиваясь со все возрастающими трудностями в глобальных вопросах, распыляя свои военно-политические силы и финансово-экономические ресурсы по всему миру, США как сверхдержава стали испытывать значительные сложности. Так, новая «Буря в пустыне» обернулась для них настоящей «Бурей в Европе», а союзники по НАТО Франция (Ж. Ширак) и Германия (Г. Шредер) открыто выступили против войны в Ираке. У верного союзника Т. Блэра серьезные осложнения в британском парламенте, трудности с общественным мнением. Операции в Ираке опасается Турция, которую всерьез беспокоит проблема объединенного Курдистана, а также планы федерализации Ирака с предоставлением широкой автономии курдам. О действительной позиции ряда влиятельных арабских государств в связи с военными действиями Израиля против палестинцев вообще не приходится говорить. Особое беспокойство вызывают мощь исламского фундаментализма и бурное развитие Китая. По этому поводу с обоснованной озабоченностью высказался Ч. Краутхаммер. «Суровый факт заключается в том, – пишет он, – что война на многих фронтах истощает и сдерживает американскую мощь. В то время как американцы проливают свою кровь и тратят свои средства в таких далеких местах, как Багдад, Китай строит экономическую и военную супердержаву будущего» (Time. 2004. 9 января).

В этом контексте глобальной мировой политики Россия из вынужденного союзника США все больше будет превращаться в

¹ Сборник материалов республиканской конференции, посвященной 90-летию Победы и проведенной 26 сентября 2002 г. Сухум. 2002. С. 54–55.

необходимого для западной цивилизации союзника. Не секрет, что российские газо- и нефте-магнаты совещались в 2002 г. в Техасе, где, в частности, обсуждался вопрос современной политики: не переключиться ли Западу на поставки российской нефти и газа, отказавшись от услуг арабского мира? Вашингтон обращается к России за помощью не только в связи с горячей проблемой Ирака, но и с трудностями, связанными с Афганистаном, Ираном, ядерной Северной Кореей. Взаимодействие России и США, их координация просматривается и на примере закавказской политики. Известно, например, что летом 2003 г. США и Россия вели секретные консультации о будущем Закавказья, в том числе и Абхазии, а также о разграничении сфер влияния и сотрудничестве в этом регионе.

Так, неожиданностью для грузинской общественности оказалось очень важное событие не столько экономического, сколько политического характера: 31 июля 2003 г. были оформлены два важнейших соглашения. Российский «Газпром» и правительство Грузии подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой отрасли сроком на 25 лет, а президент американской корпорации «AES» заявил, что руководимая им корпорация продала РАО «ЕЭС России» контрольный пакет (75%) акций тбилисской электрораспределительной компании «ТЭЛАСИ».

В 1998 г., когда американская «AES» выкупила за 25 млн долларов пакет акций «ТЭЛАСИ», ее приход в Грузию называли важным политическим решением и стратегическим шагом. На сей раз важные политические шаги сделала Россия. Фактически США уже тогда «сдали» Шеварднадзе. Сделано это было в одночасье, а оповестил всех о произошедшем прибывший в Тбилиси 15 августа 2003 г. вездесущий Анатолий Чубайс.

Россия стала фактическим монополистом в энергетической сфере Грузии и заполучила магистральный газопровод. Главный эксперт Института экономического развития Грузии Нико Орвелашвили констатировал: «Фактически произошел переворот. В общем, действительно, уже не нужна 11-я русская армия (в 1921 г. она оккупировала Грузию. – С. Л.), хватит выдвижения в южном направлении РАО «ЕЭС» и «Газпрома»»¹.

¹ Панорама. 2003. № 6. Август. С. 2.

Судя по всему, летом 2003 г. американцы окончательно решили сменить коррумпированного Шеварднадзе. Об этом может свидетельствовать и двухдневный визит в Тбилиси в начале июля бывшего госсекретаря США Джеймса Бейкера. Он привез новую схему парламентских выборов в Грузии 2 ноября. При этом интересно, что «друг» Шеварднадзе повел себя отнюдь не дружески, предложив новый избирательный кодекс и формирование избирательных комиссий всех уровней. Новый председатель ЦИК Грузии выводился из-под влияния президента Шеварднадзе, а право назначения на эту должность получила ОБСЕ. 24 июля 2003 г. после ожесточенных дебатов парламент Грузии утвердил представленный избирательный кодекс, что явилось серьезным поражением Шеварднадзе¹.

Вообще для Закавказья в целом осень стала жаркой порой. Как уже отмечалось, наряду с сотрудничеством продолжается скрытое, а иногда демонстративное соперничество между Россией и США. Из трех признанных стран Закавказья только Армения все еще смотрит в сторону Москвы. Выборы президента в ней уже состоялись.

Похоже, что по выборам президента Азербайджана США и Россия договорились относительно сына Гейдара Алиева. Скорее всего, такой же российско-американский компромиссный вариант существовал и для Грузии, в которой готовилась смена руководства.

Между прочим, весьма показательным, что накануне встречи представителей США и России в Кэмп-Дэвиде, министр иностранных дел России Игорь Иванов в сентябре 2003 г. заблокировал в Ялте вопрос Грузии о рассмотрении заявления по Абхазии. Шеварднадзе как никогда был принят руководством России очень сухо. «Вы знаете, как сложно было, – говорил он затем в Тбилиси, – принять заявление в Ялте, была сложная ситуация»².

На пресс-конференции в Ялте 19 сентября президент В. Путин ни словом не обмолвился по поводу территориальной целостности Грузии. «На постсоветском пространстве, – от-

¹ Союзная газета. 2003. Сентябрь. № 10. С. 10.

² Свободная Грузия. 2003. 23 сентября (далее – СГ).

вечал он грузинскому журналисту, – к сожалению, много еще конфликтных точек. Одна из наиболее острых – Абхазия. И все мы хотим, чтобы эта и другие проблемы подобного рода были урегулированы справедливым образом на основе международного права и тех реалий, в которых мы живем. Чтобы эти проблемы были урегулированы справедливым образом на благо всех народов, которые проживают на территории конфликтных регионов»¹.

Принимая участие на уровне руководителей стран СНГ на встрече в Ялте, Шеварднадзе понимал, что оказался в очень непростом положении, особенно после визита Бейкера и энергетической капитуляции перед РАО «ЕЭС России» и «Газпромом». В этих условиях президент Грузии решил совершить еще один кульбит. Во время застолья в Ялте он произнес тост в честь Путина, за «который его заставили оправдываться в Тбилиси». Он говорил, что в тосте не было подхалимства, однако российские и грузинские СМИ сравнили это его выступление с его же хрестоматийной фразой советских времен: «Солнце для Грузии встает на севере». Президент Грузии назвал Путина «доступным, коммуникабельным, достойным, удивительно понимающим нюанс и ситуацию сегодняшнего дня и будущего». Отметил, что «горд тем, что Россию возглавляет такой сильный и ответственный руководитель. Мы все должны быть убеждены в том, что с нами великая Россия, русский народ»².

Чувствуя, что Запад поворачивается к нему спиной, он решил вновь наладить отношения с Москвой, хотя совсем недавно выступал с откровенно русофобскими речами. Этим не преминула воспользоваться оппозиция. Народ был обескуражен такой мгновенной переменой своего президента. Но на носу были выборы в парламент Грузии и зимние холода, так что ничего другого не оставалось, как снова дружить с Россией. Грузия так и не смогла, несмотря на огромные западные кредиты, создать собственную энергетическую безопасность, без которой все разговоры о «независимости» оставались пустым звуком.

¹ СГ. 2003. 29 сентября.

² Версия. 2003. № 37. С. 8.

Накануне выборов и посол США Ричард Майлз вдруг заявил: «В Грузии неблагоприятная инвестиционная среда»¹. Во всем мире распространилось мнение, что Грузия – ненадежный партнер.

Вслед за Ялтой в сентябре 2003 г. в США состоялись переговоры президентов Дж. Буша и В. Путина. Встреча на высшем уровне в Кэмп-Дэвиде явилась, по словам Шеварднадзе, логическим продолжением московской встречи в мае 2002 г. Она длилась около двух часов, и на ней в основном обсуждались конфликты, в том числе грузино–абхазский, приднестровский, карабахский и другие. «Считаю очень важным, – отметил глава Грузии, – когда президенты двух больших государств обсуждают вопросы урегулирования конфликтов». В связи с этим телеведущая бросила реплику: «Противостояние интересов этих двух стран может раздавить Грузию»².

События, произошедшие вслед за Кэмп-Дэвидом, свидетельствуют о том, что США ужесточили свою позицию в отношении официальных грузинских властей. Так, представитель Госдепартамента США Томас Адамс, выйдя из кабинета Шеварднадзе, высказал недовольство осуществляемыми в Грузии реформами и предположил, что «Грузия останется без помощи США»³. Беспокойство в связи с приближающимися выборами проявляли прибывшие в Грузию видные американские политики, военные, дипломаты – бывший Госсекретарь Джеймс Бейкер, сенатор Джон Мак-Кейн, генерал Джон Шаликашвили, бывший заместитель Госсекретаря Строуб Тэлботт, президент проекта НАТО «Переходные демократии» Брюс Джексон и другие⁴.

В самый канун выборов тележурналист Люба Элиашвили спрашивала президента Грузии о многочисленных западных политиках, дипломатах, которые «единодушно заявляют, что проведение демократических выборов станет решающим для страны фактором». Э. Шеварднадзе несколько растерянно ответил: «И я нередко думаю, почему проявляют такой особый интерес к Грузии? Все мы помним визит Бейкера в Грузию и предложен-

¹ Сакартвелос Республика. 2003. 30 октября.

² СГ. 2003. 3 октября.

³ Там же.

⁴ Там же. 14 октября; Там же. 29 октября.

ный им план... В соответствии с этими пунктами должна проводиться избирательная кампания. Затем были и другие». И очень вяло и даже с опаской он отметил, что ему известно, как щедро финансируется оппозиция некоторыми странами¹.

В самый канун выборов, 31 октября 2003 г., специальное послание главе Грузии направил президент США, который напомнил о договоренностях с Дж. Бейкером по вопросу проведения выборов 2 ноября. Как обычно, он высказался за укрепление независимости и территориальной целостности страны и предложил работать для решения конфликта в «Абхазии или других конфликтов в регионе»².

После своего вынужденного ухода Шеварднадзе дал ряд интервью западным и российским СМИ, в которых обвинил США в причастности к своей отставке. Так, канадская газета *Globe and Mail* (2003. 27 ноября) приводит факты поддержки финансистом-миллиардером Дж. Соросом оппозиционных сил, которым он выделял значительные суммы. С его помощью лидеры «Национального движения» и грузинские студенты прошли специальные курсы в Сербии, где обучались проведению «бескровных революций».

Британская *Daily Telegraph* (2003. 27 ноября) со слов экс-президента сообщила, что его отставка была организована Западом, который Шеварднадзе обвинил в неблагодарности и предательстве. Он не скрывал разочарования по поводу американского посла в Грузии Ричарда Майлза, поддержавшего оппозицию. «Когда им нужна была моя поддержка по Ираку, я предоставил ее. Что же случилось сейчас, я объяснить не могу», – заметил Шеварднадзе.

Как известно, внешняя политика многомерна, а отношения России и США изобилуют непредвиденными осложнениями. Один из таких камней преткновения – Грузия. Судя по всему, две державы были заинтересованы в смене Э. Шеварднадзе, что и произошло после выборов в результате «революции роз» 23 ноября 2003 г. Однако цели они преследовали различные, что и под-

твердил дальнейший ход событий. Во многом благодаря координации совместных действий события в Грузии удалось удержать в относительно бескровном русле, – хотя переворот произошел. Однако с этого момента и началась чехарда в отношениях между Россией и США. Возникли новые обстоятельства, т.к. в результате смены руководства к власти фактически пришел прозападный триумvirат – М. Саакашвили, З. Жвания, Н. Бурджанадзе. Такой поворот событий никак не устраивал Москву. В результате в Грузии сложилось своеобразное двоевластие: США, образно говоря, овладели Тбилиси, а Россия регионами Грузии, которая развалилась до основания. К независимым де-факто республикам Абхазии и Южной Осетии присоединилась Аджария. Ее лидер Аслан Абашидзе и парламент ввели в тот же день, 23 ноября, чрезвычайное положение в Аджарии¹.

Вслед за событиями в Тбилиси Россия демонстративно провела в Москве консультации с лидерами Аджарии, Абхазии и Южной Осетии. В это же время, выступая на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Маастрихте, Н. Бурджанадзе заявила, что такие действия могут привести к ущербу в отношениях с Москвой и высказалась за вывод с территории Грузии двух остающихся российских баз. Но, как известно, именно от Москвы зависит снабжение Тбилиси электроэнергией и природным газом. Стоит России прекратить зимой поставки, как вся эйфория от прихода к власти и свержения «диктатуры Шеварднадзе» улетучится уже через несколько дней и темных холодных ночей. Платить в полном объеме за поставки энергии сам Тбилиси не в состоянии – долг неизменно растет². Финансовая обстановка в стране просто катастрофическая, дефицит бюджета Грузии на 1 декабря 2003 г. составил 135 млн долларов, а внешний долг – свыше 1,5 млрд долларов.

Некоторые влиятельные западные издания считают, что произошедшее в Грузии ставит ряд вопросов. Так, Шеварднадзе – это второй президент страны, который смещен до окончания срока. Не станет ли это нормой для Грузии и всего Кавказа?

¹ Там же. 31 октября.

² Там же. 4 ноября.

¹ www.Top rbc.ru/ 2003. 25 ноября.

² Там же. 1 декабря.

Учитывая факторы экономические (электроэнергия, газ, свыше 1 миллиона грузин, проживающих в России и ежегодно перечисляющих своим родственникам в Грузии свыше 1 млрд долларов), политические (бывшие автономии), военные (российские базы), влияние России на Грузию в свете последних событий может и усилиться. «Вашингтон должен действовать быстро, чтобы предотвратить усиление влияния РФ на Грузию»¹, – отмечает Wall Street Journal. Россия, пишет Коммерсант, грозит новым грузинским властям установлением «протектората» или «опеки» над Абхазией, Аджарией и Южной Осетией, если события будут развиваться не по российскому сценарию. Была якобы достигнута договоренность о том, что Россия возьмет на себя обязательства по защите не только населения Абхазии, Южной Осетии и Аджарии (среди жителей которых есть немало обладателей российских паспортов), но и их территории².

Глобальные военно-политические игры на Южном Кавказе, и в частности в Грузии и Абхазии, связаны со стратегическим соперничеством США и ЕС с Россией по ряду важнейших политико-экономических направлений. Россия как правопреемница СССР не желает, чтобы из-под ее носа Запад увел значительные запасы энергоресурсов Каспийского региона. Тем более что в постсоветский период в экономике России закрепилась устойчивая сырьевая ориентация с упором на нефть и газ. В современной структуре российского экспорта доля нефти и газа составляет более 34%. Россия перекачивает ценное сырье с казахстанского участка Каспия по нефтепроводу Тенгиз – Новороссийск. И она не заинтересована в конкуренции, в строительстве альтернативных нефте- и газопроводов, которые могут пройти, минуя ее территорию. Именно таким транзитным энергетическим коридором Восток – Запад при поддержке США, Турции и стран ЕС пытается стать Грузия, что представляет серьезную угрозу национальной безопасности России. Ее не может не беспокоить:

– строящийся в обход России нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан;

¹ Wall Street Journal. 2003. 25 ноября.

² Коммерсант. 2003. 29 ноября.

– проект Южно-Кавказского газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум (Шах-Дениз);

– проблема Евразийского транспортного коридора через Грузию (TRACECA).

В случае реализации этих проектов Россия вообще рискует лишиться экспорта газа и нефти, в частности в страны ЕС. Во многом этими геостратегическими обстоятельствами объясняется та взрывоопасная обстановка, которая охватывает не только Грузию и Абхазию, но и значительную часть Кавказа, Каспия, Персидского залива, Ирака и т.д. Именно этот обширный регион, простирающийся от устья Волги до султаната Оман, получил название «Каспийско-Персидского энергетического эллипса»¹.

Согласно существующим оценкам, он содержит более 2/3 разведанных мировых запасов нефти и более 40% природного газа. Персидский Залив – это более 600 миллиардов баррелей нефти и 1600 триллионов кубических футов газа. Каспийские запасы некоторые источники оценивают в 200 миллиардов баррелей нефти, хотя рабочей цифрой считается 90 миллиардов баррелей. Энергетическая привлекательность Прикаспийского региона заключается в том, что он представляет собой продолжение нефтяных месторождений Ирака и всего Ближнего Востока².

Каспий называют энергетической кладовой XXI века. Однако фундаментальная проблема Каспия – транспортировка нефти на внешние рынки. Здесь срабатывает старый геополитический принцип: кто владеет магистралями, тот владеет всем содержанием политики. Секрет господства Британской империи заключался в контроле над ключевыми транзитными точками мира – Гибралтар, Мальта, Суэцкий канал.

На смену двум активным игрокам на Каспии в XIX в. – Российской и Британской империям – в новых условиях их пришло гораздо больше. Главный фокус борьбы между ними – нефтегазовые ресурсы. Если в XIX в. считалось, что все решает сеть железных дорог в регионе, то сегодня перспективы стратегическо-

¹ Магомедов А. Каспийская нефть и российские регионы: меняющаяся природа локальных интересов вдоль нефтепровода Тенгиз – Новороссийск. Сравнительный анализ // Acta Slavica Iaponica. 2002. Vol. 19. P. 21–23.

² Там же. P. 22–23.

го доминирования в ареале зависят от строительства трубопроводов, которые выведут нефть и газ региона на внешние рынки. «Пути потенциальных экспортных нефтепроводов, – отмечает А. Магомедов, – больше, чем что-либо другое, будет определять выстраивание локальных политических интересов и направление внешнего влияния. От того, куда пойдут будущие нефтепроводы – на север, юг, восток или запад, – будет определяться то, как это влияние может сказаться в будущем. Таким образом, именно вдоль нефтепроводов можно увидеть, как происходит выстраивание больших денег, больших амбиций и больших эгоизмов крупнейших нефтяных компаний, политических лидеров и правящих групп»¹.

Созданный в 1992 г. Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) Тенгиз – Новороссийск (с участием правительств России, Казахстана и Султаната Оман и протяженностью 1580 км) был призван укрепить российское доминирование над Каспийско-Черноморским пространством. КТК удерживает Казахстан и Среднюю Азию в транзитных тисках России, все еще сохраняющей за собой статус основного «контролера» каспийской нефти.

Буквально за несколько дней до парламентских выборов в Грузии Э. Шеварднадзе как бы вслух размышлял об энергетической независимости.

«Мне как президенту осталось полтора года, – говорил он, – чуть больше. Хотелось, чтобы на строительстве газопровода так пошли дела, чтобы назад возврата не было. Ни на Север, ни на Юг, ни в другую сторону...»². Речь шла о проекте газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум (Шах-Дениз), в результате реализации которого Грузия в лучшем случае лишь к концу 2006 г. получит природный газ. Его строительство обойдется в 1 млрд долларов. Но до этого времени Грузия должна будет существовать лишь за счет российского газа, что не может не влиять на ее политическую составляющую.

Вообще, вопрос об энергоносителях, их поставках в Грузию, особенно в ее столицу, вызывает очень бурную негативную реакцию в обществе. Осенью и зимой люди фактически лишены

¹ Там же. Р. 24–25.

² СГ. 2003. 31 октября.

света и тепла. Накануне выборов тбилисский официоз «Свободная Грузия» наиболее активно продвигал тему будущей энергетической независимости страны. Так, например, сообщалось, что строительство нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан идет успешно, т.к. в Грузию уже поступили 236 км труб (из 248 км), изготовленных в Японии¹.

В России были далеко не в восторге, когда Шеварднадзе, окончательно запутавшись в своей ориентации между Кремлем и Белым домом, 30 октября 2003 г. принял личное участие в подписании тбилисского соглашения о поставках природного газа в Грузию между руководством компании Южно-Кавказский газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум и Грузинской Международной Нефтяной Корпорации (ГМНК). Проект предусматривает завершение строительства в 2006 г. При этом сообщалось что:

– в качестве транзитных выплат Грузия будет бесплатно получать 5% от всего объема газа – 1,5 млрд куб. м ежегодно;

– в течение 20 лет Грузия сможет закупать у инвесторов 500 млн куб. м газа в год по фиксированной цене 55 долларов США за 1000 куб. м;

– Грузия получит за все время 7 млрд долларов США, а в среднем в год – 175 млн долларов².

Такие поставки Каспийского природного газа через Грузию и Турцию в Европу никак не вписываются в российскую политико-экономическую стратегию. Думается, что подобные планы на будущее ускорили развязку политических событий в Тбилиси и привели к досрочной смене Э. Шеварднадзе.

Этой важной проблеме посвятил свои статьи грузинский публицист Гия Ломадзе. По его словам, некие силы в России «постоянно думают о реанимации СССР» и у них якобы есть план, по которому они действуют в бывших советских республиках. Целью этих сил является восстановление сферы влияния России, для чего российской политической элитой стал применяться термин «либеральный империализм». Акцент делается на экономическую аннексию. «Внешние силы, – пишет Г. Ломадзе, – особенно

¹ Там же. 28 октября.

² Там же. 30 октября.

активизировались при введении в действие проектов международного масштаба. Имеются в виду «Великий шелковый путь», TRACECA, нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, газовые магистраль. Если Россия обретет контроль над этими грандиозными объектами, у нее в руках окажется ключ к воротам Европы и Азии...»¹.

С исторической точки зрения, подобные высказывания не новы. Так, в самом начале XX века видный грузинский юрист-международник З. Авалов (Авалишвили) отмечал: «Присоединение Грузии к России было политическим событием перво-степенной важности. Именно со времени этого присоединения Россия становится на путь, который, может быть, приведет ее к берегам Персидского залива»².

Между прочим, следует отметить тот факт, что один из известных политиков Грузии, Ирина Саришвили-Чантурия, в период накала предвыборных страстей в Тбилиси официально заявила: дестабилизация необходима России для того, чтобы маршрут международных нефте- и газопроводов был изменен и пролегал не через Грузию, а через дружественную Москве Армению. И такая схема для некоторых грузинских политиков вполне укладывается в понятие так называемого российского либерального империализма.

Подозрения Тбилиси по этому поводу стали особенно заметны после августовского визита А. Чубайса в Грузию и сентябрьской встречи в Ялте на уровне глав стран СНГ, на которой было оформлено Единое Экономическое Пространство (ЕЭП). Некоторые расценили ЕЭП как новую попытку России взять под контроль ситуацию на постсоветском пространстве, чтобы использовать вопросы экономического сотрудничества в политических целях³.

Для успешной реализации проекта энергетического коридора Восток – Запад через Грузию необходимо прежде всего урегулирование конфликтов на Южном Кавказе, в том числе грузино-абхазского. Первостепенной в этой связи является проблема безопасного функционирования трубопроводов. Так, например,

¹ СГ. 2003. 31 октября.

² Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб. 1906. С. 3.

³ СГ. 2003. 24 сентября.

чтобы решить грузино-абхазскую проблему и удовлетворить интересы России в вопросе беспрепятственного экспорта нефти в Турцию и далее в Европу, минуя проливы Босфор и Дарданеллы, в 1997 г. предлагалось строительство «связки» между западной веткой Баку – Супса и идущей в Новороссийск северной веткой. По оценкам экспертов, бывший военный порт Очамчира в Абхазии имеет и как терминал явные преимущества перед Супсой и Новороссийском. Одним из инициаторов этого плана тогда выступил заместитель секретаря Совета безопасности России Б. Березовский¹. Однако все надежды в одночасье рухнули, когда в пограничном с Грузией Гальском районе Абхазии в мае 1998 г. разгорелась «шестидневная война».

И вот, незадолго до осенних 2003 г. выборов в Азербайджане и Грузии, тема трубопровода Новороссийск – Супса (через территорию Абхазии) и далее на Джейхан была вновь озвучена. «Это самостоятельный трубопровод, – прокомментировал ситуацию посол Грузии в Азербайджане З. Гумберидзе, – по которому нефть России и Казахстана могла бы экспортироваться из Новороссийска в турецкий порт Джейхан на Средиземном море, минуя проливы Босфор и Дарданеллы»². Посол заявил, что вопрос же о его врезке в нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан якобы не обсуждался Россией и Грузией.

Многие политики в Грузии и Абхазии осознали, что причина конфликта, его суть – в перераспределении сфер влияния на Кавказе. «Этот процесс еще не завершен, – заявил лидер грузинских беженцев Т. Надарейшвили, – потому-то эти десять лет мы не имеем никаких результатов. Хотя сегодня уже можно предполагать, что раздел близок к завершению, остался разве что Кавказский регион. И сейчас наступает второй этап – урегулирование конфликтов. Благодаря взаимным компромиссам между Россией и США эти державы могут прийти к определенным соглашениям, которые устроят обе стороны»³.

Как уже отмечалось, сотрудничество основных игроков в регионе – США, России и стран ЕС – содержит элементы скрытого,

¹ Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия – де-юре? С. 98–99.

² СГ. 2003. 7 октября.

³ Там же. 17 октября.

а иногда и демонстративного соперничества. Это характерно и для других конфликтных зон в пределах СНГ, но особенно болезненно США реагируют на попытки урегулирования конфликтов в Молдавии – Приднестровье и в Грузии – Абхазии. Так, практически подготовленный компромиссный проект урегулирования с Приднестровьем на основе ассиметричной федерации Молдовы буквально рухнул за день до подписания. ОБСЕ и США откровенно пресекли урегулирование по российскому сценарию и отбросили решение проблемы на годы. Все это, кстати, происходило параллельно со сменой власти в Грузии. И хотя первый заместитель министра иностранных дел России В. Трубников накануне азербайджанских и грузинских выборов отмечал улучшение взаимоотношений России и США, что, по его словам, «положительно скажется на политической ситуации на Южном Кавказе», проблем и противоречий между ними, особенно в военной области, остается немало. Это и споры по поводу выполнения Россией обязательств, взятых на Стамбульском саммите ОБСЕ в 1998 г. по выводу военных баз с территории Грузии, и странная антитеррористическая операция в Панкиси, о которой было публично заявлено за две недели до ее проведения, и обучение американцами двух тысяч грузинских военных по программе «Обучение и оснащение».

Россия, например, считает, что выполнила свои обязательства по Стамбульскому соглашению, расформировав свои базы в Вазиани и Гудаута. Что касается баз в Батуми и Ахалкалаки, то они могут быть выведены не ранее, чем через 9–11 лет, хотя грузинская сторона настаивает на сроке в 3 года. О противоречиях в российско-грузинских отношениях 30 сентября 2003 г., находясь в Москве, говорила председатель парламента Грузии Нино Бурджанадзе. Она особо отметила, что еще год назад Россия и Грузия стояли на пороге войны – сначала в связи с Панкисским ущельем, а затем с событиями в Абхазии, в Кодорском ущелье, когда там высадился российский воздушный десант¹.

Большое недовольство в Грузии вызывает российское влияние на проблемы Абхазии. Здесь и разговоры об ассоциирован-

¹ Там же. 2 октября.

ных отношениях Абхазии с Россией, и срочный прием до 80% жителей многонациональной непризнанной республики в российское гражданство (это интересно и в связи с недавно заявленной новой военной доктриной России о превентивных ударах и защите своих граждан), и железнодорожное сообщение Сочи – Сухум, и восстановление Ингурского железнодорожного моста, и открытие пешеходного через пограничную реку Псоу, и многое другое. Грузинских политиков раздражает, когда Москва говорит о суверенитете и территориальной целостности их страны и в то же время вводит безвизовый режим сначала для Абхазии и Южной Осетии, а после «бархатной революции» в Тбилиси – и для Аджарии. Таким образом, происходит фактический раздел Грузии, причем ее дробление по мере неуступчивости тбилисских «демократов» может продолжиться в любой момент. В последнее время все сильнее звучат голоса и о предоставлении автономии Самцхе-Джавахети (Джавахк), где компактно проживают армяне (пограничный район южной Грузии с Арменией). Недовольство выражает и многочисленная община азербайджанцев (до 700 тыс. человек), через населенные пункты которых пролегает маршрут нефтепровода Баку – Джейхан. До предела накалены отношения и с Аджарией. Поэтому не случайно о Грузии все чаще говорят, как о Югославии.

После того как военные специалисты западных стран, особенно США, начали обучать по программе НАТО несколько грузинских батальонов, Россия стала больше внимания уделять Абхазии. Так, бывший директор службы внешней разведки, один из руководителей МИДа России Вячеслав Трубников, высказался в том смысле, что подготовленные американцами грузинские военные могут быть задействованы в Абхазии. «Вот это действительно нас беспокоит, – подчеркнул В. Трубников. – В случае подтверждения наших тревог мы не будем приветствовать такие шаги Грузии»¹.

Следует особо отметить небывалую активность администрации США в регионе Центральной Азии, а также на Южном Кавказе (Закавказье) после событий 11 сентября. Борьба с междуна-

¹ Там же. 7 октября.

родным терроризмом, талибами в Афганистане привела к тому, что в ряде стран бывшей советской Средней Азии якобы на временной основе были размещены американские военные базы. Подобные планы Вашингтон вынашивает и в отношении стран Южного Кавказа. Нельзя недооценивать и того, что «афганский предлог» для внедрения своего присутствия и баз может в деталях повториться и здесь, например, в случае какой-нибудь новой военной операции или военно-политического давления на Иран.

Чем объяснить в этой связи столь повышенный в последнее время интерес Вашингтона к пророссийской Армении и для чего под американское посольство в Ереване выделена огромная территория в 9 га (это самое большое представительство США в мире) и с гарнизоном в 500 человек, которая в любой момент может быть превращена в военную базу? Некоторые эксперты в связи с этим считают, что цель активности США в Армении – соседний Иран и расширение ареала своих интересов на Кавказе до границ союзной Турции¹. Не случайно премьер-министр Турции заявил в январе текущего года, что Вашингтон нанесет в ближайшее время военный удар по Ирану и Сирии.

Значительное оживление царит и в Каспийском регионе. Американские военно-морские силы совместно с азербайджанскими отрабатывают приемы по охране нефтяных платформ. Есть сведения, что США собираются разместить в Азербайджане военно-воздушные базы². В последнее время серьезные попытки были предприняты для того, чтобы закрепиться и в Грузии. В результате ноябрьской 2003 г. «революции роз» и прихода к власти М. Саакашвили, США проявили прямую заинтересованность в поддержке нового режима. Так, посол Р. Майлз откровенно заявил в январе, что американские военные в Грузии необходимы для охраны нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан³. Госсекретарь К. Пауэлл открыто высказался в Тбилиси за вывод российских баз из Ахалкалаки и Батуми. Правда, после московской встречи с президентом В. Путиным госсекретарь смягчил свою позицию и дал слово, что никаких военных баз США в Гру-

¹ www.regnum.ru/allnews. 2004. 5 февраля.

² The Daily Telegraph. 2004. 9 января.

³ www.abkhazeti.ru/news 2004. 24 января.

зии не будет. Однако все прекрасно понимают цену словам – как только откроются «новые обстоятельства», Россия будет поставлена перед свершившимся фактом.

Москва очень болезненно воспринимает все, что происходит в ее ближнем зарубежье, особенно на Кавказе, который издавна считает зоной своей национальной безопасности. «На игровой доске, которой в настоящий момент является эта зона, – пишет испанская газета, – сталкиваются интересы разных действующих лиц международной арены, не только России и Грузии. Но США заняты Ираком, Ближним Востоком и Афганистаном, и ни в одной из этих зон не могут установить своего влияния, и потому не имеют возможности приложить должное усилие для разрешения грузинского вопроса. Все предпринимаемые ими действия больше напоминают желание стравливать интересы разных сторон, чем стремление найти реальное решение проблемы. В действительности же как европейцам, так и американцам в некоторой степени даже выгодно желание России поддерживать стабильность в постсоветском пространстве»¹.

Однако Вашингтон пытается всеми имеющимися средствами вытеснить Россию из Закавказья. Грузии в этом смысле отводится роль некоего «паровоза». Нагнетание политических страстей и черный пиар вокруг Закавказья совпадают с приближающимися выборами президентов России (март 2004 г.) и США (ноябрь 2004 г.). Скорее всего, есть влиятельные силы, которые хотят подорвать позиции В. Путина накануне выборов и, соответственно, «успешными» действиями на Кавказе приподнять несколько пошатнувшийся авторитет Дж. Буша.

Между тем обанкротившаяся в политическом и экономическом смысле Грузия продолжает получать от западных стран беспрецедентную помощь. На инаугурации в Тбилиси 25 января 2004 г. К. Пауэлл объявил, что США выделили Грузии 166 млн долларов. Вслед за этим в порту Поти с американского военнотранспортного судна было выгружено 77 единиц тяжелой бронетехники. Предусмотренная ранее двухгодичная программа НАТО нашла свое новое продолжение. В Грузию прибыли аме-

¹ Rebellion. 2004. 23 января.

риканские инструкторы всех родов войск. На этом фоне новые грузинские лидеры не перестают выступать с реваншистскими заявлениями в адрес Абхазии, Южной Осетии, Аджарии.

О своей поддержке М. Саакашвили заявил и канцлер Германии, который выделил в виде помощи 12 млн евро и пообещал еще 26 миллионов. При этом Г. Шредер заверил Тбилиси в поддержке по военным вопросам, отметив, что Грузия выполняет узловую роль в конфликтном Кавказском регионе, и потому Германия поддерживает эту страну¹. Такая заинтересованность Германии связана, судя по всему, опять-таки с поставками нефти. Причем с новым маршрутом нефтепровода через Грузию, Украину и Польшу в Германию, в обход не только России, но и Турции, так как другой «политизированный» вариант – Баку – Тбилиси – Джейхан все еще остается под вопросом и полностью зависим от стабильности в регионе Центральная Азия – Кавказ и в Турции. В новой комбинации с нефтепроводом Грузия и Украина претендуют на ключевую роль в транспортировке углеводородов Каспия в Европу. Планируется перекачивать сырье по ветке Баку (Азербайджан) – Супса (Грузия), затем танкерами по Черному морю доставлять его к построенному в Одессе терминалу и перегонять по трубе Одесса – Броды (Украина) – Плоцк (Польша) и далее в страны ЕС. Так, в конце января 2004 г. правительству Украины американской компанией Шевгоп Техасо было предложено ежегодно подавать в трубу на Броды около 6 млн т нефти в год для промышленности Германии². В этой связи симптоматично и первое после «революции» неофициальное посещение М. Саакашвили Украины, и первый его официальный визит в качестве президента в Германию.

Создается впечатление, что нового президента Грузии усиленно настраивают на военную авантюру, которая может превратить всю Грузию в арену боевых действий. Цель этой провокации – вынудить Россию уйти с Кавказа. Однако такая политика выдавливания может привести и к прямо противоположным результатам. Очевидно, что в таком случае «победоносной ма-

ленькой войны» не получится. Подобные действия лишь осложнят международную обстановку и чреватые серьезными последствиями, и не только региональными.

Геостратегические устремления Вашингтона вполне понятны. Супердержава торопится «пометить» границы жизненно важного региона мира – «Каспийско-Персидского энергетического эллипса», окружив его со всех сторон своими военными базами. Задача США – отодвинуть от него Россию и не допустить в ближайшем будущем в Центральную Азию да и на Кавказ мощно поднимающийся Китай. Однако огромное пространство Центральной Азии Вашингтон едва ли сможет контролировать самостоятельно, без помощи России. Так же, впрочем, как и Россия без поддержки США не сможет по-прежнему оставаться гарантом безопасности этой обширной территории. Только совместными усилиями супердержава и региональная держава смогут в будущем выдержать все более очевидный натиск Китая.

На сегодняшний день существуют 13 различных маршрутов транспортировки энергоносителей Каспия. Не только на Запад, но и на Восток. Причем два крупных проекта связаны с Китаем. Пока Москва и Вашингтон жестко соперничали в центрально-азиатском и кавказском регионе (и продолжают это делать), Пекин тихо подкрался и без особого шума пытается осуществить важнейшие геостратегические проекты. Речь идет о нефтепроводе Казахстан – Китай и газопроводе Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай¹. Из 13 маршрутов² в настоящее время функционируют четыре:

- нефтепровод Тенгиз (Казахстан) – Новороссийск (Россия);
- нефтепровод Баку (Азербайджан) – Новороссийск (Россия);
- нефтепровод Баку (Азербайджан) – Супса (Грузия);
- газопровод Корпедже (Туркменистан) – Курт-Куи (Иран).

Кроме того, есть и другие варианты, которые могут быть реализованы в ближайшее время, но они находятся в прямой и жесткой зависимости от расстановки геополитических сил в регионе:

¹ Wajima, Mihi. Kasupi Kai Shuhen-no Tennen Shigen // Uyama, Tomohiko ed. Chuo Ajia-wo Shiru Tame-no 60 Sho [Природные ресурсы Каспийского моря. 60 глав о Центральной Азии]. Токуо. 2003. P. 275.

² Там же.

¹ Дилис газеты. 2004. 31 января.

² www.utro.ru – Статья Ивана Трегубова. 2004. 9 февраля.

- нефтепровод Казахстан – Туркменистан – Иран;
- нефтепровод Казахстан – Туркменистан – Афганистан – Пакистан;
- нефтепровод Баку (Азербайджан) – Тбилиси (Грузия) – Джейхан (Турция);
- газопровод Шах–Дениз (Азербайджан) – Тбилиси (Грузия) – Эрзерум (Турция);
- транскаспийский газопровод Туркменистан – дно Каспийского моря – Кавказ – Турция;
- газопровод Туркменистан – Иран – Турция;
- газопровод Довлетабад (Туркменистан) – Афганистан – Пакистан.

В проектах транспортировки каспийской нефти активное участие принимает не только Китай, но и Япония. Японские гиганты Itoschi и Inpex напрямую задействованы в финансировании и строительстве нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, а фирма-производитель Sumitomo уже поставила в Грузию необходимое количество специальных труб.

Как видно, процесс глобализации, новый миропорядок, определившийся после распада СССР, не могли не обострить военно–политическую ситуацию в Закавказье (на Южном Кавказе) в целом и грузино–абхазские отношения в частности. Похоже, что период длительного, почти 10-летнего (1994–2003) соперничества России и США в этом важном регионе сменяется периодом «соперничества–сотрудничества» и полнейшей непредсказуемости.

Для больших государств грузино–абхазский конфликт, к сожалению, носит своеобразный прикладной характер к транзитным коридорам нефте- и газопроводов. В связи с этим естественно, что и судьба, как Абхазии, так и Грузии окончательно определится после четкого разграничения и определения сфер влияния России и США в этой части Закавказья. Без этого главного условия в продолжающемся натиске глобализации и процессе передела мира проблема урегулирования грузино–абхазского конфликта не может быть решена, а подходы к ней ока-

жутся ошибочными. Скорее всего, одна из сторон вынуждена будет (возможно, частично) поступиться своими интересами в регионе в пользу другой. Но очевидно, что для национальной безопасности Российской Федерации Грузия и Южный Кавказ в значительно большей степени являются жизненно важными, чем для США.

Выступление 29 января 2004 г. на зимнем международном симпозиуме «Возникновение мезозон в бывших социалистических странах: возрождение истории или импровизация». Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. 2004. 28–31 января.

Опубликовано: Лакоба С. Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Очерки. (Славяно-евразийские исследования. Вып. 2). Москва – Саппоро. 2004. С. 125–142; Abkhazia under the conditions of the division of the world // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised? Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. 2005. С. 349–371.

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ КАРССКОГО ДОГОВОРА 1921 ГОДА?¹

8 августа 2008 г. Грузия обрушила военный удар на Южную Осетию. В результате «пятидневной войны» и поражения Тбилиси – на всем Южном Кавказе стал складываться новый статус-кво. Под ударом оказались важные для Турции и Запада энергетические проекты. Россия в одночасье продемонстрировала свои возможности и намекнула на уязвимость планов по транспортировке газа и нефти, не учитывающих интересы Москвы.

Стоявшая все эти годы за спиной Грузии администрация Дж. Буша, сделавшая ставку на силовое решение проблем в Южной Осетии и Абхазии, оказалась в крайне неловком положении. Грузинская армия потерпела полнейший крах, что сильно ударило по престижу США на всем Кавказе. Как результат, разразился региональный и отчасти глобальный кризис, приобретший черты «холодной войны». Августовские события показали, что Россия и региональные державы Турция и Иран не заинтересованы в усилении американского присутствия в Грузии и Закавказье в целом. Это подтверждают интенсивные контакты политиков этих стран в дни августа, в том числе и на высшем уровне.

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство, связанное с Ираном. Некоторые арабские источники² утверждают, что в ходе «пятидневной войны» российские самолеты нанесли бомбовые удары по двум военным базам в Грузии (одна из них в Марнеули) и уничтожили специальные израильские системы слежения, с которых предполагалось нанесение авиаударов по Ирану. Считается, что именно этим обстоятельством был вызван последний визит премьер-министра Израиля Э. Ольмерта в Москву, а не убеждение России прекратить поставки ракетных

¹ Доклад 31 октября 2008 г. в Анкаре (Турция) на конференции, посвященной новой архитектуре безопасности на Южном Кавказе после событий 08.08.2008.

² Шамс, Мухаммед // «Al-Akhbar», 21 октября 2008 г. // www.centrasia.ru

комплексов С-300 Сирии и Ирану. Сразу же после этих военно-политических акций в Тегеране заявили о возможности «принять» в Иране две российские стратегические базы, причем одну из них на о. Кешм в Персидском заливе. Иран серьезно стал рассматривать свое непосредственное прямое участие в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В контексте этих событий можно рассматривать и вопрос создания газового ОПЕК между Россией, Ираном и Катаром, владеющими 55% его мировых запасов. Все это делается и в ответ на поддержку Вашингтоном Грузии и стремление принять ее вместе с Украиной в НАТО. В связи с кризисом премьер-министр России В. Путин предупредил Запад о возможном прекращении сотрудничества с ним по иранской ядерной программе.

Энергичные действия России в Южной Осетии и Абхазии, а также последовавшее вслед за ними признание новых государств, было довольно сдержанно принято Турцией. Это и понятно. Вокруг Турции давно сложилась так называемая «ось зла» – Ирак, Сирия, Иран. Антиамериканские настроения в Турции были спровоцированы Вашингтоном еще в 1999 г., когда бывший вице-президент Национального Совета по разведке при ЦРУ США Грахам Фуллер в майском номере Washington Post подверг сомнению в числе других государств и жизнеспособность единой Турции. Подозрения Анкары по этому поводу усилились с началом военных действий против Ирака и в связи с поддержкой США создания Курдского государства (на севере Ирака). Таким образом, по периметру границ Турции сложилась взрывоопасная ситуация. События в соседней Грузии, усиление роли России в регионе не могли не затронуть интересы Турции – основного транзитера каспийских энергоресурсов на Запад и одновременно газозависимой от России страны. Как только мирный план Медведева-Саркози был подписан, премьер-министр Турции Т. Эрдоган прибыл в Москву с инициативой о создании «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Некоторые исследователи считают, что турецкая «Платформа» напоминает балканский «Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы» (1999 г., принят после войны в Косове). «Платформа» объединяет Россию, Турцию и южнокавказские страны, но исключает

внерегionalные государства. Судя по всему, Вашингтон был не в курсе этой инициативы Анкары. Недостатком «Платформы» является отсутствие самого древнего регионального игрока на Кавказе – Ирана, который задолго до событий 8 августа заявил, например, о возможном признании независимости Абхазии и Южной Осетии¹. Последние, вместе с Нагорным Карабахом, вообще в ней не упоминаются. Однако без учета проблемы Нагорного Карабаха, куда судя по всему смещается акцент, вообще нельзя говорить о стабильности на Кавказе.

Сама «Платформа», – и по составу ее участников, – напоминает Карсский договор от 13 октября 1921 г., который, между прочим, является бессрочным. В 2004 г. в связи с кризисом в Аджарии посол Турции в Азербайджане напомнил М. Саакашвили, что Турция, как гарант автономии Аджарии, согласно Карсскому договору обладает правом вмешательства в ситуацию при эскалации напряженности. Тогда это заявление вызвало переполох в Тбилиси. В свое время Л. Троцкий предупреждал: «Путь в Баку ведет через Батум – Тифлис. Этот последний пункт является стратегическим фокусом Закавказья»². Августовские события 2008 г. в Грузии могут свидетельствовать о том, что Россия и Турция координировали свои действия. В соответствии со статьями 6, 7, 8 Турция приобрела статус наибольшего экономического благоприятствования в Батумском округе и при участии России стала гарантом Аджарской автономии.

В «Платформе безопасности» ведущую роль играют Турция и Россия, которые тесно сотрудничают в области экономики, энергетики, туризма. Так, товарооборот между ними в 2007 г. составил 27 млрд долл., а в 2008 г. может достигнуть 39 млрд долл. Турция получает 63% газа и 29% нефти из России. Грузия оказалась между этими гигантами и при этом пытается диктовать некие свои условия, пользуясь не только очень выгодным, но и очень опасным правом транзитного транспортного и энергетического коридора. На сегодняшний день четыре государства из пяти готовы обсуждать «Платформу стабильности». Против лишь Грузия – «несостоявшееся государство», распад которого

¹ Ринг, Эдан // Naaretz, 25 февраля 2008.

² Троцкий Л. Соч. Т. 12. С. 241–242.

продолжается и сильно бьет по безопасности целого ряда энергетических проектов. В этом случае есть два пути: либо дезинтеграция бывшей Грузинской ССР продолжится, и она потеряет свои преимущества транзитера, либо в Тбилиси будет более ответственное руководство, не страдающее одновременно «близорукостью» и «дальновзоркостью». Казалось бы, региональная реальность диктует другие подходы. Турция в определенной мере играет свою игру и дистанцировалась от США и Евросоюза. Об этом говорят и тесные контакты между Москвой и Анкарой, которые прилагают усилия для разблокирования Армении, возобновления железнодорожного сообщения Гюмри – Карс, что впоследствии может привести к пересмотру транзитных коридоров на Южном Кавказе. Взаимодействие Москвы и Анкары с Баку и Ереваном, а также потепление отношений, смещение акцентов в их политике, очевидно. Например, визиты президентов Турции и России в Ереван. Так, президент Д. Медведев заявил о готовности рассмотреть в Москве проблему Нагорного Карабаха. В случае объединения усилий, определенного компромисса всех сторон, урегулирование в Нагорном Карабахе откроет новые транспортные и энергетические коридоры между Россией, Азербайджаном, Арменией, Турцией, Ираном...

Некоторые авторы отмечают, что до войны в Южной Осетии Анкара и Баку считали правительство М. Саакашвили гарантом надежности энергетических и транспортных коммуникаций. Однако сейчас они иного мнения и понимают, что контроль необходим за самим Тбилиси, а рычагами обеспечения этого контроля могут стать лояльные Турции и Азербайджану турецкие автономии и диаспоры внутри Грузии. В турецкой прессе (стамбульская «Milliyet») и некоторых ведомствах Азербайджана и Турции заговорили «о гарантиях безопасности тюркского элемента в Грузии», о создании «разноуровневой федерации», как единственной гарантии сохранения территориальной целостности Грузии.

В концепцию «разноуровневой федерации» Грузии вписывается и армяно-населенный район Джавахети (или Джавахк)¹.

¹ Зубков К. Грузию разделят на автономии // «Сегодня», 7 октября 2008.

Однако многие считают, что национальным интересам России отвечает не расчленение Грузии, а смена режима. То, что он изжил себя, понимают не только в Москве и Анкаре, но и во многих странах Запада, растет понимание этого и в США, которые стоят на пороге выборов. В принципе их итог уже известен – Дж. Буш уходит, а вместе с ним, по всей вероятности, уйдет его проект под названием «Саакашвили». Выборы в США и грядущие события 7 ноября в Тбилиси в годовщину избиения и разгона многотысячной манифестации практически совпали по времени. В повестке дня вопрос: кто следующий? Будет ли новый лидер Грузии учитывать интересы такого соседнего государства как Россия? Грузия уже заявила о своем выходе из СНГ, но процедура ее выхода завершится в соответствии со статьями 9-й Устава СНГ лишь 18 августа 2009 г. Напомнил об этом на днях и исполнительный секретарь СНГ Сергей Лебедев, который весьма прозрачно намекнул: «Двери для Грузии остаются открытыми»¹.

Россия и Турция реально продемонстрировали Западу свои возможности в дальнейшей судьбе Грузии. Все это очень напоминает события 1921 г. и отчасти Карсский договор.

Во время августовского кризиса российские силы, в отличие от других регионов Грузии, не подвергали военному воздействию Аджарию, ни ее морские, ни воздушные порты (в Батуми).

В ответ и Турция очень ревниво отнеслась к попыткам США нарушить конвенцию Монтрё 1936 г. по режиму проливов Босфор и Дарданеллы, и не пропустила крупнотоннажные военные суда. Анкаре абсолютно не нужен был «Карибский кризис» в Черном море, где противостояли друг другу ядерные державы.

Перемещение американской флотилии в район Батуми – Поти вызвало ответную реакцию Москвы, корабли которой направились в Карибское море, Персидский залив и Средиземное море, а стратегические ракетноносцы, впервые после распада СССР, приступили к постоянному патрулированию воздушного пространства над Атлантикой, Черным морем и другими регионами мира.

Кавказский сборник. Т. 6 (38). М. 2010. С. 282–285.

¹ См. на сайте Utro.ru.

ЧАСТЬ III

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ С.З. ЛАКОБА

1. Монографии, книги, брошюры

- Лакоба С.З. Боевики Абхазии в революции 1905–1907 годов. – Сухуми: Алашара. 1984. – 85 С.
- Лакоба С.З. Абхазия в годы Первой российской революции. – Тбилиси: Мецниереба. 1985. – 109 С.
- Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-Кале...». Историко-культурные очерки. – Сухуми: Алашара. 1988. – 201 С.
- Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми: Алашара. 1990. – 153 С.
- Лакоба С.З. Абхазия. После двух оккупаций. – Гагра: Ассоциация «Интеллигенция Абхазии». 1994. – 61 С.
- Лакоба С.З. Асланбей. К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия. – Сухум: 1999. – 41 С.
- Лакоба С.З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991–2000 гг.). – Sapporo: Slavic Research Center (SRC), Hokkaido University. 2001. – 110 С.
- Лакоба С.З. Забытое эссе об абхазском языке. (С предисловием Олега Шамба). – Сухум: Абхазский государственный университет. 2003. – 26 С.
- Лакоба С.З. Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Очерки. // Славяно-евразийские исследования. Вып. 2. – Саппоро – Москва. 2004. – 208 С.
- Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-Кале...». Историко-культурные очерки. 2-е изд. – Сухум: Абгосиздат. 2011. – 260 С.

Лакоба С.З. Александр I: Асланбей или Сефербей? (Историко-психологический очерк). – Сухум, 2022. – 24 С.

2. Материалы и сборники документов, составленные и изданные при участии С.З. Лакоба

Материалы по истории Абхазии. Вып. 1. – Сухуми: Алашара. 1990. – 31 С.

Ашхацава Семен. Борьба с меньшевиками и Абхазский Народный Совет. (Абхазия – Грузия. 1918–1921 гг.) // Единение. 1991 (февраль). № 2 (011). С. 3.

Тарнава Михаил. Воспоминания о революционном движении в Абхазии за 1917–1921 годы. (Вводное слово, текст и примечания подготовил к печати С.З. Лакоба). // Журн.: Литературная Абхазия. 1991. № 1. С. 194–212.

Из воспоминаний лидеров Грузинской республики (Абхазия – Грузия: 1918–1921 гг.) // Единение. 1991 (сентябрь). № 9 (018). С. 6.

Столетняя война Грузии против Абхазии. – Гагра: Ассоциация «Интеллигенция Абхазии». 1993. – 22 С.

Тайна «Зеленой папки». – Сухум: Приложение к газете «Республика Абхазии». 1996. – 11 С.

Абхазский архив. XX век. Вып. 1. / Составители: С.З. Лакоба, Ю.Д. Анчабадзе. – Москва: 2002, 2003. – 179 С.

Тарнава Людмила. Абхазский дневник. Вып. 1. (Расшифровка текста, подготовка к изданию Е.В. Маргания, С.З. Лакоба). – Сухум. 2008. – 292 С.

Кубрава Амиран. Дорога к сраму. // Абхазский дневник. XX век. Вып. 2. – Сухум. 2010. – 532 С.

Большой террор в Абхазии (Абхазская АССР): 1937–1938 гг. Том 2. – Совет Европы. 2017. – 347 С.

Дочь за отца... отвечает! (Тайна семейного архива Анатолия Вардания и Вероники фон Белински). / Сост.: С.З. Лакоба, А.Я. Дбар. – Сухум. 2018. – 61 С.

АбНО и его разгром (1922–1931 гг.). / Сост.: С.З. Лакоба, А.Я. Дбар. – Сухум: Дом печати. 2021. – 296 С.

А.А. Демьянов. Записки об Абхазии и Грузии (1918–1922 гг.) / Сост. С.З. Лакоба. – Сухум: Дом печати. 2021. – 184 С.

Е.Б. Рафальская. Из окна вагона. Воспоминания. / Сост.: С.З. Лакоба. – Сухум: 2021. – 188 С.

3. Учебные пособия

История Абхазии. Учебное пособие. / Под ред. С.З. Лакоба. – Сухум: Алашара. 1991. – 415 С.

История Абхазии. Учебное пособие. / Под ред. С.З. Лакоба. 2-е изд. – Гудаута: Алашара. 1993. – 414 С.

О.Х. Бгажба, С.З. Лакоба. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Учебник для 10–11 классов. – Сухум: Министерство образования. 2006. – 424 С.

О.Х. Бгажба, С.З. Лакоба. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум. 2007. – 392 С.

О.Х. Бгажба, С.З. Лакоба. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Учебник для 10–11 классов. 2-е изд., дополненное и переработанное. – Сухум: Министерство образования и науки РА. 2015. – 464 С.

Abhazya Tarihi /История Абхазии / Под ред. С.З. Лакоба. – Istanbul. 2014. – 392 С. (на турецком языке).

4. Статьи в энциклопедических изданиях.

The Abkhazians: A handbook / Ed. by G. Hewitt. – London: Curzon Press. 1999. – 288 P. (St. Lakoba: История Абхазии. XVIII в. – 1989 г.: P. 67–101).

Абхазы / Под ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун: Институт этнологии и антропологии РАН. – М.: Наука. 2012. – 547 С. / См. раздел: С.З. Лакоба. Абхазия в XIX – начале XX в.: С. 73–88.

5. Отдельные выступления, лекции (съезды, конференции, симпозиумы, круглые столы)

Лакоба С.З. Между двух империй. Выступление на II съезде Ассамблеи горских народов Кавказа (АГНК) в Нальчике 13 октября 1990. // Газ.: Единение. 1991. № 1 (010). С. 5,6.

Лакоба С.З. О Кавказской конфедерации. Выступление на III съезде АГНК в Сухуме 1 ноября 1991. // Газ.: Абхазия. Дневник съезда. 1991 (декабрь). № 51.

Лакоба С.З. Абхазия – это Абхазия. (Выступление в Лондонском университете в апреле 1993 г. на конференции «Современный Северный Кавказ»). // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1993. 16 июля. С.7; Central Asian Survey. 1995. 14(1). Р. 97–105; Юридическая газета (г. Сухум). 1996. № 2.

Лакоба С.З. Совместная с Ю.Н. Вороновым лекция по истории Абхазии в Оксфордском университете (Колледж Св. Антония). Апрель 1993 г.

Лакоба С.З. В качестве приглашенного профессора Университета Хоккайдо выступил с лекцией об истории грузино-абхазских отношений в университете «Хосэй» (Токио) при участии профессоров К. Мацузато, С. Китагава и др. Октябрь 2000 г.

Лакоба С.З. Итоги войны: Абхазия в условиях передела мира. Выступление на Республиканской конференции, посвященной 9-летию Победы народа Абхазии. // Сборник материалов. Сухум. 2002. С. 47–53.

Лакоба С.З. Духовная империя Искандера. (Выступление на торжественном вечере в Абхазском госдрамтеатре 18 июня 2002 г., посвященном Ф.А. Искандеру). // Республика Абхазия. 2002. 25–26 июня. № 70.

Лакоба С.З. Роль внешнего фактора и грузинского ресурса в урегулировании конфликтов с самоопределившимися государствами. (Выступление на международной научно-практической конференции в Сочи: 23–24 марта 2006 г.) // В сб.: Модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе. – Москва. 2006. С. 154–160.

Лакоба С.З. Российско-турецкое взаимодействие в контексте Карсского договора 1921 года? (Выступление в Анкаре 31 октября 2008 г. на международной конференции, посвященной новой архитектуре безопасности на Южном Кавказе после событий 08.08.2008). // Кавказский сборник. – Москва. 2010. Т. 6(38). С. 282–285.

Лакоба С.З. Абхазия, ее лидеры и некоторые особенности социального эксперимента (20–30-е гг. XX в.). / Выступление

в Абхазском госмузее на круглом столе «Абхазия: трудный путь возрождения». (К 125-летию Н. Лакоба и Е. Эшба). Сухум. 2018. 27 марта. // Республика Абхазия. 2021. 25–26 августа. № 74–75. С. 4, 5.

6. Публикации полемического характера (1989–1992 гг.)

Лакоба С.З. Кто же такие абхазы? // Советская Абхазия. 1989. 8 июля. № 131 (в соавторстве с С.М. Шамба).

Лакоба С.З. Ключ к решению проблемы? По поводу одного выступления. // Газ.: Единение (Аидгылара). 1989. 25 октября. № 1. С. 7.

Лакоба С.З. Я. Гогешвили в «свете» Камиллы Коринтэли? // Советская Абхазия. 1989. 29 ноября.

Лакоба С.З. Еще раз о документах и фактах. // Советская Абхазия. 1990. 14 августа.

Лакоба С.З. Горская республика: вчера – завтра. // Газ.: Кавказ (Сухум). 1990. 1 октября. № 1. С. 1, 2.

Лакоба С.З. «...Не может вмешиваться в нашу жизнь». (Абхазия – Грузия: 1918–1921) // Единение (Аидгылара). 1991: май. № 5 (014). С. 1, 4, 5, 8.

Лакоба С.З. Автономия Абхазского княжества: миф и реальность. // Единение (Аидгылара). 1991. 19 мая. № 21. С. 3,4.

Лакоба С.З. И это все история... (Абхазия – Грузия: 1918–1921). // Газ.: Абхазия. 1991. 11 июня. № 23. С. 3.

Лакоба С.З. «И не земля здешняя нам нужна». (Абхазия – Грузия: 1918–1921). // Единение. 1991. № 3 (012).

Лакоба С.З. Полемика с грузинскими историками. // Газ.: Абхазия. 1991. 19 мая – 18 июня. №№ 21–24.

Лакоба С.З. «Народ его не видел и видеть не хотел...». (К политическому портрету Арзакана Эмухвари). // Газ.: Абхазия. 1991. 6 августа. № 31.

Лакоба С.З. «Я – за историческую правду». // Единение. 1991: декабрь. № 12 (031). С. 5.

Лакоба С.З. Мы живем между прошлым и будущим. // Республика Абхазия. 1991. 21 сентября.

Лакоба С.З. Осенний эскиз будущего. // Республика Абхазия. 1991. 5 октября.

Лакоба С.З. Восток и Запад: между молотом и наковальней. // Республика Абхазия. 1992. 29 февраля.

Лакоба С.З. Ответ на «Заметки русского человека». // Республика Абхазия. 1992. 26 марта.

Лакоба С.З. Эхо истории. (Об абхазской государственности). // Республика Абхазия. 1992. 4 апреля. № 35.

Лакоба С.З. По поводу «докладной записки»... // Республика Абхазия. 1992. 22 мая.

Лакоба С.З. 24 июня: взгляд на события. // Газ.: Абхазия. 1992. 27 июня.

Лакоба С.З. Час «Х». // Газ.: XXI век. 1992: июль. [Статья написана 22 июня 1992 г. и заканчивалась фразой: «Доживем до августа...»].

7. Статьи, очерки, эссе, заметки

Лакоба С.З. Раскопки в Герзеульской крепости. // Археологические открытия 1976 года. – М.: Наука. 1977. С. 463–464 (в соавторстве с О.Х. Бгажба, Ю.Н. Вороновым).

Лакоба С.З. Разведки Причерноморской экспедиции. // Археологические открытия 1976 года. – М.: Наука. 1977 (в соавторстве с В.В. Бжания, Ю.Г. Аргун, Е.К. Аджинджал, М.В. Барамидзе).

Лакоба С.З. Палеолитические стоянки Алгыт и Берджента. // Материалы по археологии Абхазии. – Тбилиси: Мецниереба. 1979. С. 5–8.

Лакоба С.З. Бодхисаттва-Хлебников и Восток. // Сборник работ молодых ученых и специалистов Абхазии. – Сухуми. 1980. С. 75–95.

Лакоба С.З. Сухумский Народный суд в 1905 году. // Труды Абхазского госмузея. Выпуск.5. – Сухуми. 1980. С. 32–38.

Лакоба С.З. Ночь и глаза дождя... (Эссе о художнике В.Д. Бубновой). // Литературная Грузия. 1980. № 2. С. 123–128.

Лакоба С.З. О Блоке. // Литературная Грузия. 1980. № 11. С. 170–180.

Лакоба С.З. «Фореггер – существо фантастическое». // Апсны аказара (Искусство Абхазии). 1981. № 5. С. 14–16 (на абх. яз.).

Лакоба С.З. Поэт и археолог. (О Викторе Стражеве). // Сб.: Эрцаху. – Сухуми. 1981. С. 190–217.

Лакоба С.З. О революционном суде в Сухуме в 1905 году. // Известия АБИЯЛИ. – Тбилиси. 1981. Т. 10. С. 21–25.

Лакоба С.З. Ночь и глаза дождя... (О В.Д. Бубновой). // Советская литература. М. – Токио. 1981. № 75. С. 167–173 (на япон. яз.).

Лакоба С.З. Революционные выступления воинских частей в Абхазии в 1905 году и влияние на них броненосца «Потемкин». // Известия АН ГССР «Мацне». 1982. № 2. С. 74–82.

Лакоба С.З. Из истории развития капитализма в Абхазии. // «Известия» АБИЯЛИ. – Тбилиси. 1983. Т. 12. С. 41–44.

Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-Кале...». (О поэте Василии Каменском). // Литературная Грузия. 1983. № 2. С. 145–161.

Лакоба С.З. «Абхазия была его работой». (К 90-летию Н. Лакоба). // Литературная Грузия. 1983. № 7. С. 212–216.

Лакоба С.З. «Я слышу гул твоей земли». (Поэт С. Городецкий о Грузии). // Литературная Грузия. 1983. № 8. С. 218–222.

Лакоба С.З. Платон Эмхаа – глава «Самурзаканской республики». // Жур.: Алашара. 1984. № 1. С. 80–89 (на абх. яз.).

Лакоба С.З. В далеком 1905-м... // Литературная Грузия. 1984. № 2. С. 182–189.

Лакоба С.З. Боевики Абхазии в 1906 году и «экс» на пароходе «Цесаревич Георгий». // «Известия» АБИЯЛИ. – Тбилиси. 1984. № 13. С. 21–30.

Лакоба С.З. Новые источники по истории революционного движения 1905–1907 годов в Абхазии. // Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии в Батуми 17–19 октября 1985 г. – Тбилиси: Мецниереба. 1985. С. 62–63.

Лакоба С.З. Манифест 17 октября и события в Абхазии. // Алашара. 1985. № 12. С. 104–109 (на абх. яз.).

Лакоба С.З. Отражения в маленьком зеркале. (О И. Бабеле в Абхазии). // Литературная Грузия. 1986. № 5. С. 201–209.

- Лакоба С.З. Абхазы в российской политической ссылке. // Алашара. 1987. № 9. С. 110–121 (на абх. яз.).
- Лакоба С.З. В чем провинился учитель? // Народное образование (Сахалхо ганатлеба). Тбилиси. 1990. 17 июня. № 24.
- Lakoba S.Z. On the political problems of the Abkhazia. // Central Asia and Caucasus chronicle. 1990. Vol. 9. № 1. P. 16–18.
- Лакоба С.З. Абхазия – это Абхазия. (Выступление в апреле 1993 г. в Лондонском университете на конференции «Современный Северный Кавказ»): Abkhazia is Abkhazia // Central Asian Survey. 1995. 14(1). P. 97–105.
- Лакоба С.З. Абхазия: вчера, сегодня и... (Выступление в Лондонском университете в апреле 1993 г.). // Новое русское слово: Нью-Йорк. 1993. 16 июля. С. 7.
- Лакоба С.З. К вопросу о Кавказской Конфедерации. Абхазия и Грузия: вместе или врозь? // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М.: Весь мир. 1998. С. 154–164.
- Лакоба С.З. Полемика с грузинскими учеными по Самурзакани, опубликованная в Японии. // Китагава Сеити. Дебаты по статистике исторической демографии Абхазии. Издание Об-ва современной Центральной Азии. (Под ред. Иосихиро Кимура). Сэндай. 1999. С. 93–126 (на япон. яз.).
- Лакоба С.З. Сны Кавказа. // Дружба народов. 2000. № 12.
- Лакоба С.З. Сны Кавказа. // В сб.: Защита будущего. Кавказ в поисках мира. (Под ред. Фраймута Думе и Хайди Тальявини). Вена – Москва. 2000. С. 174–178.
- Лакоба С.З. Грузино-абхазские отношения в контексте Российской политики на Кавказе. // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Ирвайн. 2000. С. 104–115.
- Лакоба С.З. Абхазский князь на Российском престоле? // Нужная газета. 2000. 23 января. № 3.
- Лакоба С.З. Хлебников и Азия. // Русская литература на пороге нового века. Под ред. Тэцуо Мотидзуки. – Sapporo: SRC, Hokkaido University. 2001. С. 271–281.
- Лакоба С.З. Внешнеполитические контакты Горской республики со странами Четверного Союза в июле 1918 года (по материалам Венского архива). // Абхазоведение: История. Археология. Этнология. Вып. 1. – Сухум: Алашара. 2000. С. 125–132.
- Лакоба С.З. Арсен Хашба – в документах сталинских спецслужб. // Абхазоведение: История. Археология. Этнология. Вып. 1. – Сухум: Алашара. 2000. С. 133–139.
- Лакоба С.З. Последний владетель Абхазии в политической ссылке и соглашение 1844 года. // Выступление на итоговой конференции АБИГИ: апрель 2013. Опубликовано на сайте: apsnypress.info
- Лакоба С.З. Виктор Стражев: русский поэт, педагог и археолог в Абхазии. Очерк. // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. / Отв. ред.: А.Ю. Скаков. Т. 1. Абхазия. – М.: Институт Востоковедения РАН. 2013. С. 141–171.
- Лакоба С.З. [см. статьи в сборнике документов и материалов за 1989–1992 гг.] // Страницы грузино-абхазской информационной войны / Сост. Ачугба Т.А., Ачугба Д.Т. – Сухум. 2015. Т. 1, 2.
- Лакоба С.З. Сюрпризы древнего городища. // Советская Абхазия. 1976. 2 октября.
- Лакоба С.З. У родника мужественных людей. // Советская Абхазия. 1976. 13 ноября. № 224.
- Лакоба С.З. Жемчужина древней архитектуры. // Сов. Абхазия. 1976. 10 декабря. № 242.
- Лакоба С.З. Выставка работ В.Д. Бубновой в Москве и Ленинграде. // Сов. Абхазия. 1976. 20 декабря. № 250.
- Лакоба С.З. Следы далеких и близких веков. // Сов. Абхазия. 1977. 20 января. № 14.
- Лакоба С.З. Творческая встреча. // Сов. Абхазия. 1977. 1 марта. № 42.
- Лакоба С.З. Живопись молодых. // Сов. Абхазия. 1977. 21 июля. № 140.
- Лакоба С.З. Ученый, читатель и храм. // Сов. Абхазия. 1977. 19 октября. № 203.
- Лакоба С.З. Матросовец на родине матросовца. // Сов. Абхазия. 1977. 20 октября. № 204.
- Лакоба С.З. Песня, летящая дальше птицы. // Сов. Абхазия. 1977. 15 ноября. № 221.
- Лакоба С.З. Папоротник свой надо любить. // Сов. Абхазия. 1978. 1 января. № 1.

Лакоба С.З. Трем смертям назло. // Сов. Абхазия. 1978. 9 мая. № 91.

Лакоба С.З. Музыка красок и линий. // Сов. Абхазия. 1978. 18 мая. № 96.

Лакоба С.З. Чувство времени. // Сов. Абхазия. 1978. 31 мая. № 104.

Лакоба С.З. «Я буду жив». // Сов. Абхазия. 1978. 22 июня. № 119.

Лакоба С.З. Песня Келасурского озера. // Сов. Абхазия. 1978. 18 июля. № 136.

Лакоба С.З. Генеральная репетиция. // Сов. Абхазия. 1980. 10 января. № 7.

Лакоба С.З. Поэт, ученый, педагог. (О В.И. Стражеве). // Сов. Абхазия. 1980. 30 января. № 21.

Лакоба С.З. Ночь и глаза дождя... (Эссе о художнике В.Д. Бубновой). // Лит. Грузия. 1980. № 2. С. 123–128; В сб.: Русские в Абхазии. – Сухум. 2011. С. 344 – 351.

Лакоба С.З. От Сухуми до Байконура. (О И.В. Стражевой и академике М.К. Янгеле). // Сов. Абхазия. 1980. 18 марта. № 55 (в соавторстве с А.Т. Вартанян).

Лакоба С.З. Сердцу дорогое имя. (О В. Стражеве и А. Блоке). // Сов. Абхазия. 1980. 11 сентября. № 176.

Лакоба С.З. Археологическая биография села. (О памятниках с. Герзеул). // Сов. Абхазия. 1980. 9 октября.

Лакоба С.З. Язык древних хаттов. (О лекции Вяч. Вс. Иванова в Сухуме). // Сов. Абхазия. 1980. 12 ноября. № 217.

Лакоба С.З. Абхазия тридцатых – глазами поэта. (О Надежде и Осипе Мандельштам). // Сов. Абхазия. 1981. 9 января. № 6.

Лакоба С.З. Первый полет над Сухумом. (О полете племянника Л.Н. Толстого летчика Михаила Кузминского). // Сов. Абхазия. 1981. 17 января. № 12.

Лакоба С.З. «Цветет, растет Страна Души». (О Василии Каменском). // Сов. Абхазия. 1981. 11 февраля. № 29.

Лакоба С.З. Увлеченность – на всю жизнь. (О ботанике А. Колаковском). // Сов. Абхазия. 1981. 20 февраля.

Лакоба С.З. Автомобилизм начала века. // Сов. Абхазия. 1981. 21 февраля. № 37.

Лакоба С.З. «Небо Абхазии синее любого синего цвета». (В. Шершеневич и А. Белый). // Сов. Абхазия. 1981. 18 августа. № 156.

Лакоба С.З. Поэзией, пронизанные строки. (Интервью с Ф. Искандером). // Сов. Абхазия. 1981. 3 сентября. № 170.

Лакоба С.З. «От подножия гор Абхазии». (О Викторе Шишкове). // Сов. Абхазия. 1981. 10 октября. № 195.

Лакоба С.З. «Чтобы в горах не было тихо – шумят водопады». (О поэте Лёве Смыр). // Сов. Абхазия. 1982. 11 февраля. № 29.

Лакоба С.З. Легендарное начало века. (Об «эксе» на пароходе «Цесаревич Георгий» в 1906 г. и участии Сталина). // Сов. Абхазия. 1982. 28 июля. № 145.

Лакоба С.З. Рассказала картина. (О художнике А.К. Шервашидзе-Чачба и семье Томара). // Сов. Абхазия. 1982. 8 ноября.

Лакоба С.З. Долгая жизнь искусства. (О А.К. Шервашидзе-Чачба). // Сов. Абхазия. 1982. 24 декабря. № 245.

Лакоба С.З. Рассказали архивные документы. (О Х. Кяхба). // Сов. Абхазия. 1983. 1 января. № 1.

Лакоба С.З. Лаборатория народной мудрости. (О музее долгожителей). // Сов. Абхазия. 1983. 5 января. № 3.

Лакоба С.З. По страницам старых газет. // Сов. Абхазия. 1983. 15 января. № 11.

Лакоба С.З. «Я приезжаю сюда и тотчас же молодею». (О художнике В. Верещагине). // Сов. Абхазия. 1983. 12 марта.

Лакоба С.З. «С душою – о Стране Души». (О книге Инны Квициния «Абхазия в русской литературе» с предисловием Е.Евтушенко). // Сов. Абхазия. 1983. 18 февраля. № 35.

Лакоба С.З. Глава «Самурзаканской республики». // Сов. Абхазия. 1983. 19 октября. № 200.

Лакоба С.З. Новое о броненосце «Потемкин». // Сов. Абхазия. 1980. 20 февраля. № 35.

Лакоба С.З. Корабль революции. Новые штрихи к биографии броненосца «Потемкин». // Газ.: Труд. 1985. 22 января. № 18.

Лакоба С.З. Отражения в маленьком зеркале... Читая очерки И. Бабеля об Абхазии. // Сов. Абхазия. 1985. 31 июля. № 147.

Лакоба С.З. Волшебная кисть художника. (Японовед И.П. Кожевникова о творчестве В.Д. Бубновой). // Сов. Абхазия. 1985. 29 августа. № 167.

Лакоба С.З. В тюрьме, на каторге и в ссылке... // Сов. Абхазия. 1986. 23 октября. № 204.

Лакоба С.З. «Я – Коба, а ты – Лакоба». // Газ.: Ленинградский рабочий. 1988. 27 октября, 3 и 10 ноября.

Лакоба С.З. Смерть Ленина: Нестор между Сталиным и Троцким. // Сов. Абхазия. 1990. 24 января.

Лакоба С.З. Такие бывают нити. (О М.Л. Томара). // Сухумский вестник. 1990: январь. № 1.

Лакоба С.З. «Дудаев был недоволен Ардзинбой за его про-российскую позицию». (Беседу вел Владилен Чертинов). // Газ.: Смена (СПб.). 1995. 14 февраля. № 34. С. 3.

Лакоба С.З., Шамба С.М. Народный форум Абхазии и его цели // Абхазский узел: Документы и материалы по этническому конфликту в Абхазии / Под ред. М.Ю. Чумалова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. 1995. С. 9–16.

Лакоба С.З. Куда деваться Абхазии? // Газ.: Смена (СПб.). 1996. 24 февраля.

Лакоба С.З. Grimасы писателя в зеркале истории. // Республика Абхазия. 1996. 31 октября – 2 ноября. № 109.

Лакоба С.З. Записки «ближнего иностранца». // Нужная газета. 1998. 1 апреля. № 14.

Лакоба С.З. А в Абхазии все по Бабелю. Записки ближнего иностранца. // Общая газета (Москва). 1998. 23–29 апреля. № 16.

Лакоба С.З. Ранним утром в Гагре. (О принце А.П. Ольденбургском). // Газ.: Нужная. 1999. 27 декабря. № 63. С. 3.

Лакоба С.З. Японский рельеф. // Slavic Research Center News: Hokkaido University. № 8. Sapporo. December 2000.

Лакоба С.З. Абхазия в условиях передела мира. // Выступление 29 января 2004 г. на зимнем международном симпозиуме «Возникновение мезозон в бывших социалистических странах: возрождение истории или импровизация». – Sapporo: SRC, Hokkaido University. 2004. 28–31 января.

Лакоба С.З. Взгляд из Японии: войдет ли в Красную книгу «роза» Грузии?.. // Республика Абхазия. 2004. 4–5 марта. № 24. С. 2.

Лакоба С.З. Взгляд из Китая: Абхазия и Грузия – в огне политической географии. // Республика Абхазия. 2004. 3–4 апреля. № 36. С. 2, 5. [Начало].

Лакоба С.З. Взгляд из Китая: Абхазия и Грузия – в огне политической географии. // Республика Абхазия. 2004. 6–7 апреля. № 37. С. 2, 3. [Окончание].

Лакоба С.З. «Абхазия – красная черта для России». Интервью. // Агентство политических новостей (АПН). 2005. 26 августа.

Лакоба С.З. Затулинизм. // Газ.: Нужная. 2010. 26 октября. № 41. С. 2.

Лакоба С.З. История без политики, или политики без истории? // Газ.: Нужная. 2010. 9 ноября. № 43. С. 2.

Лакоба С.З. Второй блин, и опять комом... (По поводу новых заметок в «Единой Абхазии»). // Газ.: Нужная. 2010. 30 ноября. № 46. С. 2, 3.

Лакоба С.З. Абхазия и абхазы // Абхазия – страна души. Т. 1. Нальчик. 2011. С. 8–14 (в соавторстве с О.Х. Бгажба).

Лакоба С.З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992–1993 гг.). // Выступление на конференции АБИГИ к 20-летию начала войны. Сухум. 2012. [Опубликовано на сайтах Апсныпресс и МИДа Республики Абхазия].

Лакоба С.З. Он пришел, чтобы остаться в будущем // Честь дороже жизни: Книга жизни генерала Сосналиева / Сост. Г. Аламиа. Сухум, 2012. С. 180–183.

Лакоба С.З. Об исследовании немецких ученых и некоторых аспектах политической истории Абхазии 20–30-х гг. XX века. // Вестник Академии наук Абхазии: серия гуманитарных наук. – Сухум. 2017. № 7. С. 160–175; Грузия в пути. Тени сталинизма. // Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Д. Мюллер. – М.: АИРО – XXI. 2017. С. 259–278.

Лакоба С.З. Август Мартин и эстонские материалы о событиях в Абхазии (1917–1921 гг.). // Диалог времен. Альманах. – Сухум. 2018. № 2. С. 168–178.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
-----------------	---

ЧАСТЬ I

Виктор Стражев: поэт и археолог	5
АБНО: от Фальборка до Барача	38
Духовная империя Искандера	55
Ночь и глаза дождя	59
Хлебников и Азия	68
Японский рельеф	83
Сны Кавказа	87

ЧАСТЬ II

Асланбей	91
Александр I: Асланбей или Сефербей?	123
Столетняя война Грузии против Абхазии	139
Последний владетель Абхазии в политической ссылке и соглашение 1844 года	158
Абхазский князь на российском престоле?	175
Ответ историкам из Тбилиси	179
Август Мартин и эстонские материалы о событиях в Абхазии (1917–1921 гг.)	263
Абхазия, ее лидеры и некоторые особенности социального эксперимента (20–30-е гг. XX в.)	278
Тайна «Зеленой папки»	286
Об исследовании немецких ученых и некоторых аспектах политической истории Абхазии 20–30-х гг. XX века	300
В чем провинился учитель?	320
Восток и запад: между молотом и наковальней	334
Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992–1993 гг.)	342
Абхазия – это Абхазия	355
Абхазия в условиях передела мира	368
Российско-турецкое взаимодействие в контексте Карсского договора 1921 года?	392

ЧАСТЬ III

Библиография работ С.З. Лакоба.....	397
1. Монографии, книги, брошюры.....	397
2. Материалы и сборники документов, составленные и изданные при участии С.З. Лакоба.....	398
3. Учебные пособия.....	399
4. Статьи в энциклопедических изданиях.....	399
5. Отдельные выступления, лекции (съезды, конференции, симпозиумы, круглые столы).....	399
6. Публикации полемического характера (1989–1992 гг.).....	401
7. Статьи, очерки, эссе, заметки	402

С.З. Лакоба

•

ИЗ ВЕКА В ВЕК
Историко-культурные очерки

Для заметок

Компьютерный набор: А.Я. Дбар
Компьютерная верстка: Н.Г. Гунба
Техническая редакция: Н.Г. Гунба
Художник: А.З. Лабахуа

Формат 60x90 1/16. Тираж 300. Физ. печ. л. 26. Заказ № 48.

 Республика Абхазия.
РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.

Для заметок